

Кинороман

ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ, ЭМИЛЬ БРАГИНСКИЙ

ВОКЗАЛ ДЛЯ ДВОИХ

Э. В. БРАГИНСКИЙ,
Э. А. РЯЗАНОВ

Вокзал для двоих

Киноповести

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДРОФА»
1993

ББК 85.374(2)
Б87

Брагинский Э., Рязанов Э.
Б87 Вокзал для двоих: Киноповести. — М.: Дрофа —
ТОО «Лирус», 1993. -416 с.

Умение соединить смешное и грустное, достигать средствами комедии серьезного, глубинного постижения жизни, органически присущее творчеству Эмиля Брагинского и Эльдара Рязанова. Манера записи всех сценариев, которую можно назвать проничной прозой, делает их самостоятельными литературными произведениями.

Б 4702010203—123 Без объявл.
ИБ2(03)—93

ББК 85.374(2)

ISBN 5-7107-0165-3

© ТОО «Лирус». 1993
© Худож. оформление.
Издательство «Дрофа»,
1993.

Э. БРАГИНСКИЙ, Э. РЯЗАНОВ

Вокзал для двоих

ТРАГИКОМЕДИЯ

Пусть не пугается читатель, обнаружив, что действие нашего фильма начинается в месте не совсем приятном, а именно в колонии для уголовных преступников. Никто не знает своего будущего. Недаром народная мудрость гласит: «От сумы и тюрьмы не зарекайся!»

Был зимний метельный вечер.

Прожектор высвечивал огромную утрамбованную площадку, на которой проходила вечерняя проверка тех, кого перевоспитывали, — попросту говоря, заключенных. Дежурные офицеры шли вдоль строя, поштучно пересчитывая узников. Потом каждый из дежурных подходил к старшему офицеру и докладывал:

— Вечерняя проверка произведена! Лиц, незаконно отсутствующих, нет.

— Разведите по общежитиям! — скомандовал старший офицер.

— Есть развести по общежитиям! — как эхо отозвались начальники отрядов.

— Рябинин, оставайтесь! — приказал старший, а один из офицеров тотчас повторил:

— Рябинин, оставайтесь!

Заключенные строем направились к баракам, а на плацу задержалась лишь одинокая фигура. Она съежилась, как бы ожидая неприятностей.

Надо заметить, что люди делятся на тех, кто сторожит, и тех, кого сторожат. Герой нашего повествования Платон Сергеевич Рябинин принадлежал, к сожалению, ко второй категории человечества. Хотя, правда, он вовсе не походил на преступника. Это был мягкий, застенчивый человек лет сорока. По его простодушному, доверчивому лицу было понятно, что он не способен на неблагоприятные поступки. Такой ни карьеры не сделает, ни Уголовный кодекс не нарушит.

— Рябинин, подойдите! — подозвал старший офицер.

И когда Платон, выполняя приказание, подбежал, начальник сообщил ему:

— Хочу вас обрадовать — к вам приехала жена!

Но заключенный вовсе не обрадовался.

— Зачем?

— Просит свидания!..

— Я ее не звал! — вырвалось у Платона. — Я не хочу свидания!

— Да вы что? — поразился офицер. — Она к вам семь тысяч километров на поезде отмахала, да два часа на самолете летела, да еще сутки в грузовике тряслась.

— Ну и пусть! Я не пойду! — Арестант позволил себе немного взбунтоваться.

— Да ради вас... я... — возмутился начальник. — У нее не оказалось необходимых документов. Я просто не мог отказать. Она так просила...

— Как — просила? Она? Не понимаю... — невесело произнес Платон.

— Это вы с ней выясните! Держите пропуск! Поидете без конвоя! Я вам доверяю!..

— Куда я пойду? — Голос Платона звучал жалобно.

— Она тут комнату сняла, в деревне. Вот адрес записан. И чтобы совместить приятное с полезным, зайдете в мастерскую, к Ивану Герасимовичу, и возьмете из ремонта аккордеон! Вы музыкант — проверьте, как починили!

— Слушаюсь! — понуро согласился Платон. Он мог отказаться идти к жене, но отказаться идти за аккордеоном он не имел права.

— Как Коля мой? Успехи делает? — вдруг спросил офицер.

— Мальчик способный. Его бы хорошо в музыкальную школу определить.

— Вот отбуду здесь вместе с вами, — пошутил офицер, — и переведусь в нормальный город, где есть музыкальная школа. — Он снова стал строгим и официальным. — Учтите, Рябинин: пропуск — до утренней проверки. Ровно в восемь — быть в строю. Опоздание приравнивается к побегу. Идите!

Потом на вахте — на воле это место называется бюро пропусков — охранник придирчиво обыскивал Рябинина.

— До деревни-то хоть близко? — спросил Платон.

— Недалеко, — охранник изучал валенки, тряся ими в поисках запрещенного. — Километров девять-десять. И не вздумай пронести спиртное, ножичек, деньги. Все равно найду.

— Ученый уже, — пробурчал Платон, надевая валенки.

— Значит, так, — жестко сказал охранник и отодвинул тяжелый засов, — пропуск у тебя до восьми утра. Будь как штык! Опоздаешь — это побег. Припаяют новый срок! Пошел!

Дверь отворилась, и Платон очутился на воле, где он уже давно не был.

Колония, обнесенная, как и положено, высоким глухим забором со сторожевыми вышками, находилась в чистом поле. Вокруг нее не было никаких строений. От ворот уходила в жизнь накатанная дорога, вдоль которой сиротливо тянулись столбы с проводами.

Платон побрел по дороге навстречу поземке. Пройдя несколько шагов, остановился, постоял. Затем решительно зашел в обратную дверь вахты.

Охранник приоткрыл окошко.

— Ты чего забыл?

— Пустите меня обратно!

— Ты поручение выполнил?

— Какое? — не понял Платон.

— Аккордеон принес?

— Меня не за этим, меня к жене отпустили.

— Про жену в пропуске ничего не написано! — и охранник захлопнул окошко.

Платону не оставалось ничего другого, как зашагать в темноту и мороз. Но сначала он отстегнул от ватника зеленую бирку со своей фамилией, чтобы хоть ненадолго почувствовать себя свободным, и спрятал ее в карман.

Платон шел и шел по заснеженной, пустынной дороге и вспоминал... Идти было далеко и холодно, но воспоминание было длинное, и оно согревало Платона...

...В тот летний день, к которому обратилась сейчас память Платона, он ехал среди многих пассажиров в скором поезде Москва — Алма-Ата. Экспресс медленно подползал к перрону большого города, который назывался Заступинск.

Вместе с выспавшимися на платформу пассажирами Рябинин, элегантный, стройный, в отлично сшитом костюме, с «дипломатом» в руке, зашагал по перрону незнакомого города навстречу судьбе, которая поджидала его в привокзальном ресторане.

Нашествие пассажиров, которые надеются во время короткой стоянки поезда пообедать, если вдуматься, — несчастье для ресторана. Орда оголодавших путешественников, как саранча, набрасывается на комплексные обеды, не заказывает ничего порционного и ничего спиртного и тем самым не помогает выполнению плана. Кроме того, некоторые ловкачи норовят улизнуть, не заплатив, зная, что никто из официантов поезда не догонит.

Но наш родной ресторан голыми руками не возьмешь. Обороняясь, он кормит пассажиров так... как бы поприличней выразиться... точно рассчитав, что неизбежный отход поезда помешает клиенту накатать жалобу.

На двух длинных столах выстроились одинаковые алюминиевые кастрюльки со стационарным борщом, а рядом, дожидаясь конца своей короткой жизни, стыли унылые серые котлеты.

Платон Сергеевич тоже вошел в ресторан, отыскал свободное место, приоткрыл крышку кастрюли, поглядел на котлету, но всего этого есть не стал. Пассажиры вокруг жевали и чавкали и все время теребили официантку Веру, худенькую женщину, которой было за тридцать. На ее милом, но уже потрепанном жизнью лице сверкали отважные глазища.

— Добрый день, товарищ! Приятного аппетита! — профессионально сказала Вера.

— Девушка, можно вас?

— Девушка, подойдите, пожалуйста, — это был Платон.

— Девушка, можно бутылочку минеральной воды?

— Минеральной воды нет! — как автомат, ответила Вера.

— Девушка, можно вас на минутку... — Платон сделал еще одну попытку.

— Салатик бы овощной, — сказал один из едоков.

— Салатик к комплексному обеду не полагается, — казенным голосом произнесла Вера.

— Девушка, принесите мне что-нибудь диетическое, — голодный Платон прорвался еще раз.

— Вы откуда свалились? — искренне изумилась Вера.

— С поезда! — и Платон указал на окно.

— У вас язва, что ли? — спросила Вера и сказала кому-то: — Рубль двадцать, и, пожалуйста, без сдачи!.. Спасибо...

— Да, — кивнул Платон, — у меня появилась язва при виде вашей еды!

— Девушка, бутылочку пива можно?

— Пива у нас не бывает никогда, — мгновенно среагировала Вера.

— Пока я закажу вам что-нибудь «съедобное»... — на ходу объясняла Вера Платону, — возьмите сдачу, спасибо... пока это сготовят, ваш поезд уйдет! А с язвой, между прочим, по ресторанам не ходят! С язвой дома сидят!..

Тут Вера сорвалась с места и кинулась к выходу:

— Пассажир, пассажир! Вы позабыли заплатить!

— Деньги на столе! — резко ответил клиент. — Кстати, за такой обед не мы вам, а вы нам обязаны платить!

Вера метнулась к столу, за которым обедал клиент, — денег на нем не было.

— Где деньги? — громко спросила Вера. — Кто их взял?

— В вашей работе, девушка, деньги с пассажиров надо вперед получать! — посоветовал один из посетителей.

По радио объявили что-то неразборчивое.

Толпа едоков бросилась наутек.

Платон тоже побежал. Но Вера грозно преградила ему путь:

— Платите деньги!

— Но я ничего не ел!

— Знаю я вас. Один говорит, что платил, а денег нету, другой говорит, что не ел!.. С вас рубль двадцать!

— Да вы посмотрите! — возмутился Платон.

— Пока я буду смотреть, вы удерете. Рубль двадцать, пожалуйста. Откуда я знаю, ели вы или нет.

— Я не ел. Платить не буду! Пустите, я на поезд... Это уже один раз ели!..

Вера зашлась:

— Пока вы не заплатите — вы отсюда не уйдете! У меня жалованье маленькое, и за вас всех платить из своего кармана...

— Вы, которые в ресторанах, — не дал договорить Платон, — вы-то за всех можете заплатить! Пустите меня!

Но официантки стояли стеной. Пробриться было невозможно.

— Павел Васильевич! — Вера решительно обратилась к швейцару. — Кликните Николашу!

Швейцар привычно извлек из кармана свисток и пронзительно засвистел.

Платон презрительно пожал плечами:

— Пусть сбежится хоть вся милиция вашего города! Я не ел, платить не буду!

— Пижон! Фраер! — Вера была вне себя.

— Заплатите, еще как заплатите! — рывкнула подруга Веры.

— Платить не буду! — запальчиво ответил Платон. — Я не ел! Это вопрос принципа! Зовите милицию.

В дверях возник молоденький лейтенант в милицмейской форме.

— Николаша, — начала Вера, — вот этот, — тут она кивнула в сторону Платона, — попросил диетическое; когда я сказала, что не успею, он съел дежурный обед...

— Я не ел! — успел вставить Платон.

— Разберемся! — пообещал лейтенант.

— Как это — вы разберетесь! — вспыхнул Платон. — Анализы будете брать?

— ...И отказывается платить! — закончила Вера.

— Вот сейчас составим протокол... — скучным голосом предупредил милиционер, — что вы отказываетесь платить...

— Но пока вы будете составлять — мой поезд уйдет!

— Я это делаю очень быстро, — улыбнулся лейтенант Николаша, — наловчился тут. Вы с какого поезда?

— Да его поезд уже ушел! — злорадно сообщила Вера. — Пожмотничал — и получил по заслугам!

— Как это — ушел? — вскрикнул Платон, отпихнул милиционера и побежал.

— Держи его! — во весь голос потребовала Вера.

— Он теперь никуда не денется! — лениво отмахнулся от Веры милиционер.

Платон выбежал на платформу и мрачно поглядел вслед поезду. Последний вагон был уже едва виден.

Платон чертыхнулся и подошел к человеку в красной фуражке.

— Товарищ начальник!..

— Я заместитель! — отозвался железнодорожник.

— Понимаете, товарищ заместитель, я отстал от поезда. Дело тут не в рупь двадцать, а в принципе. Она говорит: «Платите», а я обед не ел! Я сижу в ресторане... А в ресторане просто есть нельзя!

— Я лично по ресторанам не хожу. Я дома обедаю. У меня жена замечательно готовит. А рестораны — это совсем другое ведомство. А куда вы, собственно?..

— Мне в Грибоедов надо...

— В дороге надо быть внимательным, товарищ пассажир! — железнодорожник не удержался от возможности прочесть нотацію. — Железная дорога — это точность и комфорт. Поезд ло Грибоедова пойдет в 20 часов 46 минут.

— А как мне быть с билетом? Билет же уехал вместе с проводником.

— Так что? — услышал Платон голос милиционера. — Отдадите наконец рубль двадцать или протокол будем сочинять?

Из-за спины милиционера выглядывала Вера, так и не снявшая свой официантский передник.

— Как не совестно, вроде бы интеллигентный, а грабит бедную официантку!

— Как же все-таки мне, — Платон ухватил дежурного за рукав, — уехать из вашего города?

— Подойдите ко мне минут за пятнадцать до отправления — я вас отведу к начальнику поезда, он вас устроит.

— А если он не заплатит за обед, мы его сами устроим! — пригрозила Вера.

Дежурный по станции, которому это все надоело, выдернул свою руку и ушел.

— Лучше заплатите, — дружелюбно посоветовал Платону лейтенант, — протокол вам дороже встанет!

Платон поглядел в добрые глаза милиционера и понял, что придется поступиться принципами, то есть заплатить. И не глядя протянул Вере деньги:

— Вот вам... держите три рубля за то, что я не ел! Сдачи не надо!

Вера взяла трешку и стала копаться в кармашке передника.

— Нет уж, возьмите вашу сдачу!

— Это вам на чай! — свысока бросил Платон.

— А может, я на чай не беру!

— А может, в вашем ресторане и не обсчитывают?

— Товарищ лейтенант, вы свидетель, что я отдала ему его поганую сдачу, — и Вера протянула Платону деньги.

Тот демонстративно заложил руки за спину.

Тогда Вера нагнулась, аккуратно положила рубль с мелочью на асфальт и ушла по перрону, нахально покачивая бедрами. Милиционер тоже потерял к Платону всяческий интерес и отправился вышагивать вдоль состава пригородной электрички.

— Вот стерва! — в сердцах высказался Платон, глядя вслед Вере, и поднял деньги с асфальта.

Мучительно хотелось есть. Платон направил стопы обратно в ресторан — и, конечно же, тотчас наткнулся на Веру.

— Будьте добры, — Платон был сама вежливость, — если вас не затруднит, скажите, пожалуйста, если вам не сложно, какие столики не ваши, чтоб я знал, куда сесть.

— Вон те! — Вера кивнула и крикнула официантке с красивым наглым лицом, которые так нравятся клиентам:

— Люда, обслужи товарища! Только получи с него вперед, а то он платить не любит!

— Да ты что! — отозвалась Люда, которая любезничала с молодым красивым пианистом. — Ко мне же Шурик пришел! Обслужи товарища сама!

Вера приблизилась к столику, за которым успел усесться Платон, и громыхнула подносом.

— Положение у меня безвыходное! Заказывайте!

— Вы... вы мегера! — зловеще выдохнул Платон. — Из ваших рук я не стану есть до конца моей жизни!

И он рванул прочь из ресторана.

В зале ожидания Платон с надеждой кинулся к буфетной стойке. Однако на ней красовалась выразительная надпись: «Буфет закрыт на обед».

Взбешенный Платон вернулся в ресторанный зал. Теперь он уже напрямик направился к Вере и плюхнулся на стул напротив нее.

— Меню давайте! Срочно!

— Ого, какой вы принципиальный! Вы же только что поклялись не есть из моих рук!

— Буфет закрыт! — вдруг жалобно произнес Платон.

— А есть хочется? — с издевкой спросила Вера.

— Конечно. Я ведь не ел тот мерзкий борщ. Теперь вы это понимаете?

— Если вы не ели, то откуда знаете, что он мерзкий? — парировала Вера.

— Я от вас устал. Принесите что-нибудь диетическое.

Вера озорно сверкнула глазами.

— Поскольку в том, что вы у нас застряли, есть и моя вина, я обслужу вас как дорогого гостя нашего города. Знаете, нас инструктировали — приезжающих, в отличие от проезжающих, обслуживать хорошо. Потому что наш ресторан — визитная карточка города. Из диетического только курица. Сейчас я ее подам.

Платон полез за деньгами.

— Получите с меня вперед, а то я человек ненадежный. И еще — минеральной воды.

— Будет сделано.

— Черт! Настроение у меня — хуже не бывает.

— Вряд ли наша курица вам его улучшит! — Вера положила деньги в кармашек передника и отчитала сдачу.

Потом Вера ушла на кухню, а Платон стал смотреть в окно на пригородную электричку. Захлопнулись автоматические двери, и электричка медленно отошла.

Вера принесла еду.

— Приятного аппетита!

Платон взялся за нож и начал беззлобно ругаться:

— Это я по вашей милости здесь торчу... Чтоб ваш ресторан сгорел вместе с вашей станцией и вашей курицей.

Платон тщетно пытался разрезать курицу на съедобные части, но та не поддавалась.

— Эта курица отечественная или импортная?

— Понимаете, — с невинным видом принялась объяснять Вера, — на голой курице ничего не написано. Написано на обертке, а мы подаем без обертки. Если хотите, я пойду спрошу у нашего повара.

— Не надо, сейчас я у нее сам спрошу!

Платон безуспешно орудовал тупым ножом. Курица не поддавалась.

— Очень жилистая? — сочувственно спросила Вера.

— По-моему, при жизни эта курица работала официанткой в вашем ресторане!..

— Ну, понятно. Такая же мерзкая...

— Угу... А у вас и оркестр вечерами играет?

— Очень громко. До того, как в ресторан пошла, я очень музыку любила, а теперь ненавижу!

Вера фамильярно присела на соседний стул.

— А чемодан ваш? Без хозяина в Грибоедов катит?

— У меня все вещи с собой. Вот... Я на два дня в Грибоедов. Мне в понедельник утром обязательно надо быть в Москве.

— Теперь получается, что вы в Грибоедов только на один день едете, — уточнила Вера, — вы ведь целый день здесь потеряете!

— Если б вы только знали, — вырвалось у Платона, — как мне дорог и как мне нужен этот день. Кстати, как вас зовут, девушка?

Вера решила, что заезжий ее со скуки, как говорится, «клеит», и тут же дала отпор:

— До того, как я начала здесь работать, имя у меня было, а теперь меня зовут — девушка! Девушка — и неприступная! В особенности — для транзитников.

Платон посмотрел на Веру с нескрываемой усмешкой.

— Но я не собирался идти на приступ этой крепости!..

— Рассказывайте, все вы одинаковые! — Вера встала и отправилась к эстраде, где пианист Шурик репетировал песню, а Люда влюбленно смотрела на своего кумира...

Платон, устав сражаться с курицей, бросил вилку, поднялся и вышел в зал ожидания.

А в ресторане Верина подружка Люда сказала Вере:
— Пойди в аптечный киоск, туда завезли финский шампунь!

— Хороший? — спросила Вера.

— Не знаю, но взяла десять штук. И ты тоже возьми!
Вера послушно направилась выполнять приказ.

В зале ожидания Вера увидела своего недавнего посетителя. Тот говорил по междугородному телефону. Вера услышала:

— Следователь мне не звонил? Если позвонит, не говори, где я. Ври напропалую, но убедительно. В понедельник утром я буду в Москве. Ну, мне-то какая разница, когда завезут штaketник. О чем ты сейчас думаешь?

Вера невольно остановилась.

— Да, может быть, это и глупо... Но я не хочу мешать тебе жить! Я все равно поставил на себе крест! — Увидел Веру и обозлился. — Перестаньте подслушивать!

Вера пожала плечами и отошла.

— Да это не тебе. Ходит тут одна, отвратная такая.

Вера направилась к аптечному киоску, обогатилась шампунем и, проходя мимо открытого телефонного автомата, услышала:

— Мне на этой даче все равно не жить. Я теперь буду жить за другим забором... Да, позвони в Грибоедов отцу. Скажи, что я приеду завтра утром. Обо мне не беспокойся. Я тебя крепко целую!

Платон повесил трубку и увидел Веру.

— Зачем вам столько шампуня? Вы добавляете его клиентам в суп?

— Таким, как вы, — с удовольствием, — дерзко ответила Вера.

Платон вышел на привокзальную площадь. Площадь была ничем не примечательная. Все как положено. В середине клумбы с анютиными глазками — гранитный памятник. По бокам площади — несколько палаток — «Пиво — воды», «Табак», «Мороженое» — и рядом — шикарный стеклянный павильон «Заступинский сувенир».

Потом Платон заглянул в окошко пригородной кассы, где сидела женщина с добрым и участливым лицом.

— Вот если бы вы назвали какую-нибудь счастливую станцию, я бы, пожалуй, купил туда билет и укатил на всю жизнь!

— От вас, алкашей, житья нету! — Кассирша оказалась существом прозаическим. — Может, тебе и стакан дать?

— Спасибо, что не ударили!— Платон помялся на месте, не ведая толком, что ему делать, куда идти.

За неимением лучшего отправился на перрон, где вечно толчется немало людей, не знающих, чем себя занять.

Здесь внимание Платона привлекла милицейская фотовыставка. Она знакомила с уголовниками, которыми живо интересовались органы правосудия. Здесь, на стенде, широко раскрыла ослепительные глаза красотка, что ловко втиралась в доверие граждан и не менее ловко исчезала с их деньгами. На другой фотографии радостно улыбался опасный бандит. С третьего портрета взирал исподлобья злостный неплательщик алиментов.

В ресторанном зале Вера накрывала на стол и заметила Платона, который отошел от милицейской витрины, присел на скамейку и стал провожать глазами маневровый паровоз.

Платон сидел на скамейке под самым ресторанным окном и равнодушно глядел на вокзальную суету. Кто-то с трудом волок тяжелый ящик, кто-то искал носильщика, кто-то обнимал девушку и что-то ей с жаром говорил.

По радио объявили:

— Скорый поезд Ташкент — Москва прибывает на первый путь. В связи с опозданием поезда стоянка будет сокращена.

Платон безучастно сидел на скамейке, а сзади, в ресторанном зале, стучали кастрюльки и, топя каблуками, носились официантки.

Поезд подошел. Из вагона, что остановился напротив Платона, соскочил на платформу здоровенный проводник, весом эдак в центнер. Он достал из тамбура и поставил на платформу два тяжелых чемодана. Даже такой здоровяк, как он, поднимая их, напрягался изо всех сил.

Потом здоровяк, улыбаясь, шагнул прямо к Платону. Платон удивленно поднял голову — он его видел впервые. Но оказалось, что здоровяк заметил в окне Веру и гаркнул:

— Вера, а Вер!

Вера выглянула в окно:

— Ты откуда взялся?

Платон пересел на край скамейки, а то они кричали ему чуть ли не в самое ухо.

— Почему с ташкентским? — продолжала Вера, и по ее голосу чувствовалось, что она рада встрече.

— Сменщик заболел. Пошли в купе! Я так рад, тростинка моя! Соскучился!

— Я тоже тебе рада, Андрюша!

Платон не сдержал улыбки.

— Прыгай ко мне! — Проводник любовно раскинул руки.

Вера растерянно огляделась.

— Но как я вообще уйду? Видишь, у меня полно народу!

— Люда! — Андрей по-хозяйски окликнул Верину подружку. — У нас тут с Верой...

— ...Деловое свидание! — быстро подсказала Вера.

— Я со всех получу! — пообещала Люда. — Не впервой! Ступай! Из этих... — она глазами показала на жующих, — от меня никто не ускользнет. Ты, Вера, давай торопись, а то стоянка сокращена!

Но Веры, как говорится, след простыл. Вера уже выпрыгнула на перрон.

— Придется дыни туда-сюда переть! — помотал головой Андрей и взялся за чемоданы, с усилием оторвав их от земли. — Тут знаешь на сколько дынь! Обалдеть! Чарджуйские! Надо их куда-нибудь здесь спрятать.

Веру вдруг осенило. Она глазами показала на Платона, нагнулась к Андрею и что-то зашептала ему на ухо. Андрей воззрился на Платона и в свою очередь зашептал на ухо Вере. Потом неожиданно обратился к Платону:

— Здравствуйте, товарищ! Вы тут долго будете сидеть?

— До вечера, — вздохнул Платон.

— Чемоданчики постережете?

Платон пожал плечами:

— Пожалуйста!..

— А паспорт у вас есть? — продолжал проводник.

— Есть.

— С собой? Разрешите взглянуть?

Платон послушно достал документ и протянул Андрею. Проводник взял паспорт и сразу заторопился:

— Слушай, постереги чемоданы — тут дыни чарджуйские. Знаешь на сколько? Обалдеть можно! А будешь хорошо стеречь — я тебе дыньку дам, вот такую! — и показал размер будущего вознаграждения, весьма скромный.

— Эй, как вас там! — забеспокоился Платон. — Паспорт отдайте, вы права не имеете.

Андрей и Вера уже шли к вагону. Проводник обернулся.

— Мужик, а мужик! Ты постереги, через десять минут получишь свой паспорт. Ты что, не понимаешь?

Андрей поднял Веру на руки и перенес через пути.

Платон наблюдал, как Андрей первым вошел в тамбур, затем, воровски озираясь, в вагон вспорхнула Вера. Спустя секунду в ближайшем от входа окне появилась голова Андрея, и он хозяйским движением опустил глухую штору, отгородив купе от всего мира.

Платон усмехнулся и с улыбкой покачал головой. Потом наклонился к чемодану, попробовал замок — замок шелкнул и открылся. Платон приподнял крышку. Дыни издавали волшебный аромат. Платон взял дыню, перегнулся через окно в ресторанный зал, достал со стола нож и аккуратно обтер его бумажной салфеткой...

...А в купе Андрей запирает дверь.

— Ни черта не работает... Вагоны старые. Ей-ей, письмо министру напишу... — Он обнял Веру. — Верунчик, давай, давай.

— Так соскучилась по тебе, — протянула Вера.

Андрей расстегнул у Веры верхнюю пуговичку кофты и сказал:

— Сама, сама, сама, сама. Не в ресторане. Здесь самообслуживание.

И Андрей принялся снимать с себя джинсы.

— Ночь у нас сегодня была жуткая. Напарник взял и подсадил двоих в Пензе, думал, они тверезые. А они тут такое устроили, мать честная! Один лег поперек вагона и лежит, а у нас ревизия... А напарник еще зубами мается. Я ему говорю: — Герка! Возьми сто грамм-то! А он говорит: — Сто грамм — не стоп-кран, дернешь — не остановишься...

Тут Андрей заметил, что Вера и не думает раздеваться.

— Ну, чего ты, Вер... Раздевайся...

— Не могу я чего-то... Как-то не по-человечески, наспех все...

— Наспех, наспех, — согласился Андрей. — Что делать, Верочка? Жизнь такая... Давай раздевайся... Все наспех...

— Я мечтаю, чтобы ты приехал на недельку, мы бы с тобой погуляли...

— Погуляем, погуляем. — Андрей продолжал воевать со своими брюками.

— ...По парку. Сходили бы в кино...

— Ага, в кино ходим, в кино. — Андрей не возражал.

— ...Как люди!

— Ну разве я виноват — вся жизнь на колесах. Я — на колесах, ты — с подносом. Давай, давай, Верочка! Раздевайся! Ну, чего ты, в самом деле?

— Не могу, — заупрямилась Вера. — Чего-то не получается.

Андрей перестал суетиться.

— Вер, может, ты меня не любишь?

— Люблю, — после паузы ответила Вера.

Андрей засмеялся.

— Верунь. Москва — «Динамо». Ну, раздевайся. Сохранят ведь стоянку. Ну, прошу тебя.

— Не могу — в купе, не по душе мне все это.

— Ну, ладно, Верунь, — проводник даже озлился. — Кончай, чего ты, право. Что я, мальчик, что ли?

— Я тоже не девочка!

— Что тебе, жалко, что ли? Я вон страдал от этого самого, от Ташкента. Ну, ладно, давай...

— Не могу! — отрезала Вера. — Я хочу по-человечески, так больше не могу!

Из репродуктора донесся бравурный марш, возвещающий, что поезд вот-вот отойдет.

— Ну, вот, стоянку сократили. — Андрей стал напяливать брюки. — Все равно б не успели. Поезда опаздывают, стоянки сокращают. Никакой личной жизни! Письмо министру напишу.

— Я пошла, — грустно сказала Вера.

— Обожди, обожди, обожди. Дай я тебя поцелую.

Платон, который уплетал честно заработанную дыню, увидел, как растрепанная Вера соскочила с подножки и привычным движением стала поправлять свой туалет. Поезд тронулся.

В открытом проеме появился Андрей с флажком в руках.

— Буду послезавтра, в двенадцать десять. Если не опоздаем. Ты смотри, Верунчик, готовься... Да, Вера, дыни чарджуйские, запомни — три рубля кило!

Эти слова стали достойным завершением любовной сцены.

Вера, как и полагается любящей женщине, тоскливо глядела вслед уходящему поезду.

Платон отрезал еще один ломоть дыни.

Возле скамейки появилась Вера.

— Дынька... просто опупеть! — блаженно протянул Платон.

Вера присела рядом.

— Отрежьте мне тоже кусочек!

— Дыню я выбрал самую маленькую, — сказал Платон, выполняя Верину просьбу. — Будем считать, что за охрану вы со мной расплатились!

— Дыня действительно хороша! — восхитилась Вера.

— А что вы будете делать с такой оравой дынь?

— Реализовывать! — печально сказала Вера.

— По три рубля? — поинтересовался Платон.

— За кило! — кивнула Вера.

— Верните мне, пожалуйста, паспорт! — попросил Платон.

Реакция Веры была неожиданной. Сначала она буквально окаменела, а затем нервно расхохоталась.

— Ваш паспорт — ту-ту — в Москву едет!

— Что за глупые шутки! — возмутился Платон.

— Это не шутки, правда. — Вера оборвала смех. — А зачем вы его отдали?

— То есть как — зачем? Подходит человек в форме, требует паспорт, и, естественно, я отдаю.

— Простите, у нас там, в купе, спор зашел, понимаете, ну? — Вера засмеялась. — А потом уже было не до вашего паспорта.

Одно преступление Платон уже совершил, сейчас он был готов совершить второе — убить Веру!

— Да вы понимаете, что вы со мной сделали, дрянь привокзальная! Вы же меня погубили, кошка драная!

Вера обиделась.

— Вы, конечно, имеете право меня обзывать, но кошка драная — это преувеличение!

— Не хватало, чтобы этот ваш бугай тупорылый, — продолжал бушевать Платон, — сдал мой паспорт в милицию!

— Самы вы тупорылый. — Вера не дала ухажера в обиду. — Андрей — человек порядочный!

— Спекулянт! — перебил Платон.

— Спекулянт тоже может быть порядочным человеком. И, пожалуйста, успокойтесь: послезавтра, в двенадцать десять, Андрей привезет вам документ! И вы успеете на точно такой же поезд, от которого вы отстали.

— Как же я буду жить без паспорта? — взвился Платон. — Да еще после того, что случилось! Я же должен отца повидать. Может, увижу его в последний раз в жизни...

— Вы не паникуйте! — Вера попыталась утешить Платона. — Поезжайте в Грибоедов без паспорта, а на обратном пути я его вам вынесу к вагону!

— Да обратно я вынужден буду лететь самолетом! — не мог успокоиться Платон. — Иначе я не поспеваю!

— Так опоздайте на денек, — небрежно повела плечами Вера. — Сейчас за это с работы никого не выгоняют!

— В общем, вы меня просто доконали! — Платон в отчаянии обхватил голову руками. — Что же мне делать? И ехать нельзя! И ждать тоже нельзя!

— А что вы там, в Москве, такое натворили? — любопытно спросила Вера. — Я ведь слышала ваш разговор по телефону...

— Ограбил Государственный банк СССР! — зло ответил Платон и ушел.

— Ой, ой, ой, как остроумно!..

В зале ожидания Платон снова набрал московский номер.

— Маша, это я... Что нового?.. Сколько ему было лет?.. Он еще работал или уже вышел на пенсию?.. Ты думаешь, он был пьяный? Результаты экспертизы уже есть?.. У меня этот ужас все время перед глазами... Я даже рад, что я — один... Главное, ты не нервничай. Раз штатетник завезли, — значит, все в порядке. У тебя когда передача, завтра?.. Ты еще не звонила отцу? Позвони и скажи, что я приеду послезавтра вечером. «Почему», «почему»! Так вышло... В общем, долго объяснять! У меня последняя монета...

Когда Платон повесил трубку, то обнаружил, что Вера находилась тут же и внимательно слушала разговор.

— Перестаньте за мной шпионить! — возмутился Платон.

— Я не шпионю, а наоборот! Я вас подвела и должна вам как-то помочь. Но теперь я растерялась... Вы совершили что-то страшное? Расскажите!

Платон печально поглядел на Веру и сказал:

— Человек из-за меня погиб. Нечаянно, конечно. Но виноват все равно я.

— Как это случилось? — осторожно спросила Вера.

Платон безнадежно махнул рукой.

— Простите меня, — вдруг тихо заговорила Вера. — Дернуло меня привязаться к вам с этим рублем. Тут за день просто звереешь. Тебе хамят — ты хамишь. Тебе не доплачивают — ты обсчитываешь. Что же у меня за работа такая несчастная?!

Вера была готова разрыдаться.

И теперь уже Платон начал ее успокаивать:

— Да не страдайте... Вы же не по злобе, а сгоряча, в запарке. Я понимаю. И зла на вас не держу...

— Это правда? — подняла глаза Вера.

— А зачем мне врать-то?

Вечером в ресторане гремела музыка. Вечером ресторан преобразался. Сейчас сюда транзитных пассажиров не допускали. В одном конце зала справляли свадьбу, в другом отмечали юбилей, веселились парочки и компании.

Пианист Шурик вместе с вокально-инструментальным ансамблем исполнял песню собственного сочинения:

«Живем мы что-то без азарта,
Однообразно, как в строю.
Не бойтесь бросить все на карту
И жизнь переменить свою!

Какими были мы на старте...
Теперь не то, исчезла прыть...
Играйте на рискованной карте —
Не бойтесь жизнь переменить!

Пусть в голове мелькает проседь —
Не поздно выбрать новый путь...
Не бойтесь все на карту бросить
И прожитое зачеркнуть!

Из дома выйдя в непогоду,
Взбодрите дух, пришпорьте плоть.
Не бойтесь тасовать колоду —
Пытайтесь жизнь перебороть!

В мираж и дым, в химеры верьте!
Пожитки незачем тащить.
Ведь не уехать дальше смерти —
Стремитесь жизнь перекрыть.

Печалиться не надо вовсе,
Когда вам нечем карту крыть.
Вы бросить жизнь на кон не бойтесь:
Не проиграв — не победить!»

Танцевали гости ресторана, металась измученные официантки, бегали по ресторану цветные лучи прожекторов, а за окнами железная дорога жила своей жизнью. Приходили и отправлялись составы, гудели электровозы, бубнило вокзальное радио.

К наружной двери ресторана, которую охранял швейцар, сидя под традиционной табличкой «Пива нет», подошел Платон.

* Стихи Э. Рязанова.

— Павел Васильевич, вызовите мне, пожалуйста, Веру.

Швейцар впустил Платона.

— Извините, — сказал Платон Вере, — но, кроме вас, я никого в этом городе не знаю. Музей уже посетил, в кино отсидел, на улице дождь. В гостиницу без паспорта не пускают. Куда мне деваться?

Вера задумалась.

— Сейчас мне некогда, но мы скоро закрываемся. Вы сядьте за служебный столик, а я покамест придумаю, куда вас на ночь засунуть.

И замученная Вера вернулась к своим обязанностям, пытаюсь получить с пьяного:

— Я вас по-человечески прошу — заплатите и ступайте домой!

— Официант, еще сто граммов! — требовал выпивоха.

Платон пристроился рядом, за служебным столом.

— Хватит с вас! И потом, я не официант, а девушка!

— Официант, я тебе как девушке говорю: я еще не добрал!

— А ну, плати немедленно! — повысила голос Вера. — А то сейчас я зареву!

Угроза проняла пьяницу, и он полез за кошельком.

— Друг, не рыдай! Сколько с меня?

Вера предъявила счет:

— Двадцать один рубль пятьдесят копеек!

— Ты отсчитай сам! Я тебе, парень, верю!

Вера вынула из кошелька деньги и положила туда же сдачу.

— Ты сколько взял?

— Точно по счету!

— Возьми пятерку сверху! — пиканул наспиртованный клиент.

— Много! — не согласилась Вера. — У тебя семья есть?

— У меня все есть, как у людей: жена, двое ребят и собака.

— Тогда я возьму на чай только рубль!

— Рубль — мало. У тебя работа вредная. Бери трешку!

— Спасибо! — закончила торговаться Вера. — Я взяла два рубля. Кошелек спрячь, пожалуйста, а то потеряешь. Домой сам дойдешь? — Вера помогла клиенту надеть пиджак.

Пьянчуга снисходительно улыбнулся.

— Официант, ты меня обижаешь!

...Поздним вечером в ресторане шла уборка. Официантки наполняли сумки. Официантки всегда выносят после работы пухлые сумки, наполненные чем-то загадочным.

Пианист Шурик покорно держал объемистую авоську, в которую Люда что-то укладывала.

— Ну, не надо холодец, растает. Не донесу я стюдень.

— Я донесу. Не ворчи. Верочка, чао! — И Люда взяла Шурика под руку.

— Шурик, спасибо тебе за песню, милый, — сказала Вера. — До свидания.

— Какая кухня, такая и песня, — уходя, заметил Шурик.

— Ну, вот и все. — Вера закончила возиться со своей сумкой. — Пойдемте, я вас устрою со всеми удобствами.

— Устал я, как собака, — пробормотал Платон.

— Простите, но мне интересно, почему вы из Москвы уехали? Скрываетесь?

Вера и Платон шли по залу ожидания.

— Отец у меня старый, хотел его повидать перед судом, объяснить ему все.

— Ой, если бы вы знали, как я клянусь себя за этот паспорт!

— Я ведь из Москвы не имел права уезжать. Вдруг следователь меня вызовет.

— Ну, соврете что-нибудь, — беспечно сказала Вера, — что потеряли паспорт.

— Я не умею. Мне это в жизни очень мешает. Я обязательно расскажу правду. И выяснится, что я дал подписку о невыезде из Москвы, а паспорт потерял в городе Заступинске!

— Что же это у вас за профессия такая, где можно не врать? — искренне удивилась Вера.

— Пианист я. У нас, наоборот, если сфальшивишь — с работы, из оркестра, выгонят!

— Пианист! — причмокнула Вера.

— Веду кочевую жизнь. Гастроли, концерты, гостиницы...

— Я так устала сегодня. Ну и денек! Но ничего! Сейчас определю вас по высшему разряду!

— Боюсь, у нас с вами разные представления о высшем разряде! — не без желчи заметил Платон.

— Надеюсь, против зала «Интуриста» вы возражать не станете?

Вера угадала. Платон нисколько не возражал.

В зале для иностранцев было хорошо: чисто, светло, уютно и тихо.

— Как живешь, Марина? Что-то я тебя давно не видела! Марина повернула к Вере сияющее лицо.

— Ой, замоталась совсем. Замуж выхожу! В следующий четверг — свадьба. Придешь?

— Если пригласишь! Значит, жениха выбрала...

— Ой, не решила еще! — захихикала Марина.

— Как же так? — изумился Платон.

— А вот так... Женихов у меня сейчас двое. Петя... лучше зарабатывает, но зашибает сильно, Митя же меньше получает, но зато и меньше пьет. Живут они в разных районах. Вот я и подала заявления в два разных загса.

— Совсем непьющего не удалось сыскать? — почувствовал Платон.

— Где его сегодня найдешь... — сокрушенно сказала Марина. — Представляешь, Вер, две свадьбы — и обе на четверг!

— Только у нас такое бывает, — подхватила Вера.

— Марина! — перешла к делу Вера и показала на Платона. — Вот при мне человек — я его так подкузьмила. Его паспорт в Москву случайно отправила, ташкентским поездом. А ни в какую гостиницу без паспорта не пускают. Вообще-то он пианист. — И для убедительности Вера добавила: — Лауреат музыкальных конкурсов!

— В том числе и международных! — заискивающе продолжал Платон. Он устал, здесь ему явно понравилось, и он хотел произвести выгодное впечатление. Но

— Лауреатов у нас как собак нерезаных! — дала отпор Марина. — Сюда допускаются только иностранцы. Если узнают, что я впустила кого из наших...

— У тебя же пусто!

— Ну и что? Нет, Вера. Я как эту должность свою добывала — вспоминать не хочется...

— Помещение ведь простаивает, а человеку податься некуда. Марина, я к тебе никогда не обращалась.

— А если придет какой-нибудь японец или голландец? — в упор спросила Марина.

— А он что? — Вера ткнула пальцем в Платона. — Не человек, что ли?

— Я заплачу! — пообещал Платон.

— Во-первых, у нас бесплатно, — проинформировала хранительница покоев и покоя, — во-вторых, у вас — деньги, а у них — валюта!

— Что же такое у нас творится! — не выдержала и

возмутилась Вера. — Чтобы нашему человеку, у себя дома...

— Пойдемте, Вера! Не распаяйтесь! — потянул ее за руку Платон.

— Нет, я сейчас распалюсь всюю!

— Чего ты шумишь! — перебила Марина. — Это же наше традиционное гостеприимство!

— Какое там гостеприимство! — зашлась Вера. — Из-за этой самой валюты подхалимничаем перед любым вшивым иностранцем! Противно!

— Вера, не унижайтесь! — тянул свое Платон.

— Это во мне патариотизм бушует! — не успокаивалась Вера.

— Я-то при чем? — жалобно заныла Марина. — На свадьбу-то придешь?

— Приду! Куда я денусь...

Вера и Платон понуро направились к двери.

Они закрыли за собой дверь и вышли на перрон.

— Теперь куда меня сунете? В камеру хранения?

— Как вы мне надоели! — сердито отрезала Вера. — Я за городом живу. У меня вот-вот уйдет последний автобус.

— Нет уж, это вы мне осточертели! — взвился Платон. — Все мои несчастья — из-за вас!

— Ну да, конечно, — кивнула Вера, — человек погиб — тоже из-за меня.

— Это уже жестоко! — тихо сказал Платон и пошел куда-то в сторону.

Вера растерянно посмотрела ему вслед, потом бросилась догонять.

— Не сердитесь. Это у меня случайно вырвалось, — и улыбнулась. — Есть еще несколько минут и одна последняя надежда, чтобы вы не мучались на жесткой скамейке в зале ожидания.

— Это что же такое?

— Милиция. Только вы не подумайте... Просто у меня там друг работает... Да вы его знаете... Николаша. Тот, что с протоколом...

— Мысль удачная! — поддержал Платон. — Там уж меня никто не найдет.

...В вокзальном отделении милиции, куда заявились Вера и Платон, дежурный лейтенант допрашивал задержанного хулигана. У милиционера вид был измученный, и у хулигана, несмотря на синяки, — довольно бодрый. Лейтенант знаком попросил вошедших обождать и строго поглядел на задержанного.

— Сняк у вас откуда?

— Это столб об меня ударился! — Хулиган оставался невозмутимым.

— А по щеке кто заехал?

— Это семафор меня стукнул!

— Как фамилия семафора? — ехидно поинтересовался лейтенант.

— Я с ним не знаком, ну, клюква буду, — побожился задержанный, — я его бил впервые в жизни!

— Ну, вот что, Спиридонов. Я вас в последний раз предупреждаю... — но закончить лейтенанту не удалось. Спиридонов проворно вскочил.

— Николай Иванович, вы же меня знаете... Слово даю! Не повторится!

И Спиридонов исчез. Как растворился.

— Господи, Веруша, — обратился к ней за сочувствием лейтенант, — до чего я устал... Этот вокзальный кошмар... Пьянчуги, отребье всякое... Хоть бы меня учиться послали!.. У тебя что, Веруша? Что этот, — он указал на Платона, — еще натворил?

— Не он, а я. Он вообще-то — пианист! И я его сильно подвела. Его паспорт я случайно в Москву отправила, ташкентским поездом! А ни в какую гостиницу без паспорта не пускают!

— Про лауреата будем добавлять? — спросил Платон.

— Здесь это не имеет значения.

— Веруша! — виновато сказал Николаша, молодой лейтенант. — Для тебя я — все... Ты ведь знаешь... Но куда мне твоего пианиста девать? Здесь не положишь...

— А если в камеру? — предложил Платон. — Пока я еще никогда не ночевал в камере.

— С удовольствием бы, но... — тут милиционер помялся. — Там у меня... как бы их назвать попрстойнее. Там у меня три барышни...

— Разве у нас в стране есть... — теперь помялся Платон, — эти самые барышни?

— Вообще-то нет! — убежденно сказал милиционер. — Но — сколько угодно!..

Когда Вера и Платон снова оказались на платформе, к ним подскочил хулиган по фамилии Спиридонов и прошептал:

— Карбюратор для «Москвича» не нужен? Он в магазине сорок рублей, а я отдаю за пятерку!

Вера остановилась и сказала коротко и ясно:

— Пошел ты знаешь куда?..

— Знаю! — с готовностью сказал Спиридонов и испарился...

— Идемте, я посажу вас на автобус, — предложил Платон.

— А сами куда денетесь?

Они снова пересекали зал ожидания, направляясь к выходу.

— Останусь здесь, в зале ожидания, — голос у Платона был ироничный, — ведь вся наша жизнь, если вдуматься, — это зал ожидания, — он слегка улыбнулся. — Независимо от того, где мы находимся. Все мы всегда чего-нибудь ждем. Иногда дожидаемся. Правда, совсем не того, что нам было обещано.

— Вы не хандрите! — мягко сказала Вера. — Уверена — вас оправдают!

Платон покрутил головой. Ему не хотелось говорить на большую тему.

И он остановил Веру:

— А к вам нельзя? Приютите хоть в коридоре!

— Что вы! — ахнула Вера. — Явиться домой с мужчиной я не могу!

— Замужем?

— Нет... Я мужа своего турнула три года назад. Вот мы и остались жить с его родителями.

— Кто это — мы?

— Мы с сыном.

— Сочувствую. Жить с чужими родителями, да еще бывшего мужа.

— Они мне не чужие! — решительно перебила Вера. — Они необыкновенные. Они мою сторону приняли!

Вера толкнула дверь, и они оказались на привокзальной площади. Ночью здесь было пустынно. От остановки, которая находилась в нескольких шагах, поблескивая красными габаритными огнями, отходил рейсовый автобус.

— Вот до чего доводит доброта! — усмехнулась Вера. — Теперь ночевать придется на вокзале.

— Давайте, — предложил Платон, — я вас на такси отвезу.

— Я бы сама себя отвезла, да только таксисты к нам ехать отказываются. Мы ведь не в городе живем. Дом на отшибе. Свекор мой — путевой обходчик. Какому таксисту охота обратно порожняком гонять?

— А дома не будут беспокоиться?

— Будут!

Вера и Платон снова вернулись в зал ожидания.

— Ну, спокойной вам ночи! — попрощалась Вера. — Хотя здесь вряд ли уж будет очень спокойно. Счастливых снов!

— И вам того же. Вы куда пойдете?

— Сначала по селектору с домом свяжусь, успокою их. Потом видно будет.

— Желаю вам устроиться покомфортабельней! Может, вас-то в ресторан пустят?

— Ресторан на ночь опечатавают. Там — продукты. А продукты теперь дороже денег!

Вера было пошла, но тотчас круто повернула обратно.

— Чуть не забыла! Я же вам долг не отдала!

— Какой? За что?

— Рубль двадцать! — Вера протянула деньги. — Думаю, вы действительно не ели этот проклятый обед!

И ушла.

Укладываясь на твердой казенной скамье в зале ожидания городского заступинского вокзала, Платон ждал одного — конца этой дурацкой ночи. Он подложил под голову портфель и прикрыл глаза, надеясь уснуть, но надежда никак не оправдывалась.

Платон открыл глаза — и увидел возле себя Веру.

Поглядел на нее вопросительно. Вера сокрушенно развела руками. Платон сочувственно улыбнулся и подвинулся на скамейке, освобождая место для Веры.

Она поблагодарила его кивком, потом поставила сумку рядом с портфелем Платона и стала спокойно устриваться на ночлег. Платон снова прилег.

Теперь они лежали на скамейке голова к голове: ему подушку заменял портфель, ей — сумка с продуктами.

Заснуть никак не удавалось.

Оба ерзали, переворачивались с боку на бок, пытались поудобнее устроиться...

— Не спится? — спросил наконец Платон.

— Как подумаю, что с утра надо будет с дынями возиться, — призналась Вера, — жить не хочется!

— Тут наши желания совпадают...

— У вас-то все обойдется... Кто-нибудь поможет... И будете себе на пианино снова играть...

— В тюремной самодеятельности.

— Кто-нибудь выручит...

— Я ведь не солист и не лауреат никакой. Играю в оркестре под чужую палочку.

Но особого сочувствия Платон в Вере не вызвал.

— Все равно это лучше, чем подносы таскать. Я вот как осталась одна, без мужа... с ребенком... специальности-то у меня не было... А теперь привыкла, работаю, как бог... Знаете, ляжешь вечером после целого дня, а перед глазами все кружится... подносы... поезда... клиенты...

— Вот вы заговорили про ресторан — мне есть захотелось, — неожиданно заявил Платон. — Да еще от вашей сумки так вкусно пахнет.

— Я весь день так ни разу и не поела. Хотите — давайте покусшаем.

— Давайте, — охотно согласился Платон.

Вера приподнялась, села и раскрыла сумку.

— Посмотрим, что я сегодня набрала...

Вера стала вытаскивать из сумки тарелки, блюда, банки и целлофановые мешочки.

— Обычно нам, официанткам, что достается? Сплошной гарнир. То, что, извините, клиент не доел. Но это тащим для поросят. Кухня, она ведь только на себя работает. С нами не делится. У нас когда счастливый вечер? Когда большой банкет. Вот сегодня я свадьбу обслуживала, и сейчас мы с вами на этой свадьбе гульнем.

— Первый раз приходится есть объедки, — задумчиво произнес Платон.

— Зачем же вы так? Это не объедки. Это остатки. Большая разница.

— Значит, это еще никто...

— Обижаете, клиент.

— В моем положении привередничать просто глупо.

И Платон набросился на еду. Он жевал с аппетитом, причмокивал, жестикулировал, показывая, что все очень вкусно.

— «Объедки», «объедки», — проворчала Вера.

— Вкусная свадьба, — жуя, сказал Платон. — Какая странная ночь! Занятно. На этой свадьбе кто я — жених, гость? А, просто прихлебатель!

— Ну почему? — Вера тихонько засмеялась. — Вы будете — невеста.

— Тогда вы будете — жених! — нашелся Платон.

Вера зашлась от смеха.

— Я — жених?! Я — жених?!

— Почему такая странная реакция? Я же ничего смешного не сказал.

— Девочка... дорогая! — Вера с удовольствием включилась в игру. — Чего тебе покласть?

— Положь мне, мальчик мой, маслину и еще кусочек копченой колбасы, дорогой мой!

— Скушай еще помидорчик, прелесть моя! — уговаривала Вера. — Вот тебе маслище, вот тебе рыбка, малышка моя!

— Дурачок мой, — смеялся Платон.

— Полное идиотство! — заливалась Вера.

— Ой, икра!

— Около жениха стояла. Он толькопил. Ничего не ел. Ну, я и...

Платон встал, поднял руку, держа огурец, как бокал, и с чувством заговорил, обращаясь к спящим пассажирам, которых в зале ожидания набралось немало:

— Дорогие друзья! Я хочу поднять тост за вас, за то, что вы пришли на нашу свадьбу в этот прекрасный зал ожидания!

— Обожди, малышка! — перебила торжественную речь Вера. — Я ведь не подозревала, что ты у меня пьющая!

Вера извлекла из своей неисчерпаемой сумки недопитую бутылку шампанского и протянула Платону.

— Вот фужеров нет!

— Значит, пить придется из горла! — Платон приложился к бутылке. — За вас, дорогие! — Он обвел рукой зал. — Чтобы вы все достали билеты и приехали куда надо и вовремя!

— Для женщины ты замечательно говоришь! — сыграла восхищение Вера.

— Я забалдела от шампанского! — И, войдя в роль, Платон нагло добавил: — Напоминаю, что я устроился на ночь невестой. Приглашай меня на танец! — Видно, напряжение, не покидавшее Платона последние дни, спало, и он стал самим собой.

— Обожаю танцевать! — искренне высказалась Вера. — Только вот музыки нету!..

— Музыка — во мне! — вошел в азарт Платон. — Какой я ни на есть пианист, но слух у меня имеется... Что мы рванем? Твист, рок, танго, чарльстон? Я все умею...

— Свадебный вальс... — попросила Вера.

Платон обнял Веру за талию и негромко запел:

«Хоть я с вами совсем незнаком
И далеко отсюда мой дом...»

— Зато мой дом — близко... — вставила Вера.

— Вы меня приглашаете домой? — оживился Платон.

— Нахал! — немедленно отбрила Вера.

— Я не нахал, а нахалка! — поправил Платон.

Они продолжали кружиться по залу между скамейками, на которых спали пассажиры, Платон напевал:

«Но как будто я снова
Возле дома родного...
В этом зале пустом
Мы танцуем вдвоем,
Так скажите хоть слово,
Сам не знаю, о чем...»

...Среди ночи в зале ожидания два милиционера проверяли документы, безжалостно будя спящих.

Документы всегда проверяют среди ночи, когда сонные люди совершенно не соображают. Как известно, человеческий сон не стоит ничего.

Нагулявшись на «свадьбе», Платон и Вера блаженно спали голова к голове. Только теперь голова Платона покоилась на Вериных кастрюлях, а Вера уткнулась лицом в портфель Платона.

— Ваши документы! — Милиционер потряс Платона за плечо. Платон проснулся и долго не мог понять, где он и что с ним.

— Документы! — повторил блюститель порядка.

Тут Платон вспомнил все и начал неуклюже оправдываться:

— Понимаете, я ехал в Грибоедов. Сошел тут пообедать. Обед я не ел. С меня потребовали за обед деньги. Я их не заплатил, то есть я их заплатил. Но поезд уже ушел. А потом... совсем на другом поезде... мой паспорт... Ну, как бы это сказать... уехал в Москву...

— Так сам и уехал? — издевательски переспросил милиционер, явно готовясь «брать» Платона.

— Сам он же не может! — Платон изо всех сил старался быть убедительным. — Он уехал с проводником... Понимаете, я сторожил дыни...

— Дыни... — повторил милиционер и поморщился. — Неубедительно врите! Пошли!

— Извините, что я вас бужу, — Платон растормошил спящую Веру, — меня забирают!

— Уже? — Вера вскочила со скоростью, поразительной для сонного человека.

— Нет, не за то! — успокоил ее Платон. — За то, что я беспаспортный бродяга!

— Костя! — рассердилась Вера. — Ты что людям спать не даешь?

— Сейчас я тебе, Вера, объясню. — Милиционер Костя был спокоен, как и положено человеку в мундире, находящемуся при исполнении служебных обязанностей. — Тут одна компания в поезде орудовала, и неведомо в каком городе сошли. А этот тип — без паспорта. Человек без паспорта — не человек!

— Костя, это мой хороший знакомый! — Теперь уже Вера старалась быть предельно убедительной. — Это я его паспорт случайно в Москву отправила, ташкентским скорым. А он — пианист. Лауреат многих премий! — Вера взглянула на Платона и добавила: — И конкурсов — тоже!

— А чего ты сама тут на лавке спишь? — осведомился милиционер.

— Ты мне не муж, чтобы с такими вопросами приставать! — отрезала Вера. — Где хочу, там и сплю. Ты лучше, Костенька, приходи в воскресенье с Леной. Я как раз выходная. Пирог с яблоками спеку!

— Спасибо. Постараюсь. Конечно, если свободен буду. Но непохоже...

Милиционер отошел. Уже издали слышалось:

— Ваши документы!

— По-моему, эта воровская шайка орудовала и здесь! — расстроенным голосом сообщил Платон. — У меня из кармана кошелек исчез! Только мелочь осталась, — он побренчал ею.

— Надо заявить, — заторопилась Вера, — пока Костя не ушел...

— Не надо! — сдержал ее порыв Платон.

— Ну да... Конечно... — Вера вспомнила, с кем имеет дело. — Может, вы ошибаетесь? Вы хорошо поискали?

На всякий случай Платон посмотрел и под лавкой, но и там ничего не нашел.

— Денег много было? — продолжала переживать Вера.

— Прежде чем пуститься в бега, я зашел в сберкассу и взял с книжки двести рублей. Ну, на билет потратил... У вас пообедал... Надо же! Во сне обчистили! — в сердцах произнес Платон. — Лучше бы я не ложился!

— У вас чересчур крепкий сон. Как у человека с чистой совестью! — пытаюсь утешить Платона, дружески пошутила Вера.

— Да! — вздохнул Платон. — Дорого мне обошлась наша брачная ночь!

— Этого не было! — быстро отмежевалась Вера.

— Теперь я вообще не поймешь кто! — подытожил Платон. — Ни документов, ни денег! Одно слово — нуль!..

...Было еще совсем раннее, полутемное утро, когда Платон катил тележку вокзального носильщика по булыжной мостовой. На тележке покачивались чемоданы с дынями, а наверху подпрыгивал «дипломат». Вера шла рядом с тележкой. Они проходили мимо пакгаузов с раскрытыми проемами. Из них выезжали автопогрузчики с коробками и ящиками. Почти у каждого склада дежурили могучие грузовики с длинными прицепами. Тут же, рядом со складскими помещениями, прорезали землю бесконечные пути заступинской сортировочной станции. В воздухе разносился назойливый, монотонный женский голос диспетчера:

— Платформу 37-82-15 — на двенадцатый путь... Вагон 192-46 — на третий путь...

— Пропади он пропадом, ваш бандитский город! Ну за что это на меня все сыплется?

— Не психуй, лабух! — раздраженно перебила его Вера. — Позвонишь в Москву жене, она тебе вышлет деньги... — и не без ехидства добавила: — Если, конечно, не все на штaketник истратила.

— Без паспорта мне перевод не выдадут!

— Завтра в двенадцать десять ты получишь свой паспорт!

— А если ваш проводник его потерял?

Вера вспылила:

— Не волнуйтесь! Он не потеряет! Это деловой человек.

— Деловые люди, — саркастически хохотнул Платон, — деловые контакты, деловые встречи. Представляю себе вашу деловую встречу в купе!

— Представьте себе, у нас в купе была деловая встреча! — дала отпор Вера.

— Ну, если в вагоне у вас была деловая встреча, — с раздражением ответил Платон (он не выспался и ему вовсе не нравилось катить эту тяжелую тележку), — то мы с вами сейчас просто валяемся в постели!

— Не рассчитывайте на это! Везите тачку! — взвилась Вера и, желая обидеть носильщика, добавила: — Я не размениваюсь по мелочам!

— Ну да, верно... — саркастически протянул Платон, — три рубля за кило — это действительно не мелочь!

— Моих там всего за кило — пятьдесят копеек. — Вера стала посвящать Платона в сложные спекулятивные расчеты — Рубль пятьдесят из трех забирает Андрей. И это справедливо — ведь в Ташкенте он покупал их по полтиннику за килограмм. А оставшийся рубль полагается перекупщику за то, что он колхозник. Рынок-то — колхозный!

— Темная у вас бухгалтерия... А сколько, хозяйка, вы заплатите мне за доставку? — спросил Платон.

— Вы работаете за прокорм!

Квартира, в которую попал Платон, настолько не соответствовала обшарпанному виду старого дома, что Платон буквально остолбенел. Роскошный югославский гарнитур по кличке «Милена», парад чешского хрусталя в виде разнообразных ваз, кубков и фужеров, цветной финский телевизор «Салора», японская стереофоническая система фирмы «Акаи», бескрайние туркменские ковры, картины на стенах — одним словом, все, что положено человеку, у которого водятся деньги, но отсутствует вкус. Войдя в квартиру, нельзя было догадаться, кто здесь проживает — модный стоматолог, директор магазина, журналист-международник или преуспевающий чиновник.

Перед цветным телевизором, на экране которого лихо пел и плясал какой-то негр, сидела грузная женщина. Вера называла ее почему-то «дядя Миша». На стене висел громадный портрет хозяйки в костюме стрелочницы, с желтым флажком в руках. Портрет напоминал о боевом железнодорожном прошлом перекупщицы.

— Значит, вы и есть колхозница? — обведя взглядом обстановку, ошеломленно спросил Платон.

— Типичная, — усмехнулась Вера.

— Как растет благосостояние колхозников, — не удержался от иронии Платон.

— А у нас все растет, — согласилась «дядя Миша». — Вер, ты видала, чего я приобрела?

— Телевизор цветной.

— Э-э, нет! — торжествуя сказала хозяйка. — Видеомагнитофон. Это ж отсюда идет. Хочешь, нажму кнопку, и он, — перекупщица показала на негра, — сейчас остановится.

Она нажала на одну из кнопок, и негр застыл в странной, нелепой позе.

— А сейчас нажму — и все поехало.

— Надо же! — изумилась Вера.

— Видишь, кассета. Американский фильм. Две серии. Я теперь фильмы дома смотрю, какие захочу, — «дядя Миша» потрясла кассетой. — Это любовное. Тут такое вытворяют! Ты, когда захочешь, приходи, посмеемся...

— А сколько стоит кассета?

— Триста.

Вера даже присвистнула.

— А ты как думала? Она уже на русский язык переведена, — объяснила перекупщица.

— Дядя Миша, а что мы будем делать с дынями?

— Вер, я же тебе сказала: у меня радикулит, — огорчила Веру хозяйка, — на яблоках прострелил. Теперь я за никаким фруктом не могу нагнаться!

— Дядя Миша, миленький, это чарджуйские дыни. Жара, ведь пропадут!

— А почему вас зовут — дядя? Вы же — тетя, — удивился Платон.

— Дядя Миша — это мой покойный муж, — охотно объяснила перекупщица. — Он как раз людей-то подкармливал. Был авторитетный мужчина. Я от него вроде как эстафету взяла. Потом ночью попал под товарняк.

— Крепо выпивший был, — пояснила Платону Вера.

— Теперь меня называют дядя Миша. А я — что? Я горжусь.

— Куда дыни-то определим, дядя Миша? — Вера гнула свою линию.

— Молодец. Я с твоим беспокойством, Вера, солидарна, — посочувствовала «колхозница», — народ без витаминов оставлять никак нельзя!

— Теперь я понял ваше призвание, — попытался поддеть хозяйку Платон, — вы заботитесь о здоровье народа!

— Не язви! — «Дядя Миша» была уверена в себе. — Еще неизвестно, кто по-настоящему заботится о людях — они или я!

— Кто — они? — Платон на самом деле не понял.

— Я на провокацию не поддамся! Я — насквозь правильная! — гордо объявила «дядя Миша». И убежденно продолжала: — Я кормлю народ исправным продуктом, а они — чем попало! Они продают неспелые арбузы, из которых которыми надо еще долго торчать в очереди. Они горгуют зелеными, деревянными грушами, от которых живот, извините, книзу тянет! Или вообще дохлыми по-

мидорами, на которые глядеть и то тошно! Они по глубинке, по бездорожью не ездят, и там у народа урожай пропадает, а я его спасаю. Я забочусь о каждой сливе, как о родном дите! Они хранить не умеют ни овощ, ни фрукт, потому что все это — ничье! — И тут «дядя Миша» вдруг ткнула пальцем в грудь Платона. — А ты кто есть такой?

Платон поколебался.

— Пожалуй, никто... Ни документов, ни денег...

— Он — пассажир. Отстал от поезда! — объяснила Вера.

— Прекрасно, — обрадовалась «дядя Миша». — Его никто в городе не знает. Давай ему тубетеечку наденем. И выдадим за колхозника из Средней Азии!

— Но я не умею торговать! — запротестовал Платон. — И ни за что не буду.

— Это занятие нехитрое! — усмехнулась перекупщица. — Ты вспоминай нашу торговлю — и делай наоборот! Там хмят — ты улыбайся! Там недовешивают — а ты отпускаяй с походом!

— С кем? — переспросил Платон, понимая, что в его безнадежной ситуации ему от обязанностей продавца отвертеться не так-то просто.

— Добавь лишку пятьдесят или сто граммов — покупатель счастлив будет. Там торгуют мокрым фруктом...

— Зачем? — опять не сообразил Платон.

— Слушай, он что, сегодня родился? — развела руками «дядя Миша» и вновь повернулась к Платону. — Чтобы товар тяжелее был, больше весил. А у тебя дыня — сухая! Чтобы ее погладить было приятно, ну, как женщину! Сейчас позвоню директору рынка, чтобы там тебе по шее не дали, а дали бы весы и халат!

— Не пойду! — заупрявился Платон. — Пусть Вера сама торгует!

— Мне нельзя на рынке мелькать, — спокойно отказалась Вера, — я в системе торговли работаю!

— Мне-то какое до этого дело? — рассердился Платон. — Я — музыкант!

— Ну и торгуй себе с музыкой! — повеселела перекупщица.

— Да, я же забыла... Вы у нас — лауреат международных конкурсов! — саркастически протянула Вера.

— Я мог бы им стать! — выкрикнул Платон. — Если бы меня хоть раз послали!..

— На рынке тебя пошлют! — успокоила Платона «колхозница».

— Вы эгоист! Почему вы не хотите меня выручить? — Вера тоже вспыхнула.

— Я не желаю спекулировать и не буду!

— Вот ты за кого нас держишь! — огорчилась «дядя Миша». — Мы не спекулянты. Мы — посредники между землей и народом, и тебе поручается ответственное, можно сказать, почетное дело.

— Увольте меня! — взмолился Платон.

— Я вижу, ты стыдишься? — покачала головой «дядя Миша».

— Стыжусь! — честно признал Платон и добавил: — И боюсь!

«Дядя Миша» встала в торжественную позу.

— Раньше люди шли в народ и сеяли добро и разумное. Теперь этого хватает, теперь надо сеять пищевое! Иди в народ и сей дыни!

На колхозном рынке города Заступинска Платон сеял дыни по три рубля за килограмм. А рядом человек в расшитой бисером тюбетейке бодро орудовал точно такими же дынями, но... на полтинник дешевле.

Естественно, что у Платона товар никто не брал. Более того, начинающего продавца покупатели поносили разными нехорошими словами.

— Ты что, очумел? — ругалась старушка. — Живодер!

— Не могу уступить! — виновато отбивался Платон. — Я приказ выполняю!

— Убить вас всех мало! — негодовала молодая хорошенькая женщина. — Мне в больницу, ребенку! Наживаетесь на чужом горе!

— Возьмите даром! — в отчаянии протянул ей дыню несчастный Платон.

— Провалитесь вы вместе с вашей дыней! — Молодая мать выхватила дыню из рук изумленного Платона и быстро ушла, пока обратно не отобрали.

— Откуда вы только беретесь, паразиты! — с удовольствием материл Платона работяга.

Запыхавшись от спешки, на базаре появилась Вера. Сейчас она была в нарядном платье, которое ее очень красило.

Платон Веру не видел.

— Работать не хочешь, падло! — чехвостила начинающего торговца неугомонный работяга.

«Падло» доконало Платона, и он чуть не заплакал.

Вера осторожно приближалась к прилавкам.

— На временных трудностях харю нажрал! — костерила Платона толстая домохозяйка.

— Я не толстый!.. — жалобно оправдывался Платон. — У меня паспорт уехал, у меня деньги украли... Это не мои дыни, я человек подневольный!

Вера не без удивления обнаружила, что от жалости к Платону у нее защемило сердце. Платон наконец увидел Веру. Он посмотрел на нее затравленным взглядом, взывая о помощи.

Вера выступила вперед и нанесла толстой домохозяйке ответный словесный удар. У Веры ведь был опыт ресторанной службы.

— Что вы на человека набросились! Не хотите — не покупайте! А насчет хари — вы бы лучше в зеркало посмотрели!

Домохозяйка ошалела и обратилась за сочувствием к человеку в тюбетейке:

— В магазине тебя оскорбляют, придешь на рынок отдохнуть — и тут то же самое. Взвесьте мне вон ту, небольшую!

Платон смотрел на Веру с восхищением. Он понял, что пришло спасение.

— Большое спасибо! — сказал он тихо-тихо. — Я тут загибаюсь. Спасите меня.

— Спокойно, сейчас я их всех раскидаю! — И громко высказалась: — У товарища в тюбетейке дыни, конечно, дешевле, но хуже! Они горькие!

— А ты пробовала? — огрызнулся узбек. — Ты что, внутри была?

— Я их вглубь вижу — все гнилые! — выпалила Вера.

Домохозяйка дрогнула. Почувствовав это, хозяин дынь перегнулся через прилавок.

— Ты ее не слушай! Это — его женщина! Она на него работает!

— Это не моя женщина! — открестился от Веры Платон и незаметно подмигнул Вере.

— Я его вообще в первый раз вижу, — вошла в азарт Вера, — просто я — за справедливость!

— А я — так... всех вас вижу в первый и в последний раз! — запальчиво выкрикнул Платон.

В обсуждение впутался лысый торговец помидорами:

— Это — чужаки! Перекупщики! Я таких навиделся!..

— Сам ты перекупщик плешивый! — разозлился Платон. — Ты небось никогда не видел дерева, на котором помидоры растут!

— Это у тебя на деревьях дыни растут! Болван! — всжививо ответил помидорщик.

— Вы шуток не понимаете! — кинулась на него Вера. — У вас самого помидоры червивые!

Торговка крыжовником всплеснула руками:

— Это что же делается! От городского жулья спасу нету! Чай, купили у проводников...

— И цены заламывают, людей смущают! — поддержала другая баба.

— Милицию позвать! — выкрикнул еще один продавец.

— Я буду свидетельницей! — охотно предложила свои услуги толстая домохозяйка.

Наши герои поняли, что рынок пошел на них стеной.

— Друзья! — громко обратился к коллегам Платон. — Давайте обойдемся без милиции, решим все сами!

— Он прав! Милиция нам не подруга! — согласился плешивый помидорщик. — Кренделей ему навешаем — и дело с концом!

— Только попробуйте его тронуть! — угрожающе выкрикнула Вера.

— Люди добрые! — продолжал толкать речь Платон. — Это мой дебют в торговле. Может, он не совсем удался. Помогите мне избавиться от этих проклятых дынь. Выручите!

— Купить у него все гамузом! — поддержала Вера.

Смирение новичков успокоило торговые ряды.

Продавец помидоров тяжело вздохнул.

— Губит меня мое совестливое сердце! Сдались мне твои дыни... Но не бросать же ближнего в беде. Так уж и быть! Возьму я твою кучу по рупь за кило!

— За рупь он их лучше сам съест! — рассердилась Вера.

— Лучше я их сам съем, — согласился Платон.

— Ладно, — заговорил вдруг продавец яблок, который до сих пор не высказывался. — Дам я рубль двадцать!

— Грабитель! — сказала Вера.

— Рубль тридцать! — включился в аукцион узбек.

— Рубль сорок! Назначаю последнюю цену! — подытожил помидорщик.

— Мы не можем — по рубль сорок! — признался Платон.

— Дорогие торговцы! Не жмитесь! — призывала Вера.

Рыночные деятели тягостно молчали.

Тогда Платон решился на озорной шаг.

— Эх, гулять так гулять! — И голосом зазывалы весело заорал: — А ну, кому чарджуйские дыни, сладкие, как мед, гладкие, как девушки, тают во рту. А ну, налетай, расхватывай! По рубль пятьдесят за кило!

Толстая домохозяйка профессионально заняла место около прилавка Платона:

— Я — первая!

— Товарищи, хватайте, пока есть! — обратилась к народу Вера.

— Ну, заткнись! — свирепо гаркнул человек в расшитой тубетейке. — Беру я весь ваш товар по рубль пятьдесят!

— Все вы тут — из одной шайки! — грустно подытожила домохозяйка и ушла, не купив.

...Вскоре Платон и Вера прощались у рыночных ворот.

— Когда вы лягнули, что помидоры на деревьях растут, я чуть не раскололась...

— Сами вы хороши, — весело вторил Платон, — кто из нас брякнул про червивые помидоры?

— Зато, когда вы орали про дыни, что они гладкие, как девушки... — с удовольствием вспоминала Вера.

— А вы так правдиво врали, что видите меня в первый раз...

— Все это смешно, но... мы с вами ни копейки не заработали!

— Извините! — Платон поклонился. — Коммерсанта из меня не вышло. Так что до свидания!

— До свидания! — отозвалась Вера. — Вы куда пойдете?

— В зал ожидания. Куда же мне еще?

— Вот и хорошо, — обрадовалась Вера, — раз вы все равно на вокзал, вы не откатите назад тележку? А чемоданы сдайте в камеру хранения. Скажете, что от меня!..

— Ладно, — покорно кивнул Платон, — откачу, сдам, скажу...

— Ну, что ж, спасибо. Я домой. До свидания.

— Позвольте, но ваш автобус отходит от вокзала, — сказал Платон.

— А я до вокзала на трамвае доеду!

Платон заметно оживился.

— Зачем же вам толкаться в общественном транспор-

те да еще тратиться! Это при наших-то сегодняшних барышах!

Платон, элегантно склонившись, показал на тележку и открыл воображаемую дверцу:

— Если вам угодно... Я вас домчу без давки на персональной машине!..

Платон толкал вокзальную тележку по мостовой. На чемоданах гордо восседала Вера, держа на коленях портфель Платона.

— Думал ли я, что стану рикшей!

— Ну и как? — игриво спросила Вера.

— Груз вполне симпатичный, — галантно сказал рикша.

— Это как понимать? Вы начали за мной ухаживать?

— Я бы с удовольствием, но настроение у меня не то...

— Очень жаль! — чистосердечно вырвалось у Веры.

— Вы меня извините, я сегодня утром вам... в общем, нахамил...

— Ну, это я тоже умею...

— А почему остановились?

— Видите, — пояснил Платон, — красный свет. Не забывайте, что я сейчас — общественный транспорт!

— У вас дети есть? — любопытствовала Вера.

— Дочь-студентка, — печально признался Платон и с трудом произнес: — Джинсы, диски, «Мальборо»...

— Все, поехали... Зеленый свет, — сказала Вера. — А жена у вас интересная?

Платон, которому этот допрос не нравился, ответил с вызовом:

— Красивая!

— А фигура хорошая?

— Сногшибательная.

— Колымага у вас какая-то трясучая!

Платон поехал дальше, как вдруг понял, что невольно обидел Веру, и спохватился.

— Зато у вас улыбка очень хорошая! Честное слово!

После этого Вера окончательно разобиделась.

— Остановите телегу, я слезу!

— Не могу! — отказал в просьбе возчик. — Видите знак: «Остановка запрещена»?

— Тогда я на ходу прыгну!

— Простите меня за мою тупость, за незнание женской психологии. Только такой идиот, как я, может хвалить одну женщину в присутствии другой.

— Между прочим, мне нет никакого дела до вашей жены!

— А мне нет никакого дела до вашего проводника!

— А мне и до вас нет никакого дела! — резанула Вера.

— А мне — до вас... — начал было Платон и осекся, — а мне до вас, пожалуй, есть дело!

— Тогда вперед! — хулигански скомандовала Вера.

Платон мощно толкнул тележку и побегал.

— Никогда не думал, что во мне, оказывается, столько лошадиных сил!

На вокзале Платон в очередной раз разговаривал с женой по междугородному телефону.

— Как ты спишь, со снотворным?.. Перестань говорить глупости, ты ни в чем не виновата!.. И что говорит твой лучший адвокат? Ну, что ж, будем надеяться... Да нет, — тут Платон улыбнулся, — до Грибоедова я еще не добрался. Пока я еще в Заступинске... Что я здесь делаю?.. — Платон на самом деле задумался, что он здесь делает. — Ты знаешь, я... я здесь живу!.. Не прощаюсь с тобой, потому что вечером я тебя увижу...

За эти полтора дня Платон привык к вокзальному образу жизни. Он перестал обращать внимание на бесконечную толчею, на приезжающих и отъезжающих, рыдающих и смеющихся, встречающих и провожающих, на выпивающих, дерущихся, ворующих, на ремонтников в ярко-оранжевых куртках, на местных служащих в железнодорожной форме.

Он перестал слышать неразборчивый станционный радиохрип, гудки нетерпеливых электровозов, бодрую и оглушающую музыку, рвущуюся наружу из динамиков.

Он действительно акклиматизировался на вокзале, доказав, что человек может жить везде...

На вокзальной площади Вера делала вид, что ждет автобуса.

Платон вышел из здания вокзала и первым делом взглянул, не уехала ли Вера. Увидев ее, обрадовался и ускорил шаг.

— Это хорошо, что автобусы ходят редко.

— Автобус был. Только переполненный, — с ходу сочинила Вера. — Я решила поехать следующим. В Москву звонили? Что у вас нового?

— Слава богу, ничего. Как известно, отсутствие новостей — лучшая новость.

— А вас не ищут? — осторожно спросила Вера.

— Откуда я знаю... Вроде пока еще нет...

К остановке подъехал пустой автобус. Он и не мог подъехать переполненным, так как здесь был конец маршрута.

— Так что до свидания! — попрощалась Вера.

— До свидания! — отозвался Платон и вслед за Верой полез в автобус.

— Вы едете меня провожать или вам некуда деваться?

— И то, и другое.

Вера опустила пятак в кассу, оторвала билет и вручила его Платону. Потом объявила вслух:

— У меня проездной!

Автобус выехал на городскую окраину.

— Муж у вас был кто? — очевидно, все, что касалось Веры, начало интересовать Платона.

Вера поняла это и поэтому охотно рассказала:

— Машинист. Наша семья может обслужить целую железную дорогу. Он — машинист, отец его — путевой обходчик, мать по станции дежурила, его брат в депо работает, моя двоюродная сестра — проводница, а я — пищевой комплекс!

Автобус уже катил по пригородному шоссе.

— Почему вы с ним разошлись? В наши дни пищевой комплекс не бросают.

Вера поднялась с места.

— Нам выходить!..

...Платон и Вера пошли по проселочной дороге.

— Как хорошо! Благодать...

— Это точно, — согласилась Вера. — После дыма, галдежа, ресторанных запахов приедешь ночью, вдохнешь воздуха — и всю усталость как рукой сняло...

— Не боитесь ночью одна возвращаться? Страшно.

— Да что вы! Я привыкла. А потом, ко мне часто моя подружка, Виолетта, приезжает... Идем мы с ней — зачуханные, сумки тяжелые, молчим. ...Чап-чап-чап... И вдруг, представляете, сзади — кхе, кхе — мужской кашель. И мою Виолетту — она старая дева — как будто подменили. То она шла еле-еле, ноги гудят, все болит, жизни нет...

И тут Вера показала, какая метаморфоза происходила с Виолеттой, которая чувствовала, что мужчина сзади. Походка ее приобрела упругость, руки кокетливо взбили прическу, она зазывно завияла бедрами, напевая что-то популярное.

Платон от души хохотал.

— Представляете, происходит знакомство. Она дает

телефон. Ждет день, два — и никакого результата. А казалось бы, мужик в кармане! Дальше провожать меня не надо. Спасибо, что проводили.

Вдали виднелось железнодорожное полотно. Рядом возвышался домик путевого обходчика.

— Как вы тут только спите, под грохот поездов? — вырвалось у Платона.

— Приспособилась. Наоборот, я теперь в тишине спать не умею. До свидания!

Платон не пожелал прощаться.

— Но я еще не задал вам оригинального мужского вопроса: что вы делаете сегодня вечером?

— Хотите пригласить меня в зал ожидания?

— На вас такое красивое платье! — сделал комплимент Платон.

— У меня еще лучше есть, — не удержалась Вера.

— Сам бог велел, чтоб я пригласил вас в ресторан поужинать!

У Веры загорелись глаза.

— Я так давно не была в ресторане! Ой, спасибо! — мечтательно произнесла она. — Я мигом, ждите меня здесь!.. — И исчезла.

Платон сидел на пеньке и ждал Веру. Он видел, как во двор путевого домика выскочил мальчуган и повис на шее у матери. Высокий худой старик прошагал к железной дороге, и Платон догадался, что это и есть отец ее бывшего мужа. Вера вместе с сыном скрылись в доме. По путям потянулся нескончаемый товарный состав — вагоны, цистерны, платформы с гравием, двухэтажные платформы с легковыми автомобилями...

Платон погрузился в невеселые размышления и даже не заметил, как возле него оказалась Вера.

— Я готова. Всех покормила. Предупредила, что вернусь поздно. Так что пошли в загул!

Пока они на остановке ждали автобуса, Вера вдруг спохватилась:

— Да, как я могла про это забыть! — полезла в сумочку и достала деньги.

— Уж не собираетесь ли вы одолжить мне денег? — задиристо спросил Платон.

— Будет некрасиво, если с официанткой стану расплачиваться я. Платить должен кавалер.

— В какое заведение направимся? Я ведь в вашем городе ничего не знаю.

— Пригласите меня, пожалуйста, если можно, в наш ресторан!

— Хотите покрасоваться? — догадался Платон.

— Да, я хочу их всех умыть! — откровенно высказалась Вера.

— Спрячьте ваши деньги! — надменно приказал Платон.

Вера хитро прошептала:

— Мы сбежим, не заплатив!

— Знаю, вы держите меня за уголовника! — весело продолжал Платон. — И где-то правы. Но в данном конкретном случае мы поступим честно!

— Как?

— Секрет. Я вообще весь окутан тайной.

Подошел автобус.

— А вот автобусным билетом, — сказал Платон, подсаживая Веру, — вы меня угостите!

— Так уж и быть... — смилостивилась Вера.

Вечером в ресторане играл оркестр. Жались друг к другу парочки, грустили транзитники, какая-то компания отмечала очередной юбилей.

Вера и Платон сидели за отдельным столиком.

— Что за безобразие?! — возмущалась Вера. — Почему к нам никто не подходит?

— Как вы не понимаете, — утихомиривал ее Платон, — сейчас они все обсуждают, кого вы подцепили.

— Я вас подцепила?

— Без сомнения!

— Неправда! — вспыхнула Вера. — Это вы меня подцепили!

— И горжусь этим! — немедленно сдался Платон.

— То-то! — улыбнулась Вера.

К столу подплыла дородная официантка.

— Добрый вечер! Меню, пожалуйста! — Она протянула карточку блюд Платону, подчеркнуто не обращая на Веру ни малейшего внимания.

— Виолетта! — удивилась Вера. — Ты что это меня не признаешь?

Виолетта ответила откровенно:

— Откуда я знаю — могу я тебя признавать или нет!

— Познакомься! — Вера представила своего кавалера. — Платон Сергеевич. Пианист, между прочим.

— Очень приятно! Виолетта.

— И мне очень приятно! — Платон привстал.

— Что будете заказывать! — Официантка раскрыла блокнот, приготовившись записывать.

— Заказывать будет дама! — И Платон передал прејскурант Вере. — Изучайте!

— Я эту филькину грамоту наизусть знаю! Она мне ночами снится... — Вера отложила меню в сторону. — Значит, так, Виолетта. Пить мы будем... — Она замялась и посмотрела на Платона.

— Мне все равно, но лучше коньячку.

— Значит, армянского, — стала заказывать Вера, — три звездочки, не дороже. Двести граммов нам достаточно. Да, скажи Константину, что это для меня. Пусть не развлекает!

— А что, обычно развлекают? — быстро спросил Платон.

— Ну что вы! — мгновенно среагировала Виолетта, находящаяся при исполнении служебных обязанностей.

— Теперь закуска... — задумалась Вера.

— Из закусок сегодня только сыр! — охладила ее пыл Виолетта.

— Скажи шефу, что это для меня. Пусть выдаст из загашника колбасы, салатик! — распорядилась Вера. — А на второе — киевские котлеты. Вы как? — Она вопрошающе глянула на Платона.

— Положительно.

— Только предупреди наших на кухне, — наставляла Виолетту разгулявшаяся Вера, — что это для меня. Пусть пожарят на настоящем масле!

— А на чем для всех жарят? — Любознательность Платона не имела границ.

— Зачем вам знать то, чего не нужно знать! — уклончиво сказала Вера. — Ну, и мороженое!

— Только, Виолетта, скажите там, что это для Веры, — вмешался Платон, — и пусть в мороженое ничего, кроме мороженого, не добавляют!

Виолетта отошла, а Платон кивнул ей вслед и произнес:

— Я понял. Это та самая, которая «кхе-кхе»...

— Да, это она. Она хорошая, смешная. А таким всегда не везет.

Платон вдруг помрачнел. Отодвинулся от стола, машинально взял вилку, стал постукивать ею по пустой тарелке.

Вера пыталась понять его состояние.

— По-моему, вы далеко уехали! — жалобно сказала Вера. — Вернитесь, пожалуйста!

Платон отвлекся от грустных мыслей и посмотрел на Веру, как бы возвращаясь в действительность.

— Я тебе сейчас все расскажу! — Платон даже не заметил, что обратился к Вере на «ты». — Мы возвращались с женой с Шереметьевского аэродрома, провожали ее подругу. Она улетала в Алжир. За рулем сидела жена. Жена обожает водить машину, я-то практически ею не пользуюсь. А жена лихо водит... И уже на подъезде к Москве... А было поздно, темно... Как вдруг дорогу стал перебегать какой-то человек... Жена затормозила... но...

— Он был пьяный? — тихо спросила Вера.

— Мы надеялись... Но экспертиза показала — нет, трезвый!..

В этот момент Виолетта подала коньяк и колбасу.

— Ну, вот, мои дорогие... А с горячим придется ожидать. Кухня старается.

— У вас телевизор в ресторане есть? — неожиданно забеспокоился Платон.

— При чем тут телевизор? — удивилась Вера.

— Есть или нет? — Платон беспокойно посмотрел на часы.

— В кабинете директора!

— Тогда скорее! — Платон порывисто поднялся.

Вера, недоумевая, повела Платона в кабинет директора. Там никого не оказалось.

Вера включила телевизор.

— Что же он у вас так долго нагревается! — нетерпеливо сказал Платон, снова глядя на часы.

Как всегда, сначала послышался голос.

Женский голос:

— Холодные массы арктического воздуха вторглись из Баренцева моря...

Экран вспыхнул, и на нем появилась симпатичная женщина в элегантном костюме. Она водила указкой по географической карте, произнося традиционные слова о циклонах и антициклонах.

— Это моя жена! — представил ее Платон.

— Действительно красавица! — удрученно оценила Вера. — Вы не преувеличивали!

— Так вот, когда это случилось, — Платон продолжал свой рассказ под монотонный голос жены, — с ней, конечно, началась истерика. Она плакала, причитала, потом вдруг сказала: «Я погибла! Меня никогда больше не

пригласят на телевидение!» А когда приехала милиция, я вдруг... честно признаюсь, сам от себя этого не ожидал... сказал им, что за рулем сидел я!

— А она что?

Платон поежился.

— Промолчала.

— Значит, приняла как должное...

— Да нет безутешно плакала...

— После такого любой заплачет... — заметила Вера. ...Вера и Платон танцевали в ресторанном зале.

— Собственная машина... Подруга в Алжир улетает... Жену по телевизору показывают... — с горечью говорила Вера. — Для меня это как жизнь на Луне... А я со столов объедки собираю для поросенка... Чаевые беру... При этом каждый третий норовит под юбку залезть. С официантками вообще не церемонятся. А с вокзальными — подавно...

— Замолчи! — не выдержал Платон.

— Вы даже не заметили, что стали мне тыкать!

— Извините, Вера, пожалуйста. — И Платон продолжал с душой: — Я не представляю, что бы со мной было, если б я вас не встретил. Вы меня просто спасли!

— Ну, ясно. В вашей ситуации вам нужно было, чтоб кто-нибудь подвернулся под руку. Неважно кто...

Вера и Платон продолжали танец. Платон чувствовал потребность откровенно высказаться.

— Все не так, Вера, не так все. Я вот чувствую, что последнее время живу как-то... суетливо, что ли... Ношусь с репетиции на запись, с записи — на концерт. Деньги все время нужны, деньги, деньги. Киностудия, радио... Хватаюсь за всякую халтуру... Друзей в доме не бывает. На них просто времени нет. Я жену понимаю — неохота ей готовить, посуду мыть. А кто в доме бывает? Только нужные люди. Радости от этого никакой. Дочка своей жизнью живет. Прозевали мы ее. И главное, все время на людях, среди людей, в сутолоке... А в общем-то, один я...

Оркестр сыграл свое и ушел на перерыв.

— Это судьба, — показав на эстраду, грустно улыбнулся Платон, — рояль свободен. Сейчас я буду играть для вас!

Платон отвел Веру к столику, пересек зал и уселся за инструмент.

Не сводя глаз с Веры, начал играть ноктюрн Шопена, и над ресторанным залом поплыли нежные и щемящие звуки.

Вера, тоже не отрываясь, смотрела на Платона. Было очевидно, что он ей нравится и что она растеряна.

Виолетта подошла к Вере, облокотилась о ее стул и тоже прислушалась к музыке.

— Отвали! — сердито прошептала Вера. — Это он для меня играет!

За одним из столиков ужинал знакомый нам по рынку узбек с красивой горожанкой. На этот раз на нем был превосходный модный костюм, модные туфли и неизменная тюбетейка.

Показав на Платона, узбек похвастал:

— Это мой дружок!

— Тоску он наводит, дружок твой!

— Что ты хочешь, чтоб он тебе сыграл?

— Что-нибудь ритмическое, — отвечала временная подруга.

Узбек зашагал к эстраде.

— Я тебя узнал!

— Я тебя — тоже! — кивнул Платон.

— Сыграй нам что-нибудь ритмическое, захватывающее! — Узбек положил десятку на крышку рояля.

Платон тотчас покончил с Шопеном, подмигнул Вере и объявил:

— Сейчас, в честь нашего гостя из солнечного Узбекистана, будет исполнена ритмически-захватывающая мелодия!

Платон лихо заиграл джазовый мотив, подпевая себе на никому не понятном языке, который, очевидно, он считал английским.

В зале принялись танцевать.

Около Платона угрожающе возник ресторанный пианист Шурик.

— Привет конкуренту!

— Привет аборигену! — вежливо поздоровался Платон, продолжая молотить по клавишам.

— Гастроль даешь?

— На хлеб зарабатываю!

— Зато у нас хлеб отбираешь! А ну, мотай отсюда!

— Ты музыкант — и я музыкант, — проникновенно сказал Платон. — Я в беду попал. Отстал от поезда, документы, деньги — все украли. Мне бы только на ужин заработать.

— Ты Веркин хахаль, что ли?

— Вроде того...

— Чего ужинаете? — деловито поинтересовался Шурик.

— Двести коньяку, две колбасы, киевские и две порции мороженого.

— Логично. На этом остановись! — приказал Шурик. — Больше ничего не заказывай, понял?

Платон послушно кивнул.

В это время к роялю подошла посетительница и попросила:

— У моего мужа сегодня юбилей. Не могли бы вы сыграть для него «Умиряющего лебедя»? — И она протянула купюру.

— Сможешь?

— «Умиряющего»?

— «Лебедя»!

— Я все могу, — уверенно сказал Платон.

— Лабай «Умиряющего»! — разрешил Шурик...

...После того как Платон закончил сольный концерт, он принялся с аппетитом за ужин.

— Сказали, что будете играть для меня, — насмешливо заметила Вера, — а оказывается, играли для заработка!

— Это тот редкий случай, — Платон говорил с набитым ртом, — когда чувство и выгода совпали!

— А чего вы так ныли, — тут Вера передразнила Платона, — я... мол, неважно играю. Если честно, в нашем ресторане так никто не играл. Мне понравилось.

— Это для ресторана я выдающийся пианист, а для искусства... очень даже обыкновенный.

— Виолетта! — расправляясь с мороженым, окликнула Вера. — Принеси нам, пожалуйста, кофе, пирожное... и еще я хочу шоколадку!

— Виолетта, пожалуйста, этого всего не надо! — перепугался Платон.

— Почему? Я хочу сладкого!

— Сделайте мне одолжение! — Голос Платона звучал заискивающе. — Откажитесь от сладкого. Мы исчерпали лимит!

— Тогда другое дело. Виолетта, давай счет! — потребовала Вера.

Но Платон счет не взял.

— Виолетта, спасибо! Вы нас очень вкусно покормили.

— Когда хотим — можем, — заявила Вера.

— А счет отнесите, пожалуйста, вашему пианисту!

Виолетта направилась к эстраде. Шурик внимательно изучил счет, посмотрел на Платона и махнул рукой: мол, все в порядке.

Платон благодарственно помахал в ответ.

Пианист расплатился с Виолеттой.

— Значит, теперь вы безвинно пойдете под суд! — вдруг сказал Вера.

— Не я первый — не я последний!.. — покорно ответил Платон.

— Виолетта! — подозвала Вера. — А теперь тащи нам кофе, пирожное и шоколад!

— На какие шиши? — ахнул Платон.

— На мои! Теперь я вас гуляю!

Официантка отошла.

— Значит, пострадаете за добро? — вернулась к главной теме Вера. Голос ее звучал язвительно.

— За добро только и страдают...

— И наград, точно, не дают! — поддержала Вера и добавила: — Кстати, правильно делают.

— Добро надо творить задаром, — высказал свою точку зрения Платон. — Если за добро хотят что-нибудь получить, это уже сделка!..

— Вот вы и получите! — зло пообещала Вера.

— Это наверняка, — кивнул Платон и перешел в наступление: — А вы предпочли бы, чтобы в тюрьму посадили ее?

— Этого я никому не желаю... Но, по-моему, вы — ненормальный.

— Может быть, — согласился Платон. — Но неизвестно, что считать нормой.

— Норма — это когда справедливо! — вздохнула Вера и совершенно неожиданно предложила: — Оставьте свой телефончик. Вдруг окажусь в Москве — позвоню. Не разозлитесь?

Платон выдернул из стаканчика бумажную салфетку и стал писать на ней номер своего телефона.

— Буду очень счастлив, — проникновенно сказал Платон, — если когда-нибудь услышу в трубке ваш голос!..

После ужина Платон и Вера прощались в зале ожидания.

— Спасибо за вечер, и до свидания! — нежно говорила Вера.

— Спасибо за компанию. И до свидания! — так же нежно произносил Платон. — Идемте, я провожу вас на автобус.

— Сначала я устрою вас на ночлег. Сегодня вы будете спать как иностранец, то есть со всеми удобствами.

— Оттуда нас уже выпроваживали! — Платон догадался, о каком именно месте идет речь.

— В жизни, — мудро заметила Вера, — все зависит не от начальства, а от того, кто сегодня дежурит. — И скомандовала: — За мной!

Вера привела бездомного Платона в уже известную ему интуристовскую комнату, где их встретила красивая стройная женщина в бархатном костюме.

Вера привычно заканючила:

— Юля, это пассажир, он вчера отстал от поезда. Я его сильно подкузьмила. Я его паспорт в Москву отправила, случайно, ташкентским поездом, а ни в какую гостиницу без паспорта не пускают...

— А какой мне с него навар? — лениво отмахнулась Юля.

— Он на рояле играет, — Вера постаралась продать подопечного подороже, — сногшибательно!..

Но помочь не смогла.

— Не выйдет. Пианино у нас в ремонте! А в подкидного дурака вы, отставший пассажир, не играете?

— Значительно хуже, чем на рояле! — пошутил Платон.

— На что же вы годитесь? — Юля оценивающе осмотрела Платона. — А впрочем... сегодня никаких дипломатических лиц вроде не ожидается... Ладно, оставайтесь! Разберемся!

Это самое «разберемся» Вере очень не понравилось.

— В чем это ты собираешься разбираться?

— Ты же сама мне его подкидываешь?

— Значит, я подкидыш? — игриво спросил Платон.

— Смотри-ка, Вер, — усмехнулась Юля, — какой он у тебя бойкий воробушек.

Вера прикусила губу.

— Ну, я пошла! Разбирайтесь в чем хотите, — круто повернулась и ушла не в духе.

Платон придержал дверь и крикнул вслед:

— Веруша, спасибо! Значит, утром увидимся в ресторане?

Вера остановилась, оглянулась, ничего не ответила и снова зашагала дальше.

Дверь захлопнулась.

— У вас с ней что? Клубника с малиной? — на Юлином лице был написан неподдельный интерес.

— Да нет, что вы... — задумчиво сказал Платон.

— Невезучая она... — произнесла Юля. — С вашей стороны намечается как — транзит или задержитесь?

Юля вынула из холодильника бутылку вина.

— Может, и задержусь... — как бы размышляя вслух, тихо буркнул Платон. — Может, и нет... Вот завтра проводник ее приедет, который мой паспорт увез...

— Значит, вы про него в курсе?

— Имел такое счастье видеть! — криво улыбнулся Платон.

— Это она от одиночества! — принялась выручать Веру хозяйка интуристовской комнаты. — После того как ее муж бросил, и нехорошо бросил... В Пензе спутался с парикмахершей и по селектору доложил, гад, что из семьи уходит. Вся дорога их разговор слышала. Все не по-людски — не приехал, не повинился. А потом, через два месяца, на коленях приполз, прощения просил. Вера его не приняла. А этот Андрей... Он уже потом возник... — Юля разлила вино по бокалам. — Выпьем?

— Зачем вы меня во все это посвящаете? — сухо заметил Платон. — Меня это не касается!

— Вижу, что касается!

Без стука открылась дверь, и в комнату вернулась Вера.

Юля сразу развеселилась.

— Сейчас будешь врать, что опоздала на последний автобус!

— Вера, я так рад, что вы вернулись! — Платон засветился улыбкой.

— Я вовсе не вернулась, автобус на самом деле ушел! — склочным голосом произнесла Вера.

— Правильно, стой на своем, раз ты такая ревнивая! — продолжала развлекаться Юля и тотчас сделала дружеский вывод: — Так, здесь я теперь лишняя!

— Что за глупости?! — фальшиво сказала Вера.

— Где мне, беспризорной, голову приклонить? — притворно страдала Юля. — Пойду-ка я покемарю в комнате матери и ребенка... — И многозначительно добавила: — До утра! Ох, сирота я несчастная!

— Огромное вам спасибо, Юленька! — сказал Платон.

Юля с многозначительным видом прикрыла за собой дверь.

Платон и Вера остались вдвоем.

— Никуда я не опоздала! — сразу призналась Вера, опустив глаза в пол. — Просто не хотела оставлять вас с ней вдвоем! Что вы смотрите? Да, пришла сама. Что вы молчите?

Платон во все глаза смотрел на Веру и почему-то молчал.

— Будете потом вспоминать, как застряли на промежуточной станции и подвернулась там одна официанточка. И завязался с ней романчик! Смешно... В комнате для иностранцев...

Платон все еще молчал.

— Она была, ну, не так чтобы очень... но поскольку дело-то было проездом...

— Вера, вы себя просто не понимаете... А мне кажется, я знаю вас много лет и понимаю вас... В вас нет того, что я ненавижу... Вы — настоящая! Естественная! Мне с вами легко... Я такой, какой я есть... Мне не надо притворяться... И вот на этом вокзале, смешно сказать, я впервые почувствовал себя свободным.

Вера слушала монолог Платона, и глаза ее излучали нежность.

— Вы себе просто цены не знаете, — взволнованно говорил Платон. — Вы — добрая, вы — красивая... вы... очаровательная... да, да.. вы прекрасны!

— Господи! — вздохнула Вера. — Мне таких слов никто никогда не говорил!

Неизвестно, что бы сейчас произошло, вернее, известно, но... неожиданно раздался стук в дверь.

Платон отступил подальше от Веры и раздосадованно сказал:

— Нигде нет покоя!

На пороге с виноватым видом возникла Юля.

— Ребята, караул! Я понимаю, как я не вовремя! Но нелетная погода! Если б вы знали, как я ненавижу нелетную погоду! Сейчас с аэродрома мне доставят их целую стаю. Набегаюсь я тут!..

— Как это все некстати! — вырвалось у Веры.

— Да! — покивала Юля. — Авиация работает возмутительно!

— Что у вас за вокзал! — злился Платон. — Нигде нельзя остаться вдвоем!

— Ну, мы пошли! — сказала Вера.

— Вы пошли! — подтвердила Юля. — Только куда?

— К такой-то... бабушке! — раздраженно сказал Платон. — Куда нам еще деваться, бездомным?!

Они покинули интуристовскую комнату...

...Дойдя до конца платформы, они спрыгнули на землю и зашагали вдоль железнодорожного полотна, вдоль бесконечных рельсов, то сбегающих вместе, то разбегающихся в разные стороны.

— Ведете меня к себе домой? — высказал предположение Платон. — Так, вдоль железной дороги, ближе?

— Вы что? — изумилась Вера. — Туда двадцать километров!

— Чтобы остаться с вами вдвоем, я пройду и тридцать! — расхрабрился Платон.

— Тогда потопали уж до Грибоедова, чего там!.. Вы сами оттуда?

— Да, родился на берегу реки Урал. Мы жили недалеко от парка с красивым названием «Тополя». Тополей почти не осталось, а название прежнее. А потом мать от отца ушла, мне тогда десять лет было...

— К другому ушла?

— Да... И мы в Москву перебрались. Отец у меня — его весь город знает. — Тут в голосе Платона явно звучала нежность. — Он детский доктор. Знаете, таких теперь нету, про таких Чехов писал. Через его стетоскоп прошли практически все жители. И те, которым под пятьдесят, и их дети, внуки... Ему в городе больше всех верят!

Пути делали крутой поворот в сторону. Вера, а вслед за нею и Платон тоже повернули в сторону. Здесь в тупике стояли пассажирские вагоны, много вагонов, самых разных.

— Понял, мы будем искать пустой вагон! — догадался Платон.

— Вы умный, но не совсем. Вагоны все заперты, чтобы шпана не лазила. Мы ищем мою двоюродную сестру, Зину, — помните, я говорила, что она проводница?

— Вера, вы мне ужасно нравитесь! — вдруг признался Платон.

Вера обернулась и внимательно посмотрела в глаза Платону, словно пытаясь понять серьезность его слов.

— Зину Минаеву не видала? — потом спросила Вера у другой проводницы, которая поднималась к себе в вагон.

— Вон там, у одиннадцатого!..

— Только вы со мной не идите, я с ней буду без вас шушукаться! — строго наказала Платону Вера...

Вера в купе стелила постель. Платон стоял рядом.

— Вот, — сказала Вера, — вам будет удобно, ну, вот и все.

Вера выпрямилась, и ее лицо оказалось около лица Платона. Платон прижался к ней и поцеловал.

Потом Вера перевела дух, отступила на шаг и сказала:

— Все! Хватит! Это добром не кончится...

— Нет, не хватит!

— А я по купе не шляюсь!

— Я знаю.

Вера насторожилась.

— Ты на что намекаешь?

— Ни на что!

— Ты что имеешь в виду? — Вера повысила голос.

— Ничего не имею в виду!

— Может, ты имеешь в виду, что я бегала в купе к Андрею! Но у нас с ним там ничего не было!

— Я тебе верю!

— Я по глазам вижу, что не веришь!

— Да тут темно! — взмолился Платон.

— Правда. У нас там ничего не было

— Да верю я тебе, честное слово!

— Ничему ты не веришь, у тебя на уме сейчас одно...

И молчи! Ничего путного у нас с тобой не получится.

— Почему?

— Потому, что я — вокзальная официантка, а ты — пианист.

— Не говори глупостей...

— Ты говоришь это, потому что тебе другого сказать нечего.

— Какое имеет значение, у кого какая профессия!

— Ты еще толкни речь про всеобщее равенство!

— Ну, Вера, я вас очень, очень прошу. Пожалуйста, не уходите, — растерянно забормотал Платон. — Для меня это крайне важно.

— Я тебя привела в мягкий вагон, — нежно сказала Вера. — Чтобы ты отдохнул. Отдыхай, горемыка.

Вера перешла в соседнее купе и заперлась. Теперь они сидели, разделенные перегородкой.

— Как ты думаешь, — нарушила молчание Вера, — какой срок тебе могут дать?

— В лучшем случае — три года.

— Я приеду на суд, — вдруг заявила Вера, — и скажу им, что это не ты сделал...

Платон уже понимал, что Вера, с ее характером, действительно может приехать.

— Тебя никто не послушает.

— А я дам показания, что ты мне сам рассказал!

— А я отрекусь! Кому поверят — тебе или мне?

— Три года — это много.

— Много, — вздохнул Платон.

— Для меня это, впрочем, значения не имеет. Ты здесь больше все равно не появишься, — с горечью произнесла Вера.

— Вера, мы с тобой взрослые люди. Этот разговор через перегородку — противоестествен. Иди сюда.

— Нет, ни за что! — сказала Вера, но при этом почему-то поправила прическу.

— Тогда я иду к тебе! — Платон встал и решительно направился через умывальник к соседнему купе. Однако дверь оказалась запертой. Платон подергал ручку.

— Наглец! — сказала Вера, но агрессивности в ее тоне не было. — Хотя по твоему виду этого не скажешь.

Платон предложил компромисс:

— Давай встретимся на нейтральной территории.

Вера подошла к двери, ведущей в умывальник. На ней было зеркало, и Вера осмотрела себя.

— Это где? В умывальнике?

— Хотя бы в коридоре!

— Никогда, — сказала Вера, и рука ее отворила дверь, ведущую в коридор.

Там ее уже ждал Платон.

— Вот и я точно такой же принципиальный, — сказал Платон и обнял Веру...

...Утром, когда Платон проснулся, то первым делом выскочил в коридор и заглянул в соседнее купе. Веры там не было.

Платон соскочил со ступенек вагона и побежал вдоль состава к зданию вокзала...

В утреннем ресторане было безлюдно. За служебным столом собрались официантки, буфетчицы, повариха, калькуляторша. Кто-то из женщин завтракал, кто-то вял. Калькуляторша составляла меню, а Вера тихонько напевала песню:

«Пусть в голове мелькает проседь —
Не поздно выбрать новый путь...
Не бойтесь все на карту бросить
И прожитое зачеркнуть...»

Платон пересек ресторанный зал и подошел к служебному столу. Вера скользнула по нему загадочным взглядом и продолжала петь:

«Какими были мы на старте...
Теперь не то, исчезла прыть...
Играйте на рискованной карте...»

Платон поклонился, здороваясь. Вера кивнула в ответ. К Платону подошла одна из официанток.

— Платон Сергеевич, ваш завтрак — там. Садитесь.

— Спасибо, — сказал Платон и посмотрел на Веру.

— Приятного аппетита, — нейтрально сказала Вера.

— Спасибо. — Платон не сводил с Веры глаз.

Вера мурлыкала песенку, как бы про себя:

«Печалиться не надо вовсе,
Когда вам нечем карту крыть.
Вы бросить жизнь на кон не бойтесь:
Не проиграв — не победить!»

По радио объявили: «Скорый поезд Москва — Ташкент прибывает на первый путь».

Платон поглядел на круглые вокзальные часы. Они показывали двенадцать десять. Вера, стоявшая с подносом у раздачи, вся напряглась в ожидании прихода Андрея.

В толпе оголодавших транзитников, штурмом бравших ресторан, Платон разглядел Андрея. Впрочем, разглядеть его было несложно. Могучий Андрей возвышался над всеми. Как и позавчера, Андрей нес два чемодана — других, разумеется. Андрей подошел к Вере.

— Здравствуй, Веруня! — Андрей сиял сердечной улыбкой. — Ты что? Прическу, что ли, сменила?

— Сменила, — напряженно сказала Вера, но Андрей этого не почувствовал.

— Тебе идет. Верочка, товар обалденный. Два чемодана. Сапоги австрийские, легкие. По двести рублей пара. Верочка! Всего двадцать минут стоим.

Вера собрала всю решимость и произнесла:

— Я больше не буду бегать к тебе в купе. Вот так.

— Верунь, нам же деваться некуда. Я же не могу от вагона отойти...

— Ой, Андрюша! Ты меня неправильно понял.

— Чего ты?

— Случилось несчастье.

— Я так и думал! — перепугался Андрей. — Мои дыни сперли?!

— Если бы дыни...

— А там ничего другого не было.

— Я подобрала тебе замену.

— Я чего-то не понимаю, Верунь. Пойдем...

— Я тебе изменила, Андрюша.

Андрей засмеялся и присвистнул:

— Ты мужика, что ль, нашла?

Вера кивнула.

— Ну и кто этот тип?

Этот тип подошел к Андрею и потребовал:

— Отдай паспорт!

— Извини, мужик, — повинился Андрей, протягивая паспорт хозяину. — Промашка вышла... Держи твой паспорт... С меня причитается... пойди, закажи что-нибудь, я приду, оплачу...

— Возьми деньги за дыни! — Вера протянула Андрею пачку ассигнаций, которая была спрятана в кармашке передника, Андрей взял деньги и небрежно засунул в карман.

— Мы с тобой в расчете! — Вера вложила в эту фразу и второй смысл.

— Да, и теперь вот еще что... — встрял Платон.

— Ты отойди, — обратился Андрей к Платону, — нам с Верой поговорить надо...

— Послушай! Уходи отсюда! — угрожающе произнес Платон. — Чтоб я тебя больше на этом вокзале не видел, ясно?

Андрей захохотал.

— Так вот кто тут пристроился! Я тебе чего велел? Козел! Я тебе велел дыни стеречь, а ты чего натворил, а?

— Спекулянт! Мерзавец! — повысил голос Платон. — Пошел вон отсюда!

— Ой, как я перепугался! — скорчил мину Андрей и легко, тыльной стороной ладони, ударил Платона в лицо.

Тот не устоял — рухнул на пол.

— Значит, я тебя понимаю так, Вера Николаевна: любовь окончилась, — Андрей обратился к Вере, — остались только лишь деловые контакты.

— Мне этим тоже противно заниматься, — сказала Вера.

Тем временем Платон поднялся с пола и изо всех сил ударил Андрея.

— Ты не ушибся? — спросил Андрей и, не оборачиваясь, так врезал Платону, что пианист отлетел в сторону и свалился на пол, со звоном увлекая за собой стол с посудой.

Вера съежилась, но вела себя так, будто на ее глазах не происходило никакой драки.

— На что ты жить-то будешь, Вера Николаевна?

— Как-нибудь проживу! Жила ж до тебя — и сейчас проживу.

— На заработную плату! — заржал Андрей.

— Ага! — кивнула Вера.

— Ты знаешь, как это называется? Сколько я на тебя денег потратил, сколько времени...

— Ругай меня, Андрюша, ругай, — соглашалась Вера.

— Ты думаешь, от тебя радость какая? — Тут Андрей заметил Платона, который мутными глазами пытался найти обидчика. — Эй, товарищ! Вы не меня случайно ищете?

Платон рассвирепел. Он пошел на проводника как танк. Но ударить не успел. Андрей мягко отпихнул противника. Незадачливый драчун опять упал.

— Ты подолом своим будешь весь перрон мыть...

— Не буду, ой, не буду...

— А я к тебе не вернусь! — Андрей не мог простить Вере, что она дала ему отставку. — На что я только польстился?.. — Андрей остановил очередную агрессивную атаку Платона и держал его на вытянутой руке. — Ну-ка, голубок. Спокойно. Вот этот тебе нравится?

— Очень нравится, Андрюша.

— Понятно. Ты хоть кем работаешь, голубок? — спросил Андрей у избитого Платона.

— Пианистом, — прохрипел тот. Андрей отпустил Платона, и тот опять рухнул на пол.

В ресторане появился знакомый нам лейтенант, по имени Николаша, обозрел поле битвы, увидел поверженного Платона, который с трудом вставал, цепляясь за стул.

— Николаша, здорово! — Андрей дружески пожал руку милиционеру.

— Что здесь происходит? Кто это вас так разукрасил, товарищ пианист?

Платон тяжело дышал.

— Да ничего, нормалек. Все в порядке! — сказал Андрей.

— Кто его избил? — громко спросил милиционер.

— Пианист из самодеятельности. Четкету по сголам бил, — невозмутимо сказал Андрей. — В салат ногой попал — поскользнулся.

Вера молчала, а Андрей ловко выдернул из брюк ремень, умело перетянул им оба чемодана с сапогами,

вытащил из-под служебного столика пустые чемоданы, в которых прежде были дыни.

Из пачки денег Андрей вынул две купюры по двадцать пять рублей. Одну засунул Вере в карман фартука.

— Это тебе, Верунь, за бой посуды...

Вторую купюру он прилепил на лоб Платона.

— А это тебе, Мендельсон, на лечение. Может, к свадьбе оклемаешься.

Андрей обратился к Вере:

— Ты, Вера Николаевна, глупая женщина.

Проводник подхватил свои чемоданы и исчез с Заступинского вокзала.

Официантки, подружки Веры, подняли стулья, постелили на стол скатерть, а затем стали собирать с пола осколки.

— Николаша, ты иди. Все в порядке! — сказала Вера.

— Все в порядке! Спасибо, девочки! — подтвердил избитый Платон.

Николаша ушел. Платон и Вера остались одни.

— Тебе очень стыдно за меня?

Вера уткнулась в плечо Платона и зарыдала.

— Подожди. Сейчас. Все! Куда тебе билет брать? Говори!

Платон гладил Веру.

— В этот... в Грибоедов, а оттуда самолетом — в Москву...

— В Москву? — Вера отшатнулась от Платона. — В Москву. К той, которая по телевизору про погоду врет! — И, вздернув голову, Вера зашагала прочь из ресторанного зала. — Не трогай. Я все поняла... Конечно...

Вера проникла в билетную кассу с заднего хода.

— Мне билет в Грибоедов!

— В какой вагон! — спросила кассирша.

— В самый мягкий.

— Есть только общий!

— И тут ему не повезло, — покачала головой Вера.

Проходя через зал ожидания, Вера при виде междугородного телефона остановилась, подумала о чем-то, потом подошла к небольшому окошку, за которым разменивали монеты, и протянула рубль. Получив горсть пятнадцатикопеечных, Вера возвратилась к автомату, достала бумажку с московским телефоном Платона и набрала номер.

— Это жена Платона Сергеевича?.. Здравствуйте... Нет, вы меня не знаете... — и тут Вера нервно спросила: — Скажите, вы хорошо спите?.. Совсем не идиотский вопрос! — Вера бросила в автомат очередную монетку. — Как вы можете отправлять в тюрьму ни в чем не повинного человека?.. Но я-то знаю, что это не он... Вы сидели за рулем! Вы!.. Что? — Вера изменилась в лице. — Не вы?.. Он?.. Я вам не верю!..

Вера повесила трубку и прислонилась к стене, будучи не в состоянии двинуться с места...

Так она постояла немного, а потом медленно побрела в ресторан.

Платон в гардеробе приводил в порядок пострадавший костюм.

— Вот билет! — Вера протянула его Платону. — Поезд в Грибоедов через сорок минут...

— Спасибо. Деньги я вам вышлю немедленно по приезде!

— Выйдем! Надо поговорить! — вдруг потребовала Вера.

...Они шли по перрону. Молчали.

Первой заговорила Вера.

— Я разговаривала с твоей женой, — перехватила она удивленный взгляд Платона. — По телефону, конечно. Прости. Я знаю, что это подло, но я не могла удержаться. Она утверждает, что это ты сбил человека!

— Действительно такое сказала? — спросил Платон.

— И каким убедительным тоном!

Платон остановился.

— Она же не может сказать правду никому, тем более — первому встречному. Представь себя на ее месте. Звонит посторонний человек...

— Но оказывается, она вообще не умеет водить машину...

— Как — не умеет водить машину?

— Так, — протянула Вера.

— Так и сказала?

— Так и сказала. И очень убедительно.

Платон долго молчал, потом произнес:

— Она права. И в протоколе записано, что это я убил человека. Так что... изменить ничего нельзя.

— Господи! Беда-то какая! — горько воскликнула Вера.

Платон нежно посмотрел на Веру, обнял за плечи.

— А ну, поберегись! — раздался зычный крик.

Они отскочили друг от друга. Автокар-разлучник потащил между ними бесконечную вереницу груженных тележек.

Сначала Платон и Вера растерянно смотрели один на другого, потом заметались в разные стороны, пытаясь соединиться. Казалось, этому дурацкому составу не будет конца. А когда звякнула последняя тележка, Платон кинулся к Вере и крепко прижал ее к себе.

Потом Вера и Платон взяли за руки и пошли к пешеходному мосту, который был переброшен через пути. Они медленно поднялись по деревянным ступеням и остановились на мосту, облокотившись на перила.

Под ними раскинулась станция со всем своим сложным хозяйством — платформами, многочисленными путями, самыми различными строениями, беспокойными маневровыми паровозами и замершими товарными составами.

— Как же ты будешь ехать до Грибоедова без денег? — забеспокоилась Вера.

— Как-нибудь доберусь...

— Возьми вот десятку! — Вера протянула красненькую бумажку. — И не говори, пожалуйста, что ты мне немедленно вышлешь...

Вдали показался пассажирский поезд. Донеслось вокзальное радио. Но что именно вещал диктор, здесь, на мосту, разобрать было невозможно. Внизу, на перроне сразу стало полно людей.

— Это твой поезд, — догадалась Вера.

— Да, да. Это мой поезд. — Платон с горечью понимал, что через несколько минут ему придется уехать.

— Простите, если что не так! — Вера закусила губу.

— Вы меня простите. Я ведь... — начал было Платон, но Вера перебила его:

— Все было прекрасно...

— Все было прекрасно, — как эхо, повторил Платон и добавил: — Все было замечательно...

— Все было замечательно, — как эхо, отозвалась Вера. — Ну, счастливо вам добратся... Всего вам самого-самого...

— Счастливо оставаться...

— Да, да, конечно. Ну, идите, а то опять опоздаете..

Платон неловко махнул рукой и побежал по лестнице на платформу.

— У вас седьмой вагон! — крикнула вдогонку Вера. — К сожалению, общий!

— У меня скоро в жизни все будет общее! — горько пошутил Платон. — Прощайте!

Платон подбежал к седьмому вагону и сунул билет проводнику, не сводя глаз с маленькой фигурки, замершей на мосту.

Заплаканная Вера следила за тем, как Платон вскочил на подножку. Вера махнула рукой и, не дожидаясь отхода поезда, пошла прочь. Она шла по длинющему мосту, железные фермы и конструкции высились у нее над головой, а сзади нарастал грохот поезда, увозившего Платона...

...История о том, как он встретился с Верой, и была тем самым долгим воспоминанием, которое согревало Платона все девять километров на морозной пустынной дороге от исправительной колонии до деревни.

Найти избу, в которой жил Иван Герасимович, не составляло никакого труда.

Иван Герасимович был местным умельцем, и в его мастерской — и одновременно жилье — ремонтировалось все — от холодильника до радиоприемника и от примуса до аккордеона.

— Здесь у вас наш аккордеон ремонтировался...

— Забирай! Вон он, в углу! — показал мастер.

Платон поднял аккордеон и попробовал звучание.

— Ну, как? — спросил Иван Герасимович. — Чисто звучит?

— Вроде да... Мне расписаться в получении инструмента?

— Иди гуляй! У нас все по-честному! — усмехнулся мастер. — У нас вокруг одни преступники!..

Платон с аккордеоном на плече отыскал Лесную улицу и нужный ему дом. Это была обыкновенная бревенчатая изба. Окна в ней светились.

Платон постучал. Никто не отозвался.

Платон постучал еще раз — и с тем же успехом.

Тогда Платон толкнул дверь. Дверь поддавалась — заскрипела и отворилась. Платон прошел через сени и постучался в комнату. Опять никто не ответил.

Тогда Платон распахнул и эту дверь — и очутился в комнате. Здесь тоже никого не было. Бросался в глаза стол, накрытый белой крахмальной скатертью, и множество тарелок с самыми разными кушаньями. Стол был накрыт на двоих.

Платон поставил в угол футляр с аккордеоном, на всякий случай взял из вазы два апельсина и сунул их в карман, потом он вернулся к столу, по-хозяйски пододвинул себе стул, как был, в ватнике, сел и не мешкая принялся за еду.

В разгар пиришества в комнате, с молочным бидоном в руках, появилась... Вера.

Платон поперхнулся пирожком и закашлялся. Вера поставила бидон и принялась стучать Платона по спине. На глазах у Платона выступили слезы. Неизвестно отчего — то ли оттого, что увидел Веру, то ли оттого, что злосчастный пирожок попал не в то горло.

Наконец Платон откашлялся, обаддело и счастливо поглядел на Веру и... взял следующий пирожок.

Вера засмеялась, достала из-под подушки кастрюлю с куриным бульоном, перелила в тарелку и пододвинула ее Платону. Платон, причмокивая, хлебал бульон, не сводя с Веры влюбленных глаз. Вера полезла под другую подушку, извлекла оттуда еще одну кастрюлю и положила в следующую тарелку котлеты с вареной картошкой. Картошку Вера полила сметаной, просыпала укропом и петрушкой. Потом открыла баночку с хреном.

Платон, расправившийся с супом, накинулся на второе.

При виде того, как мощно наворачивает Платон, у Веры на глазах навернулись слезы. Неизвестно отчего — то ли от радости встречи, то ли оттого, что Платон такой искормленный.

Вера подняла бидон, налила в стакан молока и подала Платону. Наступила очередь яблочного пирога. Официантка еле успевала обслуживать прожорливого клиента.

Платон взялся за пирог с такой энергией, словно до этого еще ничего не ел.

Он уплетал за обе щеки и пялил глаза то ли на Веру, то ли на яблочный пирог.

Вера смотрела на Платона с нежностью, жалостью, любовью, состраданием, восхищением и... испугом. Так как боялась, что наготовленного не хватит.

— А пирог-то подгорел! — сверкнул глазами Платон.

— Я думала, ты тут разучился разговаривать! — улыбнулась Вера. — Что ж до сих пор-то молчал?

— Предлога не было!.. — И, погрузнев, добавил: — Только зря ты сюда приехала! Ничего у нас с тобой не получится!

— Почему? — встревожилась Вера.
— Опять социальное неравенство. Ты у нас вон кто — официантка. А я-то всего-навсего — шнырь!
— Кто-кто? — не поняла Вера.
— Шнырь, по-нашему — уборщица!
— Как же я так промахнулась? — ужаснулась Вера. — Ехала к пианисту, а приехала... к уборщице.
— Да, я тебе не ровня! Ты не обидишься, если я еще немного поем?..

...Ночь миновала. Стрелка на циферблате добралась до шести часов утра. Поселок начал просыпаться. В доме на Лесной улице надсадно задребезжал будильник и даже стал приплясывать.

Но Вера и Платон, которые спали в одной постели и на одной подушке, не услышали тревожного сигнала. Они продолжали спать.

Стол был завален остатками вчерашнего кулинарного праздника. Тусклый свет раннего утра едва пробивался сквозь окно.

Вера неожиданно приоткрыла глаза и метнула взгляд на часы. Было уже без двадцати семь!

Вера вскрикнула и принялась тормошить Платона:

— Вставай! Скорее! Уже без двадцати семь!

— Я пропал! Я не успею! — Пробуждение Платона было ужасным.

— Бежим! Я с тобой! — Вера лихорадочно вскочила.

На ходу одеваясь, Платон, а за ним Вера буквально вылетели на улицу и побежали.

— О, черт! — вдруг спохватился Платон. — Я же забыл этот... аккордеон!

— Я его потом доставлю! — пообещала Вера, но Платон уже мчался обратно. Через мгновение он появился с аккордеоном на плече.

Они неслись по улице.

— Ты меня не жди, беги вперед! — говорила на бегу Вера.

— Я быстрее не могу!

— Отдай мне аккордеон!

— Ты что? Ты ведь женщина!

— Я знаешь какие подносы таскаю?

Они оставили позади поселок и торопились сейчас по безлюдной дороге, ведущей в колонию.

— Я останусь жить здесь!

— Где? — не понял Платон.

— В деревне, рядом с тобой!

- У тебя ребенок!
- Я его привезу сюда! Будет северный ребенок!
- Я тебе не позволю.
- У тебя нет права голоса! Ты заключенный.

Они бежали, бежали и на ходу выясняли отношения. Без привычки они быстро устали от бега и выбились из сил.

— Брось аккордеон! — требовала Вера.

— Меня отпустили не к тебе, а за аккордеоном! Ты знаешь, сколько он стоит? Который час?

— Двадцать минут восьмого!

— О господи! — вырвалось у Платона, и он попытался передвигаться быстрее.

— Слушай, пожалуйста, подай заявление о разводе!

— Прямо сейчас? Или когда добегу?

— Потом. Сейчас у нас нет бумаги и нет времени!

— Ты моя ненаглядная! — нежно сказал Платон и... неожиданно свалился на снег. — Кажется, я уже добегал. Больше не могу!

— А ну, вставай! — прикрикнула Вера. — Что ты разлегся?

— Сил нету! — коротко объяснил Платон.

— Ты — через силу!..

Вдруг на дороге показался газик, который катил в сторону колонии. Вера запрыгала, замахала руками:

— Стойте! Остановитесь!

Газик притормозил. А Платон поспешно достал из кармана зеленую бирку со своей фамилией и пристегнул к ватнику.

Приоткрылась дверца, и из машины высунулся холеный тип, одетый в темное пальто с серым каракулевым воротником, улыбнулся Вере и любезно предложил:

— Прошу вас, снежная королева, садитесь!

— Спасибо большое! — поблагодарила Вера. — Вас сам бог послал. — И позвала: — Платон, вставай! Мы спасены! Поехали!

Платон приподнялся, но холеный тип изменился в лице и брезгливо поморщился:

— Заключенных не возим!

Он подал знак водителю, и газик укатил.

Платон и Вера растерянно глядели ему вслед.

— Черт с ним! — безнадежно вздохнул Платон. — Пусть мне впаяют новый срок! Бежать я больше не в состоянии!

Вера схватила Платона за плечи и стала приподнимать.

— Ну-ка, вставай! Живо! Хочешь, чтобы я тебя лиших два года ждала?

Платон, пошатываясь, встал, поднял аккордеон, Вера помогла взвалить его на плечо. Совершенно неожиданно Платон припустился довольно резво — откуда только силы взялись. Вера, отступая и проваливаясь в снег, едва поспевала за ним.

Но сил Платона хватило ненадолго. Он снова едва волочил ноги. Наконец не выдержал, уронил аккордеон и пошел дальше, не оглядываясь.

— Миленький! — слышалось Платону сзади. — Хороший мой! Единственный! Я тебя так люблю! Пожалуйста! Иди поскорее! Осталось совсем немножко! Чуть-чуть! Ты замечательно идешь, только медленно!

— Который час? — прохрипел Платон.

— Еще семь минут! — подбадривал сзади добрый голос Веры. — Смотри, смотри какая красота — вон уже твой забор виден!

— До него еще очень далеко... Все бессмысленно... Я все равно не успею! — Платон оглянулся и увидел, что Вера плетется, сзади сгибаясь под тяжестью аккордеона.

— А ну, отдай!

— Я сама!

Платон с трудом отнял инструмент и заковылял дальше.

...Тем временем в исправительно-трудовой колонии, куда так рвался Платон, заключенные уже выстраивались на плацу для утренней проверки...

...А на дороге Платон снова упал и от отчаяния уткнулся в снег.

— Вера, беги и скажи, что я здесь!

Вера сделала несколько неровных шагов и... свалилась, заплакав.

— У меня не идут ноги!..

...На плацу дежурные офицеры пересчитывали узников, которые были разбиты на несколько групп...

Вера и Платон, обессиленные, лежали на снегу в нескольких шагах друг от друга. Буквально в ста — пятидесяти метрах от них виднелась заветная тюрьма.

— Как обидно, — плача, сказала Вера.

— По-моему, я умираю. Сколько времени?

— Мы уже опоздали на две минуты! — прошептала Вера и, собравшись с силами, закричала сквозь слезы, пытаясь привлечь внимание караульного на сторожевой вышке:

— Эй, скажите там... Он здесь!.. Рябинин здесь!.. Эй, на вышке!..

— Я здесь! — орал Платон. — Здесь я... Я не опоздал!..

— Он нас не слышит!

— То, что не в зоне, его не касается, — прошептал Платон.

И тогда Вера предложила последнее:

— Играй!

— Что?

— Играй. Только поскорее! И громко!

Платон понял. Дрожащими руками он стал расстегивать футляр аккордеона. Вера подставила ему свою спину, он прислонился к ней и начал играть.

— Громче! — умоляла Вера. — Громче!

В колонии заканчивалась утренняя проверка. Дежурные офицеры по очереди докладывали старшему:

— Проверка сошлась!

— Проверка сошлась!

А третий офицер доложил:

— В четвертом отряде проверка произведена. Отсутствует один!

Старший помрачнел.

— Кто?

— Рябинин!

— Рябинин? — переспросил старший. — Значит, не вернулся?

— Так точно. Побег!

Но в этот момент до плаца донеслись далекие звуки. Где-то кто-то играл на аккордеоне. Старший офицер прислушался.

— Да нет. Здесь он! Он вернулся!..

А на дороге, спина к спине, сидели две маленькие, жалкие фигурки. Прямо над ними холодно сверкало низкое северное солнце, отражаясь в ледяном накате дороги. Платон все играл и играл. И оба они так и не знали — слышат их или нет?



Э. БРАГИНСКИЙ, Э. РЯЗАНОВ

**Забытая мелодия
для флейты**

Никогда не радуясь, что «Скорая помощь» едет не к тебе. Это вопрос времени. Главное, чтобы «Скорая помощь» не опоздала. Именно поэтому для нее не существует светофоров и правил уличного движения.

По заснеженной московской улице, подавая пронзительные сигналы бедствия и обгоняя всех, мчалась желтая реанимационная машина. Но человеческая жизнь все-таки не самое главное. Именно поэтому на одном из центральных перекрестков столицы дежурный регулировщик, получив приказ по миниатюрной рации, висящей на портупее, решительно вскинул руку с полосатым жезлом. Движение замерло. Все машины покорно остановились. Взвизгнув тормозами, застыла и «Скорая помощь». На перекрестке стало тихо. Машины прибывали и становились в хвост транспортной очереди. Легковые автомобили всех марок, автобусы и троллейбусы, пикапы, фургоны, крытые грузовики с надписями «Хлеб», «Молоко», «Одежда», «Живая рыба» и «Люди». Однако начальник перекрестка чего-то ждал. Раболопно молчал транспорт. Ожидание затягивалось. Пассажиры автобусов и троллейбусов нервничали, потому что опаздывали на работу. В фургоне «Хлеб» черствели батоны и буханки. В цистерне «Живая рыба» живая рыба становилась мертвой. В грузовике с надписью «Люди» мерзли солдаты. В реанимационной машине матерились врачи, потому что буквально в двух кварталах от перекрестка умирал человек.

Прошло ровно пять минут. Транспорта скопилось несметное количество. Регулировщик был привычно спокоен. По-прежнему ни одна машина не сигналила, ибо каждый водитель знал, в чем дело. Наконец из-за угла бесшумно показалась очень длинная, очень черная машина. Сзади вплотную к ней прилипла черная «Волга», вооруженная антеннами и еще кое-чем. Регулировщик отдал невидимому начальству честь и тотчас отрапортовал по рации то, что положено в таких случаях. Только тогда, когда обе знатные машины скрылись вдаль и стали недосыгаемыми, милиционер поднял жезл и разрешил народу ехать по своим делам. Правда, человек, к которому спешила «скорая помощь», успел за это время умереть. Звали его Леонидом Семеновичем Филимоно-

вым. Он был чиновником, и даже крупным чиновником. И хотя бюрократия вообще не умирает, с отдельными ее представителями этот прискорбный факт все-таки случается.

Вырвавшийся на свободу реанимобиль на максимальной скорости подкатил ко входу в Главное управление свободного времени при Совете Министров, которым еще минуту назад и руководил покойный Филимонов.

Кабинет, в который вбежала реанимационная бригада, был очень большой. Можно сказать, огромный, можно сказать, колоссальный, можно сказать, исполинский. Но можно этого и не говорить, потому что в данный момент данное обстоятельство значения не имело.

— Пульса нет! — констатировал врач, держа руку Филимонова.

По стенам жались и перешептывались сотрудники Главного управления.

— Как вы думаете, кого назначат на его место?

— Кого-нибудь да назначат...

— Готовьте к реанимации! — приказал врач. — Всем посторонним немедленно выйти отсюда. И побыстрее.

Кто-то вскрикнул.

Пока медики готовились спасти Филимонова, душа его, незаметно для окружающих, покинула тело.

Надо заметить, что душа внешне ничем не отличалась от тела. Душа его была одета в точно такой же строгий костюм с жилетом, в котором недвижно лежал сам Леонид Семенович.

Душа вышла из кабинета не открывая двери и направилась по коридору к лифту. Естественно, что сотрудники учреждения ее не видели. Обыкновенным смертным видеть душу не дано. Душа, ловко лавируя среди чиновников, вошла в лифт. Лифт взмыл вверх.

В лифте ехало несколько сотрудников.

— К кому «Скорая помощь» приехала? — спрашивал мужчина.

— Филимонов дуба дал! — бесстрастно ответила женщина.

— Надо же! — изумилась хорошенькая дамочка. — Первый день, как заступил в должность, и — здравствуйте!

— Не здравствуйте, а прощайте! — мрачно пошутил пожилой сотрудник.

— Да... не успел полакомиться! — подытожила хорошенькая дамочка.

Душа Филимонова слышала этот равнодушный не-

кролог, но поставить на место бывших подчиненных уже не могла.

Поскольку мы материалисты и, скорее всего, не верим в существование всякого эдакого, давайте именовать покойника попросту Филимоновым. Так будет удобнее.

Лифт остановился, все сотрудники вышли.

Из маленького окошка в дверце лифта Филимонов увидел, что кабина снова рванула вверх, пробила крышу здания и устремилась в небеса. При этом кабина чуть было не зацепилась за колокольню Ивана Великого, но вовремя изменила траекторию. Небеса стремительно приближались, а земля, соответственно, все более и более удалялась. Вокруг кружились и пенились облака.

Кабина, как космический корабль, пробивалась сквозь плотные слои атмосферы. Путь лифта был причудлив и извилист. Кабина поворачивалась, меняла направление, а один раз даже сделала мертвую петлю.

Наконец лифт неожиданно замер. Дверца распахнулась. Филимонов увидел балконный проем, ведущий в какую-то квартиру, и осторожно переступил порог.

Это была странная, обшарпанная квартира, собственно говоря, даже не квартира, а какие-то бесконечные коридоры и комнаты, заполненные людьми. Одной стены — наружной — в этой квартире не хватало. Далеко внизу медленно разворачивалась планета, и было легко догадаться, что это наша Земля. Создавалось отчетливое ощущение, что квартира плывет где-то в космическом пространстве. Облака проникали в квартиру, гулял по комнатам пронзительный ветер. Ослепительный яркий свет вдруг исчезал, и все погружалось в нестерпимую тьму. И снова сквозные лучи просвечивали толпу, как будто где-то на невидимых вышках работали могучие прожекторы.

Людей было неисчислимое множество, и все они скорбно брели в едином направлении. Это напоминало очередь, это напоминало пересыльный пункт, вызывало ассоциации с концлагерем.

Филимонов медленно передвигался в общем потоке, где больше всего плелось стариков, умерших попросту от смерти. Но в этой молчаливой роковой толпе Филимонов увидел и совсем молодых ребят в военной форме, искалеченных, изуродованных, обожженных. И он понял, что они из Афганистана. Тут были пожарные из Чернобыля, космонавты, милиционеры, жертвы катастроф — корабельных, железнодорожных, авиационных; врачи,

погибшие при эпидемиях, водолазы и просто люди, рано умершие от болезней, которые на Земле еще не научились лечить.

Вдруг Филимонову почудилось, что за ним кто-то наблюдает. Он обернулся и увидел двух стариков, глядевших на него с нежной горечью.

Филимонов, не ожидавший подобной встречи, в изумлении уставился на родителей.

— Я так рад вас видеть... Вы мне снитесь, да? — вымолвил наконец он.

— Неужели, сынок, тебя нельзя было спасти? — вырвалось у матери.

— Какое горе, что это так рано случилось! — печально произнес отец.

— Мама, я не понимаю... я что же... умер? — с трудом сказал Филимонов. — Папа, ответь!

Родители подавленно молчали.

— Выходит, загробная жизнь существует?

— Как бы тебе ответить... — в голосе отца звучала печаль, — в общем, это не жизнь.

— Я так хочу тебя обнять, но не могу! — сказала мать.

— Почему?

— Потому что нас нет!

— И меня нет? — спросил Филимонов.

— И тебя! — подтвердил отец.

— А эти люди? — спросил Филимонов, показывая на толпу.

— Очередь на суд. На Высший суд! — разъяснил отец.

— Перед судом дают свидание с близкими и родными... — добавила мать.

Авторы не знают, есть ли загробный мир или его нет. Но очень хочется верить, что он ЕСТЬ. Очень! Однако было бы естественно сначала рассказать о земном пути нашего героя, прежде чем переходить к его потусторонней жизни, то есть к тому, о чем авторы понятия не имеют. Во всяком случае, пока...

Итак, мягким осенним утром, за несколько месяцев до своей безвременной кончины, Леонид Семенович Филимонов, цветущий сорокалетний мужчина, бодро вынес себя из подъезда престижного дома, расположенного в тихом престижном переулке, и сел за руль престижного автомобиля. Филимонов тронул машину с места и включил приемник.

«Мы не пашем, не сеем, не строим,
Мы гордимся общественным строем»,

— донеслись из приемника ласковые голоса известных бардов, —

«Мы бумажные важные люди,
Мы и были, и есть мы, и будем.
Наша служба трудна изначально,
Надо знать, что желает начальник.
Угадать, согласиться, не спорить.
И карьеры своей не испортить.

Чтобы сдвинулась с места бумага,
Тут и гибкость нужна, и отвага.
Свою подпись поставить иль визу,
Все равно что пройти по карнизу.
Нас не бьют за отказы, запреты,
Мы, как в танках, в своих кабинетах.
Мы сгораем, когда разрешаем,
И поэтому все запрещаем.

Нет прочнее бумажной постройки,
Не страшны ей ветра перестройки.
Мы бойцы, мы служисты, солдаты
Колоссальнейшего аппарата...»^{*}

— Как это там? — подумал Филимонов. — Это надо запомнить.

И тут, словно по заказу, певцы повторили первый куплет, в котором и были строки, нужные Филимонову:

Мы не пашем, не сеем, не строим,
Мы гордимся общественным строем...

— Может пригодиться для какого-нибудь выступления как самокритика... — размышлял Филимонов, сворачивая во двор и останавливая машину возле ампирного особняка.

Здесь, в Главном управлении свободного времени, Леонид Семенович занимал одну из ключевых должностей — руководил всей нашей художественной самостоятельностью. На самый главный пост в этом здании он поднимется несколько позже.

Прежде чем пройти в свой кабинет, Леонид Семенович традиционно заглянул в приемную шефа, где хозяйничала бывалая секретарша, смахивающая на лошадь и пережившая уже не одного начальника.

— Доброе утро, Татьяна Георгиевна! Что у нас нового?

— Хорошо, что вы объявились. Ярослав Степанович чем-то разъярен! Вас требует.

^{*} Стихи Э. Рязанова.

Филимонов двинулся было к двери в кабинет руководства, но бюрократическая лошадь остановила его:

— Он уже на стройке!

Филимонов подскочил к раскрытому окну и увидел шефа в окружении свиты из трех подчиненных. Шеф, судя по жестике, громил прораба.

Главное управление свободного времени не отставало от всех остальных главных управлений, комитетов и министерств, которые расплзались по телу Москвы, как метастазы раковой опухоли. Все эти ведомства захватывали соседние дома, вышибая ни в чем не повинных жильцов на окраины города.

Главное управление свободного времени активно участвовало в перестройке. В первую очередь в перестройке оккупированного шестизэтажного здания.

Увидев Филимонова, Ярослав Степанович перестал терзать прораба и накинулся на подчиненного:

— Сейчас я тобой займусь! Ты тоже хорош!

Прораб использовал ситуацию и мгновенно исчез. Свита отступила куда-то в глубину. Строительство было пустынно и мертво.

— Это ты писал мое выступление в прениях? — понизив голос, чтобы никто не слышал, но тем не менее грозно спросил Ярослав Степанович.

Мимо них проехал кран, поднимая наверх кирпичи.

— А что? Там все в порядке, я читал вслух в вашем темпе. Ровно десять минут. В регламент укладывается.

— Теперь я тебе покажу, что ты мне подсунул! — Ярослав Степанович надел очки, вынул из кармана текст и начал с выражением: — «Дорогие товарищи империалисты! Наши враги обрушивают на нас потоки лживой пропаганды...»

Филимонов не мог не воскликнуть:

— Что за чертовщина! Извините, Ярослав Степанович, но там совсем не так! Разрешите, — Филимонов взял в руки текст: — «Дорогие товарищи! Империалисты, наши враги...» Все просто, после слова «товарищи» бледно напечатан восклицательный знак!

— Никому и ничего нельзя поручить! Представляешь, я бы с трибуны ляпнул: «Дорогие товарищи империалисты!» И это перед самым моим семидесятилетием...

— Кстати, я через тестя... — на всякий случай Филимонов понизил голос, — справлялся, вас представили на... — и он сделал жест, не оставляющий никаких сомнений, что представили на самую высокую награду.

— Ладно об этом, — с наигранным безразличием отмахнулся Ярослав Степанович. — Скажи, кто из наших умников вызвал хор из Тамбова на танцевальный конкурс? Знаешь, кто мне по-этому поводу звонил?.. Пятьдесят человек сорвали с работы...

— Виноватого, как всегда, найти нельзя, но, если вы сочтете нужным, виноватого можно назначить! — предложил Филимонов, следуя на полшага сзади от шефа.

— Леня, это тамбовское дело надо не раздувать, а «спустить на тормозах». Мне под самый мой юбилей эта тамбовская история ни к чему. А тестю от меня — сердечный привет.

В приемной, куда Филимонов вернулся после нахлобучки, он сказал секретарше:

— Татьяна Георгиевна! В машинке, на которой печатают для начальника Главного управления, плохо пробивается восклицательный знак.

Секретарь обладала чувством юмора:

— Это действительно безобразия! Восклицательный знак — это наш главный знак! Сегодня же починим!

В обязанности Леонида Семеновича входила идеологическая приемка театральных спектаклей, а также концертных программ хоров, танцевальных ансамблей и чтецов-декламаторов. Он был обязан также следить за цирковыми представлениями и эстрадными шоу. Но главным злом для Леонида Семеновича были расплодившиеся, как кролики, рок-ансамбли.

Сегодня Филимонову как раз предстоял спокойный денек. В клубе медиков была назначена сдача классической комедии Гоголя «Ревизор». Но пресловутое отсутствие цензуры, наивная вера в то, что демократия действительно наступила, привели к тому, что театральная молодежь распоясалась.

«Какое счастье, — думал Леонид Семенович, глядя на сцену, — что Гоголь не может увидеть этого безобразия!» Мысль о том, что Гоголю могло бы это безобразие понравиться, не приходила в начальственную голову Филимонова.

А на сцене в самом деле происходило черт-те что. Хлестаков танцевал брейк-данс, Марья Антоновна делала «шпагаты», Добчинский и Бобчинский по любому поводу отбивали чечетку, Городничий давал указания по телсфону и разъезжал по сцене в черном лимузине, Дер-

жиморда держал в руке маску с изображением собственной морды, а Ляпкин-Тяпкин был обвешан живыми щенками. Более того, царский жандарм был почему-то одет в милицейскую форму. Все это сопровождалось оглушающей, терзающей уши музыкой в стиле «Heavy metal» и «New wave».

Однако Леонид Семенович за последние два года видел и слышал и не такое. Он не нервничал, не злился, не возмущался даже про себя. Более того — он смотрел на сцену с удовольствием. Потому что Марья Антоновна, вернее исполнительница этой роли, была восхитительна. И не только как актриса... Филимонов где-то встречал ее раньше, но не мог вспомнить где? Зато Первый заместитель Филимонова Алексей Акимович Икшанов — тренированная идеологическая ищейка — испытывал ко всему происходящему на сцене идеологическую брезгливость.

По ходу представления режиссер шептал на ухо Филимонову:

— Наш Городничий, между прочим, шофер на «скорой помощи»!..

— Убедительный, — одобрил Филимонов.

— А Марья Антоновна — медсестра. Кстати, работает в вашем управлении.

— А-а... Да-да, знакомое лицо, — кивнул Леонид Семенович, поняв, почему лицо «Марья Антоновны» показалось ему знакомым.

— Очень талантлива, очень.

— Пластична, — согласился Филимонов, сказав чистую правду.

— А наш Хлестаков работает санитаром в морге...

— Где? — вздрогнул Филимонов.

— В морге.

— Очень живой...

Когда спектакль закончился знаменитой НЕМОЙ сценой и артисты замерли в неестественных позах, Филимонов барственно произнес:

— Так... Спасибо...

Режиссер повторил:

— Всем спасибо!..

— Давайте обсудим... — протянул Филимонов.

— А чего тут обсуждать-то! — вскочил с места Икшанов. — Глумление над классикой. Дискредитация автора.

— Но мы просто хотели приблизить классику к современности, вот и все... Понимаете? — занервничал режиссер.

— И поэтому посадили Городничего в «Чайку»? — змеино усмехнулся Икшанов.

— Ну какая «Чайка»? Это не «Чайка», это автомобиль вообще. Уберите!

И Добчинский вместе с Бобчинским вынесли со сцены фанерный автомобиль.

— А вы знаете, как это называется? — продолжал атаковать Икшанов.

— О-о! Знаем... — отозвалась Марья Антоновна. — Фига в кармане, твяканье из подворотни...

Все зашикали:

— Лида, да ты что?

— В прежние времена, — наконец заговорил Филимонов, — я бы, разумеется, закрыл это театральное хулиганство еще в первом акте.

— И правильно бы сделали, — встрял Первый заместитель.

— Но сейчас другое время, сейчас все можно...

— Ну, не все... — поправил начальника Первый заместитель.

— Скажите, а вы не боитесь, что зрители вас, ну, к примеру, побьют? — улыбнулся Леонид Семенович.

— И правильно сделают, — поддержал Икшанов.

— Вот кого мы не боимся, так это зрителей, — дала отповедь Лида. — Вы знаете, с этим у нас всегда в порядке...

— Правильно, правильно!.. Лида правильно говорит...

— Ну, раз вы такие смелые, дерзайте! — разрешил спектакль Филимонов.

И актеры закричали:

— Ура!

Счастливые артисты провожали начальство до машины:

— Благодарим вас, Леонид Семенович, за поддержку. Спасибо...

— Леонид Семенович, спасибо вам большое-пребольшое... — Лида с симпатией посмотрела на Филимонова. — Вы знаете, если честно, мы так боялись вашего прихода... думали — зарубите сейчас нам все это... А вы оказались таким...

— Ну зачем же... — Филимонов посмотрел на Лиду с еще большей симпатией. — Наша обязанность поддерживать все талантливое, творчески неожиданное, оригинальное...

А когда машина отъехала от клуба, Икшанов спросил:

— Как со всем этим быть?

— Чтобы я никогда больше этого не видел, — буднично ответил Филимонов.

— Понимаю. Сделаем. Не в первый раз, Леонид Семенович, — подчиненный знал начальника наизусть и привык к играм, которые давно велись в Главном управлении свободного времени.

Если вдуматься, то пост Начальника Главного управления свободного времени был приравнен к посту Министра, ибо Ярослав Степанович пользовался всеми министерскими благами и привилегиями.

В кабинете Ярослава Степановича шло заседание коллегии. Решались государственные проблемы.

— Ну, Сурова, докладывай, как Управление свободного чтения поворачивает читательские классы, как откликается на новые требования.

Сурова поднялась с места:

— Я предлагаю подняться на борьбу с макулатурой! Давайте вдумаемся в суть этого явления! Люди сегодня сдают на вес килограммы нашей идейной литературы в обмен на книгу какого-нибудь Симеона или... Дюма. Это сомнительный обмен.

— А может быть, они сдают плохую литературу? — цинично предположил Мясоедов.

— Может быть, плохую, но правильную! А как вам такое понравится? — экзальтированно продолжала Сурова. — Когда в магазин политической книги — там ведь издания копейки стоят — приходят люди, горы скупают и тут же несут на обмен?!

Ярослав Степанович возмутился:

— Безобразие! С этим необходимо беспощадно бороться. Какие предлагаешь меры?

— Поднять общественность и бить! Бить тревогу! На каждом приемном пункте вторсырья нужно организовать посты. В конце концов, можно привлечь общество книголюбов! Пускай при приеме макулатуры проверяют каждое печатное слово!

— Этого мало! — высказался Министр. — Необходимо составить список книг, которые запрещено сдавать в макулатуру.

— Уже создаются такие списки, — услужливо поддала начальница свободного чтения.

— Разрешите мне, Ярослав Степанович? — поднял руку Филимонов.

Ярослав Степанович питал к Филимонову слабость по трем причинам: во-первых, у Филимонова был могучий голос, если можно так выразиться — очень могучий. Во-вторых, по этой же причине, а в-третьих, Филимонов был в меру умен, в меру послушен, в меру обаятелен, в меру исполнительен, в меру самостоятелен.

— С удовольствием тебя послушаем!

— Да, честно говоря, даже не знаю, как начать, — шмялся Леонид Семенович.

— Да ты говори напрямую, — посоветовал шеф.

— Напрямую? — Филимонов колебался.

— Напрямую. Сейчас время такое.

— Ну что ж, напрямую — так напрямую! — Филимонов встал. — Ярослав Степанович, я отношусь к вам, как к отцу родному, но, вы меня простите, вы же безнадежно устарели.

Сурова ахнула.

— Вы реакционер! Вы — тормоз!

— Все? — сурово спросил Министр.

— Все! — бесстрашно ответил Филимонов.

Сотрудники оцепенели от страха.

И вдруг Ярослав Степанович дрогнул.

— Леня, — сказал он и поднялся из кресла. — Я уважаю твою принципиальность и уступаю тебе свое место! А сам отправлюсь на заслуженный отдых. Пока не погнались...

Секретарша подала пальто Ярославу Степановичу. Тот захлюпал носом, обнял Филимонова и обреченно побрел к выходу...

...Но все это было только в мечтах Леонида Семеновича. В реальности же все произошло совсем иначе.

Филимонов поднял руку:

— Разрешите мне, Ярослав Степанович?

— С удовольствием тебя послушаем. — Министр улыбнулся любимчику.

— Друзья мои! — проникновенно заговорил Леонид Семенович. — Сейчас у нас расцвет гласности и свободы — и это замечательно. Мы ничего не запрещаем, мы все разрешаем — и это тоже прекрасно. Но товарищи на местах в полной растерянности: свобода свободой, но до каких же пределов? Мне думается, что пора уже приступить к разработке документа, где будет четко определено: вот это граждане могут делать в свое свободное

время, а вот этого они в свое свободное время делать не должны!

— Молодец! Правильно! — одобрил шеф.

Сослуживцы заплодировали.

— Действительно, стало очень трудно работать, — пожаловался Одинков, который возглавлял ведомство рыболовов и охотников. — Хотелось бы получить директиву или еще чего...

— Ну, это получишь, — пообещал Мясодев, командовавший самодеятельными художниками.

У каждого человека свои семейные болячки. Дочь Филимонова вышла замуж за лоботряса, который барабанил в одном из бесчисленных ленинградских рок-ансамблей. Жена Филимонова, Елена Федоровна, устроила себе командировку в Ленинград на архитектурный симпозиум как ради симпозиума, так и ради дочери.

После заседания коллеги Филимонов из своего кабинета позвонил в Ленинград жене. Обменявшись дежурными приветствиями, Леонид Семенович заговорил на большую тему:

— Как она могла выйти замуж за такое ничтожество? Передай зятю, пора ему перебираться в Москву. Пусть кончает со своим барабаном. Мы его устроим в академию конъюнктуры... Что значит не хочет? Как там у вас погода в Ленинграде? Расскажи, как прошел твой доклад? Рассказывай подробно, я ведь с работы звоню! Бюджет нашего управления выдержит. — И Филимонов засмеялся.

Тут к нему в кабинет без стука вошел Начальник Управления внешних сношений. Он был весьма озабочен:

— Леонид Семенович, вот анкеты, заполните в двух экземплярах...

— Ко мне народ пришел, — сказал в трубку Леонид Семенович. — В общем, перед приездом позвони, я тебя встречу, соскучился. Целую. — Он прикончил семейный разговор и взял анкеты: — Приятный сюрприз. Куда?

— В Австрию, на фестиваль любительских театров.

— Дорогой мой, ну неужели вам не надоело? Я ведь проверенный-перепроверенный, я десятки раз бывал за границей, и если бы хотел сбежать, я бы давно уже это сделал, у меня была масса возможностей. Ну зачем мне в очередной раз заполнять все эти бесконечные анкеты? Почему вы мне-то не доверяете?

— Не доверять — наша профессия, — улынулись «внешние сношения». — И не забудьте фотографии — двенадцать штук, четыре на шесть.

— Леонид Семенович! Берегитесь! Тамбовский хор! — влетел в кабинет Икшанов, а вслед за ним с оглушительным шумом и криками хлынула толпа дорожных женщин.

Самая толстая хористка перекричала всех:

— Бабы! Тихо! Тихо! Товарищ Филимонов, кто ответит за этот бардак?

— Какой идиот вызвал хор на танцевальный конкурс? — выкрикнула девушка в очках. — Гостиницей не обеспечили!

— Пятьдесят человек на вокзале ночевали! — галдел хор. — Вы знаете, за кого нас там приняли?

Хор прижал чиновников к письменному столу.

— Товарищи! Управление приносит вам свои глубочайшие извинения, — пролепетал Филимонов.

— Что нам с ваших извинений! — заорал хормейстер. — А этот ваш отказывается купить нам обратные билеты в Тамбов.

— Не забываетесь! Где вы находитесь?!

— Товарищи! Билеты — не проблема, билеты — пустяк. Билеты мы купим, — пообещал Леонид Семенович.

— Извините, извините, за счет каких фондов? — вернул его на землю Икшанов.

— Вот видите! Возмутительно! — продолжал бунтовать хор.

— Товарищи... Товарищи! — Филимонов пытался перекричать пятьдесят голосистых женщин. — У меня появилась, по-моему, замечательная идея, которая устроит всех: почему бы Тамбовскому хору не дать несколько концертов на берегу Черного моря?

Хор заплодировал и одобрительно загудел.

— Тихо! Если предстоят ответственные гастроли, — вмешался Икшанов, — то надо утвердить репертуар!

— У нас прекрасный репертуар! — похвастался хормейстер.

— Неутвержденный репертуар не может быть прекрасным! — парировал Икшанов.

— Сейчас мы вам его и покажем! — сказал хормейстер.

— А вот петь не надо! — взмолился Филимонов.

— Нет, мы будем петь! — уперся хормейстер. — Мы специально для этого конкурса приготовили песню. Музычка моя.

Дирижер взмахнул руками, и хор мгновенно запел:

«Весенней ночью думай обо мне,
И летней ночью думай обо мне.
Осенней ночью думай обо мне,
И зимней ночью думай обо мне —
Обо мне...»

Сквозь плотный строй женщин, пожирая их глазами, пробирался Мясоедов — главный бабник Главного управления.

Хор воодушевился:

«Пусть я не там с тобой, а где-то вне...
Такой далекий, как в другой стране...
На длинной и прохладной простыне.
Покойся, словно в море на спине,
Отдавшись мягкой медленной волне,
Со мной, как с морем, вся наедине...»

Тут Филимонов заплодировал, прерывая песню.

— Вам действительно понравилось? — доверчиво спросил хормейстер.

— Ну как это может не понравиться: на спине, на простыне, отдавшись, понимаете... Со мной наедине... Очень симпатично. И самое главное — принципиально ново для нашего репертуара...

Мясоедов хихикнул.

Опытный хормейстер тотчас сориентировался:

— Нет, но когда поет хор, слов все равно не разобрать, а музыка хорошая!

— Я на вашем месте все-таки... — посоветовал Филимонов, — пропагандировал бы что-нибудь другое. Что-нибудь не столь сексуальное.

— Вы нам запрещаете эту песню?

Филимонов ласково улыбнулся:

— Товарищи! Мы никогда ничего не запрещаем. Мы только советуем. Только советуем.

— Но из песни слова не выкинешь? — произнесла одна из солисток.

Еще как выкинешь! — ухмыльнулся Икшанов.

— Значит, так, товарищи... — приготовился к речи Филимонов. — Наше Главное управление свободного времени, собственно говоря, для того и создано...

Но для чего создано это управление, хору узнать не удалось. Филимонов вдруг схватился за сердце:

* Стихи Е. Евтушенко.

— Извините, товарищи, что-то мне сегодня нехорошо, сердце поджимает...

— Леня, что с тобой? — обеспокоенно спросил Мясо-едов.

— Но все-таки я не понимаю! — начал было хормейстер. — Эта песня...

— Потом, потом... — обеспокоенный Икшанов кинулся к своему шефу — Вы что, не видите, Леониду Семеновичу плохо.

На первом этаже Главного управления, в служебной поликлинике, раздался телефонный звонок. Трубку сняла дежурная медсестра Лида — та самая, что в самодеятельном спектакле играла Марью Антоновну, — и услышала изволнованный голос Мясоедова:

— Срочно! Товарищу Филимонову плохо с сердцем!..

...Филимонов лежал опутанный проводами, глядя, как Лида снимает кардиограмму.

— Вот как жизнь поворачивается — наконец-то я в ваших руках!

— Сделайте глубокий вдох и не дышите! — Лида была поглощена делом.

Филимонов послушно перестал дышать.

— Теперь можете дышать!..

— Лида, вы играли в «Ревизоре» очень смешно. Я так хохотал! Вот уж не думал, что в нашем управлении могут работать талантливые люди...

Лида вынула из кардиографа длинную ленту, испещренную непонятными знаками, и передала доктору.

— Я, конечно, не врач, — шепнула она Филимонову, — но, по-моему, ничего серьезного.

— А вы никогда не собирались поступать на актерский?

— Собиралась. Но теперь уже поздно.

В тот же вечер Лида с медицинским чемоданчиком в руке искала на лестничной площадке квартиру Филимонова. Подошла к двери, позвонила.

Филимонов в это время со стаканом воды стоял над несчастным растением, явно умершим от засухи. Поливать его было уже бесполезно, но для очистки совести он все-таки закончил оросительные работы и отворил дверь.

Как вы себя чувствуете? — спросила Лида.

— Значительно лучше. — В руках Филимонов держал бывшее растение. — Вот жена наказала поливать, а он засох, цветок проклятый.

— Где можно помыть руки?

— Прошу! — Филимонов показал Лиде дорогу в ванную.

— Налейте туда крепкий раствор аспирина, — посоветовала Лида, — может, цветок очухается. — Лида мыла руки. — Правда, так спасают цветы, которые стоят в воде, но вы ничем не рискуете.

Филимонов протянул ей полотенце.

Потом Леонид Семенович с закатанным рукавом покорно сидел на стуле, а Лида привычным движением выпустила из шприца воздух и приступила к процедуре.

Филимонов даже не поморщился и восхищенно сказал:

— Вы виртуоз!

— Наловчилась! Вы у меня сегодня восемнадцатый. И последний. — Лида собрала свой чемоданчик и направилась к выходу.

— Извините, Лида, — задержал ее Филимонов. — У вас с собой аспирин не найдется? Вы же сами цветку прописали...

— Сейчас поищу! — Лида начала рыться в чемоданчике, достала лекарство. — Людям прописывают по таблетке три раза в день.

— Но он же при смерти! — воскликнул Филимонов.

— Тогда заставьте его принять шесть таблеток сразу, пусть как следует пропотеет!

Провожая Лиду, Леонид Семенович невольно оглядел ее и вспомнил, что он, черт побери, все-таки мужчина.

— Сейчас на дворе ливень. Может, мне вас домой отвезти?

Лида с некоторым удивлением взглянула на Филимонова.

— Спасибо. Но мне еще в магазин надо, а то в холодильнике пусто.

— Это мне повезло, что у вас дома есть нечего! — обрадовался Филимонов. — Может быть, вы останетесь?

— Зачем?

— Поужинать!

Лида усмехнулась:

— Это как понять, Леонид Семенович, вы что меня, кленте? Или на вашем бюрократическом языке это называется подбором кадров?

— Сам себе удивляюсь! — признался Филимонов.

Лида продолжала насмешничать:

— В отличие от отдела кадров здесь фамилия, имя, отчество, место рождения и образование значения не имеют. Важен возраст, место жительства и номер телефона.

— Зачем же вы все так заземляете? — с укором сказал Филимонов.

— Знаю мужчин. И так, возраст — тридцать. В самый раз. Зато живу у черта на куличках. На работу добираться с двумя пересадками или на электричке. И комната у меня в коммуналке. Соседи... а телефона нет. Так что я объект для вас неподходящий!

— Не обижайте меня! — попросил Леонид Семенович.

— Ладно уж. Несколько минут посижу! — после паузы сказала Лида. — Хорошая у вас квартира.

— Хорошая! Только трамвай слышно. Особенно по ночам.

Она стала ходить по комнате, оглядывая помещение.

— Кругом беспорядок! — метко заметила Лида. — Жена в отъезде?

— В командировке! — заговорщически подтвердил Филимонов.

— Ясно... А дети? Тоже в командировке?

— У меня дочь, — объяснил Филимонов. — Недавно замуж вышла и уехала к мужу в Ленинград. А он — такое ничтожество...

— Ну, что ж, — подытожила Лида. — Ситуация простейшая. Давайте ее обсудим.

— Давайте лучше обсудим меню! — предложил Филимонов и распахнул дверцу бара, в котором сверкали разноцветные этикетки разнообразных напитков. — Выбирайте!

— Ого! — оценила Лида. — Когда в доме полно выпивки, значит, хозяин непьющий!

— Я всегда был непьющий. А сейчас это оказалось в жилу.

Филимонов перешел к холодильнику, начал накрывать на стол:

— Вы какую икорку предпочитаете, красную или черную?

— И ту, и другую!

Филимонов уставлял стол различными редкими яствами.

— Вы это каждый день едите? — не удержалась от подковырки Лида и сняла белый халат.

Филимонов, улыбаясь, развел руками:

— Как бы это сказать.. должность такая.. в общем, нахожусь около...

— Сейчас я вас сильно объем! — пообещала Лида. — Скажите тост-то!

Они уселись за стол, и Филимонов поднял бокал.

— Обычно пьют за здоровье. Я предлагаю — за мою болезнь, которая нас познакомила!

— За болезнь — с удовольствием! — подхватила Лида и пригубила. А потом с аппетитом набросилась на еду. — Будь все здоровыми, ходила бы я безработной. Крабы — объедение!

Филимонов не сводил с Лиды глаз:

— Вы правы, крабы на самом деле неплохи!

— А ветчина! — восторгалась Лида. — Я обожаю ветчину!

— Вы правы, ветчина, в самом деле... свежая! — Филимонов по-прежнему смотрел на Лиду. Но для приличия пожевал: — Хорошая ветчина, прекрасная, я бы сказал, великолепная...

Лида не выдержала и громко расхохоталась:

— Но вы же едите грибы!

— Разве? — Филимонов тоже рассмеялся. — Я был убежден, что ем ветчину. — И добавил уже без улыбки: — У меня голова кружится... Можно я вас поцелую?

— Первый раз вижу мужчину, — созналась Лида не без иронии, — который спрашивает на это разрешение.

Филимонов неловко поцеловал Лиду.

— Теперь я вас обниму! — Филимонов гнул свою линию.

— Минуточку, я икру доем.

— Ешьте, ешьте... — Филимонов терпеливо ждал.

— Все. — Лида расправилась с икрой.

Филимонов изловчился и обнял женщину.

— Я пока грибочек возьму! — решила в этот момент Лида.

Филимонов обиженно отстранился.

— Кстати, стоило вам заболеть, как ваш заместитель запретил нам спектакль!

— Как запретил? На каком основании? — неподдельно сыграл возмущение Филимонов.

— Мы так привыкли, что из вашего управления приходят невежды и вставляют палки в колеса...

Леонид Семенович тотчас набрал номер Икшанова:

— Алексей Акимович, это я!.. Ко мне поступил сигнал. На каком основании вы запретили «Ревизора» в клубе медиков?

На другом конце провода Икшанов поначалу оторопел, но он достаточно хорошо знал своего начальника и был по-чиновничьи очень даже неглуп!

— Все было элементарно... Я сбегал к Ярославу, настучал, Ярослав рассердился и запретил... Валите на Ярослава! Тем более его дни сочтены... Эта версия годится?

— Черт знает что! — вспыхнул Филимонов, шваркнув трубку, и огорченно сообщил: — Кто-то о вашем спектакле донес Ярославу Степановичу, он — человек старой формации, разбушевался и запретил! Не хочу кривить душой, но в этой ситуации я бессилён!

— Спасибо за откровенность! — искренне сказала Лида. — Я пойду.

— Лида, не оставляйте меня одного!

— Мне надо идти...

— Муж ждет?

— Был бы у меня муж, меня бы здесь не было.

— Ладно, — голос Филимонова звучал жалобно. — А я сейчас помою посуду и буду смотреть телевизор.

— Ой, хитрюга! Хорошо, я помою посуду. Это все-таки не мужское дело. — Лида тоже хитрила. Ей, видно, не очень-то хотелось уходить.

— Вот и правильно, — обрадовался Филимонов. — Больше всего на свете не люблю мыть посуду.

— Тут же целая гора! — воскликнула Лида, подойдя к мойке.

— Ну, Лидочка, это за три дня.

— Понятно. Леонид Семенович, а вы у нас тоже, оказывается, артист.

— В смысле?

— Скромника играет... Можно я вас поцелую... — иронизировала Лида.

— Хотите — верьте, хотите — нет, Лидочка, но у меня ведь очень небогатый опыт в смысле общения с женским полом.

— Я заметила. И оценила.

В это время позвонили в дверь.

— Черт! Сослуживцы, наверное... Обещали навещать. — Филимонов поспешно схватил бутылку вермута и сунул в кухонный шкафчик.

— Ой, как вы испугались, Леонид Семенович... — умехнулась Лида.

— Я испугался?.. А чего мне пугаться? — хорохорился Леонид Семенович.

В дверь позвонили еще раз.

Несчастный Филимонов сказал как бы небрежно:

— Лидочка, а что если вы наденете свой халат? Ну, просто, так сказать, ну... накинете...

— А зачем? — невинно спросила Лида.

За дверью не унимались, звонок продолжал терроризировать Филимонова, и он обреченно пошел навстречу опасности. Открыл дверь. За дверью стояли встревоженные сослуживцы — Сурова, Мясоедов, Одинков.

— Жив! — облегченно выдохнул Мясоедов.

— Как вы себя чувствуете? — сердобольно спросила Сурова.

— Э-э-э... Спасибо... Ничего... — мялся больной. — То есть нет, конечно, кое-какой дискомфорт э-э-э... есть, но уже лучше...

Троица коллег продолжала топтаться на лестничной площадке.

— Уже лучше... так, слабость. Но, в общем, ничего. Ничего, — тянул резину Леонид Семенович.

— Может, все-таки разрешишь войти? — по праву близкого приятеля укорил хозяина Мясоедов.

— Да, пожалуйста... конечно! — спохватился Филимонов. — Я очень рад, что вы пришли. Прошу.

— Ой, Ленечка, время сейчас такое... Дома отсиживаться опасно, — говорил Мясоедов, снимая плащ.

— Что на работе? — спрашивал Леонид Семенович, вешая в шкаф пальто Суровой.

— Хаос демократии, — отозвался Одинков. — Ходят ужасные слухи.

— Общий психоз и паника, — поддержала тему Сурова.

— Докатались до выборов руководства! Ничего! — жестко сказал Одинков. — Мы своего не отдадим.

Войдя в квартиру, сослуживцы сразу обнаружили Лиду, которая успела надеть белый халат и вдохновенно, чтоб не сказать демонстративно, занималась мытьем посуды.

— Да тут уже стол накрыт... Здравствуйте, Лида! — растягивая слова, почти пропел Мясоедов. — Какой прекрасный сюрприз! — И повернулся к хозяину: — Ты, Ленья, отхватил самую очаровательную медсестру во всем нашем бесплатном здравоохранении!

— Что значит — отхватил? — недовольно переспросил Филимонов. — Человек пришел мне делать укол!

Однако Сурова не удержалась от подковырки:

— Со стороны человека весьма благородно — не только оказать медицинскую помощь, но и заодно помыть посуду!

Филимонов стал оправдываться:

— Я тут развел свинюшник... Чтобы мне не влетело от Елены... я попросил медсестру убрать... она любезно согласилась...

При этих словах Лида презрительно посмотрела на Филимонова.

Одинков развернул пакет и вынул здоровенную рыбину.

— О-о! Какая рыба! Где достали? Неужели в магазине? — немедленно отреагировала Сурова.

— «В магазине!» Сейчас в морях такой нет! — гордо сказал Одинков и пояснил: — Сегодня я инспектировал одну рыболовную базу...

— Подарили? — поинтересовалась Лида.

— Он там все у них отнимает!.. — улыбнулся Мясо-едов.

Сурова продолжала досмотр:

— А медсестра еще любезно согласилась закусить...

— Ну, не ходить же голодной... — с вызовом отрезала Лида.

— Да... Нет... Я тут уже обедал, — запинался Филимонов, тщетно пытаясь спасти положение, — а тут вот пришла Лида, и мы перехватили по бутерброду...

— Однако и фужеры на столе... — связвила Сурова.

— Хватит паясничать! — спокойно сказала Лида. — Да, я обедала и пила «Чинзано». А по-вашему, меня за стол нельзя посадить? А потом сама надумала убрать...

— Да, кстати, Лидочка, спасибо вам огромное...

— Пожалуйста, пожалуйста... — снисходительно покивала Лида.

— Девушка, как хорошо, что ты здесь, — вмешался (О)динков, — иди к плите, жарь рыбу! А мы тут «пулечку» сгоняем.

— Я бы с удовольствием и это сделала, но, понимаете, время... Надо уходить.

— Что такое? Отставить разговорчики! — солдафонское прошлое Одинкова вылезло наружу. — Марш к плите! Жарь рыбу!

— В следующий раз, сегодня никак не могу! — Лида направилась к выходу.

— Оставайтесь, Лидочка, я вас умоляю... Я вас прово-

жу потом. — Мясоедову явно нравилась Лида, как, впрочем, и все остальные хорошенькие женщины.

— Интересно, сколько сегодня берут за мытье посуды? — не унималась Сурова.

— Я это делала на общественных началах... — Лида тоже не лезла за словом в карман. — Вроде субботника.

— За субботники не платят и правильно делают! — сказал Одинков.

— Ленечка, не скупись! — пошутил Мясоедов.

— Расплачивайтесь! — подхватил Одинков.

Филимонов пребывал в растерянности.

— Могу одолжить... — ласково предложила Сурова.

— Да? Действительно... Лида, сколько я вам должен? — забормотал Леонид Семенович.

Лида остановилась в дверях и с любопытством ободрилась.

— Сколько же с вас содрать? — хулигански спросил Лида. — Ну уж не меньше пятерки!

Филимонов сгорая от стыда, приблизился к Лиде и неловким жестом сунул ей в кармашек мятую купюру.

— Не отказывайтесь, прошу вас!

— Бери на память! — И, подхватив свой медицинский чемоданчик, Лида вышла из квартиры.

Когда за ней захлопнулась дверь, Сурова высказалась:

— Вульгарная особа! С ней, говорят, путалось все наше учреждение!..

Когда Филимонов наконец выпроводил гостей, он опротясь выбежал во двор и впрыгнул в свой престижный автомобиль. Вскоре Леонид Семенович оказался на московской окраине. Он медленно ехал, разглядывая номера домов, миновал пожарную команду.

Ворота пожарной части были распахнуты настежь. Три красных грузовика, поставленные моторами в дверь, были готовы к выезду. Пожарники скатывали серый брезентовый шланг.

Напротив пожарной команды доживал свой век старый двухэтажный дом. Автомобиль остановился. Филимонов вышел из машины, сверил по бумажке адрес, достал с заднего сиденья огромный букет цветов и направился к подъезду.

У входа в квартиру номер три он увидел табличку «Мельниковой 2 звонка» и позвонил два раза.

Лида в домашнем ситцевом халатике подбежала к двери и, прежде чем открыть, посмотрела в глазок.

Увидев Филимонова, Лида поколебалась секунду, а затем заторопилась на кухню, где ее соседка Люся, держа в руках ребенка, готовила ужин.

— Люся, там ко мне пришли... открой и скажи... — тут она призадумалась, — скажи, что я не одна...

— А кто у тебя?

— Тьфу ты! Никого!

Звонок прозвенел еще два раза.

Люся передала Лиде ребенка и пошла отворять.

Узнав Леонида Семеновича с пышным букетом в руках, она, как говорится, остолбенела:

— Здравствуйте, товарищ Филимонов!

— Добрый вечер! — сдержанно ответил Леонид Семенович. Он не слишком обрадовался, что его узнали, но отступить было некуда. — Откуда вы меня знаете? Я вас, кстати, где-то видел...

— Вы меня видите каждый день — пропуск мне предъявляете. На работе я в милицейской форме.

— Лида дома?

Люся изобразила замешательство:

— Дома-то она дома. Только... она не одна.

Этого Филимонов не ожидал.

— Ну что ж... передайте ей, пожалуйста, букет... Я сейчас напишу записку!

Он черкнул на листке бумаги несколько слов и отдал Люсе.

Как только за Филимоновым захлопнулась дверь, Лида выскочила в переднюю. На руках она держала Люсиного ребенка. Сама Люся с интересом читала записку.

— Ты что в чужие письма нос суешь?

— Ты мне не чужая! — возразила Люся и прочла вслух: — «Лида, извините меня. Я вел себя, как последний подонок!» А что он тебе такого сделал?

Лида возвратила ребенка Люсе и взяла букет.

— В общем-то ничего!

— А чего он приезжал-то?

— Ухаживает!.. — небрежно бросила Лида.

— У, Лидка, — искренне позавидовала Люся. — Так высоко ты еще не поднималась!

Почему люди тянутся в художественную самодеятельность? Почему они любят бесплатно петь, танцевать,

играть спектакли? Почему они не жалеют на это своего свободного времени? Наверное, потому, что в каждом человеке живет тяга к прекрасному, в каждом человеке сидит артист и каждому человеку хочется скрасить унылую монотонную жизнь...

Черноморские гастроли, обещанные Тамбовскому хору, не оправдали лучезарных надежд: море оказалось холодным, фрукты — дорогими, а самих исполнителей было больше, чем зрителей, которые приходили на концерты.

На фоне знаменитого по открыткам «Ласточкиного гнезда» пятьдесят крупных женщин в буйно-красных псевдонародных костюмах самозабвенно выводили:

«Весенней ночью думай обо мне,
И летней ночью думай обо мне...»

А Леонид Семенович Филимонов, который удачно сплавил на юг Тамбовский хор, конечно, тут же позабыл о его существовании. Жена Филимонова все еще пребывала в Ленинграде, а сам Леонид Семенович по-прежнему бюллетенил, сидел дома, и главное, чем он занимался, — думал о Лиде. Можно даже сказать, мечтал о ней...

Неожиданно Леонид Семенович срочно понадобился шефу, и тот послал за ним свою персональную машину. По дороге в главк Филимонов размышлял — спуститься вниз в поликлинику, якобы на укол, или вызвать медсестру на дом? Сравнив оба варианта, Филимонов остановился на втором, поскольку он, безусловно, был более перспективен.

Войдя в приемную Ярослава Степановича, Филимонов увидел начальников разнообразных управлений и отделов, которые сидели мрачно, как на похоронах.

— Что случилось? — спросил Филимонов, чутко уловив обстановку. — Почему человеку не дают спокойно поболеть?

Татьяна Георгиевна, секретарь Ярослава Степановича, как всегда одетая в безукоризненно накрахмаленную белую блузку, ответила четко:

— У нас случилось ЧП! Ярослав Степанович ждет вас! Филимонов поспешно проследовал в кабинет.

Ярослав Степанович был в кабинете один. Повернувшись к входящему, он сразу сказал главное:

— Леня, стройку законсервировали. Это плохой признак!

— Понял, — кивнул Леонид Семенович. — Ну что, Ярослав Степанович, звонить?

— Звони! — руководитель был доволен смышленным чиновником. — Вон по «Тому» аппарату́.

Филимонов поднял трубку «Того» аппарата, набрал номер:

— Федор Демьяныч?.. Это Леня! Здравствуйте, как ваше самочувствие?

Ярослав Степанович напрягся, пытаясь угадать, что говорит невидимый и неслышимый Федор Демьяныч. Он даже наклонил голову, стараясь приложиться ухом к трубке, но Филимонов отодвинулся.

— Лена еще в Ленинграде... — продолжал Филимонов беседу с тестем. — Я с ней вчера разговаривал. Ее доклад прошел блестяще... Федор Демьяныч, извините, что я вас беспокою на службе. У нас тут в главке ЧП. Законсервировали строительство нового здания. Ходят слухи, что нас вообще собираются ликвидировать.

Поскольку тесть Филимонова — фигура собирательная, то мы описывать его не будем.

— Леня, тебя планируют вместо старого осла Ярослава...

— Я как раз звоню из его кабинета, — поспешно вставил Филимонов, явно боясь, что Ярослав Степанович услышит.

— То я не думаю, — продолжал тесть, — чтобы вас разгоняли... Но справки, на всякий пожарный, наведу...

Филимонов повесил трубку и сказал:

— Вам привет от Федора Демьяныча. Он думает, что тревога ложная. Но справки, на всякий пожарный, наведет...

Ярослав Степанович сказал в селектор:

— Таня, зови всех!

Сурова, Мясоедов, Одинков, Икшанов и другие чиновники потянулись в кабинет шефа.

— Товарищи, — сразу оповестил Ярослав Степанович, — я думаю — тревога ложная. Но справки, на всякий пожарный, наведу...

Вечером того же дня Филимонов был занят важным делом — готовился к приходу Лиды. Он зажег витые красные свечи на обеденном столе, где в большой хрустальной вазе красовался роскошный розовый виноград. В вазочке лежали конфеты «Мишка» и «Белочка», коробка с заграничным печеньем была небрежно открыта. Фи-

лимонов, как художник, обвел глазами натюрморт, остался доволен, подошел к магнитофону и поставил кассету. Зазвучала нежная музыка. В это время раздался долгожданный звонок. Филимонов рысью помчался к двери и отпер ее.

— Как вам не стыдно пользоваться служебным положением! — снимая плащ, гневно сказала Лида вместо приветствия.

— Служебное положение существует именно для того, чтобы им пользоваться. — Филимонов не смог скрыть радости от прихода Лиды.

— Вы же были на работе. Почему не спустились ко мне в поликлинику сделать укол?

— Что я, дурак, что ли? — озорно усмехнулся Филимонов.

— Где можно помыть руки? — сердито спросила Лида.

— Там же, где в прошлый раз, — растерялся Филимонов.

— У меня по двадцать вызовов каждый день — забыла! — отрезала Лида.

Пока она мыла руки, Филимонов заискивающе держал полотенце:

— Лида... Извините меня... Я вел себя с вами... Честное слово, я сам себя презираю.

Войдя в комнату, Лида мгновенно оценила обстановку:

— Зажгите верхний свет! Мне темно, я могу промахнуть!

— Может, обойдемся без укола, я себя прекрасно чувствую!

— Не выйдет! — Лида достала из своего чемоданчика шприц. — Симулянтов надо наказывать.

Филимонов покорно завернул рукав рубашки и вздрогнул:

— Ой, больно...

— Ну, я пошла!

— Не уходите, я вас так ждал, так готовился.

— Я это заметила, — сухо сказала Лида и направилась к двери. — Я опаздываю на репетицию.

— Что бы мне такое придумать, чтобы вы остались? Лида! А хотите, я встану перед вами на колени?

— Это будет слишком театралью, — забраковала предложение Лида.

— Да? Ну тогда... тогда... Тогда вот! — И Филимонов поднапрягся и встал на голову.

Лида рассмеялась.

— Ну, скажите честно, вы когда-нибудь видели начальника управления, который бы стоял перед женщиной на голове?

— Нет, не видела, Леонид Семенович, но для больного вы слишком приткий.

— Так я же отпетый симулянт, — весело напомнил Леонид Семенович, вставая на ноги.

— Но я действительно опаздываю на репетицию.

— А я вас доведу! — азартно сказал ухажер.

— Леонид Семенович! Я вас хочу предупредить, что со мной вы зря теряете время.

— А я все равно вас доведу!

— Ну, как хотите, — вроде бы нейтрально ответила Лида.

— Спасибо, — обрадовался Филимонов.

Пока Леонид Семенович вез Лиду к клубу медиков, он волновался, как бы ниточка, которая вроде возникла между ними, снова не оборвалась.

— Я буду ждать вас после репетиции! — просительно сказал он, и голос его даже слегка дрожал.

— А вы не бойтесь, что наши вас засекут?

— Да, честно говоря, мне бы не хотелось, чтоб ваша актерская шайка меня обнаружила! — откровенно признался Филимонов. — Я вас буду ждать вон за тем углом!

Ждал Филимонов долго. Наконец Лида вышла из подъезда клуба медиков, попрощалась с товарищами и направилась к филимоновскому автомобилю.

Филимонов открыл дверцу. Лида увидела букет.

— Леонид Семенович, я могу к этому привыкнуть.

— Именно к этому я и стремлюсь! — признался Филимонов. — Садитесь, пожалуйста.

Лида забралась в машину, полюбовалась цветами:

— Куда поедем?

— Не знаю... Я... я вообще как-то не знаю... как себя с вами вести.

— А чего вы хотите-то?

— Всего... — сказал Филимонов.

— С какой стати?

— Да, да, конечно, — поспешил согласиться Филимонов, — я понимаю... но вы знаете — со мною происходит... что-то такое...

Мимо ехали автомобили с зажженными фарами, и световые блики пробегали по лицам героев.

— Развлечься захотелось?

— Не думаю... — тихо сказал Филимонов.

— А что вы думаете?

— Ничего не думаю.

Лида улыбнулась:

— Леонид Семенович, а вам идет ничего не думать!..

— Вы думаете?

— Я думаю. — И Лида спросила: — Так куда мы едем?

— А мы разве едем?

— Пока мы стоим.

— А я думал, мы едем... — сказал Филимонов. — Давайте поедем. Куда?

— Куда хотите!

А куда я хочу? вслух спросил Филимонов и вдруг добавил: — Сердце заболело. Он сообщил это безо всякой тревоги.

— Вам плохо? — забеспокоилась Лида.

Нет, хорошо. Оно как-то по-новому болит. Приятно...

— У вас есть с собой валидол или нитроглицерин?

Есть, но мне не надо. Лида...

— Что?

Лида... — повторил Филимонов.

— Я слушаю...

— Лида...

— Да?

— Лида, я не могу объяснить... но я... я...

Лида посмотрела на него долго-долго и потом произнесла:

— Да и не надо ничего объяснять.

Пусть читатели простят авторов, но мы не в силах скрыть того, что произошло потом.

Филимонов и Лида лежали на тахте в Лидиной комнате. По счастью, сейчас они были накрыты одеялом, и поэтому было трудно догадаться о степени их неодетости. Кроме того, в комнате было темно. Лишь из окна падал свет уличного фонаря.

Раздался стук в дверь.

— Не открывай, тебя нету! — прошептал Филимонов.

После некоторой паузы стук повторился.

— Лида, ко мне гости пришли. Мне нужна твоя посуда! — послышался женский голос.

— Молчи, это Люся! — испуганно прохрипел Филимонов.

— Я тоже думаю, что это Люся! — с юмором согласилась Лида.

— Лидка, открывай! — настаивала Люся. — Я знаю, что ты дома!

— Она не отстанет! Она милиционер! — тихо сказала Лида и крикнула: — Сейчас, обожди!

Лида вылезла из постели в чем была. Сняла со стула одежду Филимонова и спрятала под одеяло. Затем аккуратно накрыла перепуганного любовника с головой и для вящей убедительности бросила сверху пару подушечек. Оглядев картину конспирации и получив удовлетворение, Лида зажгла торшер и отперла наконец дверь, предварительно, разумеется, накинув на себя халат.

— Мне нужны тарелки, — затараторила Люся, — вилки, ножи, а потом это твое синее блюдо!

Лида полезла в буфет.

— Кого прячешь? — громко спросила Люся, изучая тахту и предательские ботинки, о которых забыли подпольщики.

— А тебе какое дело?

— Неужели Филимонов?

В это время из-под одеяла высунулась рука, схватила ботинки и утащила к себе под одеяло.

— Дорогой товарищ под одеялом! — гостеприимно обратилась к тахте Люся. — Я буду рада, если вы тоже заглянете ко мне вместе с Лидой!

— Спасибо! Боюсь, что мы не придем! — отказалась Лида.

Люся ушла нагруженная посудой. Когда Люся выходила из комнаты, то наткнулась на старуху соседку, которая исправно подслушивала у дверей.

Избавившись от любопытных женщин, Лида быстро откинула одеяло и увидела несчастного, задыхающегося Филимонова, который лежал в обнимку с собственными ботинками...

На следующий день в управленческой поликлинике звонил телефон. Лида сняла трубку:

— Поликлиника!

И услышала голос Филимонова.

— А... да, я уже свободна... За углом? Похоже, у меня теперь вся жизнь будет за углом...

Назначив свидание в служебное время, Леонид Семенович степенно проследовал мимо милиционерши, которая проверяла пропуска при входе в управление. Дежурила Люся — Лидина соседка.

— До свидания! — небрежно кивнул ей Леонид Семенович.

— До свидания! — И Люся демонстративно впиалась взглядом в филимоновские ботинки.

— Что с вами? В чем дело? — буркнул Филимонов и тоже поглядел вниз.

— Где-то я эти ботинки видела... — задумчиво произнесла Люся, — только не могу припомнить где...

— Не знаю, где вы их видели, они куплены в Англии, — холодно ответил Филимонов и ушел.

Люся усмехнулась:

— Оказывается, вчера я была в Англии, интересно...

...Филимонов приоткрыл переднюю дверцу, и Лида скользнула в автомобиль. Они молча поглядели друг на друга. Оба почему-то чувствовали себя неловко и даже настороженно. Филимонов поспешил тронуть машину с места.

Они ехали не разговаривая. Потом Филимонов вдруг повернул к тротуару, притормозил и покинул автомобиль. Лида увидела, что он зашагал к цветочному базару. Леонид Семенович прошел мимо хризантем, астр, гладиолусов, гвоздик и скрылся в глубине базара. Вскоре Филимонов возвратился с букетом роз в руках, и тут Лида сказала:

— А я думала, что цветы уже кончились...

Оба ощутили облегчение и засмеялись.

— Цветы только начинаются... знаешь, я ужасно рад тебя видеть! — признался Филимонов. Лида поглядела на него с нескрываемой нежностью. И Леонид Семенович вдохновенно предложил:

— А сейчас мы отправимся ко мне и отметим одну круглую дату!

— Какую?

— Эх, ты! — в голосе Филимонова прозвучал укор. — Нашему роману ровно два дня!

Лида придала лицу торжественное выражение:

— Да, это событие надо отметить!

После того как любовники отметили юбилей своего романа, Филимонов вздохнул:

— Господи, как же мне повезло!

— А мне-то как не повезло, — печальным эхом отозвалась Лида. — Ну, я поеду?

— А чего ты так торопишься?

— Да поздно уже...

— Я тебя отвезу. Только надо сначала ликвидировать следы преступления.

Филимонов спрятал в буфет коробку шоколадных конфет.

— А мне не забыть цветы.

Лида пододвинула к себе вазу, куда временно, чтобы не завяли, были поставлены розы, подаренные ей Филимоновым.

— Правильно. Цветы — это тоже преступление. Может быть, даже большее, чем конфеты.

— Между прочим, кто-то обещал музыку — и забыл. Обманул...

— Музыка? Сейчас будет тебе музыка.

Филимонов долго что-то искал. Наконец обнаружил продолговатый футляр, покрытый пылью. Леонид Семенович сдунул с него пыль, открыл футляр и достал серебряную флейту.

Лида поразилась:

— Ты что, умеешь в это дудеть?

— Обидеть художника может каждый. А я, между прочим, закончил консерваторию по классу флейты...

— Да?

— А потом был аспирантом и меня даже приглашали в академический симфонический оркестр.

— А ты не разучился?

— Не знаю. Сейчас проверим.

Филимонов приложил флейту к губам и заиграл старинную печальную мелодию.

— Если бы ты знал, Леня, — мечтательно сказала Лида, — сколько часов провела я в молодости на танцплощадке!

И она принялась кружиться по комнате.

Филимонов продолжал играть, не сводя с Лиды нежного взгляда.

Влюбленные не услышали, как кто-то ключом открыл входную дверь. Это вернулась из командировки хозяйка дома Елена Федоровна. Поставив на пол небольшую саквояж, она не раздеваясь прошла в комнату. Некоторое время Елена Федоровна обалдело смотрела на танцовщицу и флейтиста.

— Что здесь происходит? — вымолвила наконец Елена Федоровна.

Филимонов и Лида замерли.

— Э... э, это медсестра, — объявил Леонид Семенович.

— Так... — сказала Елена Федоровна.

— Она делает мне укол! — продолжал разъяснение муж. Видно было, что опыта выкручиваться из подобной ситуации у него не хватало.

— Танцую? — полюбопытствовала жена.

— Врач прописал мне движение...

— И медсестре тоже? — Елена Федоровна испытующе разглядывала Лиду. — И игру на флейте?

— Флейта? — мялся Филимонов. — Да... это... это для развития дыхания.

— Про это сейчас много пишут. Бегаем от инфаркта, танцуем, прыгаем, играем на флейте. Хотим умереть здоровенькими... — теперь Елена Федоровна изучала предательский букет.

Филимонов приблизился к жене. Они бесполо чмокнули друг друга.

— Я не предупреждала о приезде, знала — примчишься на аэродром, а ты болен. — Елена Федоровна понюхала розы. — Спасибо, Филимон, за цветы. Трогательно с твоей стороны.

— У меня было предчувствие, что ты именно сегодня вернешься...

Лида направилась к выходу. Ее шикто не провожал.

— Завтра я выйду на работу и спущусь к вам в поликлинику на очередной укол! — крикнул вслед Филимонов.

— Заодно мы там и потанцуем, — сказала Лида и покинула семейство Филимоновых.

Хлопнула дверь.

Супруги остались одни. Воцарилась целовкая пауза.

— Ты обратила внимание, какой кругом порядок? — заискивающе спросил Леонид Семенович. — Какая чистота? Ни одной грязной тарелки! Когда-нибудь было такое, что ты возвращаешься из командировки, а в доме ни одной грязной тарелки? А?

— Что-то не припомню. Ты полюбил мыть посуду?

— Нет, я попросил медсестру помыть. Она любезно согласилась. За пятерку.

— Как ее зовут? — в голосе жены звучало равнодушие.

— Кого? — Филимонов в притворстве не уступал подруге жизни

— Медсестру

— Ммм... Да я уж даже и не помню... Люда, Лида... По-моему, Лида...

Елена Федоровна выбежала на лестничную клетку и успела перехватить Лиду в тот самый момент, когда она собиралась войти в лифт.

— Лида! Лидочка, я сейчас работаю над докторской диссертацией, — сладко заговорила Елена Федоровна, — и у меня совершенно нет времени заниматься хозяйством. Вам ведь нужны деньги?

— Кому же они не нужны? — Лида недоумевала, куда гнет Филимонова.

— Вы сколько получаете?

— Я... Ну, с дежурствами набегают рублей сто десять.

— Бедная, как же вы на это живете? — искренне посочувствовала Елена Федоровна.

— Как видите, не умерла еще, — не слишком вежливо ответила медсестра.

— Вы не могли бы приходить к нам, ну... раза три в неделю, там почистить, поубирать...

— Лена, Лена! Подумай, о чем ты говоришь?.. перепугался Филимонов.

— Помыть посуду, постирать кой-какую там мелочишку, — продолжала Елена Федоровна.

— Лена! Это неудобно, — нервничал Филимонов.

— Ну что вы, это даже любопытно... — протянула Лида.

— Елена Федоровна, опомнись! — Филимонов пытался разрядить обстановку.

— Это значит: вы меня в прислуги нанимаете? Да? — со светлой улыбкой спросила Лида. — Ну и сколько же платить будете, Федоровна?

— Я думаю, пять рублей за приход? Нормально?

— Не густо! — хмыкнула Лида.

— Я могу добавить.

— Сойдет, сойдет. А когда вы закончите вашу диссертацию?

— Да где-то через полгода.

— Замечательно! — улыбка у Лиды стала нахальной-пренахальной. — Значит, эти полгода я к вам буду ходить. Но через полгода вы начнете ходить ко мне, убирать мою комнату. У меня жилплощадь меньше, так что мы не волнуемся. Зато платить я вам буду больше —

шесть рублей за приход. А как же, у меня ведь будет прислуга с докторской степенью!

И Лида исчезла в лифте.

Супруги вновь остались вдвоем. Филимонов жалкой улыбкой пытался загладить Лидину наглость, но это не помогло. Елена Федоровна размахнулась и вlepила мужу столь увесистую оплеуху, что он покачнулся.

Рядом с основной сюжетной линией, где действуют Филимонов и другие, в нашем сочинении, как, наверное, заметили читатели, существует побочная история, которая, казалось бы, никакого отношения к повести не имеет. Это приключения Тамбовского хора. Неизвестно, по чьей воле, ясно только, что по бюрократической, хор из Черного моря перекинули далеко на Север — к Баренцеву морю. Несмотря на то что климат здесь был холоднее, несмотря на то что насквозь продувал пронзительный ветер, в душах и сердцах хористок цвела весна:

«Весенней ночью думай обо мне,
И зимней ночью думай обо мне...»

Хористки никогда еще не пели так вдохновенно. И у них на это была уважительная причина.

На гигантском авианосце семьсот молодых парней, одетых в парадную морскую форму, плотоядно разглядывали пятьдесят аппетитных женщин. Мирный труд артисток охраняла могучая боевая техника: самолеты, вертолеты, ракеты, торпеды, пушки и мины. О том, что происходило после концерта, мы рассказывать не будем.

Однако вернемся в Москву к основному действию.

В застекленной галерее, соединяющей два здания Главного управления свободного времени, курили Мясоедов и Икшанов. Мимо проходила Сурова. Отсюда, с высоты второго этажа, они увидели, как из подъезда подчеркнута деловой походкой вышел Филимонов и направился по учрежденческому двору к своему автомобилю.

— Внимание всем постам! — шутливо сказала Сурова. — Он вышел!

Икшанов и Мясоедов включились в наблюдение.

— Кто вышел? — поинтересовался подошедший Одинок.

Филимонов скрылся за углом.

Минутой позже из подъезда выпорхнула Лида и не-

зависимой походкой направилась по маршруту Фи и Монова.

Четыре пары любопытствующих глаз следили за Лидой.

Лида свернула за тот же угол.

Мясоедов вздохнул:

— Признаться, я Филимонову завидую! Как у него плотней рабочий день! Все успевает!

Из-за угла, за которым только что скрылись влюбленные, выехал филимоновский автомобиль и помчался к уличным воротам.

— Торопится! — с усмешкой произнес Икшанов.

— В этой ситуации, — с улыбкой произнес Мясоедов, — я бы тоже торопился.

— А может, они просто дружат? — глубокомысленно спросил Одинков, который большим умом не отличался.

— Товарищи, его надо спасать... от этой дружбы! — решительно заявила Сурова.

Филимоновский автомобиль по лесной дороге выехал на поляну и остановился. Вынужденно. Накрапывал дождь, и дорогу, усыпанную гнилыми листьями, уже развезло.

— Дальше не проедешь. Можно застрять.

Лида была грустна:

— Так хотела погулять, а тут дождь пошел...

— Придется гулять в машине, — пошутил Филимонов и стал открывать окна.

— Тогда уж лучше бы в ресторан сходили...

— В ресторане долго, пока закажешь, пока подадут... в три часа важное совещание у Ярослава Степановича...

Филимонов попытался обнять Лиду, но та отвела его руки:

— Что-то мне до трех часов обниматься не хочется... Надоело мне — обнимаешь, а сам украдкой на часы поглядываешь, думаешь, не замечаю? Я так мечтаю с тобой в театр сходить. Я «Ромео и Джульетту» одна смотрела. Разве это справедливо?

— Несправедливо... — согласился Филимонов.

— Я не желаю встречаться с тобой «за углом».

Филимонов только вздохнул, как бы подтверждая правоту Лидиных слов.

— Да, я осторожный! Я трусливый... Ты — мой первый безрассудный поступок. Дура... дурында моя...

Он стал целовать лицо Лиды.

Не вырываясь Лида тихо сказала:

— Отстань!.. Я буду кричать!.. Я буду вопить!.. Я позову на помощь!..

— Вопи себе на здоровье, — разошелся Филимонов, целуя Лиду. — Мы в глухом лесу!

— Перестань ко мне приставать! — нежно сказала Лида и обняла Филимонова.

Тем временем к машине приблизились два молодых человека с повязками дружинников. Некоторое время они, незамеченные, наблюдали за действиями парочки в автомобиле, а потом один из них решительно постучал в стекло полосатым милицейским жезлом.

— Извините за беспокойство, — с официальной вежливостью сказал дружинник, — ваши документы!

Филимонов поспешно выбрался из машины и смущенно произнес:

— А в чем, собственно, дело?

— Надеюсь, вы сами понимаете, — дружинник сохранял бесстрашие.

— Но я же ничего не нарушал!

— Вы должны понимать, товарищ... Как ваша фамилия?

— Иванов, — находчиво выпалил Филимонов.

— А если подумать? — спокойно спросил второй блюститель порядка.

Леонид Семенович помялся, а потом вдохновенно выкрикнул:

— Катанян!

— Допустим, — дружинник слегка изумился, так как внешность у Катаняна была чисто русская. — Тут рядом, товарищ Катанян, детский санаторий, дети гуляют. Какой вы им подаете пример? Придется вам обоим проехать со мной...

— Никуда я не поеду, — сердито перебила его Лида и вылезла из машины, — вы не имеете права.

— Поедете как миленькая. Ваши документы, гражданка!

— Что я, по-вашему, по лесу с паспортом должна гулять?

— Не хотят предъявить документы. — От дружинника исходила уверенность. — Саша, запиши номер машины, установим владельца и сообщим на работу!

Тут Филимонов заволновался:

— Лучше я заплачу штраф, хотя не знаю за что.

— Объясняю — за безнравственное поведение в общественном месте. С вас десять рублей.

— Ради бога, пожалуйста. — Филимонов поспешно полез за деньгами.

— А барышня сама за себя будет платить? — беря десятку, осведомился Саша.

— Что я, с ума сошла? За десять рублей я лучше в милицию прогуляюсь!

— Я заплачу! — торопливо сказал Леонид Семенович и протянул еще одну купюру дружиннику с милицейским жезлом. — Спасибо, товарищ!

— Я выпишу квитанцию, — предложил дружинник.

— Не надо, мне не нужна квитанция, — открестился Филимонов.

— Возьми квитанцию, — склочным голосом сказала Лида, — а то они прикарманят двадцатку.

— Мне не нравится, как вы разговариваете! — Дружинник рассердился. — Все-таки проедем в отделение.

— Не надо в отделение, — заканючил начальник Управления самодеятельности. — Она больше не будет! Мы сейчас же уедем!

Дружинники прислушались и посмотрели куда-то в глубину леса.

— Вон еще одна машина прибыла. — И они с достоинством удалились — карать других нарушителей добродетели.

Влюбленные, которым испортили свидание, наконец остались одни.

— Почему ты назвался армянской фамилией? — изумилась Лида.

— С перепугу. Сегодня подписывал телеграмму какому-то Катаняну.

Оттого что опасность миновала, Филимонов начал смеяться, но это был нервный смех.

— Он еще дешево взял. Когда я представил себе, что там... читают письмо про мою аморалку... в особенности сейчас, когда...

— Леня, я не могу так больше жить, — хрипло заговорила Лида.

— Я тоже... жигь без тебя не могу...

Они стояли около машины обнявшись.

Филимонов тайком взглянул на часы, стараясь, чтобы Лида этого не заметила.

— Но ты пойми, — продолжал он, — я шел к этой должности десять лет. А если я брошу семью, все может

рухнуть... Ты же знаешь, какое у нас ханжество... Давай подождем...

— Я разве об этом... — сдавленным голосом произнесла Лида. — Ты меня просто убил! Глухой ты!..

Она отодвинулась от Филимонова и заставила себя улыбнуться:

— Ничего, я живучая! Поехали в город! — И села в автомобиль.

Филимонов тоже забрался в машину. Миг — и загрохотал стартер. Но машина и не подумала двинуться с места.

— Кажется, мы засели! — ужаснулся Леонид Семенович.

Когда Филимонов, насквозь промокший, забрызганный грязью с ног и до головы, измученный, злой, голодный, вернулся домой, его встретили заботливые расспросы жены:

— Где ты пропадал? Тебя обыскались. Звонила секретарша шефа — ты не был на коллегии... Ты почему такой грязный?

— Ну, во-первых, не надо на меня орать, ясно? — вспыхнул Филимонов. — А во-вторых, с сегодняшнего дня я больше не позволю себя третировать. Вот так!

— Ишь ты как осмелел! Что с тобой?

— Лена! Я должен тебе сказать... Я полюбил другую женщину. Прости.

— Эту медицинскую шлюху? — сразу догадалась Елена Федоровна.

— Ну, вот что! Я не позволю тебе оскорблять Лиду! — взвился Филимонов.

— Меня ты никогда не любил! — заплакала отвергнутая жена. — На мне ты женился ради карьеры! Отец тянул тебя из грязи в князи — жалкий музыкантишка.

— Твой отец... Да вы с отцом погубили мой талант!

— Не было у тебя никакого таланта! У тебя никогда не было никакого таланта! — рыдала Елена Федоровна.

— Но я не собираюсь от тебя уходить! — ошеломил жену Леонид Семенович. — Нас с тобой столько связывает! Ты для меня — самый близкий на земле человек...

— А что же ты тогда хочешь? — несколько растерялась жена.

Ответ был предельно искренним:

— Сохранишь и тебя, и ее!

— Понятно! — В голосе жены послышалась боль: - -

Я для привычки, для удобства, для благополучия, а она — для удовольствия!

— Но ты постоянно, а она — временно! — с предельной убедительностью продолжал Филимонов. — Потерпи, родная! Это пройдет...

Елена Федоровна приблизилась к мужу и тихо спросила:

— А ты уверен, что «это» пройдет?

— Я тебя никогда не обманывал...

— Мне это очень трудно. Я ведь тебя люблю... — призналась Елена Федоровна.

— Раз любишь, — вкрадчиво настаивал Филимонов, — значит, ты способна на самопожертвование!

Жена приняла решение:

— Но ты не должен с ней показываться на людях, не должен никого в это посвящать!

— Конечно! — заверил преданный муж. — Об этом будем знать только мы двое!

И супруги обнялись.

Но, конечно, решительного объяснения с Еленой Федоровной на самом деле не случилось.

В действительности все было иначе. Филимонов, насквозь промокший, забрызганный грязью, измученный, злой, голодный, вернулся домой. Его встретили заботливые расспросы жены:

— Что случилось! Где ты так испачкался? Бедный! Скорее переодевайся!...

— Сегодня у меня на редкость нескладный день. — Филимонов принялся привычно врать. — Я смотрел танцевальный коллектив в деревне Данилиха... в Дмитровском районе... Дорога — жуть! Тут еще ко всему ливень. На обратном пути я, конечно, застрял. Меня еле вытащили...

Филимонов продолжал оправдываться. Как все виноватые мужья, он приводил для убедительности много ненужных подробностей:

— Пока я уговорил водителя самосвала...

Излияния Филимонова прервал телефонный звонок. Неведомый мужской голос попросил Елену Федоровну.

— Лена, только недолго, — предупредил Филимонов. — Тебе, между прочим, еще надо переодеться! Ты не забыла, у нас прием в австрийском посольстве.

— Это жена товарища Филимонова? — услышала по телефону Елена Федоровна.

— Да, это я.

Незнакомый голос заговорил быстро и лихорадочно, словно боясь, что его прервут:

— Я звоню по поручению близкого друга вашего мужа... Исключительно из лучших побуждений... Исключительно, чтоб сохранить семью...

— Не понимаю, в чем дело... — недовольно сказала Елена Федоровна.

Голос стал вкрадчивым:

— У вашего мужа серьезный роман с медицинской сестрой... ее имя Лида...

Елена Федоровна искренне возмутилась:

— Это гнусная клевета! Как вам не стыдно! — швырнула трубку и некоторое время стояла не двигаясь.

Телефон позвонил снова.

— Алло! — мертвым голосом отозвалась Елена Федоровна.

— Извините, — сочувственно произнес незнакомец. — К сожалению, это не клевета — это правда.

В комнату влетел Филимонов, принаряженный для дипломатического приема.

— Ты не готова?

— Мне расхотелось.

Елена Федоровна медленно положила трубку.

— Ты сошла с ума! Это же протокол: я приглашен с женой!

— Ну, значит, поедешь без жены!

— Нет, это совершенно невозможно! Ты же прекрасно знаешь, что в ближайшее время я вынужден буду лететь в Австрию!

— Скажи, что я заболела! И вообще, Леня, что-то у нас с тобой...

Елена Федоровна направилась в ванную комнату и начала возиться с перепачканной одеждой мужа.

— Что у нас с тобой? Ну что! — Муж с неохотой последовал за ней.

— Что-то у нас с тобой разладилось, Леня. Скажи, пожалуйста, а я больше не волную тебя как женщина?

— С чего ты взяла? — притворно возмутился Леонид Семенович.

— Извини, но ты не спишь со мной больше...

— Лена! Ну!.. Ну ты же видишь, как я работаю! Ты видишь, как я устаю... Ну ты же видишь, я же прихожу домой, я ведь буквально падаю с ног...

Елена Федоровна подавленно слушала, как изворачивается муж.

— Ладно! Оставим эти разговоры, мы опаздываем!

— Я не поеду! — отрезала жена.

— Сейчас не время выяснять отношения! Лена!

Жена молчала.

— Ну, хорошо! — с еле заметным оттенком раздражения сказал Филимонов. — Я могу сказать тебе только одно: я тебя очень люблю... — Тут он бросил взгляд на часы: — О-о! Извини. Австрийцы пунктуальный народ: опаздывать неудобно...

В запутанной личной жизни Леонида Семеновича напряжение нарастало. Он метался между двумя женщинами, врал обеим и старался не думать о том, что будет, если жена узнает о романе.

Запахавшись, Филимонов буквально влетел в комнату к Лиде:

— Я всего на минуту, вот принес заказ...

То, что Леонид Семенович уже снабжал Лиду продуктами, свидетельствовало о главном — он увяз глубоко.

— Ой! Спасибо. Но я о тебе тоже забочусь: чтоб не шлепал по полу босиком, я тебе купила тапочки!

— Какие замечательные! — Филимонов искренне обрадовался подарку. — Спасибо!

— Примеришь?

— Не сейчас... Знаешь что, я примерю их в воскресенье. Кстати, мясо надо положить в холодильник...

— Ты что, собираешься нагрянуть ко мне в воскресенье? — не поверила Лида.

— А почему нет? — гордо вскинулся Филимонов.

— А что ты наврешь дома?

— Что значит — наврешь? Я вообще никогда не вру! Дело в том, что в воскресенье вся наша команда во главе с Ярославом, — таинственно принялся объяснять любовник, — намерена сделать налет на ярмарку... Знаешь, где художники продают свои картины?

— Я слышала — там, говорят, ужасно интересно!

— Так вот. Сколько я там пробуду, никому не ведомо, но, как только освобожусь — сразу же мотану к тебе. — Филимонов был доволен своей сообразительностью.

— Лен, я туда тоже хочу, — заныла Лида.

— О, нет!

— Но я очень хочу...

— Нет, Лидочка, это невозможно. Я же там буду не один.

— Ты не волнуйся, я буду соблюдать дистанцию, а потом мы просто встретимся около машины, и все...

— Нет, Лидочка, нет. Там будут все наши... тебя знают...

— Ну пожалуйста, а? — Лида обнял Филимонова, зная, что это подействует безотказно.

— Ну хорошо, если тебе так хочется... — сдался Леонид Семенович.

— А что тебе приготовить из мяса?

— А что хочешь! — Филимонов спохватился и исправил бестактность: — То есть, э-э... разумеется, этот, бефстроганов. Твое коронное блюдо.

— Хорошо, я сделаю с жареной картошкой. А может, останешься?

— Лида, ну никак не могу. Куча дел. До воскресенья, да?

И Филимонова как ветром сдуло.

Казалось, какая-то неведомая дьявольская сила гоняла Тамбовский хор по одной шестой части суши, то есть по всей нашей стране.

Хористок видели и слышали золотоискатели Якутии, рыбаки Эстонии и виноградари Молдавии. А сейчас дикий гастрольный ветер занес пятьдесят дородных женщин на высоту 3000 метров над уровнем моря. Здесь, в горах Казахстана, или, быть может, Киргизии, а может, и Таджикистана, там, где гучнеют отары курдючных овец, разносилась все та же знакомая песня:

«Весенней ночью думай обо мне,
И летней ночью думай обо мне...»

Хористки пели, стоя на грузовике, превращенном в сценический помост. Их зачарованно слушали с десятков чабанов, сотни две коров и около пяти тысяч овец. В то время, когда баянист наяривал музыкальный проигрыш между куплетами, хористки перешептывались:

— Когда же кончится это издевательство?

— Говорят, нас теперь на Камчатку зашлют.

— Мне муж пишет: можешь домой не возвращаться!

— Девочки, а я, по-моему, беременна...

— Господи!

— Холодно, а я без теплых вещей!

— Может, в Москву послать телеграмму с жалобой?

— Как домой хочется!

Хористки не знали, что их злключения вызваны были

не чьим-то злым умыслом, а нормальной бюрократической неразберихой, которая царилла в ведомстве Филимонова, впрочем, как и во всех подобных ведомствах. И не подобных тоже.

В воскресное утро, когда руководители Главного управления свободного времени готовились нагрнуть с ревизией на стихийную, никем не утвержденную не то выставку, не то ярмарку не то художников, не то халтурщиков, неожиданно выпал снег.

Филимонов завтракал, но ни черная икра, ни красная не лезли ему в горло.

— Я все-таки не понимаю, зачем ты едешь? — горячился Леонид Семенович. — Выпал снег, ты подвержена простудам...

— Ничего, я оденусь тепло. И потом, там, говорят, очень интересно, — с металлом в голосе отвечала супруга.

— Но я-то еду по делу. Там будет вся наша команда, во главе с Ярославом. С этими художниками возникла целая проблема. Ее нужно срочно решать.

— А ты не бойся. Я не буду тебе помехой. Я буду соблюдать дистанцию, а потом встретимся у машины. — Елена Федоровна даже не подозревала, что дословно повторила аргументы соперницы.

— Но ты ставишь меня в дурацкое положение перед шефом! — изо всех сил противился Филимонов, предчувствуя неминуемую катастрофу. — Называется, приехал по делу — и здрасте! Почему-то с женой

— А я и не настаиваю, могу поехать на такси! — якобы равнодушно заметила жена и полезла в стенной шкаф за шубой.

— Ну если тебе так хочется, поедем вместе! — сдался Филимонов, ибо дальнейшее сопротивление было бесполезным...

Свободу, неосторожно объявленную сверху, доверчивый народ принял всерьез. Особенно художники. Они выползли из подвалов, полуподвалов, чердаков, сараев и прочих щелей, заполнив собой и своими произведениями пригородный парк. На этом торжище демонстрировались все направления изобразительного искусства, начиная с так называемого социалистического реализма, разрешенного всегда, кончая остальными течениями, которые не разрешались никогда...

Гнев Ярослава Степановича, который возглавлял начальственную процессию, возрастал от одной непонятной ему картины к другой. Чашу терпения шефа, воспитанного на придворном искусстве, переполнили полотна абстракциониста. Естественно, бородатого.

— Почему торгуете-то?

— Триста рублей! — с достоинством ответил бородач.

— Ого! Крепко! — И Ярослав Степанович ткнул указательным пальцем в соседнее полотно: — А это?

— Четыреста! — бесстрастно назвал цену художник.

— А почему эта дороже той?

— Работы больше! — все так же равнодушно пояснил автор.

Какая же это работа? Безобразие! — взорвался негодованием Министр. — Мазня!.. Мясоедов! Где Мясоедов?

— Но секса нет! — жалобно сказал подчиненный, чувствуя себя виноватым.

— Какого еще секса?

— Это хуже, чем секс! — вставил Одинков, закладывая коллегу.

Елена Федоровна не случайно так стремилась на ярмарку. Живопись в данном случае интересовала ее меньше всего. Ревнивое чутье подсказывало, что Филимонов не зря сопротивлялся ее невинному желанию поехать вместе. Елена Федоровна искала Лиду и нашла ее. Лида позировала художнику, который, согласно объявлению, рисовал портрет желающего всего за двадцать минут и пять рублей.

— Извините, Лида, можно вас на минутку отвлечь? — стиснув зубы, обратилась к ней Елена Федоровна. — Отойдем в сторону.

Тем временем разбушевавшийся Ярослав Степанович распекал Мясоедова.

— Твоя вина! Ты недоработал! Что мы будем делать теперь с этим сборищем?

— Сборищем частников, — едко добавила Сурова.

— И спекулянтов, — поддержал Министр.

— У меня друг есть, бывший танкист, — встрял в разговор Одинков, — он теперь бульдозерами командует. Я ему позвоню, здесь через десять минут ничего не останется.

— Нет, это круто. Нет, — с сожалением отверг проверенную идею Ярослав Степанович.

— Устарели вы, друг мой! — сказал Одинкову Филимонов и в этот момент с ужасом обнаружил, что его жена и его любовница беседуют между собой. — Время бульдозеров прошло...

— Увы, прошло! — согласилась Суворова. — Сейчас другие методы: можно вызвать критиков, искусствоведов, и они разделаются с этими... не хуже бульдозеристов.

— Теперь они выходят на улицу с картинками, какими хотят, а завтра?! — начал было Одинков.

— А завтра с транспарантами... — пророчески закончила Суворова.

— Но секса-то нет... — чуть не плакал Мясоедов.

— Да при чем тут секс? — вскипел Министр.

Забыв о служебном долге, Филимонов оставил начальство и обреченно побрел держать ответ перед двумя разъяренными женщинами.

Мясоедов, который не сумел вовремя предотвратить свободный разгул художников, был тем не менее опытным демагогом:

— Единственный способ, Ярослав Степаныч, остановить стихийную инициативу, это организовать ее и возглавить.

— Вот ты организуй и возглавь! — распорядился Министр.

Тем временем Филимонов приблизился к взрывоопасному участку и сказал нечто нейтральное:

— По-моему, тут немало интересных художников!..

— Дай ключ! — потребовала жена.

— Здравствуйте, Лида, — заставил себя поздороваться Леонид Семенович.

— Здравствуйте, — бесстрастно ответила Лида.

Филимонов протянул жене ключи от квартиры.

— Не эти. От дома у меня есть. От машины, — жестко продолжала Елена Федоровна.

— Лена, я прошу тебя... не уезжай! — Филимонов суетливо порылся в карманах и отдал жене брелок с автомобильными ключами.

— Ты мне противен, — забирая ключи, оборвала его Елена Федоровна.

— Лена, Леночка, если ты думаешь, что между мной и Лидой... — Филимонов стал захлебываться словами, — что-то такое, то уверяю тебя, ты ошибаешься... Между нами ничего нет и быть не мо...

Лида снисходительно засмеялась:

— Эх, Леня, Леня!

И ее неожиданно поддержала Елена Федоровна, сказав с нескрываемым презрением:

— Ох, Леня, Леня!

— Подожди, я же не могу уйти, пока Ярослав Степанович здесь...

— Служи, Леня, служи! — оскорбила жена на уходе.

Сурова с жадным интересом наблюдала за ними, расталкивая прохожих, мешавших ей видеть семейный скандал.

Филимонов в бешенстве подскочил к Лиде.

— Что ты ей наболтала?

— Леонид Семенович, я вас прошу никогда мне больше на работу не звонить и домой ко мне не приезжать!

И Лида скрылась в толпе.

Вечером в квартире Филимонова Елена Федоровна, полная решимости, вынесла на лестничную площадку два тяжелых чемодана, вернулась и тщательно заперла входную дверь.

Филимонов возвращался домой с видом побитой собаки, которая твердо знает, что побои еще не кончились. Филимонов вышел из лифта, обескураженно поглядел на чемоданы, достал из кармана ключ и попытался открыть дверь. Но дверь оказалась запертой не только на замок, но и на цепочку.

— Впусти меня, Лена! — прокричал Филимонов в узкую дверную щель.

Но Елена Федоровна была непреклонна:

— Когда я приехала из Ленинграда, а ты музицировал на флейте... ты думаешь, я поверила, что это тебе врачи прописали?.. Кстати, у тебя на пальто пуговица болтается, попроси ее пришить!

Филимонов понял, что игра проиграна, и заставил себя держаться с достоинством.

— Она пришьет!

— Твой свитер я не успела сдать в химчистку, ты его соусом закапал, попроси ее...

— Она сдаст!

— На коричневых туфлях набойки на каблук...

— Она пришьет! — не дал договорить Филимонов.

— Я устала жить в грязи, — закончила сцену Елена Федоровна, — и постараюсь вычеркнуть тебя из жизни.

И сквозь дверную щель жена швырнула Филимонову футляр с флейтой.

— Флейтист паршивый!..

Сыпал мелкий мокрый снег. Леонид Семенович вынес свое движимое имущество и побрел по улице.

Проходя мимо своей бывшей машины, стоявшей в ряду других, он на всякий случай подергал дверцы. Но Елена Федоровна заперла машину аккуратно...

Куда податься мужчине, которого в полночь жена выгнала из дома? Конечно, к кому-нибудь из друзей. Филимонов пытался понять, кто же у него друзья? Сослуживцы есть, приятели, пожалуй, тоже, нужных людей полно, а вот друзей?.. Оказалось, что друзей у Филимонова просто нет. Просто до этой минуты он в них не нуждался.

Он подумал о Мясоедове — тот был ему симпатичней других. Но трепло! Завтра же о семейном крахе Филимонова будет знать все управление. Идти в гостиницу? Бесплезно. Москвичей в гостиницы родной Москвы не пускают. Отправиться к Лиде с покаянием не хотелось. На одну ночь она его не пустит, и правильно сделает. А идти к ней навсегда — к этому Леонид Семенович был не готов.

Липкий снег оседал и таял на трагической фигуре Филимонова и на его заграничных чемоданах. Филимонов мерз, на душе у него было погано. А тут еще добавилось чувство голода. Филимонов точно знал, что поесть среди ночи в этом девятимиллионном городе негде. Обстоятельства загоняли бездомного начальника в угол, то есть к Лиде. И когда подъехал пустой трамвай, Филимонов схватил чемоданы и забрался в вагон. Последний раз он ездил в трамвае лет десять назад.

Лиду разбудил звонок. Звонили два раза. Накинув шалат, Лида выскочила из комнаты и подбежала к входной двери.

— Кто там? — недовольно спросила Лида сонным голосом.

— Это я, Леня! — жалобно сказал Филимонов.

Лида взглянула в глазок. На лестничной клетке было темно.

Лида,пусти меня! Я из дому ушел! С вещами! — И для убедительности Филимонов поднял оба чемодана.

— Сколько сейчас времени?

— Четверть второго...

Лида окончательно проснулась:

— Неужели сами ушли? Или вас выставили за плохое поведение?

— Лида! — с упреком произнес Леонид Семенович. — Почему ты мне не веришь? Я ушел потому, что люблю тебя!

— Нет, Леонид Семенович, вы на это чувство не способны!

Из глубины квартиры донесся плач, и в коридоре возникла Люся:

— Ты что мне ребенка будишь? — Однако женское любопытство тотчас же победило материнский гнев: — Кто это к тебе среди ночи рвется?

Из другой двери выглянула соседка старуха. Ей тоже было интересно.

Филимонов отпрянул от двери.

— Товарищ! — вроде бы простодушно окликнула Лида. — Сказать Люсе, кто ко мне вламывается или не говорить?

Филимонов лихорадочно обдумывал ситуацию.

— Думайте, думайте, — разрешила Лида, — я вас не тропаю!

— Это тот, который под одеялом прятался? — поинтересовалась Люся.

И тут Филимонов наконец отважился:

— Да, Люся, это я, Филимонов, и в тех самых ботинках!

— Добрый вечер, Леонид Семенович, — приветливо поздоровалась Люся, — заходите, пожалуйста! Тут пропуск предъявлять не нужно! — Люся вернулась в свою комнату утихомиривать малыша.

— Открывай! — попросил Филимонов.

— Извините, Леонид Семенович, но здесь не гостиница! — Лида любила Филимонова, и отказать ему в ночлеге было ей невыносимо трудно. Но предательство, совершенное им, было так свежо...

Отвергнутый обеими женщинами, Филимонов мыкался эту ночь на Курском вокзале. Сначала он отстоял длинную очередь, чтобы сдать вещи в камеру хранения, потом купил у лотошницы пару пирожков с неизвестной начинкой, запил их невкусной газированной водой из автомата и принялся искать свободный стул. Давайте пожалеем Филимонова, ему сейчас очень скверно, потому что он не привык жить жизнью народа.

Утром мытарства Леонида Семеновича продолжа-

лись. Брился он в вокзальном туалете, завтракал в при- вокзальном буфете, встоячку

— Почему эта бурда называется кофе? — пробурчал Филимонов соседу, завтракавшему рядом.

— А вам только это не нравится? — ответил сосед.

Из ближайшего телефона-автомата бедолага позвонил жене. Услышав голос негодяя, Елена Федоровна шваркнула трубку. Добравшись до службы на метро, которым он тоже не пользовался лет десять, помятый Филимонов позвонил в поликлинику.

— Лида, это я! Я хочу тебя видеть!

Лида помолчала, а только потом сказала:

— Вы ошиблись номером!

Вечером того же дня Леонид Семенович сиротливо примостился на приступочке возле дома Лиды. Назойливо дул ветерок, Леониду Семеновичу стало зябко, он пожегся, однако продолжал сидеть. Было ясно, что торчит он здесь давно..

На другой стороне улицы в пожарную часть вернулась красная пожарная машина.

Дежурный открыл ворота, и машина задом стала въезжать в гараж.

Филимонов безучастно следил за маневрами пожарников. Вдруг он увидел, что к дому подкатил «Запорожец». Первой из «Запорожца» вылезла Лида, а за нею — еще трое. Вся компания была весела, шумна и чему-то радовалась. В водителе можно было узнать артиста-любителя, который играл городничего.

Вдруг Лида заметила Филимонова и оборвала смех. «Городничий» проследил за ее взглядом и тоже сразу опознал в понурой фигуре могущественного начальника.

— Слушай, — он невольно заговорил полупшепотом, — по-моему, вон тот тип... — Двое остальных — режиссер и девушка, игравшая Анну Андреевну, — поглядели в том же направлении. — Да это тот самый Филимонов, который поддерживал нашего «Ревизора»

— Он самый! — подтвердила «Анна Андреевна». — У меня превосходная зрительная память.

— Что он тут делает? — поинтересовался «Городничий».

— А может, это вовсе не он? — усомнился режиссер.

— Он, он... — заявила Лида. — Он в наш дом к одной тут ездит!

— Надо же! — воскликнула «Анна Андреевна». — Какое совпадение!..

— Чего он тут-то расселся? — спросил «Городничий».

— Да ее, должно быть, дома нету Дождидается! — предположила Лида.

О чем они говорили, Филимонов не слышал, но исподтишка наблюдал за ними.

Лида, очевидно, заметила это и... повисла на «Городничем», стала его обнимать, целовать...

— Что с тобой? — «Городничий» даже растерялся.

— До завтра, мой милый! — Лида прощалась достаточно громко, чтобы Филимонов расслышал каждое слово. — Жалко, что ты не можешь у меня остаться!

— Почему, я могу... — начал было «Городничий», но Лида пихнула недогадливого партнера в бок и направилась к дому счастливой походкой.

Компания быстро забралась в «Запорожец», а «Городничий» все оглядывался, стараясь подольше не терять Лиду из поля зрения.

— Что это значит? — вместо приветствия спросил Леонид Семенович.

— Моя личная жизнь вас не касается! — отрезала Лида и двинулась к подъезду.

Филимонов поднялся с места и пошел за Лидой.

— Я есть хочу! — ныл Леонид Семенович, поднимаясь по лестнице. — Покорми меня!

— Вы давно здесь околачиваетесь?

— Давно. Ты откуда приехала?

— Мы играли «Ревизора!» — гордо объявила Лида. — И это очень понравилось публике!

— Но спектакль не принят!

— Значит, мы играем непринятый спектакль, — беспечно откликнулась Лида. — А что с нами можно сделать? Уволить? Неоткуда. Зарплату нам за это не платят!

— Я очень есть хочу... — повторил Филимонов, боясь, что его не впустят.

— Ладно, — открывая входную дверь, сказала Лида, — вы меня угощали ужином... только поэтому я вас тоже накормлю.

В комнате Филимонов сразу уселся за стол. Лида открыла холодильник.

— Ветчины, извините, нет. Чем вы меня еще обольщали?

— Икрой! — напомнил Филимонов.

— Икра есть — кабачковая!

Филимонов с жадностью набросился на еду, а потом вдруг сказал:

— Самое ужасное во всей этой истории, что я тебя потерял...

— У вас прогресс, — усмехнулась Лида, — вы стали кое-что соображать!

— У меня такое ощущение, — продолжал Филимонов, — словно я дерево и меня спилили!

— Вы сами себя спилили, — сказала Лида.

— Знаю... — согласился Филимонов и посмотрел на Лиду. — Посоветуй, где бы мне комнату снять?

— Это ваши проблемы! — И Лида напрямик спросила: — Все-таки почему вы притащились именно ко мне? Кстати, где ваше имущество?

— В камере хранения на Курском вокзале! — ответил Филимонов. — А машину я жене оставил. Взял только личные вещи. — И помолчав, вдруг спросил: — А может, ты мне сдашь угол?

— Какой еще угол?

— Любой... из четырех!

Предложение оказалось неожиданным. Лида нахмурилась.

— Поздно, Леонид Семенович! Вы меня на самом деле потеряли...

Филимонов встал из-за стола и покорно направился к выходу. То, что он не стал сопротивляться, уговаривать, доказывать, приняло Лиду.

Ей стало жалко Леонида Семеновича.

— Вы какой-то другой стали. Лоск куда-то подевался...

— Не надо, Лида, — жалобно попросил Филимонов, — не добивай меня.

— Обтрепетесь, одичаете, — продолжала Лида. — Ладно уж... пуцу вас...

Филимонов обрадовался:

— Лида... спасибо... солнышко мое...

Но Лида осадила его:

— Только без глупостей.

Вдруг раздалось два звонка.

— Это ко мне... — удивилась Лида.

— Ты кого-нибудь ждешь? — Филимонов насторожился.

— Если вы боитесь, можете спрятаться в гардеробе! — съязвила Лида и пошла отворять дверь.

На лестничной площадке во всю ширь лица улыбался «Городничий» с букетом цветов в руках.

— Лида, я могу остаться!

Лида не удержалась и захохотала.

Выглянула все та же старуха соседка, мимо внимания которой не проходило ничего, что касалось жизни молодых женщин.

— Чего ты? — не понял «Городничий».

Ответ был короток:

— Давай цветы и марш домой к жене!

Лида с букетом вернулась в комнату.

Филимонов увидел цветы и усмехнулся с горечью:

— Оказывается, у тебя бурная личная жизнь!

— Да уж... времени не теряю! Помогите передвинуть гардероб.

Филимонов принялся вместе с Лидой двигать шкаф.

— Зачем мы его двигаем?

— Хочу себя отгородить от посторонних! И запомните — я взяла вас только в жилыцы!

— Так мне и надо! — кивнул Филимонов. — Буду жить за шкафом! Какое я стал барахло! — И подумав, добавил: — И был барахло!

На следующее утро около Главного управления свободного времени остановился рейсовый автобус. Лида соскочила с задней площадки, а Филимонов спрыгнул через переднюю дверь. Они делали вид, что незнакомы.

Лида направилась в управление, Филимонов помешкал и даже пошел куда-то в сторону, как бы задумавшись, а потом тоже помчался в ту же дверь.

Когда Филимонов проходил мимо Люси, одетой, как и положено, в милицейскую форму, то по обыкновению предъявил ей пропуск. Люся при виде хахалы подружки захохотала и сделала руками жест регулировщика, пропускающего транспорт.

Миновав контроль, Леонид Семенович установил, что в данный момент поблизости никого нет, и вернулся:

— Люся, почему вы со мной не поздоровались?

Люся не поняла:

— Но мы с вами сегодня виделись — на кухне, когда вы яичницу жарили!

Филимонов прервал ее:

— Тихо! Запомните, — тут он понизил голос, — мы с вами не виделись! Я ничего не жарил! И вообще я там не живу!

Люся оказалась смышленной и поздоровалась по-военному отчетливо и во всеуслышанье:

— Доброе утро, Леонид Семенович, ваш пропуск.

Филимонов вторично предъявил пропуск и ответил:

— Доброе утро!

После чего проследовал дальше.

В коридоре у входа в филимоновский кабинет Леонида Семеновича ожидала Сурова. Она застрекотала без предисловий:

— Извините, Леонид Семенович, я вас так уважаю, но, по-моему, вы совершили ошибку! Зачем вы поселились у этой особы?

— Кто сказал? — ахнул Филимонов.

— Зря вы так открыто! — всплеснула руками Сурова. — У нас дозволено все, но только шепотом. — И пошла по коридору, убитая горем.

Филимонов в расстроенных чувствах открыл дверь кабинета. И в это мгновение его окликнул Мясоедов, который торопился к приятелю.

— Леня, ты с ума сошел! Зачем ты к ней переехал? Ты можешь пока жить у меня. Зачем тебе эта шумиха сейчас, когда ты идешь наверх! Люби ее на здоровье, но только тайно, понял? Втихую!

— Но между нами, поверь, — оправдывался Леонид Семенович, — нет ничего. Я только снимаю у нее угол!

Мясоедов взглянул на приятеля, как на ненормального:

— Не говори об этом никому!.. Поселиться у молодой красивой женщины, которую любишь, и не жить с ней, — вот это уже извращение!

— Но как все стало известно? — волновался Филимонов. — Я только вчера вечером у нее поселился.

Мясоедов снисходительно ухмыльнулся:

— Жить с нелюбимой женой — у нас норма. А уйти к любимой женщине — это уже аморальная история.

Филимонов выбежал из кабинета, бросился вниз по лестнице и появился около поста вахтера.

— Люся, я вас задушу! — прошипел он в ярости.

— Я никому ни слова не сказала! — Люся мгновенно догадалась о причине филимоновского гнева.

— А почему все управление гудит?

— Не знаю... Я тут ни при чем! — заверила Люся и вдруг вытянулась по стойке «смирно».

— Леня! — окликнул Филимонова начальственный голос шефа. — Проводи-ка меня!

Филимонов послушно поплелся за Ярославом Степановичем.

— Молодец! — поздравил глава своего подчиненного. — Если честно, я тебе завидую... Молодая, красивая, здоровая...

— Но вы откуда узнали?.. Вы же только что вошли в управление!..

— Должность такая! — усмехнулся Ярослав Степанович. — Я обязан все знать! Я даже знаю, что ты на мое место метишь, бабник!

И начальник Главного управления исчез в лифте, оставив Филимонова в растерянности.

А в Москве уже повеяло зимой. Колочий ветер сбивал с деревьев последние листья. Сыпался не то дождь, не то снег. Прохожие прятались в воротники. Евгения Даниловна Сурова шла с каким-то молодым человеком. Она спросила адрес у дежурного пожарника, тот показал рукой на дом Лиды. Сурова вошла в подъезд, а молодой человек остался ждать на улице.

Дома Лида мыла пол в коридоре.

— Лида, мне надоело жить за шкафом, — канючил Филимонов. — Можно я его на старое место подвину?

— Не нравится — съезжай, — отозвалась безжалостная Лида. — Скатертью дорога.

— Что ты мне грубишь?

— Откуда мне взять воспитание-то? — с вызовом ответила Лида. — Мать на ткацкой фабрике работала, пила сильно. А отец был да сплыл, давным-давно... Я тебе не пара...

Раздался продолжительный звонок, потом еще один.

— Два звонка, к тебе! — удивился Филимонов. — Кого это еще принесло?

Лида поглядела в «глазок», врезанный во входную дверь, и шепотом сообщила:

— Сурова!

Филимонова обьял ужас:

— Этого еще не хватало!

— Беги, спрячься в комнате Люси! — снисходительно посоветовала Лида.

Филимонов побежал было, но вовремя одумался и взял себя в руки.

— Дай-ка мне твой передник!

— Зачем?

— Сейчас увидишь!

Лида сняла передник, Филимонов нацепил его на себя, окунул тряпку в ведро и бодро начал мыть пол в коридоре.

— Впускай!

Старуха соседка, выглядывавшая из своей комнаты, не удивилась и этому.

Лида открыла дверь. Сулова, не заметив Филимонова, затараторила:

— Добрый вечер. Извините, Леонид Семенович, э-э.. у вас?

— Леонид Семенович дома, — гостеприимно улыбалась Лида. — Вот же он!

Сулова увидела, как Филимонов, ползая на корточках, добросовестно водил тряпкой по полу, и остолбенела:

Филимонов, не разгибая спины, отжал тряпку:

— Сейчас наша неделя убирать места общего пользования.

Лида с ходу включилась в игру:

— Леня, оторвись, потом домоешь.

Сулова пребывала в смятении:

— Кажется, я не вовремя.

Филимонов выпрямился, вытер руки о фартук, как заправский мастеровой, и сопроводил Сулову в комнату:

— Позже бы ты меня не застала, я бы пошел в магазин купить муку и дрожжи.

— И масло! — подсказала Лида.

— Вижу, вы очень заняты, — заикалась Сулова, — но у меня беда...

— Давай выкладывай! — не дал ей договорить Филимонов. — Я пока займусь утюгом, — он взял утюг, — а то он плохо нагревается, мне тяжело гладить. Лида, дай отвертку!

Лида с невозмутимым видом подала Филимонову отвертку.

— Кирилла исключили из института! — взволнованно начала Сулова и пояснила Лиде: — Кирилл — мой племянник. Он в театральном учится.

— Надо купить новую отвертку! — заметил Филимонов.

— Кто тебе мешает, покупай! — пожала плечами Лида.

И тут Филимонов повернулся к Суровой:

— За что исключили?

Сулова принялась рассказывать:

— У студентов мало денег. Кирилл сколотил компанию, и они стали промышлять по лесу.

— Грабежом? — спросила Лида.

— Частично... Они подкарауливали машины, в которых парочки... Ну, вы понимаете... и под видом дружинников вымогали у развратников деньги...

Филимонов и Лида взглянули друг на друга и... начали безудержно смеяться. Сулова подхалимски подхохотнула и продолжила рассказ:

— Однажды ему не повезло... напоролся на молодогоженов. И погорел. Молодожен оказался самбистом. Леонид Семенович, помогите!

— Что я могу сделать?

— Позвонить ректору! — взмолилась Сулова. — У вас с ним приятельские отношения. Если вдуматься, Кирилл, пусть не теми методами, но боролся за нашу мораль!

— Я бы хотел поглядеть на этого предприимчивого молодца! — сказал Филимонов, а Лида поддержала:

— Я тоже!

Сулова засуетилась, кинулась к выходу:

— А он здесь, внизу!

— Что ты собираешься с ним делать? — тихо спросила Лида, и Филимонов так же тихо ответил:

— Буду пить его кровь!

Вернулась Сулова. Из-за ее спины осторожно высунулся Кирилл:

— Здравствуйте, товарищ Катанян!

Сулова едва не потеряла дар речи:

— Почему ты называешь товарища Филимонова товарищем Катаняном?

Кирилл поглядел на Лиду:

— Это ваша жена?

Лида ответила с гордостью:

— Да, я Катанянша!

— Почему же тогда вы мне заплатили? — удивился Кирилл.

Сулова расплакалась и спросила сквозь слезы:

— Сколько ты взял с Леонида Семеновича?

— У меня твердая такса, — объяснил Кирилл. — Двадцать рублей с пары.

Сулова никак не могла успокоиться и продолжала хлюпать носом

— Кирилл — хороший мальчик. Он из этих денег половину маме посылал. Вот на мне кофта, он подарил Леонид Семенович, поверьте, он талантливый!

Тут Филимонова осенила дерзкая мысль:

— Сможешь сыграть роль грузчика?

— Я все могу.

— Тогда передвинь шкаф в угол! — Филимонов показал, куда двигать, и повернулся к Лиде: — Ты не против? Лида молчала.

Филимонов выжидательно смотрел на нее.

Наконец Лида приняла решение и сказала:

— Ты хозяин, ты и распоряжайся.

Кирилл, продемонстрировав недюжинную силу, стал в одиночку двигать шкаф.

Филимонов и Лида не сводили глаз друг с друга.

— Шкаф передвинуть — двадцать рублей!

— Вот цены!

Филимонов обратился к Кириллу, но смотрел, разумеется, на Лиду:

— В роли грузчика ты неплох.

— Ты, конечно, попытаешься ему помочь? — поинтересовалась Лида, не отрывая взгляда от Леонида Семеновича.

— Попытаюсь! — пообещал Филимонов. Он не замечал никого, кроме Лиды. — В искусстве как раз грузчиков не хватает.

Когда такелажные работы были закончены и Филимонов пообещал позвонить ректору, Сурова вместе с племянником, не переставая благодарить, стали уходить.

Уже на лестничной площадке Сурова дала знак Кириллу, чтобы он оставил ее вдвоем с Филимоновым, и, когда Кирилл исчез, заговорила тихо и доброжелательно:

— Леонид Семенович, извините, вы так хорошо шагали. У нас всего этого, — она обвела рукой вокруг, — не любят... Я говорю из лучших побуждений...

Филимонов поспешил избавиться от Суровой:

— Женя, иди, мне нужно пол домыть!

Но на уходе Сурова нанесла еще один удар:

— В Австрию на фестиваль вместо вас поехал чиновник из Управления внешних сношений.

И Филимонов понял, что номенклатурный клан не одобряет его поведения, что уплывшая заграникомандировка — это только первая ласточка, своего рода первое предупреждение.

Но Филимонов постарался выбросить неприятность из головы, утешая себя тем, что Лида — это неплохая компенсация. Леонид Семенович вернулся в комнату и с надеждой спросил:

— Как я тебе понравился?
— Ты был неподражаем и прекрасно мыл пол.
— Есть подозрение, что ты меня простила?
— Это потому, что я беспринципная! — отозвалась Лида, а Филимонов блаженно воскликнул:
— Никогда не думал, что беспринципность — такое замечательное качество.
Лида с нежной усмешкой взглянула на Филимонова:
— Но главное, Леня, ты доломал уют, придется покупать новый!..

Прошло несколько дней, а может быть, и недель. Как известно, счастливые часов не наблюдают, а Лида и Филимонов любили друг друга и были счастливы...

Зато Елена Федоровна в это же самое время была крайне несчастлива. Отсутствие мужа ее так допекло, что она стала искать пути к примирению. Как-то вечером, когда закончился очередной рабочий день и сотрудники Главного управления свободного времени заспешили домой, Сурова и Филимонов вместе вышли из подъезда. Филимонов, хотя это было бессмысленно, потому что не существовало в учреждении человека, который не знал бы о его связи с Лидой, упрямо продолжал соблюдать конспирацию. Они с Лидой приходили на работу порознь и уходили тоже по отдельности.

— Эта пресловутая перестройка — одни слова... — болтала Сурова. — Старое разрушили, а нового ничего не создали... А-ах! Какая приятная неожиданность!

Внимание Суrowsой привлекла Елена Федоровна в роскошных песках, которая выходила из автомобиля. Елена Федоровна шагнула навстречу бывшему мужу, а Сурова деликатно отошла в сторону ровно настолько, чтобы все видеть и все слышать.

— Чему обязан? — поинтересовался Филимонов.

Елена Федоровна небрежно протянула Филимонову связку ключей.

— Что это за ключи?

— Маленький — от почтового ящика, чтобы ты мог заезжать за почтой. Дальше — от машины, чтобы было на чем заезжать. Это все-таки твоя машина. Ну и новый ключ от квартиры — это ведь не только моя, но и твоя квартира...

Филимонов насторожился:

— Ты капитулируешь или наступаешь?

— Ни то, ни другое. Мне без тебя очень скверно. Какая я была дура, что устроила всю эту заваруху...

Теперь из здания вышла Лида. Она сразу заметила Филимонова, беседующего с женой, и замерла как вкопанная.

Филимонов положил ключи в карман:

— Честно признаюсь, рад тебя видеть. Ты замечательно выглядишь.

Тут он заметил Лиду. Елена Федоровна тоже ее увидела и вся напряглась.

— Для брошенной женщины, — по возможности безопасно продолжала она, — я, конечно, выгляжу сногшибательно. Наслаждаюсь свободой. Ни забот у меня, ни обязанностей, не варю обед, не толкаюсь по магазинам, ем одни пирожные... Сегодня я у отца ужинаю. Сказать, что мы разошлись?

Было видно, как позади них Лида подошла к автобусной остановке, встала в небольшую очередь.

— Он не знает?

— Пока нет. Если только ты не говорил...

— Я не говорил... — быстро заверил Филимонов.

— Ну и я пока не скажу, — как бы между прочим обронила Елена Федоровна.

Подъехал автобус. Все, кроме Лиды, сели, автобус отъехал. Лида осталась ждать.

— Не забудь передать от меня привет. Скажи, я.. я, мол, в командировке... — Филимонов был явно в смятении.

— Сейчас вернусь домой, — закончила Елена Федоровна, — и буду весь вечер реветь. — И быстро пошла прочь.

Как это бывает каждую зиму, в городе зверствовала эпидемия гриппа. Леонид Семенович не уберется и слег. Медицинское милосердие Лиды, помноженное на любовь к пациенту, делало болезнь приятной. За Филимоновым еще никогда так не ухаживали. Однако зловредный вирус сопротивлялся, температура то и дело подскакивала. Филимонов часто погружался в забытие, и его посещали самые разнообразные сны, в том числе и государственные. Однажды ему приснилось, что перестройка, мать ее так, действительно удалась и одолела чиновничий аппарат. Бюрократов ликвидировали как класс, точно так же, как когда-то ликвидировали буржуазию. Правда, ни-

кого не убивали, не сажали, не ссылали и даже, наоборот, предлагали работу. Но выяснилось – делать что-то полезное чиновники не умеют. Пособие по безработице еще не ввели, а жить как-то надо было. Но ни у одного живого существа на планете нет такой приспособляемости к обстоятельствам, как у бюрократов. И канцелярские крысы разбежались по городу в поисках пропитания. Раньше всего на улицах столицы появились нищие. Затем возродилась почти исчезнувшая профессия карманников. С восхищением рассказывали об одном из бывших заместителей министра, который стал королем карманных краж на московском метрополитене. Участились грабежи в подворотнях и лифтах, резко возросло число налетов на квартиры. Но никто не шел в домработницы, сторожа или дворники. Службисты с презрением отзывались о некоем члене коллегии, который унизился до того, что пошел работать носильщиком на Киевском вокзале.

Опустевшие здания министерств, госпланов, госснабов, управлений и ведомств были перестроены в больницы, детские дома, театры-студии, школы, магазины, жилые квартиры и самые разнообразные кооперативные заведения.

Главное управление свободного времени было разогнано одним из первых.

Леонид Семенович сунулся было обратно во флейтисты, но не прошел по конкурсу, где занял предпоследнее место. Положение оказалось безвыходным, ничего другого не оставалось, как просить подаюшя. Ему удалось, не без борьбы, захватить бойкое место возле Большого театра. Леонид Семенович сидел на складном стульчике, одетый в канадскую дубленку. На груди у него висела табличка с жалостливой надписью: «Подайте бывшему чиновнику». Филимонов играл на флейте, но то, что он играл неважно, здесь значения не имело. Народ у нас добрый и отзывчивый, и поэтому прохожие бросали мелкие монеты в банку из-под черной зернистой икры, которая лежала на снегу у ног Филимонова...

В это же самое время где-то за городом из заснеженных кустов вылезла Сурова в красной повязке на рукаве каракулевой шубы. В руке Сурова держала жезл регулировщика, черный с белыми поперечными полосками. Она подкралась к «жигуленку», который спрятался от посторонних глаз на лесной поляне, и бестактно постучала жезлом по стеклу автомобиля.

Стекло неохотно поползло вниз, и показалась взлохмаченная мужская голова.

— В чем дело? — спросила испуганная голова, которая принадлежала Икшанову.

— Платите штраф! Давцать рублей!

— За что?!

— За безнравственное поведение в общественном лесу!..

...У высотного здания на проспекте Калинина в окружении кучи детей побирался Мясоедов. Дети тоже работали на совесть:

— Подайте на пропитание, подайте на пропитание! — голосили малолетние Мясоедовы.

— Братцы! — зывал многодетный отец. — Подайте, кто сколько может, бывшему начальнику управления! Семья огромная! Крайняя нужда!

На капоте личной машины лежал раскрытый кейс, куда сердобольные люди бросали милостыню. Звякнула монетка.

— Спасибо, милая, дай бог тебе здоровья!

— Во, ряшку наел! — брезгливо поморщился прохожий. — Таких, как ты, в колхоз надо! Там рабочих рук не хватает.

— Нас в колхоз нельзя, — честно объяснил Мясоедов. — Мы им окончательно все развалим, а они и так на ладан дышат...

...К попрошайке Филимонову подплыла свадебная «Чайка», из которой выпорхнула Елена Федоровна в белом подвенечном наряде.

Она небрежным жестом бросила в банку из-под икры сторублевую купюру.

— Тебе не жалко ста рублей? — изумился Филимонов.

— Купи что-нибудь своей сожительнице! — с презрением произнесла бывшая жена...

«Чайка» увезла Елену Федоровну на бракосочетание. Появилась Лида. Она принесла судки с обедом.

— Передохни. Поешь горяченького.

— А я сегодня личный рекорд установил — сто двадцать четыре рубля! — похвастался Филимонов.

— Молодец! А я тебе бефстроганов принесла.

Филимонов с аппетитом накинулся на еду. Но спокойно поесть не дали. Милиционерша Люся взяла под козырек:

— Гражданин! Пройдемте!

— А на каком основании? — ехидно спросил побирушка.

— По закону нищенствовать запрещено! — отчеканила Люся.

— Извините! Такого закона нет, — пустился в демагогию Филимонов. — Поскольку у нас, в стране социализма, нищих нет и быть не может!

Но на этом кошмарный сон Филимонова не завершился. Ему привиделся вагон пригородной электрички, в котором собрались все его бывшие сослуживцы.

По вагону шел Одинков. Он был одет в серое ратиновое пальто с серым каракулевым воротником. Голову венчала полковничья папаха. В руках у Одинкова был баян. Он перебирал клавиши и пел:

«Наливался тучами закат.
Перестройку начали с рассветом.
Не по делу снятый бюрократ
Со своим прощался кабинетом.
— Ты прощай, мой светлый кабинет,
Ты прощай, ковровая дорожка,
Дай в карельском кресле напослед
Посижу хотя б еще немножко!

Пусть в последний раз в мой строгий взгляд
Ясный свет прольется из плафонов.
Пусть по мне прощально прозвонят
Все мои пятнадцать телефонов.
Разве ж я хоть что-то разрешил?
Разве ж я вошел куда без стуку?
Так за что же камень положил
Рок в мою протянутую руку?

Что ж вы друга бросили, друзья?
Как зачнет судьба его мытарить!..
Ведь простой душе его нельзя
С миром без селектора гутарить!..
Так сказал и вышел по ковру.
Уходил все дальше он и дальше.
И слеза катилась по бедру,
По бедру крутому секретарши.

Граждане, душа моя чиста.
Жду от вас посильного привета.
Кто и есть на свете сирота —
Это гражданин без кабинета.
Лозунг на момент текущий свой
Я внедрить имею намеренье:
«Помогите медью трудовой!
Перед вами — жертва ускоренья!»*

...Филимонов в ужасе проснулся. Он лежал на тахте в Лидиной комнате, заботливо укрытый пледом.

* Стихи Ю. Ряшенцева.

Филимонов увидел склоненное над ним, встревоженное лицо Лиды.

— Ты как? — нежно спросила она.

Освобождаясь от кошмара, Филимонов улыбнулся Лиде и облегченно вздохнул:

— Какая-то мерзость снилась... Просыпаюсь, а ты тут... Хорошо... Как будто я снова в детстве, а ты моя мама!..

Лида поцеловала больного:

— Я побежала на работу. Обед в холодильнике.

— Я выйду погуляю! Ладно?

— Только ненадолго. И укутайся!

Вскоре из подъезда Лидино дома вышел Филимонов, обмотанный шарфом. Он поглядел на пожарных, которые на другой стороне улицы с усердием производили учебные маневры.

Филимонов увидел, что его автомобиль превратился в снежный сугроб. Он открыл дверцу машины, достал велик и начал смахивать снег. Обойдя автомобиль, он вдруг обнаружил, что переднее колесо отсутствует. Кто-то, пожелавший остаться неизвестным, заботливо заменил его на стопку кирпича.

— Вот гады! — вырвалось у Филимонова.

— Что произошло, Леонид Семенович? — это Икшанов, шедший к Филимонову, услышал слова своего начальника.

— Колесо сперли! — пожаловался Леонид Семенович. — Придется просить пожарников, чтобы запаску поставили!

— Давайте я это сделаю, — предложил Икшанов.

— А... сумеете? — усомнился Филимонов.

— Я же начинал шофером, возил секретаря райкома партии, а потом он пошел на повышение, а меня воткнул инструктором в отдел культуры. — Икшанов лихо прилаживал колесо. — Произошла неприятность! Тамбовский хор сорвал концерт.

— Во Владивостоке?

— Понимаете, женщины летели из Владивостока в Тамбов, домой, но как раз посередине находился город Красноярск. У кого-то возникла мысль...

— У кого?

— Не знаю, — отмахнулся Икшанов. — ...Чтобы по дороге хор продемонстрировал свое искусство в Красноярске, но кто-то перепутал...

— Кто? — еще более жестко спросил Филимонов.

— Как всегда, неизвестно, — пожал плечами Икшанов, — и вместо Красно — понимаете — ярска коллектив перекинули в Красно — понимаете — дар!

— Где же, в конце концов, хор?!

— В краснодарской милиции!

— Все пятьдесят женщин? — раздраженно допрашивал Леонид Семенович.

Икшанов кивнул.

— Хор поиздержался. Денег на билеты нет! Их задержали на рынке, когда они продавали народные костюмы, в которых выступали на сцене.

— Немедленно вылетайте в Красно — этот самый — дар, — распорядился Филимонов, — и верните хор на родину!

— Хорошо... Принимайте работу! — сказал Икшанов, покончив с колесом, и доверительно добавил: — С Ярославом всё — его уходят на пенсию.

— С чего вы взяли?

— Вы сегодня газету читали? Раз не дали героя, а только орден «Почета»... сами понимаете!

Филимонов покивал головой.

— Вы меня извините, но — мой совет — возвращайтесь в семью, — продолжал Икшанов. — Иначе вашей карьере конец. Скажу откровенно — в моих интересах, чтобы именно вы сели в кресло Ярослава.

— Да вам-то что?

— Тогда вы можете мне сесть в ваше кресло, — улыбнулся Икшанов.

— Вы в этом уверены? — Филимонов не без удовольствия изучал своего зама.

— Вам же нужны свои люди?..

— А вы мой человек, да?

— Пока вы в силе, я ваш, — цинично сказал Икшанов.

Прошло еще два дня. В душе Филимонова дозревало предательство. Но Лида ни о чем не догадывалась. Когда они с выздоровевшим Филимоновым решили выбраться в кино, Лида находилась в отличном настроении. До кинотеатра «Иллюзион», где показывали чаплинские «Огни большого города», было далеко, и они отправились на машине.

Возле магазина «Электротовары» Лида попросила притормозить:

— Останови, пожалуйста, здесь. Я зайду куплю нако-
нец утюг.

— Только недолго, а то мы в кино опоздаем.

— Я мигом! — Лида выпрыгнула из машины.

Филимонов, оставшись один, задумался.

Вдруг Леонид Семенович тоже вышел из автомобиля, походил взад и вперед по тротуару. Потом приблизился к витринному стеклу магазина «Электротовары» и сквозь него увидел, как Лида уже выбивала в кассе чек.

Филимонов решительно возвратился к машине, сел в нее, завел двигатель и рванул с места.

Когда Лида с покупкой в руке очутилась на улице, филимоновского автомобиля уже не было. Лида непонимающе огляделась по сторонам и стала ждать...

А Филимонов уже открывал ключом дверь своей квар-
тиры. Он тихо вошел в коридор. Прислушался.

Из комнаты раздавался стук пишущей машинки. После того как хлопнула входная дверь, стук машинки прекратился.

Леонид Семенович, не снимая пальто, заглянул в комнату.

Елена Федоровна сидела за письменным столом, обложенная книгами и журналами, в напряженной позе, не оборачиваясь.

Филимонов снял в коридоре пальто, ботинки. сунул ноги в тапочки и шагнул в свое старое будущее

Теперь Елена Федоровна обернулась.

Взгляды их встретились.

Жена сдержала торжествующую улыбку и вернулась к работе. Пишущая машинка снова застрекотала.

Филимонов облегченно перевел дух, ласково погладил видеомагнитофон, включил его и уселся в любимое кресло досматривать американский фильм ужасов, который он не досмотрел два месяца тому назад.

...И вот наконец наступило утро, которого Леонид Семенович Филимонов дождался много лет. Сегодня он одевался с особой тщательностью.

Елена Федоровна подала мужу галстук.

— Советуешь этот? — спросил Филимонов.

— Парижский!.. Я его давным-давно купила, но спря-
тала, берегла для сегодняшнего случая!

— Спасибо тебе, Леночка! — И Филимонов поцело-
вал жену. — Я рад, что мы снова вместе.

Елена Федоровна поглядела мужу в глаза:

— Сейчас у нас трудный период, Леня. Я буду делать все, чтобы тебя не раздражать. И верь — обойдется!

— Да... — сочувственно произнес Филимонов. — Жена — нелегкая профессия...

— В конце концов, тысячи мужчин живут с нелюбимыми женами, — через силу улыбнулась Елена Федоровна, — и ничего... счастливы!

Возле дома Филимонова ожидала черная «Волга». Леонид Семенович вышел из подъезда, водитель услужливо распахнул заднюю дверь.

Стоя у окна, Елена Федоровна наблюдала за этой приятной сценой. В глазах у нее были слезы.

Развалиясь на заднем сиденье «Волги», которая еще вчера возила Ярослава Степановича, Филимонов чувствовал себя комфортно, как и положено человеку, рожденному для того, чтобы его возили на работу в персональной машине. Однако радость его была слегка подпорчена в тот момент, когда филимоновскую машину обогнала длинная черная «Чайка» с другим вальяжным седоком.

Филимонов подумал, что надо, пожалуй, нажать на тестя, чтобы его должность официально приравняли бы к рангу Министра. И тогда ему будет положена «Чайка».

— Но не все сразу, — одернул себя Филимонов. — В нашем деле важно терпение.

Его взгляд упал на радиотелефон, установленный в салоне автомобиля. Он тщеславно подумал — кому бы позвонить? И набрал домашний номер:

— Еще раз спасибо — галстук действительно очень хорош...

— Ты так быстро доехал? — удивилась жена.

— Нет, я звоню из машины, — небрежно заметил новоиспеченный сановник.

Как известно, муж и жена — одна сатана. Оба понимающе рассмеялись.

Подъезжая к вверенному ему Главному управлению, Филимонов обогнал Лиду и Люсю, которых толпа пассажиров только что выпихнула из переполненного автобуса.

— Дослужился до черной «Волги», до личной секретарши и всего остального, — с неприязнью произнесла Люся. — И все за то, что тебя продал. Иначе бы не видать ему этого...

— Хоть я не за бесценок пошла! — с горькой иронией пошутила Лида.

Тут Филимонов, уже покинувший машину, заметил женщин и на мгновение замешкался.

Лида и Леонид Семенович посмотрели друг на друга издали и не поздоровались... Эта встреча несколько попортила триумфальное настроение Филимонова.

Однако он шествовал по коридору, с достоинством принимая поклоны и поздравления сотрудников.

По бесстрастному лицу Филимонова трудно было догадаться, какая буря разноречивых чувств бушевала у него внутри.

Потом Филимонов внес себя в приемную и милостиво приветствовал секретаршу — бывалую бюрократическую лошадь, которая досталась ему по наследству от Ярослава Степановича.

— С первым рабочим днем вас! — понизив голос, произнесла Татьяна Георгиевна, она чувствовала себя смущенно. — Дело в том, что в вашем кабинете...

Филимонов шагнул в кабинет, обнаружил там своего предшественника и удивленно вскинул брови.

— Извините, Леонид Семенович, — сказал Ярослав Степанович, — что зашел к вам без спросу. Я нарочно пораньше, думал до вас успеть... Забыл фотографию дочери и внука.

— Да вы что... — бархатно протянул Филимонов, — заходите всегда, когда вам захочется!

Оба ощущали неловкость. Татьяна Георгиевна напряженно наблюдала за встречей бывшего начальника с нынешним.

— Не бойтесь, не захочется! — заставил себя улыбнуться Ярослав Степанович.

— Как внук учится? — с казенным интересом спросил Филимонов.

— Налегает на иностранные языки! — с деланной вежливостью ответил Ярослав Степанович.

— Будущему дипломату без знания языков невозможно! — одобрительно заметил Филимонов.

— Я передам ему ваше мнение! — со скрытой издевкой сказал бывший начальник.

Раздался звонок «Того Самого» телефона. Оба руководителя — снятый и назначенный — поспешно потянулись к трубке. Однако было неизвестно, кого из них требуют, — оба отдернули руки.

Татьяна Георгиевна спасла положение. Она отозвалась на звонок и протянула Филимонову трубку:

— Вас Федор Демьянович!

Филимонов подскочил к аппарату:

— Доброе утро, Федор Демьяныч!.. Вот, приступаю, Федор Демьяныч... Спасибо за поздравление... Это царский подарок, Федор Демьяныч!..

Филимонов бережно положил трубку на рычаг, глаза его сияли:

— Товарищи, я добился возобновления строительства нашего нового здания!

— Поразительно! — притворно восхитился Ярослав Степанович. — Как вам это удалось?

Филимонов «проглотил шпильку» и вежливо, до противности, распорядился:

— Татьяна Георгиевна, скажите водителю, чтобы отвез Ярослава Степановича домой.

— Я пешком прогуляюсь, я еще крепкий!

И не прощаясь, Ярослав Степанович покинул свои бывшие владения. На уходе он услышал распоряжение преемника:

— А вот это, Татьяна Георгиевна, надо починить, — и Филимонов указал на старинные напольные часы, которые уже много лет не шли, — тут стояли не только часы, тут стояло время!..

Секретарша выскочила в коридор и догнала недавнего шефа:

— Ярослав Степанович, я вызову дежурную машину?

— Спасибо тебе, Танюша, за все! — Ярослав Степанович поцеловал секретарше руку. — Обойдусь! Мне надо привыкать жить без машины.

И он пошел по коридору, старательно держа спину прямой...

...Тем временем в поликлинике Лида протянула врачу заявление об уходе.

— Я этого не подпишу, милочка, — желчно сказал врач, прочитав Лидину бумагу.

— А я все равно работать не буду, — упрямо произнесла Лида.

— Думаете, я не понимаю, из-за чего вы уходите?

— Это мое дело!.. Вы можете подписывать или не подписывать... Я в этом здании не останусь больше ни минуты...

В кабинете Леонида Семеновича шло совещание. Расхаживая взад и вперед, Филимонов заканчивал тронную речь:

— И вот я спрашиваю себя, товарищи, все ли мы с вами сделали, чтобы свободное время граждан не было свободным? И отвечаю себе — нет, далеко не все! А беда нашего искусства как раз в том и заключается, что...

Тут Филимонов запнулся. В окно он увидел Лиду, которая не оглядываясь уходила куда-то по зимней улице.

Филимонов смотрел ей вслед и ощутил, что она уходит навсегда. Это было невыносимо. У Филимонова сильно кольнуло в сердце, и Леонид Семенович сделал выбор, неожиданный для всех и для самого себя тоже.

— Товарищи, я не хочу больше гонять по стране хор из Тамбова. — Филимонов решительно отвернулся от окна. — Я хочу заниматься живым человеческим делом. Пусть люди пляшут, поют, танцуют, играют все, что они хотят, — он сорвал с себя парижский галстук, — а я не желаю больше этим заниматься... Поскольку все это — идиотизм! — И зашагал вон.

— Леонид Семенович! — закричал ему вслед Мясов. — Как можно заниматься идиотизмом без руководителя?

В вестибюле Филимонов остановился возле Люси, которая несла милицейскую вахту.

— Люся, что вы здесь охраняете? Какие секреты? Идите лучше регулировать уличное движение. Господи, сколько людей тратят свою жизнь ни на что, выписывают пропуска, сторожат пустоту. Зачем вы здесь стоите?

— Чтоб не пускать посторонних! — с достоинством ответила Люся.

— Народ не может быть посторонним. Это мы можем быть посторонними.

Филимонов махнул рукой и покинул здание управления. Тут же подкатила черная «Волга».

Филимонов обратился к водителю:

— Спасибо, вы свободны.

— Завтра к которому часу подавать?

— И завтра вы мне не понадобится. — Он усмехнулся и добавил: — И послезавтра, и вообще...

Филимонов отошел от машины и вдруг, вспомнив что-то, стал лихорадочно шарить по карманам. Потом он быстро вернулся к водителю:

— Извините, вы не одолжите мне копеек пятьдесят? Я надел новый костюм, забыл переложить бумажник. Вот глупость какая!..

Водитель рассмеялся и вынул из кошелька несколько купюр.

Филимонов скромно взял рубль.

— Спасибо, я верну, — заверил Леонид Семенович.

Лида занималась привычным женским делом — гладила белье.

На пороге возник взбудораженный Филимонов.

Лида мельком глянула на него и продолжала гладить как ни в чем не бывало.

— Хороший уют купила? — живо спросил Филимонов.

— Хороший... — Лида достала из-под кровати один чемодан, сняла со шкафа другой и поставила их перед Филимоновым. Затем вернула хозяину футляр с флейтой и сказала: — Теперь, кажется, все...

— Я собирался принести что-нибудь к обеду, но денег... вот... — Филимонов подбросил на ладони несколько монеток. — Только мелочь.

— Что ж ты так обеднел? — равнодушно поинтересовалась Лида, продолжая гладить. — У меня в холодильнике пусто и в кошельке тоже.

— Картошка найдется? Я поджарю! — предложил Филимонов.

— Масло кончилось.

— Может, мне ее отварить?

— Сметаны к ней тоже нет.

Филимонов вынул из футляра флейту, поднес ее к губам и заиграл знакомую грустную мелодию.

Лида послушала немного, а потом сказала:

— Да... в эту игру мы тоже играли...

Филимонов оторвал флейту от губ:

— Лида... Я только что ушел с работы. Совсем. Ради тебя.

— Что? Ради меня?

Лида подбежала к двери и распахнула ее.

— Убирайся отсюда! Сейчас же!

— Лида... Лида. — Филимонов бухнулся перед ней на колени.

— Леня, я прошу тебя, уходи! Сейчас же! Прошу тебя! — Лида глотала слезы.

— Лида, ну прости меня, ради бога! Я люблю тебя! Я без тебя не могу! Ну прости меня... Не могу без тебя жить...

— Где-то завалились пять рублей, — всхлипнула Лида. Она любила Филимонова, и это было ее несчастье, —

которые ты мне заплатил за мытье посуды... Я их сохранила как сувенир.

— Знаешь, давай их прокутим... — робко предложил Леонид Семенович.

— Давай. Ты сходи сейчас в магазин, купи там масла, сметаны, молока... бутылку кефира...

— Я еще заскочу в овощной, куплю соленых огурцов...

— Купи... Ты это хорошо придумал... Ты же знаешь, как я люблю картошку с солеными огурцами...

И опять авторы — в который раз! — обманули читателей...

Действие стремительно откатилось назад, откатилось к тому самому моменту, когда Филимонов стоял у окна своего кабинета и видел, как внизу на зимней улице таяла, исчезала фигура Лиды.

Он осознал, что Лида ушла из его жизни навсегда, что возврат к ней невозможен. А сцена его прихода к Лиде оказалась, как вы понимаете, очередной фантазией. Он был не в силах разрушить прекрасное здание собственной карьеры, которое так долго и умело возводил. Ему было больно, но, как все честолюбцы, он умел терпеть и полагал, что эту боль он тоже перетерпит...

Филимонов отвернулся от окна:

— Так вот, беда нашего искусства в том, что им всегда управляли... управляли зачастую невежественно. В связи с этим я хочу вам рассказать одну восточную притчу. Если певчую птичку зажать в кулаке, она, естественно, задохнется... Если ослабить кулак, она станет трепыхаться и вырываться на свободу. Но если раскрыть ладонь, то ей незачем будет улетать... Она... — он почувствовал острую боль в сердце, но все-таки договорил: — Она будет... она будет петь... И в этом смысл... А-а... — И Леонид Семенович грохнулся на пол.

Среди подчиненных поднялась паника:

— Что с вами?

— Что такое?

— Что случилось?

— Скорее, товарищи!

— Помогите ему!

— Звоните в больницу!

— Воды, скорее!

— У кого есть валидол?

— Помогите поднять!

— Вот сюда, на диван.

Сурова позвонила в поликлинику:

— Алло! Леониду Семеновичу плохо! Что? — переспросила она. — Обедать врач ушел? А медсестра уволилась?

— Лида... уволилась!... — в отчаянии прошептал Филимонов и стал умирать. — Лиду! Лиду! Позовите Лиду!..

...И тут пришло время вернуться к самому началу нашего повествования. Реанимационная машина мчалась на выручку Филимонову. Погруженная в невеселые мысли, Лида сначала машинально проводила глазами орущую «Скорую помощь», чьи сигналы зывали о бедствии, затем она увидела, что «Скорая помощь» подъехала к зданию Главного управления. Мистическое женское чувство подсказало Лиде, что Филимонову плохо. Не раздумывая она побежала обратно.

Пока Лида торопилась на помощь к любимому, вспомним, что реанимобиль опоздал, вспомним, что Филимонов уже умер, что его неприкаянная душа бродит по бесконечным продуваемым космическими ветрами коридорам потустороннего мира, где блуждают другие души, ожидая своей очереди на Высший суд, вспомним его встречу с давно умершими родителями...

Мать Филимонова с нежностью смотрела на сына:

— Обидно, Леня, что ты нас совсем забыл, на могиле не был два года. Пропустил мой день рождения, день смерти. И отцовские дни забыл.

— Мама, я, конечно, виноват, но все время куда-то несешься, спешишь... Господи, как хорошо, что мы встретились!

Сколько продолжалась эта беседа — неведомо, потому что ТАМ все так медленно и так быстротечно. ТАМ нет понятия Времени.

Отец Филимонова был из тех редких людей, которые говорили правду как при жизни, так и после нее.

— Я боюсь за тебя, — сказал отец, имея в виду Высший суд, перед которым вскоре должен будет предстать сын. — Ты жил несправедливо.

— Но я ведь совершал и много хорошего! — воскликнул Леонид Семенович.

— Например? — с горечью спросил отец.

Филимонов помялся, порывлся в памяти и, наконец, выпалил:

— Я... я даже умер от любви!

— Ты и на собственной смерти хочешь заработать! — опечалился отец.

Никто из них — ни сам Филимонов, ни его родители — не знали, что именно в это мгновение Лида, задыхаясь, вбежала в вестибюль и, не дождавшись лифта, помчалась вверх по лестнице.

Лида ворвалась в кабинет, когда врач уже подписывал свидетельство о смерти.

— Я не хочу, чтобы он умирал! Я этого не допущу! Уйдите отсюда! Все!

И Лида склонилась над Филимоновым.

— Леня, не умирай! Я люблю тебя...

Лида обнимала Филимонова, целовала, гладила по лицу и заклинала:

— Родной мой! Только не умирай! Прошу тебя, умоляю! Я люблю тебя! Господи, сделай что-нибудь! Единственный мой, Ленечка!..

И тут случилось то, что по законам медицинской науки случиться не может. То ли врачи ошиблись, то ли любовь оказалась сильнее смерти, но Филимонов вдруг вздохнул, и веки его вздрогнули.

Лида вскочила, распахнула дверь и бросилась к докторам, закричала:

— Скорее! Помогите ему! Я прошу! Он открыл глаза! Он жив!

Реаниматоры вбежали в кабинет и склонились над Филимоновым. Теперь Лида видела только спины в белых медицинских халатах и слышала голоса:

— Тоны есть! Пульс есть! Капельницу!

— Давление определяется! Шестьдесят на двадцать!

Что на кардиоскопе?

— Синусовый ритм!

— Капельница готова!

— Дыхание самостоятельное. Приходит в сознание.

Лида почувствовала себя чужой. Она оглядела сослуживцев Филимонова, толпившихся при входе в кабинет, и побрела прочь.

Сотрудники расступились, пропуская Лиду. Никто ее не задерживал, никто не сказал ей ни одного слова. Лида удалялась по коридору, спустилась по лестнице. Потом она шла по улице, опустошенная и несчастная, зная, что никому не нужна...

...Поскольку Филимонов ожил, его немедленно эвакуировали с того света. Он даже не успел попрощаться с родителями.

Спасенный Леонид Семенович стремительно летел в небесном пространстве, возвращаясь на землю. Он убедился, что земной шар действительно вращается. Перед его взором проплыли Африка, оба Американских континента, но Филимонов целился в Москву. Внезапно он чуть не столкнулся с самолетом Ил-86. Что-то в этом самолете привлекло внимание нашего героя, он приблизился к лайнеру и заглянул в иллюминатор.

Большую часть пассажиров составлял горемычный Тамбовский хор.

Девушки пели:

«Весенней ночью думай обо мне,
И летней ночью думай обо мне...»

Дирижер похлопал в ладоши.

— Девушки! В вашем пении не чувствуется радости встречи с родным городом Тамбовом. Прошу еще раз — задорно, весело, с энтузиазмом!

И хор грянул:

«Осенней ночью думай обо мне,
И зимней ночью думай обо мне...»

— Уважаемые товарищи! — прервала песнопение стюардесса. — По метеоусловиям аэропорт Тамбова не принимает! Наш самолет совершит посадку в аэропорту города Йошкар-Ола!..

Э. БРАГИНСКИЙ

Учитель пения

Учителем пения называется человек, который ведет в школе уроки пения и получает зарплату, соответствующую важности предмета...

Дети вышагивали по улице, счастливые и гордые, и, задирая головы, поглядывали на Ефрема Николаевича. Длинный-предлинный Ефрем Николаевич возвышался над мальчишеской толпой, которая шумела как бы несколькими этажами ниже. Ефрем Николаевич нес что-то непонятное, завернутое в тряпку. Время от времени он смотрел на предмет, который держал, и на лице появлялась озорная улыбка. Потом улыбка исчезала и вновь уступала место виновато-растерянному выражению. Дело в том, что Ефрем Николаевич Соломатин торопился домой и точно знал, как его дома встретят.

Вся ватага ввалилась в просторный зеленый двор. Здесь Соломатин свернул в подъезд, а мальчишки остались ждать во дворе и сразу стали озабоченными.

Вскоре Соломатин уже стоял на пороге так называемой большой комнаты, в которой жена гладила белье, а младшая дочь, Тамара, недавно окончившая среднюю школу, разговаривала по телефону. В глубине маленькой комнаты старший сын, Дима, чертил на доске, откидывавшейся от стены. Квартира и так была тесной, но казалась еще меньше оттого, что в большую комнату был втиснут рояль.

— Вот, я принес! — робким голосом произнес Ефрем Николаевич.

— Что ты принес? — спросила жена Клавдия Петровна, еще ничего не подозревая.

— Как бы это тебе сказать... — мялся Соломатин. — В общем, ты можешь взглянуть...

— Вова! — шепнула в трубку Тамара. — Позвони мне позже, тут папа что-то принес.

Клавдия Петровна поставила утюг на подставку.

Дима выглянул из маленькой комнаты.

— Только не сердись! — Ефрем Николаевич развернул скомканную тряпку, внутри которой... спал щенок.

— Что это такое? — Клавдия Петровна даже села и спросила тихо-тихо, потому что была потрясена.

— Разве ты не видишь? — переспросил муж. — Это собака!

— Колоссально! — высказался Дима и скрылся в маленькой комнате.

— Какая прелесть! — воскликнула Тамара. — Где ты ее достал?

— Мне хор подарил.

— Какая это порода?

— Хорошая, плохую я бы не взял.

— Зачем нам собака? — заговорила жена, и лицо Ефрема Николаевича приняло мученическое выражение. — Здесь и так повернуться негде. За собакой нужно ухаживать. Ее нужно водить гулять, ее нужно мыть, ее нужно кормить. Ведь неизвестно, какая вырастет собака — большая или маленькая...

— Это как получится... — неопределенно сказал Ефрем Николаевич.

— Если большая собака — ей нужно специально готовить. Кто будет этим заниматься? Ты знаешь, сколько это стоит?

— Не знаю... — ответил затюканный муж.

— Одним словом... — подытожила жена. — Пойди и отнеси собаку туда, где ты ее взял!

— Клавдия Петровна! — Ефрем Николаевич даже выпрямился. — Эту собаку я не верну! Я давно мечтал иметь собаку, и я ее завел!

— Все равно, — пригрозила Клавдия Петровна, — когда ты уйдешь на работу, я ее выкину!

— Клава! — выкрикнул муж. — Ты не можешь выбросить живое существо! Это живая собака, Клава...

Клавдия Петровна взялась за утюг.

— Не хватало, — сказала она с явной издевкой, — чтобы ты приволок в дом дохлую собаку!..

Главное в семейной жизни — не терять чувства юмора. Ефрем Николаевич бочком-бочком протиснулся на маленький балкон, который выходил во двор.

Мальчишки, закинув головы, выжидающе смотрели на учителя.

— Нас поругали, — хитро улыбнулся Соломатин, имея в виду себя и щенка, — но нас не выгнали!

Итак, прошло какое-то время, щенок получил кличку Тинг, вырос и превратился в симпатичную взрослую собаку среднего размера. Как известно, несимпатичных собак не бывает. Привилегию быть несимпатичными люди оставили за собой. Тинг ежедневно сопровождал Ефрема Николаевича в школу, и в зале, где репетировал хор,

у Тинга было свое персональное место — возле своей персональной ножки рояля.

Вошел Соломатин, и, как положено, дети встали.

— Садитесь! Здравствуйте! Меня зовут Ефремом Николаевичем. У нас с вами будет урок пения.

— Это хорошо, что вы улыбаетесь! — продолжал Соломатин. — Потому что петь весело. Человек отчего поет? От радости.

— И от горя тоже! — вставила аккуратная светленькая девочка. — Я вот ходила на «Князя Игоря», и там Ярославна поет, потому что мужа в плен взяли!

Класс грохнул.

— Это тоже верно! — кивнул Соломатин. — И еще — у нас при школе есть хор мальчиков. Туда принимают всех желающих.

— Я желаю! — поднялся толстенький паренек, Кира. — В каждом классе есть ребята, считающие своим долгом балагурить и паясничать. — Только у меня ни голоса, ни слуха.

— Сейчас проверим! — Соломатин открыл крышку рояля, взял аккорд и проиграл простенькую мелодию.

— Повтори!

Кира охотно повторил, да так, что все, как говорится, зашлись, и Соломатин вместе со всеми.

— Вот видите! Я к музыке неспособный! — победоносно заявил Кира.

— Ладно, приходи на спевку! — проговорил сквозь смех Соломатин.

— Так я ведь не умею!

— А я научу!

После урока Соломатин вышел из класса и направился к двери, на которой было написано «Заведующий учебной частью».

— Наталья Степановна, — сказал Соломатин, входя. — Сейчас проходит всероссийский смотр. Если мы попадем в финал, поедем в Москву и что-нибудь там получим, мы сможем всюду хвастать этим фестивалем...

— Правильно! — поддержала завуч. — У нас замечательный хор, я его так люблю! Если вы что-нибудь получите, от нас отвяжутся с тысячей других дел!

— Неправильно! — возразил Соломатин. — Если мы получим премию, мы сделаем нашу школу первой шко-

лой с певчевским уклоном! Ну как? — Соломатин был горд своим предложением.

— А зачем? — оторопела завуч.

— В Венгрии уже есть, дети лучше учатся, и объем легких у них увеличивается, и дети становятся одухотвореннее...

— Не надо! — разволновалась завуч. — Если все дети начнут петь, от шума можно будет с ума сойти!

— Привыкнете! — пообещал Соломатин, направился к выходу, но в дверях обернулся. — Вы тоже будете петь вместе со всеми!

— Отметка по пению зря включена в аттестат зрелости! — крикнула завуч вдогонку, а руководство всегда право.

Хор мальчиков под управлением Соломатина заканчивал петь песню, как отворилась дверь — и в зал вошел Кира.

Тинг, который сидел под роялем на своем привычном месте, поднял голову и повилял хвостом. И только когда хор смолк, Тинг легонько твякнул, приветствуя новичка.

— Значит, встретимся завтра на конкурсе! — объявил Соломатин.

— Ура! — грянул хор.

— Вот, я пришел! — доложил Кира. — А почему здесь собака, она тоже поет?

— Обычно — аккомпанирует на рояле, — ответил Соломатин. — Только сегодня собака не в настроении. Для начала, Кира, ты поработаешь с ассистентом. Тинг, вперед!

Соломатин с собакой ушли, а Андрюша протянул новичку руку.

— Андрюша Минаев! Ты Баха любишь?

Кира не нашелся что ответить.

— Прокофьева, Шостаковича?

Кира пожал плечами.

— Ну а Верди, Бизе?

— Бизе люблю! — обрадовался новичок. — Еще больше люблю наполеон и эклер с заварным кремом! — И победоносно поглядел на хористов, ожидая привычной реакции. Но ее не последовало.

— На первый раз прощаем, а на второй набьем... — Шура показал кулак. Среди певцов тоже бывают драчуны, и не только в детском возрасте.

Каждое утро в семье Соломатиных начиналось в принципе одинаково. Тинг вертелся возле стола, держа миску в зубах и стуча ею об пол. Непрерывно звонил телефон. И вот сейчас Клавдия Петровна сняла трубку и, узнав, кого вызывают, сказала:

— Томя нет!

Звонили, как правило, дочери.

Тамара вышла из ванной, запахнувшись в халатик, как всегда, баснословно красивая.

Опять дребезжал телефон. Тамара сняла трубку.

— Тамары нет! — сказала она и добавила: — Надоели!

— Гогунцовым уже дали квартиру, — тараторила Клавдия Петровна, — и Бржезицким тоже... Если не ходить в исполком и не кланчить... А ты учитель, — она привычно нападала на мужа, — учителям что-то там полагается...

— Но я не умею кланчить...

— Вот если бы Дима уже защитился, стал кандидатом, ему бы полагалась дополнительная площадь...

Дима резко поднялся.

— Ночевать останусь в лаборатории!

— Почему? — огорчилась мать. На то она и мать, чтоб огорчаться.

— В этой давке работать нельзя! — Уходя, Дима коленкой стукнулся о рояль. — Когда наконец продадут эту рухлядь?

— Это не рухлядь, — возразил Соломатин, — это беккеровский рояль.

Тинг, которому надоело ждать, шмякнул миской об пол, сел на задние лапы и жалобно заскулил.

— Помолчи! — прикрикнула Клавдия Петровна.

Вот если бы ты, Ефрем, привел в дом породистую собаку, говорят, им тоже полагается дополнительная площадь!

— Тинг свёрхпородистый, помесь боксера с легавой!

— Мам, моя очередь! — весело напомнила Тамара.

— Да-да, — продолжала мать, — если бы ты не бросила теннис, стала мастером спорта, в институт бы попала — спортсменам всегда натягивают отметки, — и тебе тоже, как мастеру спорта, полагалась бы дополнительная площадь.

Уже в третий раз раздался телефонный звонок.

Соломатин снял трубку и поздоровался:

— Вова, здравствуй! Сейчас!

Тамара взяла трубку из рук отца.

— Меня нет! — И повесила трубку на рычаг. — Я забыла вам сообщить: с Вовой все кончено.

— Вова — хороший мальчик, — жалобно сказала мать, — очень способный!

— Пока он выбьется в люди, — возразила Тамара, — я уже стану старухой, а я хочу жить хорошо в глубокой молодости!

— Цинизм — это гадость! — Отец поглядел на часы и напомнил. — На работу опоздаешь!

Каждое утро в семье Соломатиных одинаковое, но вместе с тем каждое утро приносит с собой что-нибудь новенькое.

— А мне торопиться некуда! — бесстрастно сообщила Тамара. — Я уволилась. И добавила: — Сидеть в темноте, с этой дурацкой пленкой, чьи-то бесконечные физиономии, пейзажи Крыма, руки пахнут гипосульфитом — какая гадость!

— И что ты собираешься делать? — спросил отец.

Дочь ничего не ответила, а мать вздохнула.

— Я не жалею, я никогда не жалею, в нашей семье все хорошо!

Она встала из-за стола, чтобы отнести посуду на кухню, и, сделав неосторожное движение, ударилась о рояль.

— Почему ты играешь на рояле, — сказала Клавдия Петровна, — а не на скрипке?

После завтрака Ефрем Николаевич скрылся в ванной, где висело зеркало, достал из кармана галстук-«бабочку», прислушался (ничьих шагов не было слышно) и примерил его. Лицо Соломатина приняло строгое выражение, он, как дирижер, взмахнул руками...

И сразу зазвучал латинский текст «Магнифики» Баха.

— «Сикут лакутус...»

Солировал Андрюша, вдохновенно выводил латинские слова, и хор подхватывал их. Гордо и мощно звучал детский хор под управлением Соломатина. Ефрем Николаевич был одет в черный костюм. Ефрем Николаевич завязал галстук, «бабочка» лежала в кармане, нацепить ее он не рискнул. Ефрем Николаевич был торжествен, строг и артистичен.

— «Сикут лакутус...» — заливался хор.

Дети были в белых ослепительных рубашках. Они без всякого стеснения пели на сцене большого концертного зала.

Закончив петь, выдержали паузу. Наступила тишина. Ни одного хлопка, ни одного одобрительного возгласа.

В концертном зале прослушивали хор несколько человек. Они скучали, сидя за столом, поставленным в проходе. Лица их были, как водится у членов комиссии, усталые и постные.

— Спасибо, товарищи! Можете идти! — сказал председатель. Дети понуро побрели со сцены. Соломатин плелся последним.

Когда вышли в коридор, дети сразу окружили Ефрема Николаевича и загалдели.

— Ну как? Как вы думаете?

— Тихо! — прикрикнул Соломатин. — Там может быть слышно. Вы пели хорошо. А понравилось ли им, я не знаю.

— По-моему, они спали, — сказал Федя.

— Вам не было видно, вы спиной стояли... — добавил Шура. — А председатель, он все время что-то жевал, наверное, во сне обедал!

— Идите в школу! — распорядился Соломатин. — И ждите там, а я тут... поразузнаю...

Теперь на сцене выступали юные циркачи. И члены жюри полусонно глядели на них, а председатель действительно что-то жевал.

Соломатин на цыпочках подкрался к столу жюри.

— Тише! — рассердился председатель. — Что вы тут топаете?

Соломатин рухнул на ближайший стул.

— Спасибо, товарищи! Можете идти! — сказал председатель.

В гробовой тишине циркачи покинули сцену.

— Перерыв! — объявил председатель. — Пошли в буфет, товарищи. Мы славно поработали и заслужили булочку с кефиром.

— Извините, — вмешался Соломатин. — Я руководитель детского хора. Что мне сказать детям?

Председатель недовольно поморщился, а один из членов жюри пошутил и сам рассмеялся собственной шутке:

— Передайте им, чтобы хорошо учились!

— Вы член жюри по юмору? — спросил Соломатин.

— Мы сообщим наше решение, — уныло сказал председатель, — в установленном порядке!

— Но это же дети! — повторил Соломатин. — Они установленных порядков не понимают!

— Не скандальте! — Председатель двинулся к выходу, но Соломатин загородил ему дорогу.

— Кроме «спасибо», товарищи, у вас не нашлось для детей ни одного человеческого слова! И почему вы жуете, когда они поют?

— Я не имею права высказываться заранее, — вздохнул председатель. — Это же конкурс. Но вы им передайте, пожалуйста, что на фестиваль они безусловно пройдут!

— Спасибо большое! — растерянно ответил Ефрем Николаевич.

Председатель двинулся к выходу, невесело добавив:

— А жевать — я ничего не жую. Это у меня после гриппа воспаление лицевого нерва и тик!

И Соломатин почувствовал, что у него самого задергалась щека, от смущения он прикрыл ее рукой.

Потом Ефрем Николаевич весело шагал по улице, как вдруг вытянул шею и вгляделся. Он увидел Андриюшу, который доел эскимо, выкинул палочку и взял высокую ноту:

— А-а...

Очевидно, остался недоволен, достал из кармана монету и протянул ее продавщице.

— Еще!

— Андрей! — окликнул Соломатин. — Ты что, с ума сошел? — И отобрал эскимо.

Андриюша грустно спросил:

— Нас берут на фестиваль?

— Берут!

— Хочу охрипнуть! — сказал Андриюша. — Ем четвертую порцию — и никак!

— Не понимаю! — Ефрем Николаевич действительно не понимал.

— Если я охрипну и потеряю голос, мне будет легче! — делился горем Андриюша. — Отец пришел и сказал: «Перевожу тебя в школу-интернат с математическим уклоном». Чтобы, значит, я жил там, как в тюрьме. Меня будут кормить, а я за это буду решать задачки!

Отец Андриюши, Артемий Васильевич Вешняков, делал клиентке немислимую прическу под названием «Вечерняя заря». У всех женщин, которые садились в кресло к знаменитому мастеру, появлялось на лице выражение счастья или глупое выражение, что, в сущности, одно и то же.

Соломатин заглянул в зал, увидел Артемия Васильевича и двинулся к нему.

— Добрый день!

Вешняков ответил доброжелательно:

— Привет педагогике! Как семья, все здоровы?

При этом пальцы его выплясывали на голове клиентки затейливый танец.

— Вы зачем Андрюшу забираете? — печально спросил Соломатин.

— Вот в Италии был мальчик Робертино Лоретти, — ответил Вешняков, — пел себе, а потом голос сломался, сломался и сам Робертино. Улавливаете?

— Совсем не обязательно, чтобы Андрюша потом становился певцом. От общения с музыкой он сам делается красивее, добрее. Человек должен расти с музыкой в душе!

— Если бы я знал, — гнул свою линию парикмахер, — что из сына выйдет народный артист... Улавливаете?

— Но у него к математике нет особых способностей!

— Разовьются! — уверенно сказал Артемий Васильевич. — Учили бы меня с детства математике, я бы не стоял тут с ножницами, а был бы главный конструктор, точно! Сейчас технический век! Счастье — оно не в деньгах, я тут, может быть, зарабатываю больше, чем главный конструктор!

— Вас так уважают! — вставила клиентка. — К вам предварительная запись! Вы делаете современную, нужную голову.

— У нас поездка на фестиваль. — Голос у Соломатина против собственной воли стал просительным.

— Вот это уж ни к чему! — Артемий Васильевич был убежден в собственной правоте. — Самоуверенность развивать! Андрей где прячется?

— Тут, за углом! — признался Соломатин.

— С математикой вопрос решенный! Скажите ему, чтобы шел домой задачи решать. Улавливаете?

— Губите талантливого парня! — грустно вздохнул Соломатин

Парикмахер покрутил головой.

— Наука людей не губит! Людей губит искусство! Это я вам твердо заявляю, как артист, как человек искусства!

Соломатин покивал, будто согласен, и полез в карман.

— Совсем забыл, я вам подарок принес!

Вешняков насторожился, но лицо у Соломатина было бесхитростное.

— Позвольте?

И прежде чем Вешняков успел опомниться, он ловко развязал ему галстук, снял и нацепил «бабочку».

— Вот теперь вы артист, правда, пока еще не народный. Все артисты носят «бабочки». Волосы на помадить?

— Не надо! — испуганно сказал Артемий Васильевич, не зная, как себя вести.

— Смотрите, ваша женщина уже дымится, улавливаете? — Соломатин медленно двинулся к выходу; держался он победителем, но настроение было паршивое.

А Вешняков испуганно рванул рубильник и содрал с головы клиентки сложное электрическое приспособление. Теперь ее волосы высились замысловатым сооружением под названием «Вечерняя заря». Клиентка выдохнула из легких дым, откашлялась, поглядела в зеркало — и стала счастливой. Женщине для этого так мало нужно...

Когда Ефрем Николаевич поднимался по школьной лестнице, из двери с табличкой «Заведующий учебной частью» выглянула Наталья Степановна и поманила Соломатина пальчиком.

— Что ж это вы, Ефрем Николаевич, Андрюшу отпускаете?

Когда сыпят соль на раны, становится, как известно, больнее, и Соломатин ответил зло:

— Быстро вам доложили!

— У вас заготовлен другой солист?

— Солисты не грибы, их впрок не заготавливают!

— У нас незаменимых нет! А начиная с сегодняшнего дня время ваших спевков вы согласовывайте с учителем физкультуры! — У завуча был характер, как говорили в школе, не приведи господь!

— Это еще почему?

— Я передала ваш зал ему! Он готовит детей к спартакиаде. А я так люблю его штангистов!

— Как вы можете сравнивать гири и музыку? — возмутился Ефрем Николаевич.

— Давно собираюсь спросить, — ехидно парировали завуч, — почему это вы приводите на занятия хора вашу личную собаку?

— Это не личная, а общественная собака! — Соломатин ушел, хлопнув дверью.

Детский хор обсуждал случившееся, собравшись в зале, где проходили репетиции.

— Надо пойти, — выкрикнул один из хористов, по имени Шура, — и набить Андрюшке...

— Спокойно! — прервал Соломатин. — Он тут ни при чем!

— Что значит — ни при чем? — не согласился рыжий Федя. — Челдвеку двенадцать лет, и пора иметь собственное мнение!

— Люди, подобные Андрею, — вступил в дискуссию Костик и блеснул очками, — думают только о карьере.

— Да бросьте вы на него нападать! — сказал Соломатин. — У родителей — власть, а у него что? Бесправие!..

— Улавливаете? — вздохнул Федя.

Соломатин засмеялся.

— Что будем делать? Вносите предложения!

— Надо выдвинуть кого-нибудь другого! — Костик покраснел. — Давайте меня выдвинем, только я не уверен, что смогу...

— Федю! — Шура ухватил Федю за шиворот и потащил к роялю. — Федя может, а не сможет, мы ему набьем...

— Спокойно! — призвал к порядку Соломатин.

— Отпустите его!

— Мне нельзя, я — рыжий! — возразил Федя.

— А что, это помеха? — с интересом спросил педагог.

— Смеяться будут! — убежденно заявил Федя. — Вот рыжий, а поет по-латыни!

Все рассмеялись.

— Видите! — сказал Федя.

— А мы его покрасим! — предложил Шура. — Или наголо побреем. А будет сопротивляться, мы ему... так набьем...

— Ты держиморда какой-то, — улыбнулся Ефрем Николаевич, — все «набьем» да «набьем»... Подхода у тебя нет!

— В нашем возрасте, — сказал Шура, — я знаю, какой нужен подход! Пусть Федя попробует, а не захочет, мы ему...

— Рыжий я! — грустно повторил Федя. — У рыжих своя, трудная жизнь! Но я попробую...

Ефрем Николаевич взял аккорд, и Федя радостно заголосил:

«...Быстрота, разгул, волнение,
ожидание, нетерпенье,
веселится и ликует весь народ...
Нет, тайная дума быстрее летит,
И сердце, мгновенья считая, стучит.
Коварные мысли мелькают дорогой...»

— Стоп! — оборвал Соломатин. — Что это ты так бодро поешь?

— Так это же веселая песня! — беззаботно ответил Федя. — Веселится и ликует весь народ!

— А что такое коварные мысли?

— Это значит шуточные! — пришел Федя к неожиданному выводу. — Вот в цирке — клоун, его тоже называют коварный!

— Не коварный, а коверный! — поправил Соломатин. Дети опять рассмеялись.

— А ты бывал на вокзале? — спросил Ефрем Николаевич. — Помнишь — одни уезжают, другие прибывают... Встречи, расставания, во всем такая непонятная, такая шемящая грусть... Понимаешь? Вот Глинка, когда писал, он это испытывал...

— А я не знал, что это вокзальная песня! — сказал Федя, оправдываясь.

— Не вокзальная, а попутная! — поправил Ефрем Николаевич.

— Когда мы к бабушке едем, — вспомнил вдруг Кира, — мама на вокзале всегда говорит: «Ничего руками не трогай, здесь сплошная инфекция...»

— Я люблю вокзалы, — заметил Костик, — уезжать и встречать тоже, мне всегда чего-нибудь привозят!

— Мне на вокзалах весело, а не грустно, как Глинке! — сказал неудавшийся солист Федя.

— Давайте я Феде набью, и он сразу загрустит! — нашел выход Шура.

— Ну-ка, ты сам! — вдруг предложил учитель пения.

— Кто, я? — испуганно переспросил Шура. — Солистом?

— Именно ты!

— Что вы, я стесняюсь...

— А мы тебе набьем, — задиристо предложил Соломатин, — и ты перестанешь стесняться!

Отворилась дверь. И на пороге возник учитель физкультуры.

— Здравствуйте! — сказал он. — Согласно договоренности с Натальей Степановной... Внесите! — сказал он.

И четверо юных молодцов, пыхтя и огдуваясь, внесли в зал штангу и опустили на пол.

— Вы когда кончите? — нагло спросил учитель физкультуры. — Больно вы долго! Дайте и другим культурно развиваться!

Не говоря ни слова, Ефрем Николаевич снял пиджак и повесил на стул.

Стало тихо.

И хористы, и физкультурники с интересом смотрели на учителя пения, думая, что он кинется сейчас на физрука.

А физрук — тот даже на всякий случай принял боевую позу.

Но Ефрем Николаевич подошел не к нему, а к штанге. Ефрем Николаевич вдохнул побольше воздуха, выдохнул, нагнулся, поднял штангу; шатаясь, вынес ее из зала и с грохотом уронил в коридоре.

— Вот так! — сказал Соломатин, тяжело дыша.

После этого он взял плакатик, на котором было написано: «НЕ ВХОДИТЬ! ИДЕТ РЕПЕТИЦИЯ!», и повесил на дверь.

В это время дом Соломатина посетил гость. Он был одет в темный териленовый костюм, в белую рубашу, шея перехвачена нейлоновым галстуком, ботинки начищены.

Тамара ставила в вазу букет цветов, очевидно принесенный гостем, а он оглядывался по сторонам, приглаживая волосы, которых оставалось, увы, немного.

— Тесно живете! — оценил Валерий, так звали лысого.

— Мы на очереди стоим! — сообщила Клавдия Петровна, она тоже была дома.

— Связи в исполкоме есть? — Валерий взялся за спинку стула. — Вы разрешите?

— Конечно, садитесь! — улынулась Тамара, а Клавдия Петровна добавила:

— Вот связей у нас нет!

— Благодарю вас! — Валерий сел. — Прошу понять меня верно. Я говорю не о блате, а о контактах. Блат — это когда не по-честному, а контакты — это когда широкая информация приводит к запрограммированному результату! Связи в исполкоме я налажу!

— Спасибо. Я чай поставлю! — Клавдия Петровна вышла на кухню.

Раздался телефонный звонок. Как обычно, не узнав, кого спрашивают, Тамара сказала:

— Тамары нету дома!

— Я их всех отважу! — пригрозил Валерий.

Тут вдруг стало слышно, как отворилась дверь, это вернулся домой Соломатин. В комнату влетел Тинг и залаял на Валерия.

— Спокойно, Тингуша! — погладила его Тамара.

— День добрый! — Валерий поднялся навстречу хозяину. — Приятно познакомиться.

Тамара не дала договорить.

— Папа, это Валерий! Он заместитель управляющего «Лакокраспокрытия». Он устраивает меня старшим лаборантом. Правда, я не умею, но Валерий говорит, что это не имеет принципиального значения. Там прилично платят...

Из-за спины Соломатина раздался смех. Смеялись Шура и рыжий Федя.

— Проходите в маленькую комнату и репетируйте там! — распорядился Соломатин и виновато добавил, глядя на жену, выглянувшую из кухни: — Видишь ли, Клава, им надо работать, в школе негде, у Шуры от пения плачет маленький братик, а у Феди скандалят соседи по квартире...

Дети прошли в маленькую комнату и, не дав никому опомниться, в полный голос грянули песню.

Клавдия Петровна скрылась в кухне, а Валерий вздрогнул.

Соломатин посмотрел на него в упор.

— Меня зовут Ефремом Николаевичем, а ваше отчество?

— Если вы намекаете... — Валерий дотронулся до головы, — так мне всего тридцать один. Преждевременное облысение. И я надеюсь, что вы притерпитесь к моему внешнему виду!

— А зачем мне это? — искренне удивился Соломатин.

— Я надеюсь бывать у вас часто. Я ведь далеко пойду!

— В каком направлении? — спросил Соломатин.

— В международном! — ответил Валерий. — Я настойчивый, изучаю язык, и «Лакокраспокрытие» для меня только ступенька. Сейчас имеет смысл ездить в заграничные командировки, не обязательно в капстраны, можно в слаборазвитые...

— Ах, можно в слаборазвитые, я это учту!

Клавдия Петровна внесла поднос с чаем, как вновь зазвенел звонок. Соломатин пошел отворять.

— Знаешь, мама, — Тамара прислушалась к пению, — они теперь повадятся ходить к нам петь каждый день!

— Значит, папе так нужно! — Клавдия Петровна заставила себя улыбнуться. — Это не имеет значения, но я лягу в психиатрическую лечебницу!

— У вас обаятельный муж! — Валерий старательно заводил дружбу с Клавдией Петровной. — Мы с ним понимаем друг друга с полуслова!

В этот момент появился Ефрем Николаевич. Он сделал несколько шагов и остановился. Руки его бессильно висели вдоль тела.

— Что с тобой? — испугалась Клавдия Петровна.

— Что случилось? — спросила Тамара значительно спокойнее.

— Вот! — Соломатин протянул жене какую-то бумагу.

— Прочти сам! — отшатнулась Клавдия Петровна. — Кто-нибудь умер, да?

— Повестка из исполкома! — тихо сообщил Ефрем Николаевич. — Подошла наша очередь, и нам дают новую квартиру!

— Ура! — крикнула Тамара.

— Вот видите, — сказал Валерий, — у нас всегда торжествует справедливость. Это я принес вам в дом счастье!

В маленькой комнатке по-прежнему в полный голос пели дети.

Новую квартиру ходили смотреть всей семьей.

Впереди шел Соломатин с Тингом, за ним — Клавдия Петровна, за ней — Дима, за ним — Тамара, а сзади шел Валерий, который тоже увязался за ними.

Новые дома, три здоровенных дома-башни, высились в центре гигантского пустыря. Работы по благоустройству, как это обычно бывает, не были выполнены, и поэтому, чтобы пробраться к домам, надо было преодолеть груды щебня и мусора и глубокие рвы, двигаясь по скользкому дощатому настилу. Причем Танг все время предпринимал попытку спрыгнуть с настила в грязь.

— Зачем ты взял с собой собаку? — спрашивала Клавдия Петровна.

Зачем ты взяла с собой Валерия? — вопросом отвечал Ефрем Николаевич.

— Он человек практичный, он может дать дельный совет!

— А я не нуждаюсь в советах практичных людей, я не хочу быть практичным!

А у Тамары с Валерием шел вот такой разговор:

— Вы очень красивая, — говорил Валерий, — но одной красоты мало. С красоты воды не пить. К красоте привыкаешь, перестаешь ее замечать.

Тамара усмехнулась.

— Просто вы меня не любите!

— Люблю. Но одной любви мало. Любовью сыт не будешь. С годами любовь переходит в привычку.

— Чего же вы хотите? — Тамара была настроена иронически.

— Чтобы вы шагали со мной в одном строю. Чтобы вы росли интеллектуально. Родство высоких душ не проходит никогда.

Тамара рассмеялась.

— Ну что вы из себя строите? Или вы не очень... я хотела сказать — не очень умны?

— Конечно, — ответил Валерий с нарочитой серьезностью. — Если бы я был очень... Это хана, этого нигде не любят. Я в меру... Когда мне надо, я умен...

— И вам часто надо быть умным?

— Не юморите, — улыбнулся Валерий, — не ехидничайте! Насчет юмора у меня в порядке.

— Как мы здесь будем ходить, особенно вечером, в темноте, — сказала Клавдия Петровна. — Мы переломаем ноги.

— Было бы ненормальным, — отвечал муж, — если б строили сразу и дом, и дорогу! Это было бы нарушением традиций!

Теперь они подошли к трем домам-близнецам.

— Наш корпус третий! — напомнила Клавдия Петровна.

— Если считать отсюда, то наш корпус тот, — показал Ефрем Николаевич на дальний дом, — но если считать оттуда, то этот!

Валерий, который слышал разговор, сказал:

— Минуточку! — И исчез куда-то.

— Вот видишь, от него польза! — заметила Клавдия Петровна.

— Даже рак и тот приносит пользу! — парировал Ефрем Николаевич. — Его едят с пивом!
Вернулся Валерий.
— Корпус номер три — посередине!

Когда квартиры пустые, без мебели, они кажутся больше, нежели есть на самом деле. А новая трехкомнатная квартира действительно была просторной.

Клавдия Петровна замерла на пороге центральной комнаты, с улицы щедро вливался в комнату солнечный свет, и она счастливо жмурилась. Сзади стоял Ефрем Николаевич. По его лицу плыла улыбка. Жестом он останавливал молодых людей, чтобы те не помешали Клавдии Петровне насладиться историческим мгновением.

— Вытрите ноги! — прошептала Клавдия Петровна.

— Обо что? — шепотом же спросил Ефрем Николаевич.

— Не знаю.

— Здесь вытереть не обо что! — тоже шепотом сказал Дима.

— Но мы можем наследить! — тоже шепотом встала Тамара.

— Я знаю, что надлежит сделать! — Клавдия Петровна сняла туфли.

Ефрем Николаевич нагнулся к стал расшнуровывать ботинки.

— Только вот не понятно, что же снимать Тингу

— Привяжи его к двери!

Тинг был привязан. Все разулись и в носках вступили в храм. Здесь была большая комната и две поменьше, все изолированные.

— Какая замечательная квартира! — шепотом продолжала Клавдия Петровна.

Между прочим, Соломатины не отличались в этот момент от других новоселов. В новой квартире многие поначалу разговаривают шепотом, почему — неизвестно. Может быть, боятся, что кто-нибудь подслушает и отнимет квартиру?

Ефрем Николаевич привстал на цыпочки, поднял руку и дотянулся до потолка.

— Не трогай потолок! — быстро сказала Клавдия Петровна. — Осыпется!

А Тамара обнаружила Валерия в маленькой комнате

— Значит, так, мы возьмем себе эту жилую площадь. — Валерий тщательно прикрыл дверь. — Она самая маленькая!

— Но почему мы должны брать самую маленькую? — иронически переспросила Тамара. — Нас будет двое, а Дима — один!

— Я вхожу в вашу семью и не должен выглядеть нахалом. Скромность, Тамара, скромность! Когда в одной квартире живут два поколения, принцип мирного сосуществования — уступать! Например, на кухне мы возьмем себе конфорку самую неудобную, у стены!

— Как это — возьмем конфорку?

— Видите ли, кухня — это центр раздора! Чтобы не было конфликтов из-за питания, надо кормиться отдельно!

— Но мама этого не позволит!

— Мама будет сама по себе, мы — сами по себе. Только этим мы сохраним хорошие отношения. И поэтому надо поделить конфорки!

— Но я не хочу делить конфорки! Я еще не дала вам своего согласия, и я люблю маму!

— Я уже тоже активно люблю вашу маму!

Дверь распахнулась. Это были родители.

Валерий официально предупредил:

— Чтобы не было конфликтов, давайте договоримся: вы к нам и мы к вам не вламываемся без предупредительного стука в дверь!

Соломатин шагнул вперед.

— Ефрем, спокойно! — всплеснула руками Клавдия Петровна. Но было уже поздно. Соломатин сгреб Валерия в охапку и потащил к двери. Его ноги шаркали по полу.

— Паркет у вас качественный! — Валерий и сейчас оставался вежливым. — Скользишь по нему, как по лыжне!

Соломатин выволок Валерия на лестничную площадку, и босой жених припустился вниз по лестнице.

— Извините, — закричал он снизу, — но вы нарушили нормы морального поведения советского человека!

— Обожди! — крикнул в ответ Ефрем Николаевич. Он вернулся в квартиру, взял ботинки Валерия, вновь вышел на площадку и по одному кинул ботинки вниз, в лестничный пролет.

Потом Соломатин вернулся к семье.

— Куда ты его выбросил? — спросила Тамара.

— В мусоропровод! — Соломатин обнял дочь. — Не

горюй! Ты его не любишь! Просто он тебе заморочил голову!

— Не успели переехать, — отшутилась Тамара, — а ты уже засорил мусоропровод!

— Надо срочно идти в исполком, — забеспокоилась Клавдия Петровна, — и поменять смотровой ордер на настоящий, пока они не передумали!

Математическая школа-интернат помещалась в саду, за забором. У входа дежурил вахтер.

Хористы обошли вокруг забора.

— Дыры нет! — сказал Шура. — Придется лезть!

— Лезем мы с Шуркой! — распорядился Федя. — Остальные ждут здесь! — Он и Шура легко перемахнули через препятствие.

— Как нам его найти? — Шура задумался. — Если в дверь войти, так ведь выгонят!

— Очень просто! — Федя звонко запел по-латыни: «Сикут лакутус...»

Из-за забора дружно поддержал хор.

На втором этаже распахнулось окно, и в нем появился Андрюша.

— Привет! Держите! — сказал он, кидая конфеты.

— Ну как ты здесь? — Федя ловко поймал конфету и сунул в рот.

— Плохо, — признался Андрюша, — я — троечник, а это здесь как сирота!

— Бьют? — по-деловому спросил Шура.

— Им не до этого. Они чокнутые. У нас в комнате один ночью вскакивает и в темноте пишет на тумбочке, формулы сочиняет!

— Сумасшедший дом! — вздохнул Федя, кладя в рот конфету.

— А может, мы сумасшедшие? — Андрюша был искренен. — Надо двигать науку, а мы распеваем!

— Уже обработали тебя? — заметил Федя.

— Я Ефрема Николаевича, конечно, люблю...

— Ефрема не трогай! — грозно остановил Шура. —

Мы не математики, мы тебя так... набьем!

— Я его не трогаю... — примирительно сказал Андрюша. — А вы что, пришли, чтобы я смылся отсюда на фестиваль?

— Но музыка нужна человеку... — начал было рыжий Федя.

— Федя, не унижайся, пошли! — приказал Шура.

— Да что вы обижаетесь... — занял Андрюша. — Я же не виноват, что здесь интересно...

— Федя, — строго спросил Шура, — у тебя еще осталась во рту конфета? Свою-то я сжевал.

— Немножко!

— Выплюнь!

Федя покорно выплюнул.

И оба быстро перелезли через забор.

— Ну что? — спросил хор хором. — Он согласен убежать?

— Он не может, — объяснил Шура, — у него перелом!

— Ноги? — поинтересовался хор.

— Нет, мозгов!

— Значит, фестиваль — тью-тью... — вслух огорчился кто-то.

— Главное не фестиваль, — улыбнулся во весь рот рыжий Федя, — главное — чтобы мы росли с музыкой в душе!

Соломатин шагал по улице, ведя Тинга на поводке, и мурлыкал под нос песенку, которую он сочинял на ходу, как вдруг услышал: «Аве Мария...» — женский голос прекрасно пел Шуберта. Музыкальный Тинг поднял голову и тоже прислушался. Музыка доносилась из «Жигулей», где был включен приемник.

Соломатин подошел поближе и увидел элегантную даму, которая в полной растерянности стояла возле машины с задраным сверху капотом.

— Не заводится?

— Не заводится! Я вот водить научилась, а что внутри?.. А мне за ребенком в детский сад, бабушка приехала...

— Плохо ваше дело, — сказал Соломатин. — Но если бабушка приехала... Вы ручкой пробовали заводить?

— У меня сил нет! — вздохнула дама и подала заводную ручку.

— Минуточку! — Соломатин привязал Тинга к ближайшей водосточной трубе. — Садитесь за руль! Выключите зажигание! А мы сегодня ордер получили на квартиру, трехкомнатную!

— Поздравляю! — сказала дама.

— Включите зажигание!

Соломатин один раз крутанул, другой, третий. Машина не заводилась.

— И все-таки я ее заведу! — Соломатин полез под капот. — Дайте мне ключ на четырнадцать! Выключите зажигание!

Тинг, очевидно, решил, что там, у водосточной трубы, ему плохо слышна музыка. Он ловко высвободился из ошейника, подбежал к машине, забрался внутрь и, склонив голову набок, стал внимательно слушать...

— А сколько у вас в семье человек? — Элегантная дама любезно выказала интерес к делам Соломатина. Все-таки человек чинил ей машину.

— Четверо!

— Трехкомнатную... Вам хорошо дали!

— Хорошо! — согласился Соломатин. — Тряпку, пожалуйста, а то я тут весь перемажусь!

Опять крутанул, вытер со лба пот, еще раз крутанул и крикнул:

— Да подхватывайте, черт вас побери!

И дама «подхватила» — двигатель заурчал, заработал.

— Спасибо большое! — обрадовалась дама.

— Я когда-то в армии шофером служил! — улыбаясь, сообщил Соломатин. — Вам в какой район?

Дама назвала.

— Нам там-то и дали квартиру! — воскликнул Соломатин. — Вы нас не прихватите? Я хочу кое-что смерить, надо продумать, как все оборудовать!

Как известно, ни одно доброе дело на земле не остается безнаказанным.

— Не обижайтесь! — отказала дама. — Но с собакой я не возьму. Она мне чехлы перепачкает. Еще раз большое вам спасибо! — И дама поехала за ребенком, которого ждет бабушка.

Соломатин поглядел машине вслед, вздохнул, сказал «привет бабушке!», обернулся, чтобы отвязать Тинга, и... замер.

На водосточной трубе висел поводок с ошейником, однако собаки не было. Ефрем Николаевич растерянно огляделся по сторонам. Тинга нигде не было видно.

Соломатин побежал сначала в одну сторону, крича: «Тинг! Тинг!», потом в другую, тоже крича: «Тинг! Тинг!»

Собака не отзывалась.

Прохожие останавливались и смотрели на Соломатина как на сумасшедшего.

Соломатин снова постоял возле трубы и повертел головой в разные стороны, потом приметил на другой

стороне газетный киоск и кинулся через дорогу, едва не попав под автомобиль...

Водитель резко притормозил и сказал сам себе:

— А вот если бы я его сбил, кто был бы виноват?

Шофер был бы виноват..

А Соломатин, волнуясь, расспрашивал киоскершу:

— Скажите, вы не видели на той стороне собаку?

— А я не слежу за собаками. Я газеты продаю. У меня план.

— Собака была к трубе привязана. Желтенькая, в пятнышках...

— К какой трубе? — Киоскерша высунулась наружу.

— Вон к той, — показал Ефрем Николаевич. — Видите, поводок висит, а собаки нету.

— Куда же она девалась? — Киоскерша искренне удивилась. Ей было скучно сидеть тут целый день, а так — происшествие, даже событие, будет о чем соседям рассказать.

Соломатин уже кинулся обратно, но киоскерша его задержала:

— Пойдите!

— Значит, вы видели? — с надеждой спросил Ефрем Николаевич.

— Может, ее украли? — выдвинула гипотезу киоскерша. — Им собака понравилась, а поводок не понравился, поэтому они собаку взяли, а поводок оставили...

Соломатин уже снова бежал через дорогу, опять метнулся в одну сторону, в другую, крича: «Тинг! Тинг!» Потом побрел к злосчастной трубе и отвязал поводок.

Из ближайшего телефона-автомата Соломатин позвонил домой.

— Тамара, не вешай трубку, это я!.. Тинг домой не возвращается?.. Погляди на лестнице, я обожду... Значит, не возвращался. Тинг пропал...

Милая, очаровательная дама, которой Соломатин починил машину, ехала куда-то на край города. И неожиданно обнаружила Тинга. Он выдал себя, заскучал, наверное, застенчиво твякнул, лежа на заднем сиденье, на бесценных чехлах. Женщина немедленно остановила машину и без колебаний распахнула дверцу.

— Пшел вон!

Так началась для Тинга собачья жизнь. Когда собака живет в семье, собачья жизнь может быть только у хозяев.

Тинг — воспитанная собака и не хотел быть никому в тягость. Он выпрыгнул из машины и стал боязливо ози- раться по сторонам.

На городском вокзале, как обычно, все шумы пере- крывал голос диктора:

— Объявляется посадка на поезд, следующий по мар- шруту...

— На третью платформу прибывает скорый поезд номер...

— Володя Комельков из Москвы, тебя ждет дедушка в комнате матери и ребенка...

Ефрем Николаевич Соломатин, все еще теребя в руках кожаный поводок, вошел в зал ожидания, пересек его и направился к телевизионному справочному бюро.

Соломатин нажал кнопку, подождал немного, на эк- ране появилось лицо Клавдии Петровны.

— Слушаю вас, товарищ!

— Клава, это я! — убитым голосом сказал Соло- матин.

— Ну как дела? — поинтересовалась жена, и это ус- лышали в разных концах длинного зала, потому что телевизоров было несколько и изображение возникло одновременно на каждом из них.

— Плохо!

— Неужели ты и твой хор провалились на конкурсе?

— Нет, мы не провалились, хотя, в общем-то, с этим тоже плохо. Ты не можешь ко мне спуститься?

— Меня подменить некому! Я тебя не понимаю, о чем ты говоришь?

— Тинг пропал!

— Как — пропал?

— Ты понимаешь, я его привязал к трубе...

— К какой трубе? Зачем ты привязал? Где? — нерв- ничала Клавдия Петровна. — Иди и сейчас же найди Тинга!

— Но где? Где его искать?

— Не знаю. Но без собаки я не желаю тебя видеть!

Изображение на экране погасло.

— Когда-то ты вообще не хотела собаки! — пробормотал Соломатин, потоптался возле телевизора, потом зашагал обратно через зал.

Теперь многие смотрели на Соломатина — кто с любопытством, кто сочувственно, кто насмешливо.

Пожилая женщина схватила его за рукав.

— Вы на живодерню сходите! Там из собак котиковые воротники делают. Может, успеете!

— Лучше в медицинский институт! — посоветовала другая. — Там на собаках болезни изучают. Привьют им болезнь и смотрят, как они от нее подышают.

А третья пожалела:

— Да что вы человека пугаете! Вернется собака, вы знаете, как они дорогу находят? Вот у моей знакомой — оставили собаку в Запорожье, так она в Ленинград домой пешком пришла...

Соломатин едва вырвался.

А тут его окликнул шутник.

— У вас собака пропала?

— У меня! — грустно откликнулся Соломатин.

И тогда шутник, довольный сам собой — это типично для шутников, — сказал:

— Зато жена на месте. Лучше бы наоборот, а?

Соломатин не ответил, даже не обиделся, понуро зашагал дальше. На одном из телевизионных экранов он увидел, как появилась грустная Клавдия Петровна.

— Билет на московский поезд вы можете приобрести...

Соломатин покинул здание, но его слава еще раньше покинула здание, потому что на улице Соломатина окликнул мальчишка, он держал за шиворот взъерошенного рыжего пса.

— Вот, поймал! Это ваш?

— Не мой! — сокрушенно признался Соломатин.

— Тогда себе возьму! Советуете?

— Советую! — ответил Соломатин. — Славный пес.

В этот момент пленник изловчился, вывернулся и пустился наутек. Мальчишка бросился вдогонку.

Соломатин медленно поднялся по ступеням школьной лестницы и отворил дверь в зал, где его ждали ученики.

Как и положено, дети встали.

— Здравствуйте! — сказал Соломатин. — Все в сборе?

— Все! — улыбнулся Кира. — Даже я в сборе!

— А где же Тинг? — спросил Шура.

— Почему он прогуливает? — пошутил рыжий Федя.

— Случилась беда! — тихо сообщил Соломатин. —

Тинг пропал!

— Как — пропал?

— Где?

— Я все объясню после урока! — прекратил вопросы Соломатин. — Сегодня мы продолжаем разучивать...

— А мы его найдем! — пообещал Шура.

— Я тоже надеюсь на это! — искренне произнес Ефрем Николаевич. — Значит, поем старинную песню...

— Как же так! — воскликнул рыжий Федя. — Тинг пропал, а мы себе поем!

— Работа такая! — сказал Соломатин. — Мы — артисты, то есть труженики!

И под мелодию старинной грустной песни...

Объявления о пропаже Тинга расклеивали везде и повсюду...

Ефрем Николаевич... Клавдия Петровна... Дима... Тамара... Рыжий Федя... Шура... Костик...

Объявления возникали на домах, деревьях, на автобусах и трамваях, на будке регулировщика, афишных стендах... на витринных стеклах и даже на «скорой помощи», куда его прилепил Кира: «ПРОПАЛА СОБАКА».

Хозяева сидели за столом ссутулившиеся, несчастные — Соломатин, Клавдия Петровна, Тамара и Дима.

— Это я виноват, погубил собаку! — говорил Ефрем Николаевич.

— Да брось ты себя мучить! — возразил Дима.

— Погубил! — почти беззвучно прошептал Соломатин. — Я во всем виноват и никогда себе этого не прощу!

— Срок ордера кончается... — напомнила Клавдия Петровна.

— И нашу квартиру могут передать другим! — добавила Тамара.

Соломатин встал.

— Все очень просто: я пойду в исполком и продлю ордер!

— Правильно! — поддержала жена. — У нас уважительная причина.

— Они не продлят! — махнул рукой Дима. — Чиновники...

— Почему? — не согласился простодушный Соломатин. — Я им все толково объясню, и они продлят!

На двери было написано: «Отдел по учету и распределению жилой площади». В отделе по учету горбился за столом худой мужчина с изможденным лицом.

— Здравствуйте! — устало сказал он Соломатину. — Садитесь! Слушаю вас, товарищ! — И тоскливо взглянул на очередного посетителя.

— Я к вам с просьбой! — начал Ефрем Николаевич.

— Сюда без просьб не ходят! — вздохнул инспектор.

— О продлении ордера, мы не можем переехать...

— Изменение обстоятельств?

— Да, — признался Соломатин. — Сейчас я вам объясню. Дети подарили мне щенка. Они подобрали его на улице. Это было два года назад...

— Фамилия? — спросил инспектор.

— Соломатин.

— Слушаю вас! — Инспектор быстро достал из карточки нужную карточку. — Вам предоставлена трехкомнатная...

— Значит, дети подарили мне щенка, он, конечно, вырос в собаку и теперь пропал... — продолжал объяснять Соломатин.

— Кто? — не понял инспектор.

— Пес.

— Какой породы?

— Это не важно.

— А при чем тут я? — Инспектор искренне недоумевал.

— Из-за этой печальной истории мы не можем переехать! — Соломатин виновато улыбнулся.

— Ясно! — сказал инспектор. — Теперь объясните, чтоб я хоть что-нибудь понял.

— Я начну сначала, — огорчился Соломатин. — Дети подарили мне щенка...

— Минутку! — Инспектор поглядел карточку. — Старшему ребенку двадцать четыре, младшему восемнадцать!

— У меня есть другие дети, — перебил Ефрем Николаевич. — Их четырнадцать! Правда, когда они подарили мне щенка, их было только семь. За два года число их возросло вдвое!

— Ясно! — Инспектор налил из графина воду в стакан и залпом выпил ее. — Все предельно ясно! Только я опять ничего не понял!

— Хорошо... — Соломатин был терпелив. — Дети подарили мне щенка...

— А если опустить в рассказе собаку? — робко намекнул инспектор.

— Как же ее опустить, если она пропала и в ней все дело? — удивился Соломатин.

— Значит, пропала шавка, и поэтому вы пришли в исполком?

— Я не могу переехать, это же очень просто! — Соломатин старался не нервничать. — Я должен подождать собаку!

— Люди годами ждут квартиру, а вы будете ждать собаку! — сделал вывод инспектор, на что Соломатин воскликнул:

— Предать собаку — значит предать детей!

— Которых двое или которых четырнадцать? — Профессия инспектора обязывала его быть дотошным.

— Сегодня их четырнадцать, — гордо сказал Ефрем Николаевич, — завтра будет больше! Музыка зовет!

— Музыка... — повторил инспектор. — У вас есть закурить?

— Я некурящий!

— Я тоже! — кивнул инспектор. — Меня били костылями, мне предлагали взятки, но никто не травил меня собакой! Не перебивайте! Дети подарили вам щенка, детей было семь, собака выросла, детей стало четырнадцать. Вы просите квартиру большей площади!

— Все неверно! — попытожил Соломатин.

— Вон! — тихо попросил инспектор.

— Вы не поняли суть вопроса! — мягко сказал Ефрем Николаевич. — Собака не знает нового адреса...

— А вы ей сообщите! — Инспектор не издевался. Он, как говорится, дошел.

— Как же я ей сообщу, если ее нет?

— Кого нет?

— Собаки.

— Оказывается, у вас нет собаки! — ахнул инспектор. — Вон!

— Значит, нельзя продлить ордер?

— Что?

— Ордер.

— Какой?

— На квартиру!

— Почему?

— Собака пропала.

— Которой нет, — прошептал инспектор. — За что? Соломатин поднялся.

— Вы такой непонятливый, как вас на работе держат? — И ушел.

Есть такое выражение: два переезда — один пожар. Следовательно, один переезд — это полпожара, что тоже более чем достаточно. Правда, Соломатиным переезжать было несколько легче. Им помогали детский хор в полном боевом составе, внося в переезд немыслимый беспорядок, и четверо крепких молодых грузчиков. Один из них, увидев, что Ефрем Николаевич поднял тяжелую тумбу, немедленно отобрал ее у него и укоризненно покачал головой.

— Вы сами ничего не таскайте! Ваше дело — распорядиться!

— Кто раздобыл таких уникальных грузчиков? — узнавал у жены Ефрем Николаевич. Клавдия Петровна держала в руках маленькую плетеную корзиночку, аккуратно прикрытую шерстяной тряпкой.

— Тамара...

— Сколько им заплатить?

— У нее и спроси!

— Эти грузчики такие старательные, такие вежливые... Наверное, сдерут втридорога!

Когда четверо грузчиков закончили свою творческую деятельность, Соломатин подошел к ним и виновато сказал:

— Не знаю, сколько вам обещали... по пятерке на брата, больше у меня нету...

Грузчики замаялись, а Тамара отобрала у отца деньги.

— Баловать их не надо! Толик, Вова, Сева, спасибо — и по домам! Лева остается вешать люстру.

Лева счастливо улыбнулся. Соломатин захохотал и протянул Тамаре руку, явно надеясь получить двадцатку обратно.

— Зря смеешься, — сверкнула глазами Тамара, — эти деньги я откладываю на сапоги! Лева, что ты тут застрял, иди вешай!

И когда Лева ушел, объяснила:

— С «Лакокраспокритием» я уже рассталась!

— Почему?

— Я вся пропахла краской! И лаком тоже! Я стала не женщина, а хозяйственный магазин!

— Где же ты будешь работать? — устало вздохнул Соломатин.

— Лева — спелеолог. Специалист по пещерам. Он берет меня в спелеологическую экспедицию. Я начинаю новую, пещерную жизнь. А кем я, по-твоему, должна стать?

— Человеком! — ответил Соломатин. — Надо вещи разбирать, идем!

Лева стоял на столе посередине большой комнаты новой квартиры Соломатиных и пытался повесить старинную хрустальную люстру — самый ценный предмет в семье. Люстра была тяжелая, и Лева держал ее обеими руками.

— Только осторожно! — умолял Ефрем Николаевич.

— Дайте мне шнур, что ли, или здоровенный гвоздь, — обратился к нему Лева. — Боюсь, этот крюк слабоват, не выдержит...

— Клава! — Соломатин безнадежно оглядывался по сторонам. — Где в этом бедламе можно найти шнур или гвоздь, обязательно большой?

Клавдия Петровна сидела на чемодане в маленькой комнате и держала на коленях плетеную корзинку, прикрытую шерстяной тряпкой.

— Я здесь!

Соломатин направился к жене и прежде всего заметил странное выражение ее лица: по лицу плыла загадочная улыбка.

— Что с тобой, Клава?

— Вот, я принесла...

— Что ты принесла?

— Как бы тебе объяснить... В общем, ты можешь взглянуть...

Ефрем Николаевич откинул тряпку и увидел щенка, который безмятежно спал. Точно такой же щенок, каким был когда-то Тинг.

— Какая прелесть! — воскликнула Тамара, она стояла в двери. — Это вместо Тинга, да?

У Ефрема Николаевича перехватило дыхание, и он коротко распорядился:

— Перейдем в ванную!

— Подождите! — испугался Лева. — Я уже начал закреплять люстру, мне нужен гвоздь срочно и шнур, мне тяжело держать.

— Поговорите с Тамарой! — сказал Соломатин. — Я сейчас!

— Но как же я буду вот так стоять...

Тамара захохотала, а Соломатин, держась за сердце, уже спешил в ванную.

Там он всю отвернул кран, чтобы вода лилась с шумом и Лева не мог услышать, о чем здесь говорят.

— Это настоящий жесткошерстный! — оправдывалась Клавдия Петровна. — У него родословная... вот такая... — Клавдия Петровна показала, какая огромная родословная у этого крохотного щенка. У него в роду сплошные золотые медалисты. Мне его по дешевке уступили, за двадцать рублей!

— Эх ты! — сказал Ефрем Николаевич. — Тинг ведь член семьи и член детского хора, а ты за двадцать рублей хочешь купить нового члена семьи!

— Тинга так давно уже нет... — слабо сопротивлялась Клавдия Петровна. — Нового тоже можно Тингом назвать... И он такой породистый!

— А почему ты считаешь, — возвысил голос Соломатин, — что собака с родословной лучше собаки с плохой анкетой?

Клавдия Петровна робко посетовала:

— Нет, я, конечно, не жалею, хотя мне тащиться бог весть куда и я не знаю, вернут ли двадцать рублей...

— Тот, кто сегодня может предать собаку, завтра... — Соломатин не закончил фразы, потому что в ванной возникла Тамара.

— Лева предупреждает, что он больше не может, что сейчас он свалится вместе с люстрой!

— До чего ж эта молодежь хлипкая! — возмутился Ефрем Николаевич, а Клавдия Петровна выставила дочь за дверь. — Найди ему все, что ему нужно!

— Где?

— Понятия не имею! Ищи. — И когда Тамара вышла, накинулась на мужа: — Ты все знаешь, как надо. Ты образцовый, непогрешимый, ты даже рояль перевез, вместо того чтобы продать его и купить порядочную мебель.

— Но как же я и без рояля? — ахнул Соломатин.

— Что ты, Святослав Рихтер? Ты учитель пения. — В голосе Клавдии Петровны звучало пренебрежение. — И еще бессребреник. Частные уроки не даешь. Тебе деньги не нужны, ты их презираешь, как все, кто не умеет зарабатывать!

— Как тебе не стыдно, Клава!

— Это мне-то стыдно? Я тяну на себе весь дом, а ты распевашь с детишками на общественных началах. К фестивалю я себе платье сшила, хотела с тобой поехать. А он, конечно, сорвался, твой фестиваль. Какие у меня в жизни радости, скажи?

— Это ты устала от переезда, — мягко утешал Соло-

матин. — Ты-то великолепно знаешь, что у нас с тобой жизнь сложилась удачно.

Иногда так удачно, что просто жить не хочется! — Клавдия Петровна всплакнула и порывисто обняла мужа. Ефрем Николаевич потрепал ее по голове.

В дверь опять заглянула Тамара.

— Лева уже падает.

Соломатин выбежал в столовую.

— Ефрем Николаевич, — повторил несчастный Лева, — я уже падаю. — Лева привык лазать по пещерам, но не привык висеть под потолком.

В этот момент возник Валерий. Он был величав и строг. В руках держал желтый портфель, почему-то расстегнутый. Словно не замечая ничего вокруг, Валерий обратился к Соломатину:

— Ефрем Николаевич, в прошлый раз вы меня справедливо наказали за недостойное поведение!

— А зачем вы опять явились? — грозно спросил Соломатин, но Валерий не уловил этой грозной ноты.

— У меня везде связи! — объяснил Валерий. — А у вас пропала собака. Мой знакомый возглавляет клуб собаководства. Теперь входят в моду борзые. Они длинные, плоские и занимают относительно мало места. — Валерий не замечал, что Соломатин весь напрягся. Валерий явился кстати, было на ком сорвать зло.

— Прошу принять от меня борзую! — Валерий полез в портфель. Оказывается, он тоже принес щенка. — Их даже в кино снимают!

— Да, — возбужденно сказал Ефрем Николаевич, пристально глядя на Валерия, — сегодня ничего выдался денек, но нервы у меня не железные.

После этих слов Валерия как ветром сдуло. Соломатин припустился было за ним, но успел лишь сделать несколько шагов, как услышал грохот и вскрик, и замер на месте.

— Наверно, это упал Лева! — догадалась Клавдия Петровна. Она тоже вышла в коридор и в ужасе прикрыла глаза.

— Нет, — ответил Лева из комнаты, — я еще держусь, но вашей люстры уже нету!

— Ну хорошо. — Соломатин уже завелся. — Вы тут собирайте люстру, склеивайте ее, реставрируйте ее, Лева пусть торчит под потолком вместо разбитой люстры, а я пошел!

— Куда ты пошел? — не поняла Клавдия Петровна. На старую квартиру!

— Что ты там забыл?

— Ничего.

— Тогда зачем ты туда идешь?

— Я там хочу пожить немножко... Тинг ведь — он нового адреса не знает... Если он придет, он придет по старому адресу...

— Что ж, ты на работу не будешь выходить, будешь сидеть там как на привязи? — ехидно спросила жена.

— На работу ходить придется. А вообще-то днем мы установим дежурство ребят из нашего хора!

— Вы говорите так, — появилась Тамара и тут же вмешалась в разговор, — словно папу новые жильцы пустили, нужен он им!

— Я их уговорю!

Соломатин поцеловал жену и решительно шагнул к выходу.

— Можешь не возвращаться. — Клавдия Петровна заплакала. — Видеть тебя не хочу!

— Клава, не расстраивайся, это ненадолго, Тинг придет! — И Соломатин исчез.

Лева все еще маячил под потолком, хотя теперь уже в этом не было ни малейшего смысла.

Ефрем Николаевич мрачно вышагивал по улице, не видя и не замечая ничего вокруг. Но услышал песню, и, пожалуй, это было единственное, что могло сейчас привлечь его внимание. В арке старого дома пристроились трое парней: один, обросший, патлатый, брэнчал на гитаре, другой, в клетчатой кепке, притопывал в такт ногой, третий, солист, надрывно пел, вихляво изгибаясь тощим телом.

Соломатин остановился.

— Поешь бездарно! — оскорбил он солиста. — Слух у тебя, как у тетерева!

— Повтори! — угрожающе взревел солист.

— Поешь, как ржавая дверь! — охотно выполнил просьбу Соломатин.

Парень в клетчатой кепке схватил его за отвороты пиджака, но Ефрем Николаевич вырвался и как ни в чем не бывало завел ему руку за спину.

— Утихомирься, черт клетчатый! — И приказал солисту: — Дай-ка мне гитару!

Это уже было интересно. Солист протянул гитару и улыбнулся друзьям:

— Не бейте клоуна!

— Гитару довел, — сердито говорил Ефрем Николаевич, — царапаная все.. — Он повертел колки. — Настроить не можешь?.. Отойди! Тут удобно стоять!

— Что тебе, места мало? — спросил солист.

— А ты мне не тыкай, капуста! — Соломатин провел рукой по струнам и прислонился к стене.

В ответ на оскорбление один из парней щелчком сбил с Соломатина кепку. Кепка упала на тротуар. Соломатин и не посмотрел. Он будто задумался о чем-то и запел. Он запел ту же песню, которую прежде хрипло орал солист. И тут свершилось чудо. Пусть маленькое, но все-таки чудо, которое всегда случается, когда в дело вступает талант. И парни поняли это, они слушали удивленно и с уважением, потому что настоящий талант нормальным людям всегда внушает уважение. Есть, конечно, люди, которым талант внушает страх и неприязнь, оттого что у них самих нет никакого таланта.

Соломатин пел и пел, забыл про все свои горести.

— Скинемся! — Солист достал из кармана полтинник и кинул в кепку.

— И у меня полтинничек, жалко, конечно, но надо! — Гитарист тоже пожертвовал крупной монетой.

— А у меня только двадцатничек! — присоединился «черт клетчатый».

Соломатин вернул гитару.

— Здорово у тебя получается! — не без снисходительности оценил солист.

— У вас! — поправил Соломатин.

— У вас! — уже дружески улыбнулся солист. Улыбка у него была приятная, совсем детская. Он нагнулся, чтобы взять из кепки деньги.

Но Соломатин опередил солиста.

— Не трогай, это мое! — Пересчитал монеты. — Я честно напел на рубль двадцать! — Сунул выручку в карман, напялил кепку и спокойно зашагал дальше.

Парни глядели ему вслед.

— Старик молоток! — пришел к выводу солист, и остальные согласились, что да, действительно молоток, а рубль двадцать жалко.

Внезапно полил дождь, который вечно имеет привычку начинаться внезапно. Соломатин заспешил, но оказался на остановке, опоздав на автобус буквально на несколько секунд.

Как вдруг рядом остановился «Москвич».

— Садитесь, Ефрем Николаевич!

Соломатин узнал учителя физкультуры, как говорит-ся, из двух зол — ливень и физкультурник — выбрал меньшее.

— Такая незадача, Ефрем Николаевич, — плакался по дороге физрук, — аккомпаниаторша, которая на гимнастике, в декрет ушла...

— Вот вы зачем меня подвозите... — усмехнулся Соломатин.

— Два раза в неделю, — принялся уговаривать физкультурник. — Что вам стоит побренчать?

— Мне вот здесь! — Соломатин попросил остановиться.

— Это по трудовому соглашению, — физрук притормозил у входа во двор, — с заучем уже согласовано. Вот расписание! Разве вам деньги не нужны?

Соломатин взял расписание.

— Деньги всем нужны, к сожалению. — И вышел из машины. Преподаватель физкультуры поглядел ему вслед.

— Гад! — сказал он. — Гад, но умеет играть на рояле!

Пока ждали Тинга, искали Тинга, переживали из-за Тинга, сам Тинг, напрочь потерявший облик приличной домашней собаки, голодный, ободранный, грязный, тоскливо бродил по городу. Тинг искал, искал... музыку. Вот он услышал бодрые раскаты военного марша и тотчас заспешил им навстречу.

Во дворе, сверкая медными трубами, маршировал оркестр военно-морского училища. Музыканты, играя на ходу, ловко вышагивали нога в ногу, и только один, толстенный, все время сбивался с ритма.

Тинг огляделся — рояля нигде не было. Тинг присел где пришлось. Военно-морской оркестр маршировал — сначала слева направо, потом разворачивался и топал справа налево, потом снова слева направо, снова справа налево... Тинг вертел желтой башкой — справа налево, слева направо, справа налево... Голова у Тинга закружилась, Тинг поднялся, встряхнул головой, чтобы избавиться от кружения, и поплелся прочь.

Потом судьба привела его к музыкальному училищу. Здесь музыка лилась из каждого окна, самая разная

музыка. Тинг прилег неподалеку от парадного входа. В это время появился мощный мужчина, рядом с ним нес в зубах тяжелую сумку отличный пес, такого же, как и хозяин, мощного телосложения, на груди у него позвякивало ожерелье из золотых медалей.

— Сидеть! — приказал хозяин, отворил входную дверь училища и исчез за ней.

Пес-медалист, звали его Брег, покорно сел и поставил сумку возле себя. Из сумки нахально и беспечно торчал батон колбасы.

Сначала, почувяв запах колбасы, Тинг крепился, лишь глотал слюну. А затем... А затем не выдержал и на брюхе пополз к сумке. Тинг не рискнул подползти вплотную, он замер на некотором весьма почтительном расстоянии и умоляюще поглядел на дипломированную немецкую овчарку по кличке Брег. Брег тоже поглядел на Тинга и понял, что творится у того на душе (у собак-то душа есть, владельцы собак утверждают, точно есть).

И тогда массивный, гордый Брег ловко вынул из сумки батон колбасы и... швырнул его Тингу. Тинг проследил глазами за полетом желанной колбасы, но все не решался взять ее. Брег улыбнулся (честное слово!) и двинул Тингу угощение — бери, мол, чего там, между своими...

Тинг жадно схватил колбасу, а Брег сунул морду в сумку и... вытянул из нее зеленый лук, другой батон колбасы, поменьше, и замаскировал ими недостачу...

На прежней квартире Соломатиных новая хозяйка, Анна Павловна, ползала по коридору, в коридоре был расстелен лист линолеума, и Анна Павловна крохотными ножницами отстригала лишние куски. Дочурка Анны Павловны пыталась помогать, то есть откровенно мешала.

Соломатин появился в дверях, в руках он вертел ключ.

— Извините, я по привычке открыл, вот...

Анна Павловна от неожиданности чуть не вскрикнула и испуганно уставилась на Соломатина. Из-за маминой спины выглядывала дочь.

— Я здесь раньше жил, — смущенно объяснил Соломатин. — Понимаете, у меня собака пропала... Желтенькая такая, в пятнышках. Если собака придет, она придет сюда, она ведь новый адрес не знает... — Потом взглянул на расстеленный линолеум. — Вы будто маникюр делаете. Дайте мне нож и линейку какую-нибудь...

Анна Павловна поднялась с пола.

— Семья у нас без мужчин. А найти кого-нибудь... Я вас понимаю — к собаке ведь так привыкают...

Теперь уже Соломатин ползал, вымерял, чертил.

Появилась старуха, мать Анны Павловны, и увидела Соломатина.

— Все-таки стелешь на пол клеенку! Где ты его раздобыла, этого типа?

— Мама! — попыталась остановить ее Анна Павловна.

— Сколько этот мастер с тебя содрал?

— Мама, это не мастер!

— Мастер не мастер, больше чем на пол-литра не давай! — приказала мать.

Анна Павловна расхохоталась.

— Я непьющий! — отозвался Соломатин, все еще ползая на коленках.

— Знаем мы вас, непьющих, — ядовито ввернула старуха, — и не канючь! Трешницу получишь — и гуляй!

Соломатин улыбнулся.

— Ну что ж, по дороге к вам я уже рубль двадцать заработал...

— Чем? — спросила старуха.

— Пеннем... Пел на улице...

— Надо же! — заохала старуха. — Милостыню, выходит, просил.

— У меня пропала собака, — вернулся к главной теме Ефрем Николаевич. — Желтенькая такая...

— Желтенькая! — повторила старуха. — Ясное дело — алкоголик! Желтые собаки ему мерещатся, серые крысы, зеленые змеи... Неужели во всем городе нельзя было сыскать трезвого мастера?

— Если собака придет, — мямлил Соломатин, — и вас увидит — она убежит!

— Я такая страшная! — пошутила Анна Павловна.

— А он чужих не признает. У собак это бывает... Конечно, квартира наша, то есть ваша, небольшая... — гнул свою линию Соломатин, — но я на раскладушке, скромно...

— То есть, как — на раскладушке? Зачем? — ахнула Анна Павловна.

— И думать не смей! — крикнула старуха. — Дочь мне скомпрометируешь!

— Это я-то? — удивился Ефрем Николаевич. — Пустите меня, пожалуйста... На лестнице жить холодно.

Ягде-нибудь в уголке, я мешать не буду... Собака придет — и мы сразу исчезнем.

— А если она год не придет! — вслух подумала Анна Павловна.

— Не надо смотреть на жизнь так мрачно... — посоветовал Соломатин, чувствуя, что хозяева сдаются.

— Мы-то, — вздохнула старуха, — мечтали об отдельной квартире, а тут жилец навязался...

— Может быть, вы не поняли, — осторожно пояснил Соломатин. — Я ведь только на ночь! Днем я мешать не стану, днем здесь будут дежурить дети!

— Дети! — радостно повторила девочка. — А как зовут вашу собаку?

— Тинг!

Тут в двери появился Шура и, вытягиваясь по-военному, доложил:

— Ответственный дежурный по собаке Ельцов!

— Караул! — в ужасе прошептала старуха.

Назавтра в школе привычно репетировал хор. Только лишь под роялем не было видно Тинга.

И тут отворилась дверь — и, пылая щеками, вошла, нет, вплыла торжествующая завуч.

— Стоп! Стоп! — недовольно покрутил головой Ефрем Николаевич. — Извините, Наталья Степановна, на двери ведь вывешено: «Идет репетиция».

— Но у меня для вас сюрприз!..

Наталья Степановна сунулась в дверь, взяла за плечико и ввела в зал Андрюшу. Он застенчиво улыбался.

— Андрюша согласился поехать с нами на фестиваль! — Завуч не говорила, а сладостно пела. Не хватало лишь музыкального сопровождения. — Я директора интерната уговорила и Андрюшиного отца тоже уломала!

— Отец так сказал. — Тут Андрюша стал подражать голосу Вешнякова: — «Ну, раз ты по геометрии схватил пятерку, ну, если они там без тебя погибают, заваруха такая, все ходят, шумят, выдай им гастроль, чтобы отвязались. Но только в первый и последний раз. Улавливаешь?..» Я, конечно, уловил. Почему не смотаться в Москву на три дня, раз заменить меня некем. Хотя, конечно, дни уходят...

— Пусть коллектив решает! — медленно сказал Соломатин.

— Какой еще коллектив? — переспросила завуч. — И что он должен решать? — А Андрюша, который несколько лет занимался у Соломатина, сразу понял и помрачнел.

— Коллектив — это мы! — Шура шагнул вперед и повернулся к Феде. — Рыжий, говори!

— Но почему я? — начал было сопротивляться рыжий Федя.

— Говори! А не то мы тебе так набьем! — пригрозил Шура.

— Что за слова! — возмутилась завуч. — Почему вы молчите, Ефрем Николаевич?

Но тот не проронил ни слова.

— Конечно, — мечтательно сказал Федя, — очень хочется в Москву, но совесть у нас есть? — Он повернулся к товарищам.

— Есть! — хором ответил хор.

— Вот именно! — грустно продолжал Федя. Теперь он обращался к Андрюше: — Для тебя это так, развлечение! А я, например, всю жизнь буду в хоре петь!

— А у меня ни слуха, ни голоса, я только ноты перелистываю! — с чувством сказал толстый Кира. — Но я тоже против Андрея, который задается!

— Но я же не виноват! — воскликнул Андрюша.

— Ты не виноват, что такой родился! — воскликнул Шура. — Раньше мы сами за тобой бегали, это была наша ошибка. Забирайте, Наталья Степановна, вашего, как это... вспомнил... вундеркинда...

— Ефрем Николаевич, — завуч окончательно растерялась, — вмешайтесь наконец, вы же педагог!

— Вот поэтому я и не вмешиваюсь! — ответил Соломатин.

— Я хотел, чтобы по-хорошему, — всхлипнул Андрей.

— Я тебе верю, — кивнул Соломатин, — но Федя уже сказал!

— Ладно, ребята, пока! — Андрюша обиженно направился к выходу.

— Когда у нас будет концерт, — издевательски крикнул Кира, — ты приходи, мы пропуск дадим!

— Я этого так не оставлю! — пообещала завуч. — Какие-то мелочные счета, какое-то дешевое упрямство вам, Ефрем Николаевич, дороже чести школы!

И тоже ушла, еще сильнее пылая щеками.

— Ну что, ребята? — спросил Соломатин. — Жалеете, что не едем в Москву?

— Жалеем! — ответил хор.

— Я тоже жалею. Но самолюбие у нас есть?

— Есть! — снова хором сказал хор.

— Правильно! — подтвердил учитель. — И мы еще сделаем нашу школу школой с певческим уклоном.

После уроков Ефрем Николаевич вернулся на старую квартиру, собственным ключом отпер дверь, новый замок еще не успели врезать. Первым встретил Соломатина дежурный Костик.

— Тинг еще не вернулся!

— Иди скорее домой! — отпустил дежурного Соломатин.

— Притащился, жилец непрошенный! — услышала голос Соломатина старуха, мать Анны Петровны. — Картошку я тебе наказывала?

— Принес! — сказал Соломатин.

— А свеклу?

— Тоже принес!

— Снеси на кухню! — распорядилась старуха. — И ступай балкон красить!

— В шахматы сыграем? — С партией шахмат в руках возникла дочь Анны Петровны.

— Обожди ты с шахматами! — прикрикнула на нее старуха. — Сейчас дядя перила на балконе выкрасит, потом полку на кухне повесит, потом наличник на входной двери надо поправить, чего-то он покосился, потом в ванной две кафельные плитки слетели, надо починить, а потом уж сыграет с тобой в шахматы!

Соломатин ничего не возразил, вышел на балкон и взялся за кисть. В дверь позвонили.

Соломатин обернулся.

— Крась, не останавливайся! — прикрикнула старуха. — Вона дел сколько.

И отперла дверь.

Это пришла Тамара.

— Извините, — сказала Тамара, — мой папа у вас?

— На балконе! Ноги оботри!

Из-за спины Тамары выглядывал симпатичный толстяк.

— А ты постой тут! — не пустила его старуха.

Тамара прошла на балкон.

— Папа! — сказала она. — Я вижу, Тинг не возвращался?

— Нет... — ответил Соломатин, крася перильца.

— Меня на курсы приглашают. Художник по озеленению. Озеленение города. Это творческий процесс.

— А как же твои любимые пещеры?

— В пещерах темно, сыро и летучие мыши. Художник с курсов, он на лестнице ждет.

Отец пошел к выходу. Отворил дверь.

— Я ее отец!

— Здравствуйте! — заулыбался толстяк.

— До свидания! — мягко уточнил Соломатин. — И уходите мирным путем. Не заставляйте меня применять насилие! — И хлопнул дверью перед носом растерявшегося парня.

— Папа, — сказала Тамара, — я тебе завидую, у тебя призвание.

И тотчас раздался звонок.

— Сейчас я ему покажу! — возмутился Соломатин. Сам открыл дверь. В ней стояли... хористы. Чуть ли не все.

— Ефрем Николаевич, — пожаловался Федя. — Мы тут без вас разучивали, как вы велели, но завуч пришла и выгнала.

— Можете не продолжать! — сказал Ефрем Николаевич. — Входите!

Хор ввалился в квартиру.

— Это еще что значит? — перепугалась старуха.

— Они тут в маленькой комнатке немножко попоют. Балкон я кончил. Полка где?

Хор проследовал в комнатку и грянул песню.

— Вот это жизнь настала! — Старуха готова была разреветься. — Полка вон стоит...

— Тамара, поддержишь! — приказал Соломатин. — Поможешь! — Он понес полку на кухню и принялся ее вешать.

Опять раздался звонок в дверь. На этот раз старуха впустила Диму.

— Мой отец здесь? Извините...

— На кухне! — подавленно ответила старуха.

— Идем! — Дима вел за руку какую-то девушку. — Папа! — сказал Дима, входя в кухню. — Я вижу, Тинг не возвращался... Папа! Раньше я не мог жениться — нам жить было негде, — а теперь, когда мы получили квартиру... Познакомься, папа, это Наташа...

— Поздравляю! — Соломатин стоял на лестнице. — Только я не могу слезть.

В дверь позвонили.

— Кого еще не хватает? — Старуха снова открыла дверь.

— Извините, — сказала Клавдия Петровна, входя. — Муж мой здесь?

— Все здесь!

Клавдия Петровна прошла на кухню. В руке Клавдия Петровна держала тяжелую сумку.

— Ты что, за домработницу? А я тебе поесть принесла. Тинг не возвращался?

В дверь позвонили в который раз.

— Вот несчастье! — прошептала старуха. — Будь она проклята, эта новая, а для них старая квартира!

При входе стояли Кира и крепенький веснушчатый паренек с независимым, бойким видом.

— Ефрем Николаевич тут?

— Иди! Теперь уже все равно полы затоптаны. Ты что, только одного привел? Мало, веди всю улицу!

— Эй! — закричал Кира. — Перестаньте голосить! Я-то сам петь не умею, но я Павлика нашел!

Теперь все собрались в большой комнате.

— Он только сегодня перешел в наш класс, он из Ярославля, а там все поют, их так и называют — ярославские ребята... Павлик, спой!

— Я, конечно бы, не пришел! — Павлик держался раскованно. — Но Кирка мне рассказал, что собака пропала! Собак я люблю. А по заказу я не пою!

Пришла Анна Павловна и от удивления замерла.

— Что здесь происходит, мама?

— Они все сюда переехали, — сообщила старуха. — Только я не пойму: если им так нравится эта квартира, может, они с нами поменяются на новую?

— Пой, Павка! — пригрозил Шура. — А не то мы тебе так набьем!..

— А я вас потом по одному подкараулю! — не испугался Павлик. — Сейчас я могу спеть, потому что, когда пропадает собака, — это горе. Но я спою песню про собаку. А вы подпоете?

— Попробуем! — сказал Соломатин и слез с лестницы.

И Павлик запел песню про собаку. Голос у Павлика оказался чистый-чистый, звонкий-звонкий.

«У нас вчера пропал шенок,
Сбежал куда-то он,
И все мы прямо сбились с ног
И потеряли сон...
Рыжий шенок, веселый шенок,
Щенок по имени Пес...»^{*}.

Ефрем Николаевич немного послушал Павлика, а потом неожиданно попросил:

— Повтори, пожалуйста. «Сикут лакутус...» — Он прочел четыре первые строчки.

— «Сикут лакутус...» — Павлик без запинки повторил латинские слова. — Это чепуха. А вот вы повторите: под, пугая галок с ветки, попугая не пугай!

Соломатин взглянул на часы.

— Бежим! Комиссия еще заседает!

Они сорвались и исчезли: Соломатин, хор в полном боевом составе, Павлик, последней побежала дочь Анны Павловны, но мать успела ее перехватить.

— Что происходит? — нервничала Анна Павловна. — Поют, бегут... — Она оглядела незваных гостей семьи Соломатина. — Раз вы пришли.. сейчас я чай поставлю, что ли?

— Спасибо! — поблагодарила Клавдия Петровна. — Я вот тоже тут принесла много вкусных вещей. — И полезла в сумку.

— Мама! — сказал Дима. — Я чуть не позабыл тебя познакомить. Это Наташа. Я на ней женюсь.

Клавдия Петровна стала медленно-медленно оседать на пол.

Дима и Тамара едва успели ее подхватить.

— Не волнуйтесь! — успокоила старуха. — Моя дочка — врач, она ее спасет.

Хор дружно мчался по улице.

— Куда бежим? — спрашивал Павлик.

— В Москву хочешь съездить? — вопросом отвечал Шура.

— А деньги на билет?

— Задаром! — пообещал рыжий Федя.

— Конечно, хочуй!

Хор изо всех сил бежал по улице. Ефрем Николаевич Соломатин несся одним из первых.

* Стихи Александра Галича.

И все-таки они опоздали.

Примчались к зданию, где заседала отборочная комиссия, как раз тогда, когда председатель и члены комиссии вышли на улицу.

— Здравствуйте! — сказал Соломатин, тяжело дыша. — Вот мы опять!

— Все! — оборвал председатель. — Вы сами отказались! Вы уже вычеркнуты! И мы знаем, что у вас нет теперь солиста!

— У нас новый солист, вы послушайте! — попросил Соломатин.

— Поздно! — не согласился председатель. — Мы весь день смотрели пляски. Мы не каторжные!

— Тогда мы споем по дороге, можно? — И Ефрем Николаевич, не дожидаясь ответа, скомандовал: — Павлик, запевай!

И тут на улице Павлик затянул песню про собаку.

— Мне на автобус! — неуверенно произнес председатель.

— Ничего, мы проводим! Спасибо! — добавил зачем-то Соломатин. — Ребята, подхватывайте припев!

И вместе с хором подхватил припев к песне о собаке, о верном и добром друге, о том, что человек, у которого есть собака, становится... человечнее!

Уличное выступление хора, конечно же, собрало зрителей. И вскоре хор и члены комиссии во главе с председателем уже стояли в центре толпы. А хор заливался на всю улицу... Потом хор прекратил пение, и Соломатин спросил председателя:

— Ну как?

— Замечательно! — растерянно оценил председатель. — Только протоколы уже подписаны, решения приняты...

— У нас нет другого выхода! — грустно признался Ефрем Николаевич. — Мы будем петь до победного конца! Павлик, запевай! Мы будем петь, потому что не петь мы не можем!

Ободранный, измученный, давно уже не желтый, а серо-буро-непонятного цвета, Тинг плелся по городу. Спросить дорогу он не умел, и поэтому не было у него иного выхода, как найти дорогу самому. Много дней ушло на то, чтоб добраться до заветной двери и из последних собачьих сил поскрестись в нее.

Дверь отперла неизвестная Тингу женщина, а неизвестная Тингу девочка радостно запрочитала:

— Тинг! Тингуша! Тинг!

Ефрем Николаевич оказался прав: Тинг не знал нового адреса и пришел по старому... Все мы рано или поздно приходим по старым адресам.

А детский хор под управлением Е. Н. Соломатина последний раз перед поездкой в Москву выступал в родном городе. На этот раз хор выступал на сцене концертного зала. Ефрем Николаевич дирижировал в строгом черном костюме, и мальчики тоже были одеты торжественно. Ефрем Николаевич даже рискнул нацепить «бабочку»...

Хор уже исполнял последний латинский куплет «Магнифики» Иоганна Себастьяна Баха, как вдруг из-за кулис осторожно выглянула девочка, дочь Анны Павловны. Девочка держала на поводке Тинга. Увидев и услышав родимый хор, Тинг рванулся, бесцеремонно, на виду у зрителей, выбежал на сцену и... залез под рояль на свое законное место.

Комедия должна заканчиваться счастливым финалом. Это традиция. Это закон жанра. Ибо, если и комедия будет заканчиваться плохо, то что же в жизни будет заканчиваться хорошо?

1971 г.

Э. БРАГИНСКИЙ, Э. РЯЗАНОВ

Служебный роман

КИНОПОВЕСТЬ

Мечта каждого человека — жить рядом со своей работой. Изобретены трамваи, автобусы, троллейбусы и метрополитен, но все мечтают идти на службу пешком. Однако идти далеко и долго, и поэтому все едут. Причем едут в одно и то же время. Это великое ежедневное переселение народов называется «час пик» и длится, разумеется, несколько часов. Причем дважды в день...

Нашу где-то грустную, а где-то смешную историю под названием «Служебный роман» мы начинаем именно в часы пик, причем в утренние часы, когда жители города всеми возможными видами транспорта — например, напрямую или с пересадкой, или с несколькими пересадками, добирались к месту работы.

Бесконечные людские колонны вытекали из вестибюлей метро и растекались по улицам и переулкам. Разбившись на речки и ручейки, потоки служащих вливались в подъезды, в ворота, в парадные различных учреждений. С портфелями, папками, рулонами, сумками, книжками, газетами люди спешили, боясь опоздать, перегоняя и толкая друг друга. Молодые и старые, усталые и энергичные, веселые и печальные, озабоченные и беспечные, торопились они чтобы приступить к своей ежедневной полезной или бесполезной деятельности.

Нас в набитых трамваях болтает,
Нас мотает одна маета,
Нас метро то и дело глотает,
Выпуская из дымного рта.

В смутных улицах, в белом порханье,
Люди, ходим мы рядом с людьми,
Перемешаны наши дыханья,
Перепутаны наши следы.

Из карманов мы курево тянем,
Популярные песни мычим,
Задывая друг друга локтями,
Извиняемся или молчим.

Мы несем наши папки, пакеты,
Но шодумайте — это ведь мы
В небеса запускаем ракеты,
Потрясая сердца и умы!

По садовым, лебяжьим и трубным —
Каждый вроде отдельным путем —
Мы, не узанные друг другом,
Задевая друг друга, идем...

Для начала познакомьтесь, пожалуйста, с героями нашей истории.

В черной казенной «Волге» на переднем сиденье, рядом с водителем, с каменным, непроницаемым лицом, восседала Калугина Людмила Прокофьевна.

Автомобиль подъехал к многоэтажному зданию, построенному в начале века. На фронтоне дома множество табличек с названиями различных организаций.

Вот дом — одно из главных действующих лиц. В нем множество учреждений — нужных, ненужных, полезных, бесполезных, бессмысленных и даже вредных...

Вывеска:

«ОЧЕНЬ КРУПНОЕ СТАТИСТИЧЕСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ»

Калугина вышла из автомобиля и вошла в подъезд.

...Наше статистическое учреждение, конечно, полезное. Если бы его не было, мы бы не знали, как хорошо мы работаем...

Вестибюль. Калугина, не раздеваясь, прошествовала мимо гардероба, подошла к лифту и вплыла в кабину.

...Людмила Прокофьевна Калугина — начальник нашего статистического учреждения...

...Людмила Прокофьевна возраста неопределенного. Одета она строго и бесцветно, разговаривает сухо...

Приходит на работу раньше всех и уходит позже всех, из чего понятно, что она не замужем. Людмила Прокофьевна, увы, некрасива, и сотрудницы называют ее «наша мымра». Конечно, за глаза...

Выйдя из лифта, Калугина пересекла огромную пустую залу, уставленную доброй сотней письменных столов, кивком поздоровалась с уборщицей, которая протирала мокрой тряпкой пол, пересекла приемную и проследовала в свой кабинет.

Дверь в соседний кабинет, где размещался заместитель директора, была открыта. В кабинете орудовали маляры.

Битком набитый автобус выплонул из своих недр старшего статиста Анатолия Ефремовича Новосельцева

* Стихи Евгения Евтушенко.

и его двух сынишек. Старший, лет девяти, опрометью помчался в школу, а младшего отец выпустил на волю только лишь у калитки детского сада. При этом на лице Новосельцева застыло глупо-счастливое выражение, столь свойственное родителям.

Анатолий Ефремович Новосельцев был скромненький, застенчивый и робкий. Наверное, именно поэтому за семнадцать лет безупречной работы не смог вскарабкаться по служебной лестнице выше должности старшего статистика...

Из типового пятиэтажного дома, расположенного около станции железной дороги, выскочила Ольга Петровна Рыжова и затрусилась к пригородной электричке. Ольга Петровна бежала по платформе и, прежде чем задвинулись входные двери, Ольга Петровна успела втиснуться в последний вагон. Лишь пола ее пальто застряла между резиновыми створками. Зажатая в тамбуре электрички служилым человеком, Ольга Петровна боролась за обеспечение себе жизненного пространства.

...Ольга Петровна — женщина, обремененная семейными заботами: у мужа язва желудка, и нужно готовить диетические блюда. Сын занимается скверно, и приходится решать за него задачи...

...На себя времени не остается, но она не унывает, энергия бьет в ней ключом. По натуре она — оптимистка. Теперь познакомимся с секретаршей Верочкой.

Вот Верочка выскочила из парадного большого дома, расположенного на оживленном проспекте. Верочка оглянулась по сторонам, не видит ли кто, и быстро приклеила на фонарный столб...

Объявление гласило:

«Меняем двухкомнатную квартиру на две однокомнатные».

Верочка прошла мимо мотоцикла, стоящего у ворот, вздохнула и встала на троллебусной остановке.

Это Верочка. Она любопытна, как все женщины, и жестковата, как все секретарши...

Из того же парадного выскочил Сева, здоровенный могучий парень. Подошел к тому же фонарному столбу и прилепил на него объявление. В этом объявлении другим почерком было написано то же самое...

«Меняем двухкомнатную квартиру на две однокомнатные».

Потом Сева надел на себя каску, мощным ударом ноги завел мотоцикл и выехал на проезжую часть. Около троллейбусной остановки, где стояла Верочка, он притормозил. Молодые люди отвернулись друг от друга, и Сева помчался на работу один.

Сева — муж, точнее, бывший муж Верочки.

Бывший муж и жена работают в одном учреждении. Ничего не попишешь, сослуживцев, как и родственников, не выбирают...

Под землей, в вагоне метро, сдавили еще одного представителя учета и статистики. Это Шура.

Вообще-то Шура — бухгалтер, но это для нее не главное. Шура — вечный член месткома. Женщина симпатичная, но активная...

Зал статистического учреждения постепенно заполнялся. Из лифтов выходили служащие, в основном женщины. Они занимали свои рабочие места и тут же принимались за туалет. Каждая из них доставала зеркальце и начинала, как говорится, наводить марафет. Среди них и Ольга Петровна, и Шура, и Верочка, и ее подруга Алена.

И вот уже все сто сотрудниц одновременно смотрелись в зеркальце, причесывались, подмазывали губы, подводили глаза, пудрились...

Тем временем к зданию, где разместилось наше учреждение, подкатили новехонькие светлые «Жигули», украшенные всякими заграничными цацками, Из машины вышел Юрий Григорьевич Самохвалов и неторопливо направился к подъезду.

Юрий Григорьевич Самохвалов хорош собой, элегантен, моден, ботинки начищены, волосы причесаны, волосок к волоску.

...Собственно, с появления в статистическом учреждении Юрия Григорьевича Самохвалова и началась наша история.

По залу статистического учреждения медленно шел Самохвалов, оглядываясь по сторонам. Женщины заканчивали процедуры по улучшению внешнего вида и лениво приступали к работе. Почти на каждом столе находилась настольная электровычислительная машина. Телефоны на столах не звонили, а мигали лампочками, чтобы звуки звонков не мешали работать.

По залу медленно проплывали люльки с папками. Эти люльки двигались по монорельсовой воздушной дороге, и сотрудники брали нужные им папки, вкладывали в люльки бумаги, предназначенные для других сотрудников.

В приемной Верочка нервно закурила, схватила телефонную трубку и набрала двузначный номер. В зале вычислительных машин, на столе Севы, в телефоне замигала лампочка. Сева снял трубку и сказал:

— Алло!

— Ты уходил последний, ты не забыл запереть дверь на нижний замок? — спросила Верочка.

— Между прочим, — тихо ответил Сева, чтобы не слышали окружающие, — я тебе больше не должен давать отчет. Если помнишь, мы вчера с тобой развелись.

— Я помню, — сказала в трубку Верочка, — ты держался очень грубо...

В приемной появился Самохвалов.

— Доброе утро, — поздоровался Самохвалов, — Людмила Прокофьевна у себя?

— Обождите! — приказала Верочка Самохвалову и продолжала выяснять отношения с бывшим мужем. — Кстати, ты сегодня жарил яичницу на моей сковородке и не вымыл ее за собой...

Самохвалов достал из кармана нераспечатанную пачку американских сигарет и положил ее на стол.

— Что за дрянь вы курите? Между прочим, меня зовут Юрий Григорьевич.

— Сева, я тебе потом позвоню! — поспешно сказала Верочка, бросила трубку на рычаг и встала. — Это вы? — Вместо ответа Самохвалов улыбнулся. — Ой, а я подумала, что вы — посетитель! — простодушно призналась Верочка.

Самохвалов, по-прежнему улыбаясь, вошел в кабинет Калугиной... Он остановился в дверях и сказал:

— Доброе утро, Людмила Прокофьевна! Вот я и прибыл!

В рабочем зале столы Ольги Петровны и Новосельцева располагались рядом.

— Вовка опять ботинки порвал! — сказал Новосельцев, доставая из ящиков папки. — Где раздобыть двадцать рублей?

К Новосельцеву и Рыжовой приблизилась Шура с издомостью в руках.

— Люди, с вас по пятьдесят копеек! — безапелляционно заявила Шура, зная, что отказа не будет, ибо требования месткома прежде всего.

— За что? — спросил Новосельцев и полез за кошельком.

— У Маши Селезневой прибавление семейства, — сообщила Шура.

— А кто родился? — понитересовалась Ольга Петровна.

— Я еще не выясняла, — сказала Шура и пошутила. — Наверное, мальчик или девочка. Гоните по полтиннику! На подарок от коллектива!

Новосельцев и Ольга Петровна покорно внесли деньги.

— Распишитесь! — приказала Шура и, после того как члены профсоюза расписались, направилась к соседним столам. — Люди, с вас по пятьдесят копеек!

— Где же добыть до получки двадцать рублей?.. — продолжал Новосельцев и мечтательно добавил: — Вот если бы меня назначили начальником отдела...

— Я бы тебя назначила! — с энтузиазмом сказала Ольга Петровна. — Ты прекрасный работник, у тебя большой опыт. Пойди к нашей мымре и поговори. Скажи ей, что у тебя двое детей!

Новосельцев подошел к стремянке и поднялся на несколько ступенек, чтобы достать с полки, расположенной у стены, нужную папку.

— Она в принципе не знает, что на свете бывают дети. Она уверена, что люди появляются на свет, согласно штатному расписанию, взрослыми, с должностью и окладом! — грустно сказал Новосельцев.

— Лишние пятьдесят рублей в месяц на улице не валяются!

— Не валяются! — согласился Новосельцев, достал папку и полез вниз. — Но дело не только в них. Мне надоело сидеть за этим столом. Я чувствую себя переростком. Я способен на большее.

— Почему ты все это говоришь мне, а не ей? — спросила Ольга Петровна.

— Потому что я не хочу унижаться. Я гордый. Где мне перехватить двадцать рублей?

На столе у Севы снова замигал телефон. Сева снял трубку.

Естественно, звонила Верочка.

— Угадай, что я сейчас курю? Настоящий «Филипп Моррис» с двойным фильтром. Эту пачку кинул мне с барского плеча наш новый зам. Заводит дружбу с секретаршей. Сейчас он сидит у старухи...

— Теперь мне совершенно безразлично, кто заводит с тобой дружбу! — парировал Сева.

— Извини! — поджала губы Верочка. — Я позвонила тебе чисто автоматически. Больше это не повторится! — И Верочка бросила трубку.

...А в кабинете Калугиной руководитель учреждения знакомилась со своим новым заместителем.

— Разрешите вам вручить сувенир из Швейцарии. — И Самохвалов протянул Калугиной толстенькую авто-ручку. — В этой ручке восемь цветов. Очень удобна для резолюций: черным цветом — отказать, зеленый — цвет надежды, синий — товарищу такому-то, рассмотреть, красный — в бухгалтерию, оплатить...

— Очень остроумно, спасибо! — сдержанно сказала Людмила Прокофьевна, взяла ручку и отложила в сторону. Затем нажала кнопку селектора: — Вера, вызовите Новосельцева!

— Какой это Новосельцев? — с интересом спросил Юрий Григорьевич.

— Никакой! Посредственный работник, вялый, безинициативный. К сожалению, у нас таких много! — убежденно сказала Калугина. — Раньше всего, Юрий Григорьевич...

В приемной Верочка скомандовала в телефонную трубку:

— Новосельцев, зайдите к Людмиле Прокофьевне!

— Иду! — ответил в трубку Новосельцев и обернулся к Ольге Петровне. — Она сама меня вызывает!

— Не упускай момента! Бери быка за рога! — начала наставлять товарища Ольга Петровна. — Ты должен выйти от нее начальником отдела...

— О чем ты говоришь? — перебил ее Новосельцев. — Я для нее нуль, пустое место, как, впрочем, и все остальные.

И Новосельцев отправился в «предбанник», как во многих учреждениях называют приемную перед кабинетом директора.

В приемной Верочка, не обратив внимания на вошедшего Новосельцева, говорила по телефону:

— Какие сапоги? На платформе я не возьму. Какой размер?

— Здравствуйте, Верочка, — робко сказал Новосельцев.

— Обождите, — сказала Верочка. — Французские или итальянские? На молнии или на шнурках?

Новосельцев покорно присел на краешек стула...

Знакомя Самохвалова с положением дел, Калугина расхаживала по кабинету.

— Затем, Юрий Григорьевич, вы ознакомитесь с отделом химической промышленности. Это у нас образцовый отдел.

— В Швейцарии я как раз интересовался статистикой по химической... — начал было рассказывать Самохвалов, но Калугина не дала договорить.

— Очень хорошо. Затем последите за установкой компьютеров в строительном секторе.

Самохвалов сделал очередную попытку:

— В Швейцарии компьютеры...

Но Калугина не слушала собеседника.

— Но с чем у нас скверно, это с отделом легкой промышленности. Начальника там нет. Петрунин ушел в министерство. Не могу подобрать подходящую кандидатуру!..

В приемной Верочка положила телефонную трубку и нажала кнопку на селекторном аппарате.

— Новосельцев пришел!

— Пусть войдет! — распорядилась Калугина.

— Входите! — сказала Верочка Новосельцеву.

Тот набрался храбрости и отворил дверь в кабинет директора.

— Добрый день, Людмила Прокофьевна! — сказал Новосельцев на пороге.

Самохвалов резко вскочил со стула:

— Толя?!

— Юра?! — воскликнул Новосельцев, не ожидавший здесь увидеть своего институтского приятеля.

Самохвалов подошел к Новосельцеву, обнял его:

— Извините, Людмила Прокофьевна, не могу не обнять старого товарища.

— Я рад тебя видеть, — искренне сказал Новосельцев. — Какими судьбами?

Они хлопали друг друга по плечу, смеялись. Калугиной надоела эта сцена.

— Это ваш отчет, товарищ Новосельцев? — сухо спросила она, показывая на папку.

— Мой, — ответил Новосельцев упавшим голосом.

— К делу надо относиться серьезно или не заниматься им совсем, — не глядя на Новосельцева, поучала Калугина. — Статистика — это наука! Она не терпит приблизительности. Вы не имеете права пользоваться непроверенными данными.

— Я проверял...

— Заметили ли вы, товарищ Новосельцев, — Калуги-

на вернула ему отчет, — что у нас регулярно возникают перебои со снабжением теми или иными товарами?

— Заметил, — вздохнул Новосельцев. — К сожалению, я вынужден бывать в магазинах!

— Это потому, — строго продолжала Калугина, — что те или иные товары не запланировали такие ротозои, как вы!

— А как угадать, что именно у нас исчезнет? — тихо сказал Новосельцев.

...Но Калугина уже отвернулась к Самохвалову, настойчивым жестом приглашая его сесть.

— Значит, так, Юрий Григорьевич, я прошу вас, как своего заместителя...

При этих словах Новосельцев с изумлением воззрился на своего однокашника.

— ...Как своего заместителя, — продолжала Калугина, — обратить особое внимание на дисциплину. У нас приходят с опозданием, в служебное время носят в магазин. Недавно был безобразный случай, простите, но в дамском туалете висело объявление: «Продаю колготки. Позвонить по такому-то телефону...».

Самохвалов улыбнулся. Калугина заметила, что Новосельцев еще не ушел.

— Вам что-нибудь еще нужно?

— Нет, ничего, — буркнул Новосельцев и направился к двери.

— Толя, обожди меня в приемной, пожалуйста! — сказал ему вслед Самохвалов.

На пороге приемной показалась Ольга Петровна и поманила Новосельцева в коридор.

— Ну что, поздравить тебя? — спросила шепотом Ольга Петровна.

— Пока еще нет, — грустно отозвался Новосельцев.

— А есть надежда?

— Надежды уже нет.

— Чем она мотивировала? — сердито спросила Ольга Петровна.

Но Новосельцев решил переменить тему разговора.

— Ты знаешь, кого к нам назначили заместителем мымыры? Помнишь Юру?

— Какого Юру?

— Какого Юру? — передразнил ее Новосельцев. — Как будто у вас с ним ничего не было!

Ольга Петровна захлебнулась от радости.

— Кого? Юру Самохвалова? Как он теперь выглядит?

— Как огурчик!

Из кабинета вышел Самохвалов, огляделся, увидел в коридоре Новосельцева и Ольгу Петровну.

— Оля! — изумленно воскликнул Самохвалов, подходя к ней.

— Юра! — с восторгом простонала Ольга Петровна. — Господи, какой ты красивый!

— Оля, ты несколько не изменилась! Мне так приятно тебя увидеть. Ребята! Где бы нам поговорить? Не могу вас пригласить в свой кабинет. Калугина велела его отремонтировать к приходу своего нового заместителя.

Самохвалов обаятельно засмеялся.

— Каждый новый начальник всегда начинает с ремонта своего кабинета.

— Не смущайся, мы целый день разговариваем на лестнице! — сообщил Новосельцев.

— Оля, как ты живешь? — спросил Самохвалов, и все трое вышли на лестничную площадку.

На лестнице было очень оживленно. Десятки сотрудников сновали вверх и вниз. Открытый лифт поднимал и спускал тружеников, озабоченных как деловыми, так и личными проблемами.

— Живу хорошо. У меня отдельная квартира. Правда, за городом, но зато близко от станции. — Ольга Петровна расхвасталась вовсю. — Витьке уже четырнадцать. Он у меня спортсмен. Имеет первый юношеский разряд по прыжкам в длину. У мужа дела хорошие. Ему язву оперировал сам Покровский. Операция прошла удачно. А потом дали бесплатную путевку в Ессентуки, он там сейчас отдыхает. И вообще я от жизни не отстаю, не опускаюсь. Хожу в походы, в кино. Дома у нас всегда компании собираются. Ну а ты как?

— Нормально, — скромно потупился Самохвалов. — Последние два года работал в Женеве.

— Может, ограбить тебя по этому поводу на двадцать рублей? — задумчиво сказал Новосельцев. — Правда, это нарушает мои принципы. Я не беру в долг у вышестоящих.

— Но я еще не вступил в должность, — подхватил интонацию Самохвалов, достал кошелек и дал Новосельцеву деньги.

— Спасибо. В получку верну.

— Это здорово, Юра, что тебя к нам назначили. Ты давай, помоги Толе! — сказала Ольга Петровна.

— Оля, прекрати! — Новосельцев возмущенно дернул ее за рукав, но Ольгу было невозможно остановить.

— Это вопиющая несправедливость. У нас освободилось место начальника отдела. Толя — лучшая кандидатура. Он умный, он все знает, у него на шее двое детей!

— Оля, успокойся!

— Дети большие уже? Кто у тебя жена? — заинтересованно спросил Самохвалов.

— У него нет жены. Эта особа ушла и кинула ему двух детей!

Новосельцев не смог стерпеть искажения фактов:

— Неправда! Детей я не отдал сам!

— Мне эта идея с назначением Толи определенно нравится! — задумался Самохвалов.

— Так возьми и назначь его! Ты же теперь большой начальник, — немедленно предложила Ольга Петровна.

— А что? Сейчас я попробую это сделать. Ждите меня здесь!

— По-моему, ты торопишься. — Новосельцев сделал попытку остановить друга. — Мы столько не виделись, может, я изменился к худшему?

— Ну, не настолько же ты плох, чтобы не смог руководить отделом! — И довольный своим ответом, Самохвалов ушел к Калугиной.

Ольга Петровна восхищенно посмотрела ему вслед.

— Он ни капельки не изменился!

— Если он будет вести себя так, то долго не продержится! — тоном оракула возвестил Новосельцев.

— Толя, скажи по-честному, я еще ничего? — неожиданно спросила Ольга Петровна.

— Ты в полном порядке! — дружески ответил Новосельцев, не понимая, почему возник этот вопрос...

Тем временем в кабинете Калугиной Самохвалов брал «быка за рога».

— Людмила Прокофьевна, у меня возникла идея: назначить начальником отдела легкой промышленности Новосельцева!

Калугина поморщилась.

— То, что он составил плохой отчет, — это еще не показатель, — продолжал Самохвалов. — Просто человек засиделся на мелкой работе. Я его давно знаю. Он очень способный!

— Понимаю ваше желание продвинуть по службе

старого друга, но предпочла бы, чтоб мы выдвигали людей исключительно по их деловым качествам, — едко возразила Калугина. — Извините...

Самохвалов, пряча усмешку, покинул кабинет и подошел к Новосельцеву и Ольге Петровне.

— Пока не вышло, но такие вещи не получаются с первого захода. Немножко терпения, ребята, и все будет в ажуре!

— Юра, я в тебя всегда верила, — сказала Ольга Петровна и улыбнулась. — Вы не бойтесь, товарищ заместитель, при посторонних я фамильярничать не стану.

Самохвалов улыбнулся в ответ.

— Вы всегда были очень тактичны, Ольга Петровна!

— Вы тут поговорите, а я сбегаю в магазин, а то его закроют на обед, — спохватилась Ольга Петровна и помчалась вниз, размахивая авоськами.

Самохвалов так посмотрел ей вслед, что у Новосельцева возникло желание оправдать Ольгу Петровну.

— У нас перерыв неудачно. С часу до двух, так же, как в продуктовых магазинах.

Но Самохвалов думал совсем о другом.

— Какая она стала! Ты ее помнишь? Какая она была? Куда это все девалось? Я ее с трудом узнал! — В его словах прозвучала искренняя горечь.

— Всю жизнь мотаться в переполненных электричках и ежедневно готовить мужу паровые котлеты — от этого не похорощеешь! — философски ответил Новосельцев.

Мимо них с независимым видом прошла Верочка. Самохвалов выдержал паузу, давая ей пройти, и вернулся к главной теме разговора.

— Я действительно хотел бы, чтоб на этой должности был мой друг, которому я смогу довериться в трудную минуту!

— Ну, это ясно, — невинно сказал Новосельцев. — Каждая метла новая везде расставляет своих людей!

— Надеюсь, ты мой человек! — засмеялся Самохвалов.

— Конечно, твой. Правда, до этой минуты я был ничей!

Мимо них в приемную, с коробкой, в которой лежали сапоги, вернулась Верочка.

— Спустимся вниз, я тебе кое-чего покажу, — предложил Самохвалов, и приятели шагнули в движущуюся вниз открытую кабину лифта.

Самохвалов и Новосельцев ехали в лифте.

— Калугина о тебе невысокого мнения, считает тебя посредственностью! — продолжал Самохвалов.

— Думаю, она права... — усмехнулся Новосельцев.

— Я понимаю, ирония — маска для незащитных. И все-таки нужно найти к Калугиной подход. В чем ее слабое место?

— У нее нет слабых мест! — грустно сказал Новосельцев.

— Она немолодая, некрасивая, одинокая женщина, — задумчиво продолжал Самохвалов.

Друзья вышли из учреждения на улицу.

— Она не женщина, она директор! — возразил Новосельцев.

Самохвалов подошел к своим «Жигулям» и с гордостью показал на них жестом хозяина. Новосельцев перевел глаза с Самохвалова на автомобиль и обратно и подчеркнуто радостно всплеснул руками.

Самохвалов нежно погладил крышку машины.

Новосельцев «не находил» слов и только мимикой показывал, как он восхищен тем, что Самохвалов — собственник машины!..

...Калугина вышла из кабинета в приемную.

— Вера, купили новые сапоги?

— Еще не решила. Идут они мне? — спросила Верочка, поднимая обутые в обновку ноги.

— Очень вызывающе. Я бы такие не взяла, — сказала Калугина, а в дверях добавила: — А на вашем месте поинтересовалась бы сапогами не во время работы, а после нее!

— Значит, надо брать! — подытожила Вера после ухода руководительницы.

На улице Калугина директорским взглядом увидела лодырничавших Самохвалова и Новосельцева.

— Юрий Григорьевич, я в министерство. Может быть, не вернусь, — сказала Калугина, проходя мимо друзей. — Товарищ Новосельцев, займитесь, наконец, отчетом!

— Людмила Прокофьевна, не забудьте, вечером я вас жду! — крикнул Самохвалов вдогонку Калугиной.

Та в ответ согласно кивнула головой и уселась в свою персональную машину. Машина рванулась с места.

— Если б ты знал, Юра, до чего я ее боюсь! — глядя вслед уехавшей Калугиной, признался Новосельцев.

Но Самохвалов не слушал. В его голове созрела какая-то идея.

— Сегодня я отмечаю вступление в должность. Давай тоже приходи и, пользуясь домашней обстановкой, попытайся наладить с Людмилой Прокофьевной контакт. Поухаживай за ней немножко. Если я представлю ей твою кандидатуру еще раз, она просто зарычит.

— Как же за ней ухаживать, если она будет рычать? — наивно спросил старший статистик Новосельцев.

— Нет, это хорошая мысль. Отнесись к ней, как к женщине! — Самохвалов явно увлекся своим планом.

Но Новосельцев продолжал артачиться:

— Я не могу, это слишком. Ухаживать ради карьеры — некрасиво и непорядочно.

— Я же не предлагаю тебе ухаживать за ней всерьез, с далеко идущими намерениями, — уговаривал Самохвалов. — Так, слегка приударить!

— Никакая должность на свете не заставит меня за ней ударять, — упрямый Новосельцев стоял на своем. — Лучше я к тебе не приду, а ты позови Олю, а то ей будет обидно, что меня ты звал, а ее нет!

— А зачем Олю! — поморщился Самохвалов. — Впрочем, можно и ее... приходите часам к восьми...

На улице появилась Шура с папкой в руках.

— Я уже платил, — поспешно предупредил Новосельцев.

— Вы наш новый зам? — бесцеремонно спросила Шура.

— Я, а что? — Самохвалов был озадачен.

Шура достала из пачки ведомость:

— У Маши Селезневой прибавление семейства. Внесите пятьдесят копеек!

— Какая прелесть! — улыбнулся Самохвалов и полез в карман за деньгами...

...На вечеринке у Самохвалова гости уже отвалились от стола и разбрелись по квартире, в ожидании чая и сладкого. Среди гостей были Калугина, Ольга Петровна, Новосельцев, начальник отдела общественного питания Бубликов, начальник местной промышленности Боровских, их жены и еще несколько безымянных статистических личностей. Жена Самохвалова убирала со стола грязную посуду. Новосельцев охотно помогал ей, курсируя на кухню с тарелками и блюдами. Роскошный заграничный проигрыватель выдавал модную мелодию.

В кабинет хозяина вошли Калугина и Самохвалов.

— У вас уютно. И ваша жена мне понравилась, — желая сделать приятное своему заместителю, говорила Калугина.

— Тут наши вкусы совпадают, — улыбнулся Самохвалов.

— Я надеюсь, наши вкусы совпадут и в работе, — усаживаясь в кресло, намекнула Калугина.

Самохвалов предложил ей кипу заграничных журналов, достал из пачки «Кента» сигарету и прикурил от электронной зажигалки.

— Возвращайтесь к гостям, Юрий Григорьевич, а то им без вас скучно!

— Как это я брошу вас одну? — любезно возразил хозяин.

— Я тут отдохну, полистаю журналы, — сказала Калугина. — Я устаю от шума. Не заботьтесь обо мне...

Самохвалов покорно удалился в большую комнату и позвонил Новосельцева:

— Толя, весьма удобная ситуация. Людмила Прокофьевна там одна, отдыхает.

— Пусть отдыхает, я не буду ей мешать! — быстро сориентировался Новосельцев.

— Не валяй дурака! — Самохвалов отобрал у друга стопку грязных тарелок, поставил их на стол, сунул Новосельцеву в руки поднос и поставил на него два бокала. — Пойди, угости ее коктейлем!

— Ты хозяин, ты и угощай! — сопротивлялся Новосельцев.

Самохвалов понизил голос:

— Конечно, она пугало, ее можно выставлять на огороде, но ты смотри не на нее, а в сторону!

— Ничего не поможет. Она все равно меня не назначит!

С обреченным видом Новосельцев взял поднос, подошел к двери в соседнюю комнату и остановился в сомнении.

— Ну, как, Оленька, настроение? — обратился Самохвалов к Ольге Петровне.

— Шикарно живешь, Юрка! — обводя рукою комнату, сказала Ольга Петровна. Сзади них был виден Новосельцев, мучимый сомнениями.

— Попробуй вон тот салат! — с вежливостью хозяина предложил Самохвалов.

— Я уже пробовала. Я его готовлю лучше твоей жены! — с шутливой задиристостью сказала Ольга.

— Характер у тебя не изменился! — улыбнулся Самохвалов.

— Ты все-таки помнишь, какой у меня характер?

— Я помню все! — Самохвалов галантно склонил голову.

В это время Новосельцев, наконец, решил и отворил дверь.

На пороге комнаты, где отдыхала Калугина, появился Новосельцев. При этом Новосельцев вел себя так, словно переступал порог директорского кабинета:

— Людмила Прокофьевна, разрешите войти?

— Входите, товарищ Новосельцев! — дозволила начальница.

Новосельцев остановился с подносом посередине комнаты, не зная, что сказать.

— Садитесь, пожалуйста! — разрешила Калугина.

— Спасибо. — Новосельцев робко присел, держа в руках поднос, и продолжал молчать.

— У вас ко мне дело? — спросила Калугина, отрываясь от журнала.

— Да, да. Пожалуйста, выпейте коктейль!

— Товарищ Новосельцев, я не пью! — с укором сказала Калугина.

— Я тоже, — вздохнул Новосельцев.

— Тогда зачем вы это принесли?

— Это моя ошибка, — с готовностью признался подчиненный.

После некоторой паузы Новосельцев вдруг нашел тему для разговора:

— Вы знаете, Людмила Прокофьевна, вы были правы. Я начал перерабатывать отчет, и он на глазах становится лучше.

— Рада это слышать, товарищ Новосельцев! — Калугина снова уткнулась в журнал.

Новосельцев мучительно искал, о чем бы еще поговорить.

— Вы любите собирать грибы?

— Что? — ахнула Калугина...

— Грибы... ну, знаете, белые, подосиновики, опята... — тихим голосом пролепетал Новосельцев.

Убедившись, что он над ней не смеется, Калугина снова стала листать журнал:

— Нет, я к этому равнодушна.

— Людмила Прокофьевна, я вам искренне сочувствую. Грибы интересно искать. Опята, например, растут

на пнях, — постепенно Новосельцев воодушевился. — Если напасть на удачное место, можно сразу набрать целую корзину. Белые находить труднее. Иногда они растут под елочками, иногда под березками. Если лето сухое, то грибы надо искать в низине, там, где сыровато.

— Вы большой специалист по грибам, товарищ Новосельцев, — сухо произнесла Калугина.

— Меня зовут Анатолий Ефремович, — грустно сообщил специалист по грибам.

— Я это запомню, товарищ Новосельцев!

Снова воцарилась пауза.

— У вас ко мне больше нет вопросов? — официально спросила Калугина.

— Нет.

— Тогда можете идти! — И директор отпустила Новосельцева.

Новосельцев встал, в руках он держал все тот же поднос.

— До свидания!

— Всего хорошего, товарищ Новосельцев!

Глубоко оскорбленный, Новосельцев ушел, унося поднос с нетронутыми бокалами.

В большой комнате Самохвалов бросился ему навстречу.

— Ну как? Почему ты не угостил ее коктейлем?

— Она непьющая! — сказал зло Новосельцев.

— Что вы делали? О чем говорили? — Самохвалову было любопытно. Вокруг них танцевали гости.

— О грибах!

— Почему о грибах? — удивился Самохвалов.

— Не о змеях же с ней разговаривать? Понимаешь, Юра, я попытался за ней ухаживать, но как-то не умею. Последний раз я ухаживал за женой... да, двенадцать лет назад, и, наверно, разучился.

— А Людмила Прокофьевна заметила, что ты за ней ухаживаешь? — проявил догадливость Самохвалов.

— Боюсь, что нет... — задумчиво сказал незадачливый ухажер.

— Хочешь всю жизнь корпеть старшим статистиком?

— Не хочу. А нельзя придумать что-нибудь другое вместо ухаживания? Когда я с ней вдвоем, у меня ноги подкашиваются.

— А ты не стой, ты сядь! — пошутил Самохвалов.

— Я не знаю, о чем говорить.

— О чем-нибудь интеллектуальном. Она тетка умная.

— Интеллектуальном? — обрадовался Новосельцев. — Это легче, это я могу попробовать. Сейчас вот подкреплюсь. — Новосельцев взял большой кусок торта и отправил его в рот. — Наберусь сил и пойду метать бисер...

— Юрий Григорьевич, отчего это вы не приглашаете меня танцевать? — послышался задорный голос Рыжовой.

— Ольга Петровна, я вас приглашаю! — Самохвалов был воплощенная любезность.

— Это после того, как я сама навязалась.

Самохвалов сменил пластинку в проигрывателе. Зазвучала томная мелодия. Ольга Петровна прижалась к Самохвалову:

— А помнишь, мы сбежали с лекции по финансовому праву и пошли в кафе-мороженое? Ты так роскошно заказал, а потом у тебя денег не хватило? — Ольга Петровна громко расхохоталась.

Самохвалов тоже засмеялся.

— Конечно, помню! Слушай, у меня к тебе вопрос. — Самохвалов понизил голос и показал на человека у окна.

Бубликов стоял у окна с чашкой в руках и веселился, глядя на собеседника.

— Вот этот Бубликов, который возглавляет отдел общественного питания, что он за человек? — спросил Юрий Григорьевич.

— Карьерист! — ответила Ольга Петровна и добавила игриво: — Слушай, а твоя жена не будет тебя ревновать?

— К кому? — не понял Самохвалов.

— Ко мне!

— К тебе? Конечно, будет! — несколько преувеличенно сказал Самохвалов.

Ольга Петровна осталась довольна ответом, принимая его всерьез.

— А помнишь, как мы ездили в Кунцево целоваться? А теперь на месте этого леса — город!

— Конечно, помню. — И Самохвалов показал на человека, который демонстрировал фокусы двум-трем гостям. — А Боровских из отдела местной промышленности? Что он из себя представляет?

Ольга Петровна оглянулась во время танца.

— Мировой мужик! Знаешь, Юра, вот я сейчас тан-

чую с тобой, и мне кажется, будто этих восемнадцати лет не было...

Новосельцев, наконец, обрел мужество и обратился к Самохвалову, который проплывал мимо в танце с Ольгой Петровной.

— Ну, я пошел!

— Побольше интеллекта, Толя! — вдохновил приятеля Самохвалов.

Кончилась музыка. Перестав танцевать, Самохвалов поцеловал Ольге Петровне руку.

А Новосельцев снова возник в кабинете, где Калугина в одиночестве листала журналы.

— Извините, Людмила Прокофьевна, это опять я! — с дурацкой улыбкой представился Новосельцев.

— Мы ведь с вами уже попрощались, товарищ Новосельцев.

— Может быть, мы опять поздороваемся? — робко предложил Новосельцев. — Добрый вечер, Людмила Прокофьевна!

— Добрый вечер! — едва заметно улыбнулась Калугина.

— Спасибо! Наверное, вам скучно, Людмила Прокофьевна? — немного осмелел Новосельцев.

— Я привыкла находиться одна, и поэтому мне никогда не скучно, товарищ Новосельцев.

— Тогда мне лучше уйти, — вздохнув, сказал Анатолий Ефремович.

— Вы мне не мешаете! — милостиво проговорила Калугина.

— Большое спасибо! — Новосельцев, как и в первый раз, присел на краешек стула.

В большой комнате Ольга Петровна задумчиво сидела возле стола. Мимо шел Самохвалов со стопкой чистых тарелок.

— Юра, побудь со мной!..

— Не могу. У меня гости.

— А я что? Не гость? Сядь!

Самохвалов улыбнулся, сел. Ольга Петровна придвинулась к нему и сказала кокетливо:

— Зря ты меня пригласил к себе, во мне все всколыхнулось!

Самохвалов неискренне улыбнулся:

— Во мне тоже. Но мы должны взять себя в руки.

— Из нас двоих ты был всегда благоразумней. В

воскресенье у нас экскурсия на автобусах по маршруту Владимир — Суздаль. Давай включимся?

— Эти автобусы могут нас далеко завезти! — уклончиво ответил Самохвалов.

— А мы так любили путешествовать... может, трянем стариной? — с озорством предложила Ольга Петровна.

— Мы уже в таком возрасте, Оля, когда нас лучше не трясти!

В кабинете Новосельцев, пытаюсь выбраться из неловкого положения, размышлял вслух:

— О чем бы нам с вами поговорить, Людмила Прокофьевна? Об отчете мы побеседовали, к грибам вы равнодушны... А как вы относитесь к стихам?

— Положительно, — призналась Калугина.

— Это прекрасно. Поговорим о поэзии. В молодости я сам писал стихи. А вы?

— У меня к этому не было способностей.

— У меня тоже. Сейчас я вам почитаю, и вы в этом убедитесь.

— А может, не надо читать? — с надеждой сказала Калугина.

— Мне очень хочется произвести на вас хорошее впечатление, — честно признался Новосельцев и принялся декламировать:

Любить иных тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносильен.

Брови Калугиной изумленно взметнулись вверх.
Новосельцев продолжал чтение стихов:

Весною слышен шорох снов
И шелест новостей и истин,
Ты из семьи таких основ,
Твой смысл, как воздух, бескорыстен.

Внезапно Калугина, перебив Новосельцева, принялась читать третью строфу:

Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть
И жить, не засоряясь впредь,
Все это — не большая хитрость...

...закончила Калугина и сказала:

— Я не подозревала, что вы выступали под псевдонимом Пастернака.

— Никогда бы не подумал, что вы разбираетесь в стихах! — искренне удивился чтец-декламатор. — И даже знаете наизусть!

— Стихи хорошие, но прочли вы их плохо.

— Вам, конечно, виднее, правда, все мои друзья уверяют, что я здорово читаю! — обиделся Новосельцев.

— Они вам льстят, вы читаете отвратительно! — безапелляционно заявила Калугина.

— А музыку вы любите? — с вызовом спросил Новосельцев.

— Надеюсь, вы не собираетесь петь? — испугалась Калугина.

— А почему бы и нет? Друзья уверяют, что у меня приятный голос, — вездливо сказал Анатолий Ефремович.

Калугину осенила догадка:

— Вы, может быть, выпили?

— Нет, что вы! Когда я выпью, то становлюсь буйным. Поэтому я никогда не пью. Что бы вам такое спеть? — раздумчиво протянул Новосельцев.

— Все-таки не стоит. Вы будете ждать, чтобы вас похвалили, а я всегда говорю правду, — кротко, но твердо сказала Калугина.

— Значит, вы заранее уверены, что петь я тоже не умею! — саркастически констатировал Новосельцев.

— Я от вас очень устала, товарищ Новосельцев.

Но Новосельцева уже нельзя было остановить:

— Сейчас я спою, и вашу усталость как рукой снимет! Ага... придумал...

Новосельцев встал в позу и затянул:

Средь шумного бала... Случайно...
В тревоге мирской суеты
Тебя я увидел... Но тайна
Твои покрывала черты...

— Вы в своем уме? — перебила его Калугина.

— Значит, как я пою, вам тоже не нравится. Вам ничего не нравится! Вам невозможно угодить! — когда штенчивые люди выходят из себя, они могут себе позволить многое. — Но я попробую. Сейчас я вам станцую!

— Прекратите эти кривлянья, товарищ Новосельцев! — решительно гаркнула Калугина.

Но Новосельцев закусил удила:

— Современные танцы вам наверняка не по душе. И вам спляшу русский народный танец «цыганочка»!

Вы мне сможете подпевать? Впрочем, мне подпевать вы не станете!

Новосельцев, напевая, начал хлопать себя по коленям, по ботинкам, тряс плечами, а потом пустился вприсядку. Калугина, возмущенная, встала, направляясь к выходу, но Новосельцев приплясывал перед ней, не давая уйти.

— Пропустите меня сейчас же! — громко закричала почетная гостья.

На крик Калугиной вбежали Самохвалов, Ольга Петровна, хозяйка дома, сослуживцы. Пораженные, они остановились, а Новосельцев продолжал отплясывать, как ни в чем не бывало.

— Юрий Григорьевич, уймите этого хулигана! — потребовала Калугина.

— Толя, подожди... — растерялся Самохвалов. — Почему ты пляшешь?

Новосельцев остановился, тяжело дыша:

— Вам товарищ Калугина, не нравится, как я читаю стихи, как я пою, как я танцую! Потому что вы сухарь! Вы бездушная, черствая...

— Толя, прекрати немедленно! — зашипел Самохвалов, желая утихомирить правдолюбца, но тот только отмахнулся.

— Ты молчи, тебя не спрашивают!

— Ничего, Юрий Григорьевич, пусть говорит! — выдавила бледная Калугина.

— В вас нет ничего человеческого, вместо сердца у вас цифры и отчеты! — в запальчивости кричал Анатолий Ефремович.

— Толя! — Ольга Петровна пыталась унять друга.

— Толя! Выйди из комнаты! — в гневе приказал хозяин дома.

— Сейчас уйду, я еще не все сказал!

— Юрий Григорьевич, дайте товарищу договорить! зловеще сказала Людмила Прокофьевна.

— Вы можете меня уволить, но я рад, что я вам все это высказал в лицо! — закончил монолог Новосельцев.

Наступила тишина. Самохвалов был расстроен и обескуражен. Грозно сопел Новосельцев. Оторопела жена Самохвалова. Ольга Петровна тихонько всхлипнула.

— Юрий Григорьевич, большое вам спасибо за прекрасный вечер! — проявляя редкую выдержку, сказали Калугина.

Самохвалов был убит:

— Понимаете... он неплохой человек... может быть, он выпил лишнего? С кем не бывает...

— Все было хорошо. Я получила большое удовольствие. До свидания, товарищ Рыжова! До свидания, товарищи!

— Всего хорошего, — прошептала Ольга Петровна.

— До свидания... Анатолий Ефремович! — многозначительно сказала Калугина.

— Извините, Людмила Прокофьевна, наверно, я переборщил, — приходя в себя, в отчаянии сказал Новосельцев. — Можно я вас провожу?

— Пожалуй, не стоит! — с показным спокойствием отказалась Людмила Прокофьевна и направилась к выходу...

— Вы не сердитесь... — подавая начальнице пальто, говорил Самохвалов. — Мне это в голову не могло прийти. И не обращайтесь внимания. Он нес такую околесицу...

— Нет, почему? Всегда интересно узнать, что о тебе думают подчиненные...

И Калугина покинула квартиру своего заместителя...

...Утро следующего дня. Деловой, энергичной походкой Калугина влетела в свой кабинет, сняла пальто, повесила его на вешалку и ринулась к селектору.

— Вера, принесите мне, пожалуйста, личное дело Новосельцева! — тон Калугиной не предвещал ничего хорошего.

Пройдя через заполненный сотрудниками зал, который по-утреннему медленно втягивался в работу, Самохвалов остановился около стола Новосельцева.

— Привет дебоширу! Ты можешь мне объяснить, какая муха тебя укусила? — спросил заместитель директора.

— Не мучай меня! — страдальчески поморщился Новосельцев. — Я и так всю ночь не спал.

— Ладно, не переживай! Пойди к ней и извинись! — посоветовал Самохвалов.

— Мне стыдно показаться ей на глаза! — повинился Анатолий Ефремович.

— Любишь кататься, люби и саночки возить! — укоризненно сказал Юрий Григорьевич.

— Хорошо, я схожу. Может, повезет и она меня не примет, — с надеждой добавил перепуганный служащий.

Верочка зашла в кабинет Калугиной, передала ей папку с личным делом Новосельцева и снова вернулась в приемную.

Самохвалов, идя от Новосельцева, направлялся в свой кабинет.

— Доброе утро, Юра! — взволнованно встретила его Ольга Петровна.

— Здравствуй, Оленька! Мне очень приятно, что ты у меня вчера была, — ласково сказал Самохвалов.

Ольга Петровна расплылась в улыбке.

— А я здесь стою, тебя жду, хочу поблагодарить за вчерашний вечер!

— Вечер действительно удался, ничего не скажешь! — рассмеялся Самохвалов.

— А какие у тебя планы на сегодня? — поинтересовалась Ольга Петровна.

— Отдохнуть от вчерашнего. — И Самохвалов устремился в приемную.

— Доброе утро, Юрий Григорьевич! — поздоровалась секретарша с начальством.

— Здравствуйте, Верочка! — Он показал на дверь Калугиной. — Здесь?

— Как всегда.

Самохвалов вошел к себе в кабинет.

А Ольга Петровна уже усаживалась на свое рабочее место в зале рядом с Новосельцевым.

— Юра уже пришел, — сообщила Рыжова Новосельцеву.

— Он сюда заходил. Советовал мне пойти извиниться.

— Толя, не дрейфь! Ты ей хамил в неслужебное время, — ободрила товарища Ольга Петровна. — Она не имеет права тебя уволить. А если попробует, мы тебя через местком восстановим! У нас не капитализм. У нас никого уволить невозможно.

— Действительно, какая муха меня укусила? — риторически спросил Новосельцев...

В кабинете Калугина нажала на кнопку селектора.

— Вера, зайдите ко мне!

Верочка появилась на пороге кабинета.

— Вера, вы все про всех знаете...

— Такая профессия! — скромно потушилась секретарша.

— Что вы знаете о Новосельцеве?

Верочка, скрыв изумление, посмотрела на Калугину и сказала безапелляционно:

— Недотепа. Холостж с двумя детьми.

— Как холостж? Какие дети? В личном деле это не

отражено. — Калугина показала на личное дело Новосельцева.

— А он когда эти бумаги заполнял?.. Вы помните Лизу Леонтьеву из строительного отдела? Такая хорошенькая, светленькая, с косой?.. Сейчас она у нас не работает.

— Не помню, — созналась директор.

— Она была его женой, родила ему двух детей, а потом закрутила... Помните, ревизор к нам ходил... как его фамилия? Помните, с ушами?.. — И Верочка показала, какие большие уши были у ревизора.

— Ее не помню, а ревизора помню.

— Лиза к нему ушла... — увлеченно рассказывала Верочка. — Ну а зачем ревизору чужие дети?

— Как же Леонтьева могла оставить детей? — возмутилась Калугина. — Она же мать!

— В их семье матерью был Новосельцев! Он вообще такой тихий, безобидный, голоса никогда не повысит!

— Я бы не сказала, что он безобидный, — вскользь заметила Калугина и добавила сухо: — Вера, спасибо за информацию...

...Наконец, мобилизовав всю свою волю, Новосельцев встал из-за стола, намереваясь идти к Калугиной.

— Пойду просить прощения!

— Выше голову, Толя! — Ольга Петровна улыбкой поддержала сослуживца.

Пока Новосельцев понуро брел по коридору, в приемной Верочка уже разговаривала по телефону.

— Алена, у тебя какие планы на вечер?.. В какую компанию?.. Там мальчики будут?.. Я теперь женщина одипокая, ты, давай, меня знакомь!..

В приемную вошел Новосельцев и вежливо поздоровался:

— Здравствуйте, Верочка!

— Новосельцев, держитесь. Старуха сильно вами интересуются. Личное дело затребовала!

— Меня выгоняют с работы! — тоскливо сообщил Новосельцев.

— Вас? За что?

— За хулиганство!

Верочка растерялась и не нашла слов.

— Спросите, — в голосе Новосельцева прозвучала надежда, — может, она меня не примет?

Верочка проследовала в кабинет начальства.

Тут пришел Новосельцев!

Калугина вздрогнула:

— Я его не вызывала!

Верочка поняла ее с полуслова:

— Я ему скажу, что вы заняты.

— Нет, это неудобно, — вздохнула Людмила Прокофьевна. — Пусть войдет!

Верочка вернулась в приемную, обратилась к Новосельцеву:

— Входите.

— Как она? — опасливо спросил Анатолий Ефремович.

Верочка скорчила сочувственную гримасу.

— Доброе утро, Людмила Прокофьевна! — запинаясь от волнения, пролепетал Новосельцев в дверях. — Извините... вчера... меня муха укусила!..

— Садитесь, Анатолий Ефремович! — официально предложила Калугина.

— Спасибо, — но сесть Новосельцев не решился.

— Вчера вы заявили, что во мне нет ничего человеческого.

— Мало ли что я нес? — с готовностью оплевал себя Новосельцев. — На меня не надо обращать внимания.

— Нет, надо, — жестко сказала Людмила Прокофьевна. — Потому что вы являетесь выразителем мнения определенных слоев нашего коллектива.

— Неужели? — искренне поразился Новосельцев.

— Вчера вы меня публично оклеветали! Все, что вы говорили, — ложь! Я с вами не согласна!

— Я тоже с собой не согласен! — отмежевался от самого себя Анатолий Ефремович.

— Вы утверждали, что я черствая, — продолжала Калугина.

— Вы мягкая! — поспешно возразил Новосельцев.

— Бездушная...

Вы сердечная! — мгновенно соврал служащий.

— Бесчеловечная... — вспомнила начальница.

— Вы душевная! — оправдывался подчиненный.

— Сухая...

— Вы мокрая... — Новосельцев в ужасе осекся.

Перестаньте надо мной издеваться! в бешенстве заорала Калугина.

— Наоборот, я перед вами преклоняюсь. Я не хотел сказать «мокрая», это у меня случайно получилось, я хотел сказать добрая! — затюканный Новосельцев не знал, как выпутаться из этой злосчастной ситуации.

— За что вы меня ненавидите? Что я вам такого сделала? — простонала Людмила Прокофьевна.

— С чего вы взяли? — принялся утешать ее Новосельцев. — Все вас так любят, все души в вас не чают, гордятся вами. А если вы кого вызываете, то к вам в кабинет идут, как на праздник.

Утешения Новосельцева произвели обратный эффект. Калугина залилась слезами.

— Людмила Прокофьевна... — растерялся Новосельцев. — Перестаньте, ну, пожалуйста... вам плакать не положено!

Калугина заревела еще сильнее. Новосельцев схватил графин, налил в стакан воду, но, прежде чем дать Калугиной, спохватился и нажал кнопку селектора.

— Верочка, в графине вода кипяченая?

— Кипяченая! — послышался удивленный голос секретарши.

Тогда Новосельцев протянул Калугиной стакан с водой, но она отодвинула его руку.

— Успокойтесь, Людмила Прокофьевна... пожалуйста... я просто не знаю, что мне с вами делать.

Калугина продолжала рыдать.

В кабинет вошел Самохвалов. Прежде чем он успел оценить ситуацию, Новосельцев бросился к нему навстречу и вытолкнул за дверь:

— Юра... прости... сюда нельзя! — И Новосельцев изнутри кабинета запер дверь на ключ.

— Что там происходит? — недоуменно спросил Самохвалов у Верочки.

— Она его увольняет за хулиганство!

Самохвалов нажал кнопку селектора:

— Людмила Прокофьевна, мне нужно с вами поговорить!

— Она занята, у нее совещание! — ответил в селектор Новосельцев и, выдернув шнур, отсоединил аппарат.

— Боюсь, он опять распоясался! — с беспокойством сказал Самохвалов и вернулся к себе в кабинет.

— Перестаньте, наконец, реветь! — закричал на директоршу Новосельцев и вдруг добавил: — А впрочем, плачьте! Это хорошо, что вы еще можете плакать! Плачьте, плачьте, Людмила Прокофьевна! Может быть, вам это полезно!..

Зазвонил телефон. Новосельцев снял трубку:

— Алло!.. Кто спрашивает? Она занята!.. Министр? А

ей сейчас не до министра! — И Новосельцев в запале повесил трубку.

— А если он меня вызывает? — сквозь слезы сказала Калугина. — Как же я к нему поеду? У меня теперь весь день глаза будут красные!

— Они будут красными, если вытирать, а если подождать, чтобы высохло, то никто не заметит, — проявил недюжинные познания Новосельцев.

— Я так давно не плакала, — всхлипнула Калугина. — Иногда мне, конечно, хочется поплакать, но что же я дома буду реветь в одиночку? — вытирая слезы, Людмила Прокофьевна неожиданно улыбнулась. — Это как алкоголик, который пьет в одиночку...

Новосельцев тоже улыбнулся:

— В следующий раз, когда вам захочется поплакать, вы вызовите меня!

В приемную вошла Рыжова.

— Что, Новосельцев до сих пор у нее? — с беспокойством спросила Ольга Петровна у секретарши.

— Заперлись на ключ!.. — доверительно ответила Верочка.

— Может быть, прийти к нему на помощь и выломать дверь? — задумчиво предложила Ольга Петровна.

Тем временем в кабинете Калугина постепенно успокоилась.

— Вам, Анатолий Ефремович, хорошо, у вас дети.

— Два мальчика... — застенчиво сказал Новосельцев.

— А я встаю утром и иду варить кофе. Не потому, что хочу завтракать, а потому, что так надо. Заставляю себя поесть — и еду на работу. Вот этот кабинет и есть мой дом. Если б вы знали, как я боюсь вечеров. Задерживаюсь здесь до тех пор, пока вахтер не начинает греметь ключами. Делаю вид, будто у меня масса работы, а на самом деле мне некуда идти. Дома только телевизор. Я даже собаку не могу завести, днем ее никому будет выводить. Конечно, у меня есть друзья. Но у всех семьи, дети, домашние заботы. А выходные? Теперь их стало два...

— А вы бы ездили с коллективом в походы, в экскурсии... — улыбнулся Новосельцев. — Грибы собирать...

Калугина невесело улыбнулась в ответ:

— А я стесняюсь... Превратила себя в старуху. А мне ведь только тридцать шесть...

— Как тридцать шесть? — не смог удержаться Новосельцев.

— Да, да, Анатолий Ефремович, я моложе вас. — И неожиданно, в упор спросила: — А на сколько я выгляжу?

— На тридцать шесть! — храбро солгал Анатолий Ефремович.

— Опять врете, товарищ Новосельцев!

— Просто вы одеваетесь чересчур мрачно! — выкрутился и на этот раз Анатолий Ефремович.

В приемной появилась Шура с ведомостью в руках.

— Здравствуйте все! Расписывайтесь и вносите по пятьдесят копеек! У Боровских юбилей — пятьдесят лет со дня рождения! Это не дорого, по копейке за год!

— Юбилей теперь не в моде! — вздохнула Верочка, безропотно внесла деньги и расписалась. Ольга Петровна тоже покорно внесла требуемую сумму.

Из кабинета вышел Самохвалов.

— Новосельцев еще там? — спросил он.

Верочка кивнула.

— Наверно, Толя пытается взять ее на измор! — высказала предположение Ольга Петровна.

— Юрий Григорьевич, вносите пятьдесят копеек! — потребовала Шура.

Самохвалов так же послушно, как и все, отдал деньги и оставил в ведомости свой автограф.

— Какая прелесть! — добавил он при этом.

— Юрий Григорьевич, можно вас беспокоить, буквально на минуту! — отозвала его в сторону Рыжова.

Самохвалов пригласил Ольгу Петровну в свой, только что отремонтированный, кабинет.

— У меня знакомая кассирша в кинотеатре. Я ей позвонила и заказала билеты. Там идет, говорят, замечательная картина — «Амаркорд» Феллини, и сеанс очень удобный — шесть тридцать!

— Спасибо, но я никак не могу... я... я занят... — озадаченно отказался Самохвалов.

Но Ольга Петровна поняла по-другому:

— А ты прямо скажи дома, что тебе нужно встретиться со старым институтским товарищем. И это же правда!

— Но я на самом деле занят. — Самохвалов не знал, как отвертеться. — У меня важная деловая встреча. Давай отложим...

В кабинете разговор подходил к концу. Глядя в зеркальце, Калугина приводила себя в порядок.

— Ну, ладно, Анатолий Ефремович, идите к себе! У меня действительно много дел. И, кстати, надо узнать, зачем звонил министр.

Не ругайте меня! — идя к выходу, сказал Новосельцев.

— И вы меня тоже... за то, что я с вами разоткровенничалась, — попросила Калугина.

Новосельцев появился в приемной. Верочка, Шура, Самохвалов и Ольга Петровна посмотрели на него выжидающе.

— Новосельцев, вносите пятьдесят копеек! — неумолимая Шура стойко выполняла общественное задание.

— Ну что, уволила вас старуха? — поинтересовалась Верочка.

— Она не старуха! — как бы про себя произнес Новосельцев и, задумавшись, покинул приемную.

В кабинете Калугина тщательно пудрилась, пытаясь скрыть ущерб, который слезы нанесли ее и так не блестящей внешности.

— Кстати, Верочка, мне тоже не нравится, что вы называете Людмилу Прокофьевну старухой. Новосельцев абсолютно прав! — И Самохвалов закрыл за собой дверь своего кабинета.

— Без году неделя, а уже командует! — проворчала Верочка.

— Вы его не знаете, Верочка, он изумительный человек! — встала на защиту Ольга Петровна и тоже покинула приемную.

Тем временем Шура без стука зашла в кабинет Калугиной.

— Людмила Прокофьевна, у Боровских юбилей. С вас пятьдесят копеек. Распишитесь!..

Трудовой день в статистическом учреждении продолжался затем без особых происшествий. Кто честно работал, кто делал вид, что работает, а кто даже и вида не подавал.

Наконец по залу статистического учреждения прогремел долгожданный звонок, возвещающий о конце рабочего дня.

Сотрудники и сотрудницы в мгновение ока покинули помещение.

Ольга Петровна с трудом оторвала от пола две авоськи, до отказа набитые продуктами, и с изумлением поглядела на Новосельцева, который продолжал работать после звонка:

— Толя, а ты чего копаешься?

— Я немного задержусь, — поднял глаза Новосельцев. — До свидания!

Шел дождь. Из подъезда дома, где среди прочих организаций, контор, трестов и управлений, расположилось наше статистическое учреждение высыпали сотни людей и, раскрывая на ходу цветные зонтики, устремились к троллейбусной и автобусной остановкам. Некоторые, например Бубликов, сразу же стали голосовать, пытаясь остановить такси или «левую» машину. Служащие штурмовали автобусы и троллейбусы, на остановках сразу же возникли огромные хвосты. Возникла живописная цветная очередь из зонтиков.

Нагруженная авоськами, Ольга Петровна, не обращая внимания на морозящий дождь, остановилась около Самохвалова, который прогрел машину и надевал дворники.

— Добрый вечер, Юра! А может, встретимся завтра вечером? — предложила Ольга Петровна.

— Завтра вряд ли... у меня... завтра мы идем к родственникам... — соврал Юрий Григорьевич.

— А послезавтра? — улыбнулась Рыжова.

— У моего товарища день рождения... — опять соврал Самохвалов.

— А послепослезавтра, — усмехнулась Ольга Петровна, — по телевизору будут хоккей передавать. В выходные дни уйти из дома нелегко...

— Ты же сама все понимаешь.

— Поезжай, я совсем забыла, у тебя ведь важная деловая встреча!

— Ну, пока, до завтра! — не скрывая радости, Самохвалов уселся в автомобиль и уехал.

А Ольга Петровна, сгибаясь под тяжестью авосек, встала в очередь на троллейбусной остановке. Перед ней стояла Верочка.

Сева только отъехал от работы на своем мотоцикле, как увидел Верочку, которая безуспешно атаковала автобус. Рядом стояли Ольга Петровна и другие сослуживцы.

Сева притормозил:

— Домой?

— Домой, — ответила Верочка.

— Ладно. Не жалко — садись! Все равно по дороге.

— Обойдусь!

— Садись, а то я — на автобусной остановке, мне талон проколют.

Верочка села. Поехали.

— Ну, как холостая жизнь? — спросила Верочка. — Доволен?

— Конечно! Никто за мной не шпионит, никто меня не грызет!

— Значит, я за тобой шпионила, я тебя грызла?

— Житья не было. Стоило только просто посмотреть на какую-нибудь женщину, как ты устраивала такое!..

Сева стоял у светофора, Верочка прыгнула с мотоцикла.

— Господи, как я могла жить с таким чудовищем!

— Сама ты — чудовище! — сказал Сева и поехал дальше, а Верочка побежала в метро...

...В пустом зале статистического учреждения работал только один Новосельцев. Убрав папки в стол, он поднялся и зашагал к кабинету Калугиной. Дверь в кабинет была приоткрыта.

— Людмила Прокофьевна, можно? — спросил Анатолий Ефремович, но ответа не последовало. Новосельцев заглянул в кабинет и увидел, что он пуст.

Тогда Новосельцев проник в кабинет, озорно усмехнулся, уселся в кресло Калугиной и принял начальственную позу. Он нажал на кнопку селектора и, копируя интонацию Калугиной, произнес:

— Верочка, вызовите ко мне Новосельцева!

Новосельцев немного подождал и снова сказал, подражая Калугиной.

— Входите, товарищ Новосельцев! Рада вас видеть!

Перевоплотившись в себя, Новосельцев вскочил с кресла, согнулся в полупоклоне и воскликнул своим нормальным голосом:

— Вы рады меня видеть? В своем ли вы уме, Людмила Прокофьевна?

В это время Калугина пересекла пустой рабочий зал, направляясь к себе в кабинет. В приемной она неожиданно услышала голос Новосельцева, который, не подозревая о присутствии начальства, продолжал «играть» Калугину. Людмила Прокофьевна остановилась и прислушалась.

— Товарищ Новосельцев, — сидя в кресле, говорил Новосельцев, копируя манеру разговора своего директора. — У меня возникла хорошая идея. Я решила назначить вас начальником отдела легкой промышленности. Как вы на это смотрите?

Калугина появилась в дверях. Она тотчас включилась в «игру».

— Отрицательно, Людмила Прокофьевна, — подражая голосу Новосельцева сказала Калугина. — Я нерасторопен и безынициативен.

Новосельцев вздрогнул, однако мужественно продолжал «играть» Калугину:

Входите, товарищ Новосельцев! Садитесь!

Меня зовут Анатолий Ефремович — поддерживала «игру» Людмила Прокофьевна.

— Я это запомню, товарищ Новосельцев, строгим калугинским голосом произнес Новосельцев. Тем более, что я считаю вас самым трудолюбивым сотрудником. Рабочий день кончился, а вы единственный остаетесь на службе.

— Я остался потому, Людмила Прокофьевна, объяснила Калугина, изобразив своего подчиненного, что вы раскритиковали мой отчет, и я исправляю ошибки

— Ваша скромность, Анатолий Ефремович, делает вам честь, — сказал Анатолий Ефремович и вышел из-за стола, показывая, что «игра» кончилась. Но почему вы обо мне такого плохого мнения, Людмила Прокофьевна, — своим обычным голосом, спросил Новосельцев, снова становясь робким и застенчивым чиновником. — Я очень инициативен и такой расторопный, просто деваться некуда.

— Почему же вы не ушли домой вместе со всеми, Анатолий Ефремович? — показывая, что она тоже кончила «игру», поинтересовалась Калугина. Она взяла свою папку, за которой пришла, и покинула кабинет Новосельцев последовал за ней.

— Вы же сами говорили — мой плохой отчет, Новосельцев опять оказался находчивым.

— И поэтому вы пришли ко мне в кабинет? — Калугиной нельзя было отказать в логике.

Людмила Прокофьевна заперла приемную на ключ и пошла по залу.

— Я надеялся. Вы поможете мне его исправить. — выкручивался Новосельцев, следуя за директоршей.

— Опять врете, Анатолий Ефремович! — в сердцах воскликнула Людмила Прокофьевна и остановилась.

В учреждении не было никого, кроме Калугиной и Новосельцева. Лишь по монорельсовой дороге, которую забыли выключить бессмысленно двигались пустые люльки, предназначенные для транспортировки бумаг Калугина и Новосельцев стояли в большом пустом полутемном зале, и каждое слово Калугиной отдавалось эхом.

— Вы остались потому, что пожалели меня! Сегодня днем я имела неосторожность расплакаться при вас, а потом от слабости, наверно, наговорила лишнего. А вы... вы поверили, а это все — ерунда! Все у меня отлично, прекрасно. Дело ведь не только в личной жизни. Я руковожу большим учреждением, люблю свою работу. Все меня уважают. Некоторые даже боятся. Я только что от министра, он меня хвалил. Я не нуждаюсь ни в вашем сочувствии, ни в вашем покровительстве. Идите скорее домой, вас дети ждут. Слышите, уходите!

— Я думал, что сегодня днем вы были настоящая, — горько сказал Новосельцев. — Я ошибся, настоящая вы — сейчас!

И погрузневший Новосельцев направился к лифту, но в этот момент в зале появилась Шура.

— Всем наплевать, а я тут сижу, голову ломаю, что бы такое подарить Боровских, чтобы он получил удовольствие? Я присмотрела в комиссионке бронзовую лошадь. Людмила Прокофьевна, отпустите завтра Новосельцева, а то мне одной эту лошадь не дотащить!..

А ночью в Москве выпал снег. Стояла середина сентября, деревья оставались еще зелеными, но были погребены под сугробами. На осенних цветочных клумбах, на каждом листке, каждом цветке лежал снег. Сочные красивые ягоды рябины были как бы накрыты снеговой шапкой. Снег застал город врасплох. Белая пелена покрыла крыши домов и автобусов, зеленые газоны и серые тротуары. Сочетание лета и зимы, зелени и белизны, нарядных зонтиков уличной толпы и студеных снежных завалов было необычным, странным, фантастическим. Когда Новосельцев ехал на работу, то сочинил (ибо он действительно втихомолку баловался стихотворением) стихотворение. Чтобы не забыть, он его записал еще в трамвае.

Вот оно:

У природы нет плохой погоды!
Каждая погода — благодать.
Дождь ли, снег... Любое время года
Надо благодарно принимать.

Отзвуки душевной непогоды,
В сердце одиночества печать
И бессонниц горестные всходы
Надо благодарно принимать.

Смерть желаний, годы и невзгоды
С каждым днем все непосильней кладь
Что тебе назначено природой,
Надо благодарно принимать.

Смену лет, закаты и восходы,
И любви последней благодать,
Как и дату своего ухода,
Надо благодарно принимать.

У природы нет плохой погоды.
Ход времен нельзя остановить.
Осень жизни, как и осень года,
Надо, не скорбя, благословить.*

Это снежное утро в нашем статистическом началось как обычно. Сотрудники заполняли зал, отряхивая со своих зонтов снег, а Калугина уже трудилась у себя в кабинете.

В приемную вбежала Верочка. Позевывая, сняла плащ и оглядела почту. Появилась Рыжова с конвертом в руках. Ольга Петровна старалась держаться по-деловому и независимо, но это у нее плохо получалось.

— Верочка, извините, пожалуйста, передайте это письмо Юрию Григорьевичу, — сказала Ольга Петровна и почему-то добавила, — в собственные руки.

— Оставьте, я передам, — поначалу Верочка не обратила внимания на посетительницу.

— Вы только не забудьте! — назойливо напомнила Рыжова.

— Это моя обязанность, — казенно ответила секретарша.

— Регистрировать письмо не надо, — голос у Ольги Петровны звучал как-то необычно. Когда она ушла, Верочка недоуменно пожала плечами.

В приемной появилась комиссия — мужчина и две женщины. Все они были в темно-серых халатах. В руках у мужчины, явно начальника, находился блокнот.

— Инвентаризация! — сказал мужчина, не поздоровавшись, а две женщины набросились на мебель.

— Письменный стол — один! — читал в блокноте мужчина.

— Есть, — ответила одна из женщин. — Инвентарный номер, — она нашла прибитую к ножке стола жестянку с номером, — три тысячи семьдесят три!

— Есть! — И мужчина поставил галочку в блокноте.

* Стихи Э. Рязанова.

Верочка с изумлением уставилась на бесцеремонных посетителей. Но на Верочку комиссия не обращала никакого внимания. Другая женщина переворачивала стулья вверх ногами в поисках инвентарных номеров.

В коридоре Ольга Петровна встретила с Самохваловым.

— Доброе утро, Юра! — смущенно поздоровалась Ольга Петровна.

— Здравствуй, здравствуй, — на ходу ответил Самохвалов и, ускорив шаг, вошел в приемную.

— Доброе утро, Верочка!

— Здравствуйте, Юрий Григорьевич. Вам письмо!

Самохвалов взял письмо и скрылся у себя в кабинете.

— Вера, зайдите ко мне! — раздался голос из селектора Калугиной.

— Графин для воды — один! — продолжал читать глава инвентаризационной комиссии.

— Где на нем инвентарный номер? — спросила женщина, взяв графин в руки.

— На дне посмотри, — сказала другая женщина.

И действительно, на дне графина был неряшливо нарисован черный номер. Обстановка в приемной уже напоминала сцену разгрома.

— Вы тут поаккуратней, — сказала Верочка и, взяв блокнот и карандаш, зашла к Калугиной.

— Вера, мне бы хотелось с вами поговорить! — испытывая неловкость, сказала Калугина.

— Слушаю вас, Людмила Прокофьевна.

— Да вы сядьте, пожалуйста! Сядьте... — в голосе Калугиной явно звучали какие-то человеческие нотки. И именно поэтому Верочка с недоумением взглянула на Калугину и села, Калугина продолжала мяться: — Я хотела бы с вами проконсультироваться...

— О чем, Людмила Прокофьевна? — Верочка продолжала соблюдать служебную дистанцию. — Хотите о ком-нибудь еще собрать сведения?

— Нет... знаете... как бы это сказать... Ну, словом... что теперь носят?

— В каком смысле? — не поняла секретарша.

— В смысле одежды! — шепотом пояснила Калугина.

— Кто?

— Ну, женщины...

Верочка по-прежнему проявляла редкую несообразительность:

— Какие женщины?

— Те, которые знают, что теперь носят...

— А зачем это вам? — бестактно брякнула Верочка и тут же спохватилась. — Вы извините...

— Да нет, пожалуйста... — Калугина была в замешательстве и неуклюже соврала: — Ко мне тут приехала родственница из маленького городка...

— Понятно... — Верочка на секунду задумалась, с чего бы начать. — Начнем с обуви. Именно обувь делает женщину женщиной.

— Разве?

— Шузы сейчас в ходу на высоком каблуке, желательно с перепонкой...

— Простите, я не поняла, что такое шузы... — призналась Калугина.

— Обувь, — объяснила Верочка. — Это от английского слова «шу-уз». Что касается сапог, то сейчас нужны сапоги гармошкой... на каблуке.

— Минутку, — сказала Людмила Прокофьевна, взяла карандаш и принялась записывать. — Не так быстро. Что должно быть гармошкой — каблук или сапог?

— Сапог, — пряча улыбку, объяснила Верочка. — Каблук должен быть высоким. Сколько лет вашей родственнице?

— Тридцать шесть.

— Джинсы носить уже не стоит...

— Извините, Верочка, а джины — это что такое?

— Людмила Прокофьевна, вы меня удивляете. Джинсы — это по-нашему джинсы... Платья в моде разные — «миди» и «макси». Ноги у нее красивые?

— Средние, — замялась Калугина и спрятала свои ноги под стол.

— Неудачные ноги лучше прятать под «макси», но для «макси» ваша родственница стара. Остается «миди» — около десяти сантиметров ниже колена.

Калугина старательно записывала.

В кабинет без стука ввалилась комиссия по инвентаризации. Не поздоровавшись и не обратив никакого внимания на людей, комиссия, как саранча, набросилась на мебель.

— Что это такое? — изумилась Калугина.

— Инвентаризация! — объяснила Верочка.

— Сейф — один! — прочитал по блокноту мужчина в темно-сером халате.

Женщина нашла инвентаризационный номер и бесцеремонно прокричала:

— Номер двести шестьдесят девятый...

— Есть! Теперь стол для заседаний — один! — продолжал мужчина, пометив в блокноте наличие сейфа.

Одна из женщин залезла под стол.

— Три тысячи восемьсот двадцать первый!

— Есть, — пометил в блокноте мужчина.

— Какая бесцеремонность! — сказала Калугина Верочке.

— Пойдемте отсюда в зал заседаний, — предложила Верочка, и директор с секретаршей бежали с поля брани, сопровождаемые выкриками:

— Телефонных аппаратов — три! Письменный прибор — один! Шкаф — один! Занавески — четыре штуки!..

В это время в общем зале появились Новосельцев и Шура. Новосельцев с трудом тащил бронзовую лошадь. С грохотом водрузил ее на свой рабочий стол и в изнеможении опустил на стул.

— Это что такое? — изумилась Ольга Петровна.

— Раньше люди ездили на лошадях, теперь времена изменились, — невесело пошутил Анатолий Ефремович.

Вокруг скульптуры мгновенно столпились сослуживцы.

— Красиво, верно? — Шура была горда покупкой.

— Хороша лошадка, — одобрила Рыжова. — Это кому?

— Вот, гравер написал. — И Шура прочитала: — «Дорогому Юрию Ивановичу Боровских от родного коллектива в день пятидесятилетия»...

А Калугина и Верочка устроились в зале заседаний. Здесь обычно проходили общие собрания и праздничные вечера. Зал был сравнительно небольшой, мест на сто пятьдесят. На сцене стояло в ряд несколько столов. Когда эти столы покрывали красной скатертью, получался один длинный стол для президиума.

Верочка продолжала лекцию.

— Очень важна комбинаторность. Скажем, батник и трузера, это означает брюки, — пояснила Верочка. — Или же однотонный батник с клетчатой расклешенной юбкой.

— Большое спасибо. — Калугина записывала каждое слово секретарши.

Калугина сидела в первом ряду, а Верочка расхаживала перед ней.

— Парики теперь не носят!.. — информировала Верочка.

— И слава богу, — облегченно вздохнула Калугина.

— Очень важна сейчас линия бровей. К примеру, ваши брови, Людмила Прокофьевна, не современные. Сейчас требуются выщипанные брови, тонкие, как ниточка. Помада должна быть яркой, а лак для ногтей — сочного вишневого цвета.

...Около бронзового коня события тоже не дремали.

— Надо спрятать лошадь! — заявила Шура Новосельцеву.

— Зачем? Кому она сдалась? — изумился Новосельцев.

— Как вы не понимаете, Новосельцев. Важно, чтобы юбиляр не увидел лошадь и не обрадовался раньше времени!

— Шура права, — иронически поддержала Ольга Петровна.

— Новосельцев, пошли! — приказала профсоюзная активистка.

— По коням! — скомандовал измученным голосом Анатолий Ефремович, с трудом поднял статую и поплелся за Шурой...

...А в зале заседаний Верочка учила Калугину умуму.

— Но главное на сегодня — это походка! Старшее поколение, Людмила Прокофьевна, не умеет элегантно ходить. И этим оно принципиально отличается от нашего. Извините, но вы все ходите, — Верочка взбежала на сцену и показала, — вот вы как ходите... будто свай вбиваете...

— Да, некрасиво... — сокрушенно согласилась Людмила Прокофьевна.

— А мы ходим, как богини!... — И Верочка показала, как ходят современные богини.

— А трудно так научиться ходить? — робко осведомилась Калугина.

— Для человека нет ничего невозможного. Если вас не затруднит, вы, пожалуйста, поднимитесь ко мне!

Калугина тоже поднялась на сцену, подошла к Верочке и стала рядом.

— Пожалуйста, следите за мной, Людмила Прокофьевна. Только шаг начинайте не с пятки, а с носка. И... р-раз...

Верочка и Калугина заходили по сцене.

Отворилась дверь, в зал ввалилась Шура, за ней Новосельцев втащил бронзового коня.

Калугина остановилась, застигнутая на месте преступления.

Новосельцев смотрел на нее широко раскрытыми глазами. Только Шура ничего не заметила.

— Людмила Прокофьевна, нам надо спрятать лошадь, — сказала Шура. — Там в шкафу за сценой.

Калугина старалась не смотреть на Новосельцева.

— Да-да... конечно... в шкафу! А зачем?

— От юбиляра! — разъяснила Шура.

Да, правильно, от юбиляра надо спрятать. А она поместится в шкафу? Ладно, как-нибудь впихнем!

Отворилась дверь в зал заседаний.

— Шура здесь? — прокричала одна из сотрудниц. — Шура, вас срочно вызывают в местком!

Шура быстро покинула зал заседаний.

Я вам больше не нужна? — спросила Верочка у Калугиной.

— Да, да. Спасибо вам большое.

Верочка вышла из зала в приемную. В пустом зале Новосельцев и Калугина остались одни.

— А что вы тут такое делали, Людмила Прокофьевна? — подозрительно спросил Новосельцев.

— Вы положите лошадь, вам же тяжело! — уклонилась от ответа Калугина.

— Мне не тяжело, я сильный! — с вызовом сказал Анатолий Ефремович и вежливо добавил: — Как вы провели вчерашний вечер?

— Очень хорошо, благодарю вас, — вежливо, в тон, ответила Калугина. — Мне позвонил приятель и заехал за мной на собственной машине.

— Какая у него машина? — саркастически полюбопытствовал «всадник наоборот».

— Новая «Волга». — Калугина продолжала оставаться на сцене.

— Где он достал такую уйму денег?

— Он крупный авиаконструктор. Он повез меня в ресторан.

— В какой ресторан?

Калугина попыталась вспомнить название ресторана.

— Вы... поставьте лошадь!

— Она легкая! — упрямый Новосельцев не поддавался.

Калугина подобрала подходящее название:

— В ресторан «Арагви». Мы ели сациви, шашлык, цыплята-табака, купаты и чебуреки.

— Ваш конструктор — обжора! А что вы пили?

— Хванчкару и боржом, — без запинки ответила Калугина.

— Вы же непьющая! — ехидно напомнил Новосельцев.

— От хорошего вина не откажусь!

— А что было после ресторана?

— Вы забываетесь, товарищ Новосельцев! — одернула подчиненного Калугина. — Положите лошадь, надорветесь!

— Это вас не касается!

— А как вы провели вчерашний вечер, Анатолий Ефремович? — спросила Калугина и спустилась со сцены в партер.

— Очень скромно. Домой ехал автобусом. Пришел, проверил уроки у старшего, он у меня во втором классе. Потом поиграл с обоими. Потом жена позвала нас всех ужинать!

— Вашу жену зовут Лиза? — язвительно спросила Калугина. — Она такая светленькая, с косой. Или у вас уже другая жена?

— Нет, та же!

— Я ее помню. Она у нас теперь не работает.

— Ушла в министерство, — подтвердил Новосельцев.

— Чем же она вас кормила? — поинтересовалась Калугина.

— Она у меня мастерица готовить. Был пирог с капустой, потом вареники с вишнями, а потом оладьи и компот, — вдохновенно сочинял Анатолий Ефремович.

— Это все на ужин? Вы тоже обжора!

— Да, я люблю домашнюю еду. Покупного и ресторанного я не ем!

— Бросьте лошадь, а то вы ее уроните.

— Она бронзовая, не разобьется! — Поднявшись на сцену, Новосельцев продолжал рассказ: — Потом мы уложили детей и пошли погулять. Лиза каждый вечер выводит меня гулять — это полезно для здоровья!

— А что было после прогулки?

— Вы забываетесь, товарищ Калугина! — Анатолий Ефремович поставил начальницу на место.

Калугина сдалась первой:

— Я знаю, что нет у вас никакой жены, Анатолий Ефремович! Почему вы все время врете?

— Беру пример с вас, Людмила Прокофьевна! — парировал Новосельцев. — Я понимаю, что нет у вас никакого авиаконструктора!

— Не фамильярничайте со мной! — вспылила Калугина. — Помните, что вы разговариваете с директором!

Будто в ответ на ее слова, Новосельцев внезапно, со страшным стуком, замертво упал на пол, не выпуская из рук статуи.

— Что с вами? — с деланным равнодушием спросила Людмила Прокофьевна, подозревая, что Новосельцев учинил очередную каверзу.

— Эта лошадь меня заездила! — простонал Анатолий Ефремович, не открывая глаз.

— Перестаньте симулировать! — все так же хладнокровно сказала Калугина. — Извольте встать и выйти вон вместе с лошадью!..

Новосельцев попытался подняться с пола и снова упал.

— Вам на самом деле плохо? — на этот раз участливо спросила Калугина.

Новосельцев не отвечал. Калугина забеспокоилась и наклонилась над Анатолием Ефремовичем:

— Вы без сознания?

— Лошадь цела? — слабым голосом протянул Новосельцев, которому общественное поручение было дороже собственного здоровья.

— Лошадь-то цела, а вы?

Новосельцев ощупал голову.

— Вот тут, кажется, шишка...

— Надо приложить холодное!

Калугина подбежала к столу, достала из сумки носовой платок, смочила его водой из графина, вернулась к Новосельцеву, снова склонилась над ним, бережно подняла его голову и приложила платок.

— Зачем вы занимаетесь мною лично? — сказал ушибленный, но зловредный Новосельцев. — Поручите меня кому-нибудь!

— Когда вы перестанете видеть во мне только директора? — с досадой поморщилась Людмила Прокофьевна.

— Никогда! — стойко ответил поверженный и тут же жалобно заключил: — Товарищ директор, дайте попить!

Калугина вновь бросилась к столу, схватила стакан, налила в него воду.

Но в этот момент в зал решительными шагами вошла Шура. Как ни в чем не бывало, переступила через Новосельцева и подошла к Калугиной.

— Людмила Прокофьевна! Умер Бубликов! — скорбно сообщила Шура.

— Какой ужас! — воскликнула Калугина.

— Он же такой здоровый, никогда не болел! — подал реплику Новосельцев, не поднимаясь с пола.

— От чего он умер? — спросила Калугина.

— Я еще не выяснила. Людмила Прокофьевна, с вас пятьдесят копеек, на венки.

Калугина полезла в сумочку, достала деньги.

— Надо вывесить в вестибюле портрет!

— Будет сделано! — кивнула головой Шура. — Распишитесь!

Калугина расписалась в ведомости.

Шура наклонилась над Новосельцевым, который по-прежнему лежал на полу.

— Новосельцев, с вас пятьдесят копеек! Почему вы не убрали лошадь в шкаф?

— До шкафа я еще не доскакал!

Новосельцев медленно поднялся с пола, поволок лошадь к шкафу и запихнул внутрь.

— Свяжитесь с семьей! — грустно распорядилась Людмила Прокофьевна.

— Будет сделано! — И Шура покинула зал.

Новосельцев взял из рук Калугиной стакан, который она еще держала, и выпил.

— Вы-то как себя сейчас чувствуете, Анатолий Ефремович?

— По сравнению с Бубликовым, неплохо... — печально пошутил Новосельцев.

Но в этот момент в зал, как неумолимый рок, вошла тройка в темно-серых халатах. При виде огромного количества стульев председатель комиссии несколько оторопел.

— Да, здесь придется попотеть! — заявил мужчина своим подручным женского пола.

В приемной Новосельцев столкнулся с Самохваловым.

Тот понизил голос:

— Что это ты к ней зачастил? Внедряешь в жизнь мой план?

— Нет, выполнял общественное поручение. Кстати, Юра, ты с ней говорил о моем назначении?

— Понимаешь... — Самохвалов замаялся. — Как-то не было случая... подходящего. Но я с ней обязательно поговорю...

— Лучше не стоит, — остановил его Новосельцев. — Пусть остается по-старому. Не хочу я этой должности!..

И Новосельцев отправился к своему рабочему месту.

— Если Людмила Прокофьевна спросит — я в министерстве... — передал Верочке Самохвалов и тоже ушел.

— Знаешь, Бубликов скончался... — сообщил Новосельцев Ольге Петровне и сел за стол.

— Смотри, плохой человек, а помер! — после некоторой паузы сказала Ольга Петровна.

— Смерти я никому не желаю! — вздохнул Анатолий Ефремович.

По дороге к себе в кабинет Калугина попросила секретаршу:

— Вера, пригласите ко мне Юрия Григорьевича!

— Он только что ушел в министерство.

— Посмотрите у него на столе, там должна быть квартальная сводка, — сказала Калугина и устремилась в свой кабинет.

— Хорошо. — И Верочка отправилась в кабинет Самохвалова. Там, на столе, она принялась за поиски документа... И вдруг наткнулась на что-то невероятно интересное...

В рабочем зале Новосельцев и Рыжова.

— Что ты так долго торчал у нашей мымыры? -- полюбопытствовала Ольга Петровна у сослуживца.

— Она не мымыра! — Новосельцев повысил голос. — В конце концов, не всем же быть красавицами! Как тебе не стыдно так отзываться о женщине?

Ольга Петровна не поняла происходящего.

— Не кричи на меня! Что это ты вдруг за нее заступ ешься?

— Ты ее просто не знаешь! — запальчиво крикнул Анатолий Ефремович.

— И знать не хочу! — спокойно сказала Ольга Петровна и пожала плечами.

...В кабинете Самохвалова Верочка лихорадочно набрала двузначный номер.

В общем зале подруга Верочки — Алена сняла трубку.

На лице Верочки было просто написано, что она узнала нечто сенсационное.

Секретарша буквально захлебывалась.

— Алена, это я... держись за стул, а то упадешь!.. Людмила послала меня к Самохвалову, ей срочно понадобилась какая-то бумага... Подожди, имей терпение... и Самохвалов умчался в министерство... Я рылась у него на столе... Ты знаешь Рыжову из отдела легкой промышленности?.. Ну, которая вечно ходит со скрученными

чулками... она принесла мне письмо, чтобы я передала Самохвалову. Так вот, я случайно на него наткнулась, оно на столе лежало. Конечно, читать чужие письма некрасиво, но я взглянула и не могла оторваться, слушай!

Верочка читала с выражением:

«Дорогой Юра! Долго я не решалась написать. Конечно, прошлого не вернешь, и писать тебе глупо и бессмысленно, и ругаю себя за это ужасно, но все равно пишу. А зачем? Толком не знаю...»

Алена сидела в зале среди учетчиков и статистов, буквально в двух шагах от Ольги Петровны. Лицо Алены выражало богатую гамму чувств, которые свойственны только женщинам, узнавшим чужую тайну. А Ольга Петровна даже не подозревала, что ее секрет уже перестал быть секретом.

Верочка продолжала читать:

«...Женщины, когда им под сорок, часто делают глупости... Я понимаю, что все это тебе ни к чему, лишнее это все, ненужное для тебя, может быть, даже и неприятное. Но для меня это... как бы тебе объяснить... При встрече с тобой я поняла, что все эти годы любила, наверное, только тебя!» — Верочка оборвала чтение. — Алена, ты слышала что-нибудь подобное? Она просто чокнулась. Только ты никому не рассказывай!..

Магистралы города были забиты потоками транспорта. Автобусы, трамваи, троллейбусы, легковые машины образовывали на перекрестках заторы и пробки. Бесконечные людские колонны вытекали из вестибюлей метро и растекались по улицам и переулкам.

Разбившись на речки и ручейки, потоки служащих вливались в подъезды, в ворота, в парадные различных учреждений. С портфелями, папками, рулонами, сумками, книжками, газетами люди спешили, боясь опоздать, перегоняя и толкая друг друга. Молодые и старые, усталые и энергичные, веселые и угрюмые, озабоченные и беспечные торопились они, чтобы приступить к своей ежедневной работе.

И среди этого потока камера следила за Анатолием Ефремовичем Новосельцевым. Вот он выбежал из парадного дома, где он живет вместе со своими ребятами. Трое Новосельцевых привычно забрались в автобус через переднюю дверь. Вот Новосельцев отправил старшего в

школу, младшего сдал в детский сад, а сам, озираясь, подошел к цветочному киоску и купил букет гвоздик.

На фоне этих кадров возникали и исчезали надписи второй серии фильма:

«СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН»

и звучала уже знакомая песня.

Нас в набитых трамваях болтает,
Нас мотает одна маета,
Нас метро то и дело глотает,
Выпуская из дымного рта.

В смутных улицах, в белом порханье
Люди, ходим мы рядом с людьми,
Перемешаны наши дыханья,
Перепутаны наши следы.

Из карманов мы курево тянем,
Популярные песни мычим,
Задевая друг друга локтями,
Извиняемся или молчим.

Мы несем наши папки, пакеты,
Но подумайте — это ведь мы
В небеса запускаем ракеты,
Потрясая сердца и умы.

По садовым, лебяжьим и трубным —
Каждый вроде отдельным путем —
Мы, не узнавшие друг другом,
Задевая друг друга, идем...

Кончились титры. Кончилась песня. Началась вторая серия картины.

И снова осеннее московское утро. С портфелями, папками, рулонами, книгами, газетами люди спешили на работу, перегоняя и толкая друг друга.

...Расплатившись за купленные гвоздики, Новосельцев еще раз оглянулся по сторонам и стал думать, куда спрятать цветы.

Сначала он их попытался засунуть под пальто, но понял, что гвоздики помнутся. Тогда он открыл портфель, уложил в него цветы и зашагал на службу. Около дома, где разместилось наше статистическое учреждение, было еще пустынно. Изображая независимость и беспечность, Новосельцев нырнул в парадное.

В учреждении еще никого не было, даже Калугиной. В зале объявился Новосельцев с букетом цветов, спрятавшимся в портфеле. Воровски озираясь, Новосельцев крался вдоль пустых столов. Столкнувшись с уборщицей, кото-

рая мокрой тряпкой протирала пол, он спрятал портфель за спину и вежливо поздоровался.

Затем Анатолий Ефремович осторожно заглянул в кабинет Калугиной и, убедившись, что он пуст, забежал в него, достал из портфеля цветы и поставил их в графин для питьевой воды.

Когда Новосельцев вышел из предбанника, по залу уже шествовала Людмила Прокофьевна, наполненная желанием руководить.

Чтобы избежать встречи и последующего разоблачения, Новосельцев поспешно ретировался в дверь, где висела табличка, изображающая мужчину в черном...

Калугина вошла в кабинет, автоматически сняла пальто, повесила его на вешалку, приблизилась к столу и... внезапно обнаружила в графине цветы.

Она с изумлением уставилась на букет. Было совершенно очевидно, что это событие для нее — из ряда вон выходящее и не укладывается ни в какие рамки.

Тем временем Новосельцев вышел из засады и как ни в чем не бывало занял свое рабочее место.

Около предбанника появилась Ольга Петровна. В ожидании Самохвалова она достала сигарету и закурила.

Мимо Рыжовой пробежала Верочка. Увидев Ольгу Петровну, секретарша с трудом сдержалась от смеха.

Около приемной появился Самохвалов. При виде Ольги Петровны лицо его перекошилось. Он оглянулся по сторонам и, увидев, что никого нет, подошел к Рыжовой.

— Доброе утро, Юра, — заискивающе сказала Ольга Петровна и с надеждой взглянула на Самохвалова.

— Оля, я очень тронут... — понизил голос Юрий Григорьевич... — но ты должна понять... так уж сложилась жизнь. Я тебе признателен и ценю твое отношение. Но я прошу, не мучай ни себя, ни меня. Ты же умница!

— Когда женщины говорят «умница», подразумевают, что она круглая дура! — поникла Ольга Петровна.

— Это уже чересчур. Я так не думаю! — запротестовал Самохвалов.

— Какой ты стал вежливый! — с горечью заметила Ольга Петровна.

— Никогда не знал, что это недостаток.

— Юра, в тебе нет недостатков. Ты состоишь из одних достоинств. Эту тему я разовью в своем следующем письме. — Ольга Петровна ушла.

Самохвалов с ужасом посмотрел ей вслед и направился в приемную.

— Доброе утро, Верочка!

— Здравствуйте! — Верочка не смогла удержаться и фыркнула.

— Что с вами? — спросил Самохвалов.

— На меня иногда нападает... — Верочка давилась от смеха. — Ничего особенного... извините...

Самохвалов скорчил недоуменную гримасу и скрылся в своем кабинете.

А в вестибюле, неподалеку от гардероба, Шура укрепляла на стене портрет усопшего Бубликова в траурном оформлении. Под портретом скорбными буквами сообщалось о безвременной кончине этого замечательного работника. Рядом уже стоял огромный венок. Группа сослуживцев остановилась возле траурного сообщения.

...Как вдруг... внезапно... глаза Шуры буквально вылезли на лоб.

У гардероба раздевался абсолютно живой и совершенно невредимый товарищ Бубликов. Он был свеж и румян и пока еще не подозревал, что в глазах коллектива он — уже покойник. Эта приятная бодрящая новость еще ждала его.

Шура пошатнулась.

А гардеробщица тихонько крестилась, принимая от Бубликова пальто. Но вот и сам усопший надел очки и подошел к портрету, чтобы с интересом узнать, кто именно из их коллектива отправился на тот свет...

Это был не лучший момент из жизни товарища Бубликова.

В зал, с лицом, искаженным ужасом, влетела Шура. Она гигантскими шагами покрыла расстояние от входа до стола Новосельцева.

— Что случилось? — спросили одновременно Рыжов и Новосельцев.

Но Шура лишилась дара речи. У нее в горле что-то булькало, хрипело, переливалось. Наконец она вымолвила:

— Он жив!

И судорожно показала в другой конец зала.

В зале появился живехонький и почему-то очень рас- свирепевший товарищ Бубликов. Он шел по залу, не глядя по сторонам. Глаза его гневно сверкали, а губы бормотали какие-то ругательства.

Появление покойника в зале произвело фурор.

Сослуживцы повскакивали со своих мест. Изумление, испуг, смех, недоумение поочередно сменялись на лицах.

А разгневанный Бубликов, подойдя к Шуру, остановился на мгновение и погрозил ей кулаком.

Новосельцев, Рыжова, Алена и другие сотрудники окружили Шуру, которая принялась рыдать изо всех сил.

— Что ж вы сейчас-то плачете? Плакать надо было тогда, когда он умер.

— Плохие люди не умирают... — философски заметила Ольга Петровна.

— Это в больнице перепутали, заливалась слезами Шура. — Умер однофамилец, а сообщили нам. А он вышел сейчас на работу, а в вестибюле увидел свой портрет в траурной рамке!

Статистики захохотали, и лишь Ольга Петровна грустно улыбнулась.

— Вам-то смешно! А мне что делать? — жаловалась Шура. — Цветы уже куплены, оркестр заказан.

— Оркестр пусть поиграет в обеденный перерыв, — предложил Новосельцев, — что-нибудь веселенькое, а цветы раздайте женщинам!

— Как же я их раздам, — печально ответила Шура, — когда из них венки сплетены, с лентами. А на лентах написано: «Незабвенному Бубликову от родного коллектива».

— Плохо ваше дело, Шура! — грустно улыбаясь, посочувствовала Ольга Петровна.

— Куда девать венки? Хоть сама помирай, но, — Шура вздохнула, — надпись не подойдет, фамилия другая...

И Шура понесла свое горе к другим сотрудникам, но по дороге она опять столкнулась с бывшим мертвецом. Проявив неслыханную прыть, месткомовка куда-то мгновенно испарилась. А Бубликов сел на свое рабочее место.

В кабинете Калугина нажала на кнопку селектора и попросила секретаршу:

— Вера, вызовите Новосельцева! Пусть захватит отчет.

Верочка набрала по телефону номер Анатолия Ефремовича.

Лампочка телефона на столе Новосельцева замигала. Новосельцев снял трубку.

— Новосельцев, — сказала Верочка в трубку, — зайдите к Людмиле Прокофьевне и захватите отчет.

И вот уже Новосельцев замаячил в дверях директорского кабинета.

— Вы меня вызывали, Людмила Прокофьевна?

— Вы принесли отчет?

— Да, вот он, пожалуйста! — И Новосельцев протянул Калугиной папку.

— Видите... когда захотите, вы умеете работать! — просмотрев отчет, сказала Калугина.

— А я вообще люблю свою работу. Современная жизнь без статистики невозможна.

— Вы знаете, Анатолий Ефремович, — продолжала листать отчет Людмила Прокофьевна, — сегодня я пришла и увидела этот букет. Кто бы это мог принести?

Новосельцев смутился и старался не глядеть на Калугину.

— Понятия не имею!

— И я понятия не имею! — с вызовом произнесла Людмила Прокофьевна.

Калугина явно ждала, чтобы Новосельцев признался в том, что букет принес он.

Анатолий Ефремович принялся выкручиваться:

— Я догадался, это Шура!

— Какая Шура? — изумилась Калугина.

— Из месткома. Понимаете, Бубликов, оказывается, жив. А венки Шура уже купила. Девать их некуда. Вот она раздирает их на букеты и раздает женщинам. — И Новосельцев добавил для убедительности: — Я ей сам это посоветовал!

— Увы! — ехидно заметила Людмила Прокофьевна. — Я пришла задолго до начала рабочего дня, а букет уже стоял. То, что Бубликов жив, выяснилось позже!

— Значит, моя версия с венками — ошибочная! — с охотой пнул себя Новосельцев.

— Кто же мог это сделать? — со значением спросила Калугина.

— Вы подозреваете, что я приволок этот веник? — возмутился Новосельцев.

— Это не веник, а красивый букет! И я подозреваю, что именно вы притащили его, но у вас не хватило мужества сознаться!

— С какой стати я буду дарить вам букеты? — унылся Анатолий Ефремович.

— А почему мне нельзя подарить цветы? — взвилась Калугина.

— Вообще-то можно, — пошел на попятный Ново-

сельцев. — На день рождения или на Новый год. Но я этим заниматься не собираюсь!

— Почему вы все время врете? — закричала Калугина. Она больше не могла сдерживаться.

— Не дарил я вам цветы! — упрямо твердил Новосельцев. Он так далеко зашел, что отступить было некуда. — Что я, белены объелся?

— Сначала цветы приносите, а потом приходите и оскорбляете! Заберите свой веник обратно! — вспылила Калугина, схватила букет и швырнула им в Новосельцева.

— Никому из ваших сотрудников... — растерянно сказал Новосельцев, — швырнуть в лицо... вы бы себе не позволили... — И он добавил шепотом: — Неужели вы ко мне равнодушны?

— Еще одно слово, и я запущу в вас графином! — в ярости завопила Калугина.

— Если вы это сделаете, значит... вы... меня... это самое!.. — Новосельцев не решился назвать «это самое».

— Уходите! — зашипела Людмила Прокофьевна. — Кто вам позволил посещать меня в неприемные дни? Если у вас есть ко мне дело, запишитесь у секретаря!

Новосельцев все еще находился под впечатлением сделанного открытия.

— Хорошо, Людмила Прокофьевна... извините, Людмила Прокофьевна... больше этого не повторится, Людмила Прокофьевна...

Пяťсь, Анатолий Ефремович покинул кабинет, унося букет с собою.

— За какие заслуги вас наградили цветами? — удивилась Верочка.

— Запишите меня на прием, Верочка! — Новосельцев был погружен в свои мысли.

— В эту среду уже все занято! — Верочка ничего не понимала.

— Запишите на следующую!

— Хорошо! — Верочка записала фамилию Новосельцева. — По какому вопросу?

— До следующей среды я придумаю.

И, приоткрыв дверь к Калугиной, он швырнул букет, словно гранату, в кабинет начальницы.

Вечером того же дня Калугина дома смотрела по телевизору «Кинопанораму». Но было видно, что она поглощена не передачей, а какими-то своими мыслями. Она потянулась к телефону и стала набирать номер.

В своей квартире Анатолий Ефремович Новосельцев гладил на столе брюки. Раздался телефонный звонок. Новосельцев снял трубку:

— Я слушаю!

У себя дома Калугина говорила в трубку:

— Анатолий Ефремович, вы извините меня, пожалуйста, я всплила... я себя неприлично вела... а как вы ушли, я сразу подумала, может быть, действительно не вы принесли этот злосчастный букет...

— Нет, это на самом деле я! — грустно сознался Анатолий Ефремович.

— Нет у вас ни стыда, ни совести! — взорвалась Калугина и швырнула трубку...

...На следующий день мы попали в статистическое учреждение в обеденный перерыв.

В коридоре, около предбанника, дождалась Ольга Петровна с конвертом в руках. Когда после обеда вернулась на свой боевой пост Верочка, Рыжова спросила, стараясь изображать безразличие:

— Юрий Григорьевич здесь?

— Сейчас посмотрю, — ответила Верочка и заглянула в кабинет Самохвалова. — Нет, еще не приехал с обеда. У него там в кабинете полотеры шуруют.

Ольга Петровна передала Верочке конверт.

— Пожалуйста, поработайте еще раз почтальоном!

— Передам обязательно и с удовольствием!

Интонация Верочки показалась Ольге Петровне подозрительной.

— В этом письме... мои предложения об улучшении статистического учета в легкой промышленности.

— Я вас так понимаю! — с преувеличенной серьезностью согласилась Верочка. — Это ведь очень важно — улучшить статистический учет именно в легкой промышленности.

Ольга Петровна с независимым видом покинула приемную.

Верочка схватила телефонную трубку:

— Алена! Это я! Она опять принесла письмо... Это уже четвертое... настырная баба!... Только ты никому не рассказывай!

В конце коридора появился Самохвалов, замстил Ольгу Петровну, лицо его изменилось.

— Добрый день, Юрий Григорьевич! — с влюбленной улыбкой поздоровалась Рыжова.

Самохвалов натянуто улыбнулся в ответ:

— Ты заставишь меня входить в кабинет через окно! Самохвалов вошел в приемную.

— Юрий Григорьевич, вам письмо! — невинным голосом произнесла секретарша и после небольшой паузы добавила: — Рыжова принесла.

Верочка с интересом следила за выражением лица своего шефа, но Самохвалов был непроницаем.

— Спасибо, — сухо сказал Юрий Григорьевич и сунул письмо в карман. — И вот что... вызовите-ка мне Шуру.

Верочка сняла трубку и набрала номер.

— Передайте, пожалуйста, Шуру, что ее вызывает Юрий Григорьевич.

Тем временем Самохвалов открыл дверь своего кабинета и увидел работающих полотеров.

— Я пока побуду в зале заседаний, — сказал Верочке Самохвалов. — Кстати, почему полотеры натирают полы в наше рабочее время? Я этого не понимаю. Это можно делать вечером или утром.

— Нет, нельзя, у полотеров рабочий день тогда же, когда у всех людей.

Тут Самохвалов развел руками и ушел в уже знакомый нам зал заседаний.

Там он уселся на сцене, за столом президиума, достал из кармана письмо Рыжовой и принялся читать.

В предбаннике появилась Шура.

— Юрий Григорьевич ждет вас в зале, — объяснила Верочка деятельнице профсоюзного движения.

— У нас сенсация! — Шура захлебнулась от азарта. — Рыжова по уши врезалась в Самохвалова и забрасывает его страстными письмами!

— Этого не может быть! — Верочка вся подобралась. — Откуда вы узнали?

— Я вам расскажу по порядку, — затараторила Шура. — Мне позвонила Нина Николаевна по секрету, а ей, гоже по секрету, сообщила Елена Ивановна, Елене Ивановне — Шмуглякова, в общем, все, конечно, по секрету... Шмуглякова узнала от Толи Степанова, тому рассказала Люся Стулова из планового отдела, а ей позвонила Алеша Коровина, Алена дружит с Верочкой, секретаршей... — тут Шура осеклась, — то есть, простите, с вами...

— Но я же просила ее никому не рассказывать! — возмущенно воскликнула Верочка.

— Чтобы узнали все, — назидательно сказала Шура, — достаточно рассказать кому-нибудь одному!

В зале заседаний Самохвалов усадил Шуру рядом с собой, и получилось, будто они двое сидят в президиуме.

— Шура, у меня к вам деликатное дело... — доверительно начал Самохвалов. — Даже не знаю, как к нему подойти... Меня беспокоит душевное состояние одной из наших сотрудниц.

— Соображаю, о ком вы говорите, — без обиняков сказала Шура.

— Кроме вас, еще кто-нибудь соображает? — осторожно спросил Юрий Григорьевич.

— Весь коллектив!

— Информация поставлена у нас хорошо, — усмехнулся Самохвалов. — Тогда тем более надо помочь ей выйти из кризиса, протянуть ей руку помощи. Вот, почитайте! — И Самохвалов передал Шуре письмо.

— А... зачем? — взяв письмо, повела плечами Шура.

— Читайте! — Самохвалов был настойчив.

— Вслух?

— Можно вслух.

— Дорогой, любимый мой Юра!.. — едва слышно прочитала Шура. — Дальше читать?

— Да.

— Но это... кажется... личное?

— У меня нет и не может быть ничего такого, что я должен скрывать от коллектива. — И Самохвалов показал рукой на пустые ряды.

— «Я знаю, что докучаю тебя своими письмами, но это сильнее меня», — прочитала Шура и спросила: — Если знает, зачем пишет?

— Но если это сильнее ее? — со вздохом разъяснил Юрий Григорьевич.

Шура читала дальше.

— «Я не представляла себе, что со мною может такое твориться. По ночам у меня бессонница, и снотворное уже не помогает. На работе все из рук валится». — Шура оторвала глаза от письма и прокомментировала: — Недаром у нас в учреждении падает производительность труда! — Шура снова принялась читать дальше: — «Все, кроме тебя, не имеет значения, все для меня пустота!» — Тут Шура возмутилась: — Как пустота? Вокруг столько прекрасных людей! — Шура развела руками. — Юрий Григорьевич, вы хотите, чтобы местком помог вам написать достойный ответ?

В приемной появилась Калугина:

— Почты много?

— Порядочно, — ответила заплаканная Верочка. — Вот разбираю.

Калугина заинтересовалась каким-то документом, стала внимательно его читать.

А в зале заседаний продолжался «деликатный» разговор.

— Я знаю, Шура, что у вас трезвый взгляд на жизнь. Что-то я устал от этой истории и невольно чувствую себя виноватым. — Тут Самохвалов спохватился: — Между нами ничего нет и быть не может. Мне так жаль Ольгу Петровну. Она стала всеобщим посмешищем. Ее нужно спасти!

— Мы спасем! Мы ее на местком пригласим! — откликнулась Шура.

— Что ж, я не возражаю... только разговаривайте, пожалуйста, мягко, без окрика.

— Понимаю, Юрий Григорьевич, поручение щекотливое. Но мы справимся. Давайте мне остальные письма.

Заместитель директора поколебался, достал из кармана письма Ольги Петровны и нерешительно протянул их Шура.

— Только не давайте их никому читать, — попросил Самохвалов.

— Не беспокойтесь! Я их подколю к делу! — И Шура положила письма в папку. — Там их никто не прочтет.

В приемной Калугина закончила чтение документа и направилась в свой кабинет.

— У вас там полотеры! — сказала Верочка.

Калугина распахнула дверь и действительно увидела полотеров, которые перебрались из кабинета Самохвалова в ее кабинет и усердно драили пол. Калугина закрыла дверь.

— Почему полотеры натирают полы в наше рабочее время? Я пока буду в зале. Неужели нельзя это делать утром или вечером?

— Нет, нельзя, — сказала Верочка. — У полотеров рабочий день, как у нас, с девяти до шести.

Калугина развела руками и устремила в зал, где завершали свою беседу Самохвалов и Шура.

— Мой кабинет занят полотерами, — объяснила Калугина Самохвалову, войдя в зал заседаний.

— Значит, мой освободился, — сообразил Самохвалов и покинул зал.

Людмила Прокофьевна привычно заняла место в президиуме и углубилась в изучение почты. Однако Шура не

ушла и, спрятав письма Рыжовой за спину, выжидающе стояла около Калугиной.

Людмила Прокофьевна подняла глаза.

— Что, Шура? У вас ко мне дело?

— У нас ЧП! — трагически заявила Шура. — Рыжова без памяти втрескалась в Самохвалова и осаждает его любовными письмами!

— Откуда вы это знаете? — нахмурилась Калугина.

— Вот их сколько! — не выдержала Шура, вынув руку из-за спины и как бы взвешивая на ней письма.

— Как они оказались у вас? — сердито спросила Людмила Прокофьевна.

— Юрий Григорьевич передал их мне и попросил, чтобы общественность вмешалась и защитила его!

— И, значит, теперь на очередном заседании месткома, — с трудом сдерживалась Калугина, — после распределения путевок, в разделе «Разное» вы поставите вопрос о безнравственном поведении Рыжовой?

— Мы получили сигнал и должны отреагировать. Вы войдите в положение Юрия Григорьевича. Каждый день на него сыплются эти письма. А весь коллектив, — Шура показала на пустой зал, — знает и смеется!

Калугина протянула руку за письмами.

— Дайте их мне, пожалуйста!

— Рыжова сама виновата. Держала бы чувства при себе! — отдавая письма, начала оправдываться Шура.

— Если мне не изменяет память, вы, Шура, числитесь в бухгалтерии! — строго сказала Калугина.

— Кажется, да. — Шура пыталась вспомнить, где же она числится.

— Я думаю, будет полезнее, если вы иногда, — чеканя слова, жестко произнесла Калугина, — в порядке исключения, будете заниматься не только общественными делами, но и вашими прямыми обязанностями!

Людмила Прокофьевна решительно вошла в приемную.

— Вера, Юрий Григорьевич у себя?

— Да. От вас полотеры тоже ушли.

Но Калугина не слушала. Она распахнула дверь кабинета своего заместителя и приказала секретарше:

— Вера, никого к нам не впускайте!

И решительно закрыла за собой дверь.

В приемную заглянула Шура и прошептала Верочке:

— Самохвалов отдал мне письма, чтобы мы разобрали их на месткоме.

— Вот гад! — искренне возмутилась секретарша.

— А меня ссылают в бухгалтерию! — печально сообщила Шура.

В кабинете Самохвалов встал со своего кресла и недолго посмотрел на взбешенную начальницу.

— Ко мне попали письма, которые вы, Юрий Григорьевич, передали в местком. Хочу вас огорчить. У меня иная точка зрения, нежели у вас. Убедена, что подобные дела должны решаться без привлечения общест-венности.

— Вам, Людмила Прокофьевна, легко говорить! — Самохвалов держался с достоинством. — Я пытался образумить Рыжову, уговаривал, просил, между нами ведь ничего нет и быть не может.

— Надо было иметь терпение, такт. А обнародовать письма — жестоко! — выговаривала Людмила Прокофьевна.

— Но я не нашел другого выхода. В конце концов, меня тоже можно понять, — оправдывался Самохвалов.

— Извините, Юрий Григорьевич, но вы совершили низкий поступок! Не могу настаивать, но на вашем месте я бы забрала письма и никому их не показывала, ни одному человеку!

Самохвалов прошелся по кабинету, как бы собираясь с мыслями...

А в это время по залу, заполненному сослуживцами, шла Ольга Петровна, тяжело нагруженная двумя авоськами с продовольствием. Мимо ее лица проплывали люльки подвесной дороги, заполненные бумагами. Она шла сквозь перешептывания и смешки, сквозь сплетни и переглядки, даже и не подозревая, что все эти косые взгляды, ухмылки и подмигивания относятся к ней. Сослуживцы вставали с мест, смотрели на Ольгу Петровну, подмигивали, гоготали, показывали на нее пальцами. Всем было весело и интересно. В скучные трудовые будни ворвалась пикантная сенсация. Погруженная в свои мысли, шла по залу Ольга Петровна.

Не успела Рыжова поставить авоськи на пол, как между столом Ольги Петровны и столом Новосельцева возникла Верочка. Секретарша старалась держаться бодро, но было видно, что ее мучает совесть.

— Хватит трудиться. Покурим? Самохвалов снабжает меня роскошными сигаретами!

— Спасибо, я не курю! — отказался Анатолий Ефремович.

— А я иногда балуюсь. — Ольга Петровна взяла сигарету, Верочка тотчас поднесла ей спичку.

Верочка не знала, как приступить к разговору.

— Знаете, Новосельцев, — ей легче обращаться именно к нему, — нас, секретарш, начальство обычно не замечает. К нам настолько привыкают, что при нас они остаются сами собой.

— К чему эта исповедь? — недоброжелательно спросил Новосельцев.

Верочка сразу дала отпор:

— Вы не волнуйтесь, я не о Калугиной! Я о вашем институтском товарище.

Теперь насторожилась Ольга Петровна.

— Понимаете, Новосельцев, он какой-то неискренний, скользкий... — Верочка быстро взглянула на Ольгу Петровну. — Я бы полюбить такого не смогла... Ой, бежать пора, а то от старухи попадет!

И Верочка мгновенно исчезла.

— Зачем эта финтифлюшка сюда приходила? — пожала плечами Ольга Петровна...

...В своем кабинете Самохвалов продолжал нервно ходить взад и вперед.

— Я... вынужден, должен признать, Людмила Прокофьевна, что вы правы — вы! Наверное, я потерял над собой контроль. — Юрий Григорьевич смотрел ей в лицо. — Спасибо, что вы вовремя меня остановили!

— Я рада, что вы это восприняли именно так! — поверила ему Калугина.

— Разрешите? — Самохвалов забрал письма и положил в карман. — Я опять с ней побеседую, по-хорошему, по-доброму...

...В буфете Новосельцев стоял в очереди. Сразу же за ним заняла очередь Шура. Она поднесла свои губы к уху Новосельцева.

— Наша мымра сослала меня в бухгалтерию, — шепотом поделилась своей неприятностью Шура. — Но я там задыхаюсь от скуки. Я вырвалась вам сказать, Новосельцев, что вы друг Ольги Петровны и должны ее унять! Она губит и себя, и его!

— Ничего не понимаю! — оторопел Анатолий Ефремович.

— Как? — изумилась Шура. — До вас еще не дошло? Рыжова без памяти влюбилась в Самохвалова и терроризирует его пылкими письмами.

— Это вранье! — рассвирепел Новосельцев. — Я знаю Олю и ее мужа! Они прекрасная пара! Не распускайте сплетни!

— Юрий Григорьевич, — свысока ответила Шура, — сам отдал мне письма Рыжовой, чтобы мы разобрали их на местком! Я их читала!

— Идите-ка вы... — в бешенстве заорал Новосельцев, — в бухгалтерию.

Очередь, вся как один человек, обернулась на крикуна. Шура в испуге отпрянула назад и исчезла. Новосельцев тоже покинул очередь.

В приемную вбежал взволнованный Анатолий Ефремович.

— Самохвалов у себя? — гневно выкрикнул он.

— У себя, — подтвердила Верочка, — но Людмила Прокофьевна просила никого не впускать!

В кабинете Самохвалов продолжал налаживать отношения.

— Знаете, Людмила Прокофьевна, о чем я сейчас жалею? — шутливо сказал он. — О том, что вы не мужчина!

— Это еще почему?

— Я бы тогда предложил: пошли, примем по сто граммов и забудем про это дело...

Нарушив начальственный запрет, Новосельцев рывком открыл дверь и, с трудом сдерживая ярость, появился на пороге.

— Юра, я у тебя одалживал двадцать рублей. Хочу с тобой расплатиться!

Новосельцев достал из кармана две десятки и протянул их Самохвалову.

— Но почему именно сейчас и здесь? — Самохвалов настороженно взял деньги.

Вместо ответа Анатолий Ефремович размахнулся и ударил Самохвалова по лицу.

— За что? Как ты смеешь? — опешил Юрий Григорьевич.

— Извините, Людмила Прокофьевна! — обратился к Калугиной Новосельцев.

— Только ваше присутствие... Людмила Прокофьевна... — гневно процедил Самохвалов. — Но я этого так не оставлю!

— А вы дайте ему сдачи! — весело посоветовала Калугина.

— Я ему дам сдачи, но другими средствами! — по-

обещал Самохвалов и выбежал из своего кабинета, громко хлопнув дверь.

Он промчался мимо Верочки, которая проводила его злым взглядом.

— Я — в министерство! — крикнул Самохвалов на ходу и с явной угрозой.

Калугина и Новосельцев остались вдвоем в кабинете Самохвалова.

— Распустились вы, товарищ Новосельцев! Докатились до того, что затеваете драку в кабинете директора!

— Заместителя директора! — уточнил Анатолий Ефремович. — Это нехорошо! В следующий раз я поколочу его в вашем кабинете!

— Мало того, что вы враль, трус и нахал, вы еще и драчун!

— Да, я крепкий орешек! — скромно признался Новосельцев.

— Боюсь, мне придется заняться вашим перевоспитанием, — вздохнула Людмила Прокофьевна.

— Я вас очень прошу — займитесь! — попросил Новосельцев. — Только учтите — я трудновоспитуемый!

...Активность, щедро заложенная в Шуру природой, не давала ей успокоиться. Переполненная до краев желанием действовать, представитель месткома присела на стул рядышком с Ольгой Петровной.

— Старуха сослала меня в бухгалтерию, — сообщили Шура, — но я вырвалась на свободу.

— Это мужественный поступок, — пошутила Ольга Петровна, все еще не подозревая, что стала притчей во языцех.

— Конечно, я вам сочувствую, как женщина — женщине. Но ведете вы себя аморально! Сплетням я не верила, но товарищ Самохвалов меня посвятил! — Шура доверительно понизила голос: — Читала я ваши сочинения. Замужняя женщина, больше того — мать, и вдруг неприличные письма пишет! Я вам по-дружески советую, как добрый товарищ, — выкиньте это из головы, вернитесь в семью, в работу, в коллектив!

Ольга Петровна держалась из последних сил.

— Зачем он давал вам их читать? Посмеяться хотел надо мной?

— Что вы! Ему не до смеха, — возразила Шура. — Он консультировался со мной, как вам помочь.

— Не сомневаюсь, что вы дали ему хороший совет, — мертвым голосом сказала Ольга Петровна.

Неподалеку появился Новосельцев. При виде его Шура бросилась спасаться бегством. Новосельцев брезгливо посмотрел ей вслед, а потом перевел сочувствующий взгляд на Ольгу Петровну.

Та сидела не двигаясь, как бы окаменев. Только слезы лились по ее лицу.

Моей душе покоя нет, —
весь день я жду кого-то.
Без сна встречаю я рассвет,
и все из-за кого-то.
Со мною нет кого-то,
ах, где найти кого-то...
Могу весь мир я обойти,
Чтобы найти кого-то.
О вы, хранящие любовь,
неведомые силы,
пусть невредим вернется вновь
ко мне мой кто-то милый.
Но нет со мной кого-то.
Мне грустно отчего-то.
Клянусь, я все бы отдала
на свете для кого-то...

Калугина хлопотала на кухне, готовясь к приходу гостей, вернее, гостя, — жарила, парила, пекла.

Стол был накрыт на две персоны. Хозяйка взглянула на себя в зеркало и бросилась переодеваться.

В это же время Новосельцев шел по улице, разглядывая номера домов. Отыскав нужный дом, он вошел в подъезд.

Выйдя из лифта, остановился перед квартирой № 87. В руках у Анатолия Ефремовича находилась коробочка конфет. Новосельцев позвонил в дверь. Полуодетая Калугина подбежала к двери и посмотрела в глазок. Калугина отперла замок, а сама метнулась в ванную комнату. Прежде чем закрыть за собой дверь ванной, она крикнула:

— Входите, открыто!

И быстро захлопнула за собой дверь.

Новосельцев вошел в прихожую и оглянулся. Видно было, что он здесь впервые.

— Анатолий Ефремович, это вы? — слышался из ванной голос Людмилы Прокофьевны.

— Это я!

— Раздевайтесь и проходите в комнату! любезно пригласил Новосельцева голос хозяйки. — Я сейчас!

* Стихи Р. Бернса.

Новосельцев снял пальто, повесил его и прошел в комнату. Новосельцев принялся разглядывать жилые начальницы.

— Присаживайтесь, я сейчас! — невидимая Калугина продолжала руководить гостем.

— Вы не беспокойтесь, Людмила Прокофьевна, — сказал, усаживаясь в кресло, Новосельцев.

— Чувствуйте себя, как дома. Я уже скоро.

И действительно, через несколько мгновений отворилась дверь и на пороге появилась Калугина.

Новосельцев вскочил и замер.

Людмилу Прокофьевну невозможно было узнать. Уроки Верочки не пропали даром. Калугина причесалась у модного парикмахера, на ней платье с блестками и «шुзы» на высоком каблуке и с перепонкой. Калугина чувствовала себя неловко и, хоть явно похорошела, от этой неловкости, от того, что на ней все новое и неприличное, выглядела чуточку нелепой.

— Что же вы молчите? Мне это не идет? Мне не надо было всего этого надевать? — волновалась Людмила Прокофьевна. — Я выгляжу смешной, да? Ну, скажите что-нибудь! Если это безвкусно, я могу переодеться. Я, конечно, не умею всего этого носить... и прическа ужасная, верно?

Обалдевший Новосельцев наконец-то заговорил:

— Людмила Прокофьевна, вы красавица!

— Вам правда нравится? — Калугина была смущена, и это смущение ей шло.

— Очень! — искренне воскликнул Анатолий Ефремович. Калугина, все еще смущаясь, подошла к столу.

— Садитесь, Анатолий Ефремович, будем ужинать!

Новосельцев тоже очень стеснялся.

— Большое спасибо... — Он подождал, пока села Калугина, и тоже опустил на стул. — Можно вам налить вина?

— Можно. Большое спасибо.

Новосельцев открыл бутылку и разлил вино по бокалам.

— За что будем пить? — спросил Новосельцев и сам придумал. — Чтобы все были здоровы!

— Да, это прекрасный тост! — прошикнувено согласилась Калугина.

Новосельцев и Калугина пригубили бокалы.

— Вы возьмите вот эту рыбу, она очень вкусная, предложила Людмила Прокофьевна.

— Большое спасибо.
— И салат попробуйте!
— Большое спасибо, — изблагодарился гость. — А вам положить?
— Большое спасибо, — теперь настала очередь Калугиной благодарить гостя.
— Рыбу? — угощал Новосельцев.
— Спасибо.
— И салат?
— Спасибо большое!
Хозяйка и гость взглянули друг на друга и засмеялись.

Новосельцев осмелел:

— Вы знаете, Людмила Прокофьевна, я записался к вам на прием. На эту среду все было занято, и Верочка записала меня на следующую.

— А зачем?

— По личному делу.

— Но зачем же ждать следующей среды, мы можем решить этот вопрос сейчас, — преодолевая служебную интонацию, гостеприимно сказала Калугина.

— Вы так думаете? — Новосельцев был не уверен в этом.

— Я в этом убеждена. — Калугиной было нелегко избавиться от директорской безапелляционности.

— Видите ли, я, когда к вам шел, я думал о том, что мне надо с вами серьезно поговорить... но только вот не знаю, с чего начать?

— Начните с главного, — улыбнулась Людмила Прокофьевна.

Новосельцев опустил глаза:

— У меня к вам предложение...

— Рационализаторское? — полубопытствовала Калугина.

— В некотором роде... — неопределенно промямлил Анатолий Ефремович.

Но тут зазвонил телефон. Калугина дотянулась до соседнего столика, где стоял аппарат, и сняла трубку.

— Алло!

Звонили из квартиры Новосельцева.

— Позовите, пожалуйста, папу.. его зовут Анатолий Ефремович, — сказал Вова, перемазанный зеленой краской.

— Анатолий Ефремович, это вас! — удивилась Людмила Прокофьевна и передала трубку.

— Понимаете, у меня дети остались сегодня одни. Бабушка заболела, и Ксана, это моя сестра, забрала бабушку к себе, — оправдывался Новосельцев. — И я оставил детям ваш телефон, на всякий случай. Понимаете, они одни... Вообще-то у меня дети очень спокойные... вы не сердитесь?

— Что вы!

— Вова, это ты? Что случилось? — спросил в трубку Новосельцев.

На другом конце провода зеленый Вова бодро ответил:

— Папа, у нас краски не хватило.

Рядом вертелся младший, тоже порядком перепачканный.

— Какой краски? Зачем ты выходил на балкон?.. — Новосельцев виновато покосился на Калугину. — Я приду и отмою. Немедленно ложитесь спать! Слышите, немедленно!

Новосельцев повесил трубку.

— Что произошло?

Новосельцев старался быть невозмутимым.

— Ничего особенного. У них краска кончилась. Спрашивают, нет ли еще баночки...

— Какая краска?

— Зеленая. Я ее купил, чтобы подновить перила на балконе. Они ее нашли и покрасили в кухне дверь. Правда, на всю дверь у них краски не хватило...

Калугина рассмеялась.

— Вообще-то они воспитанные, тихие, — уверил ее Новосельцев. — На чем мы с вами остановились?

— Вы хотели мне сделать какое-то предложение, — напомнила Калугина.

Да, да, разумеется... конечно... только не знаю, как вам сказать, как вы ко всему этому отнесетесь?

— Не томите, говорите скорее, а то я начинаю волноваться.

— Я тоже очень волнуюсь. У вас нет минеральной воды?

— Вот лимонад.

— Мне безразлично... вам налить?

— Да. Спасибо.

Новосельцев разлил лимонад по стаканам. Оба нервно выпили.

— Ну?

— Сейчас... — Новосельцев встал. — Уважаемая Люд-

мила Прокофьевна... нет, дорогая Людмила Прокофьевна!.. — поправил себя Анатолий Ефремович. — Мое предложение заключается в том. . Вы понимаете вы и я... если сравнить... конечно у меня дети — лепетал Новосельцев. — Их двое... это конечно, препятствие...

— Как вы можете так отзываться о детях!

— Не перебивайте меня, я собьюсь.. я и так говорю с трудом.. Вот вы кто? Вы — прекрасный организатор, чуткий руководитель и эффектная женщина! А кто я? Рядовой сотрудник, с заурядной внешностью и рядовым жалованьем. Зачем я вам сдался? Я ведь вас боюсь.. Я вот говорю, а внутри все дрожит... Не перебивайте меня! Я недостойн вас, я не могу украсить вашу жизнь... Дети у меня хорошие, смиренные... не обижайтесь на меня, пожалуйста... — Новосельцев замолк, исчерпав запас красноречия. Он не решался поднять глаза, иначе бы увидел. с каким сочувствием слушала его Калугина.

Не зная, что делать дальше Новосельцев разлил по бокалам вино.

— Давайте поднимем бокалы за..

Но что собирался сказать Новосельцев, навсегда осталось неизвестным. От чрезмерного волнения Новосельцев, собираясь чокнуться с Калугиной, опрокинул бокал на ее роскошное платье.

Калугина вскрикнула.

— Ой, что я натворил! — Анатолий Ефремович был в ужасе.

— Ничего страшного, вы мне испортили новое платье. Красное вино не отмывается!

— Надо срочно присыпать солью... — суетился Новосельцев. — Снимите платье! — Тут он опомнился. — Нет, не снимайте платье. Я присыплю на вас! — Анатолий Ефремович схватил солонку и густо посыпал солью пятно. — Не двигайтесь, дайте соли впитаться!

Калугина все еще находилась под впечатлением монолога Новосельцева.

— Да черт с ним, с платьем! Все равно я носить его не стану!

— Вы его мне потом дадите с собой. — не слушал ее Новосельцев. — Дома я это пятно выведу!

— Да ладно. Не убивайтесь вы из-за этого платья! Калугина была в смятении. — Милый, славный Анатолий Ефремович!

— Я его дома покипячу в «Новости», — сказал Ново-

сельцев, поглощенный проблемами химчистки. — «Лотос» его не возьмет!

— Еще одно слово, и я сожгу это платье!.. — вспыхнула Калугина. — Сядьте!

Новосельцев послушно сел.

— Я так тронута вашим признанием... я так хочу вам поверить... но я не могу... мне страшновато... Какой же вы рядовой. Вы такой симпатичный, а я... зачем я вам?

— Но, Людмила Прокофьевна...

— Не перебивайте меня! Я вас внимательно слушала и ни разу не перебила. Я с головой в работе... У меня жизнь устоялась, сложилась. Я боюсь перемен. Я старый холостяк... я привыкла командовать, и еще я вспыльчивая... я могу испортить жизнь любому. Но дело даже не в этом... я вам не верю...

— Но почему! — с болью произнес Новосельцев. — Дороже вас, вот уже несколько дней, нет у меня никого на свете!

Калугина отмахнулась от его слов.

— Вы мне тоже стали очень дороги, и я о вас думаю чаще, чем нужно... но это не имеет значения... не перебивайте меня!.. У меня уже была в жизни печальная история... тоже ходил ко мне один человек, долго ходил. А потом женился на моей подруге! — закончила свой грустный рассказ Людмила Прокофьевна.

— Но я не хочу жениться на вашей подруге! — наотрез отказался Новосельцев.

— Да у вас и нет такой возможности. Я ликвидировала всех подруг. Но это еще не значит, что я намерена выйти за вас! Вот так вот... с бухты-барахты, скоропалительно...

— Извините, Людмила Прокофьевна, я не очень сообразительный. Я не понял, вы согласны или вы мне отказываете?

— Сама не знаю... — растерянная Калугина задумалась.

Опять зазвонил телефон. Калугина сняла трубку:

— Алло!..

— Позовите, пожалуйста, нашего папу! — услышался голос Вовы.

— Хорошо, Вова, сейчас позову!

— Что они опять выкинули? — Новосельцев встревоженно схватил трубку. — Ну, говорите поскорее, что там еще?

Выслушав, Новосельцев уронил трубку.

— Произошло несчастье? — испугалась Калугина.

— Они случайно опустили кошку в мусоропровод! — убитым голосом поведал Анатолий Ефремович.

Калугина решительно вышла в коридор

— Куда вы, Людмила Прокофьевна? — не понял Новосельцев.

— Идемте спасать кошку!

Когда Новосельцев подавал Людмиле Прокофьевне пальто, как-то так само собой получилось, что их губы встретились, а ненужное пальто упало на пол, ибо Новосельцеву надо было освободить руки для объятий.

Осенний ветер срывал с деревьев последние листья

Из своего пятиэтажного стандартного дома вышла Ольга Петровна и медленно пошла к станции Лицо Рыжовой было мертво. Она машинально повторяла путь, который привыкла делать каждое утро. Вот подошла электричка, и Ольга Петровна оказалась в вагоне.

Ольгу Петровну прижали в тамбуре электрички, около дверей. Она потухшим взглядом смотрела на осенний пейзаж, но не видела его.

Толпа вынесла из электрички безучастную Ольгу Петровну, и вот она затерялась в толпе на платформе вокзала в Москве. Огромные полчища людей торопились на работу... и среди них брела усталая, поникшая, немолодая женщина, а за кадром продолжалась песня.

Бежал за окном автобуса пасмурный московский пейзаж. А на сиденье, погруженная в свои мысли, понуро сидела Ольга Петровна. Автобус остановился на остановке около учреждения, и Рыжова машинально вышла из автобуса и привычно направилась к подъезду. Но вдруг лицо ее исказилось гримасой боли, она повернулась и пошла прочь. Она прошла несколько шагов, потом остановилась, глубоко вздохнула и покорно поплелась ко входу в учреждение...

И, словно ее внутренний монолог, звучали стихи Беллы Ахмадулиной.

О, мой застенчивый герой,
Ты ловко избежал позора!
Как долго я играла роль,
Не опираясь на партнера!

К проклятой помощи твоей
Я не прибегнула ни разу.
Среди кулис, среди теней
Ты спасся, незаметный глазу

Но в этом сраме и бреду
Я шла пред публикой жестокой —
Все на беду, все на виду,
Все в этой роли одинокой.

О, как ты гоготал, партер!
Ты не прощал мне очевидность
Бесстыжую моих потерь,
Моей улыбки безобидность.

И жадно шли твои стада
Напиться из моей печали,
Одна, одна — среди стыда
Стою с упавшими плечами.

Но опрометчивой толпе
Герой действительный не виден,
Герой, как боязно тебе!
Не бойся, я тебя не выдам.

Вся наша роль — моя лишь роль —
Я проиграла в ней жестоко.
Вся наша боль — моя лишь боль,
Но сколько боли — сколько-сколько.

Недалеко от подъезда стояли светлые «Жигули». В них, поджидая Ольгу Петровну, сидел Самохвалов. Вот он увидел Рыжову, вышел из машины и приблизился к Ольге Петровне.

— Оленька, а я тебя тут жду!

Ольга Петровна молчала. Самохвалов помялся, не зная, с чего начать.

— Как живешь, Оленька?

Ольга Петровна пересилила себя и ответила, как ей казалось, озорно:

— Лучше всех! И я тебе сообщаю об этом каждый день в письменной форме.

Самохвалов рассмеялся и перешел на трогательную интонацию:

— Милый, добрый, славный мой человек!

— Что с тобой, Юра? Здоров ли ты? — Ольга Петровна от изумления прислонилась к машине.

— Оля, не иронизируй! Я твои письма читаю, как поэму! Мне даже в голову не могло прийти, что ты можешь так писать! — Он похлопал себя по карману. — Вот они. Я их всегда при себе ношу!

— Ты не беспокойся, писать я больше не буду... — Ольга Петровна заставила себя улыбнуться, — и знаешь, дай-ка эти письма мне. Вдруг ты их потеряешь или жена найдет? — И она весело добавила: — Сцену устроит.

Самохвалов охотно вернул письма.

— Жаль мне с ними расставаться, но в нашей жизни осмотрительность превыше всего.

Помахав Ольге Петровне рукой, Самохвалов зашагал в подъезд. После разговора у него, как говорится, отлегло от сердца и, соответственно, поднялось настроение.

Ольга Петровна подошла к мусорной урне и, предвзвительно порвав письма, бросила их к окуркам и огрызкам...

...В приемной Верочка уже была на посту. Двери в кабинеты начальства были распахнуты, там никого не было.

— Вот смотрю я на вас, Верочка, — задорно сказал Самохвалов, войдя в приемную, — и каждый раз получаю удовольствие! Будь я помоложе или будь у меня другой характер... у-у-ух!

И Самохвалов скрылся за дверью своего кабинета.

Верочка саркастически посмотрела ему вслед.

— Э-э-эх! — передразнила шефа секретарша.

В зале Ольга Петровна усаживалась на свое рабочее место. Новосельцев попытался ее развеселить.

— Сегодня с шести утра пытался содрать с двери проклятую зеленую краску. Ничто ее не берет. Но зато я сам позеленел!

— Завтра мой Алексей возвращается из Эссентуков. — Ольга Петровна оценила дружескую поддержку Новосельцева.

— Я очень рад. Передай ему большой привет. Он у тебя замечательный.

— Я тоже рада. Приезжай к нам в воскресенье с ребятами.

— Спасибо. С удовольствием.

Каждый из них хотел сказать другому значительно больше того, что заключалось в этих обыкновенных словах.

Внезапно в зале началось движение, все сотрудники, как по команде, повернулись в одну сторону. Легкий гул удивления пробежал по залу. Некоторые сослуживцы даже привстали со своих мест. Изумленные статистики не верили своим глазам. Потрясенные учетчики чуть ли не щипали себя, думая, что они во сне. В учреждении случилась новая сенсация!...

По залу гордой, танцующей походкой двигалась руководитель учреждения Людмила Прокофьевна Калугина. На ней было надето яркое, элегантное платье с вышивкой

и кружевным воротником. Нарядные туфли на прямом высоком каблуке смело вышагивали по паркету. Голову украшала затейливая современная прическа. Рука размахивала моднейшей дамской сумочкой.

Вместо бесполой унылой фигуры, какой привыкли видеть свою начальницу сотрудники, по залу плыла молодая и весьма привлекательная женщина, за которой мужскому населению сразу же и несомненно захотелось поухаживать.

Если бы в зал швырнули гранату или в зал вошел бы марсианин, реакция женской части учреждения была бы во много раз слабей.

Делая вид, что не замечает произведенного впечатления, Калугина остановилась около стола Новосельцева.

— Как себя чувствует кошка? — нежно улыбаясь, спросила Людмила Прокофьевна.

— Говорит, что хорошо, — так же нежно улыбнулся Новосельцев. — У меня появилась идея. Не пойти ли нам вечером в театр?

— Сто лет не была в театре. А на что мы пойдем?

— Какая разница? — доверительно прошептал Новосельцев.

Оба они засмеялись, как люди, между которыми — полное согласие.

Калугина ушла, направляясь в приемную, а Новосельцев помчался доставать билеты.

Верочка выпучила глаза, увидев директоршу.

— Доброе утро, Верочка? Как я вам нравлюсь? — поинтересовалась Калугина.

— Людмила Прокофьевна, вы изумительно смотрите и даже похорошели!

— Догадайтесь, почему я опоздала? — засмеялась Калугина. — Проспала! Первый раз в жизни! А как вам прическа? — И она закрутилась перед Верочкой.

— Умереть — не встать! — восторженно одобрила Верочка.

— Я тоже так думаю! — весело сказала Калугина.

Она потянулась всем телом:

— Не хочется, но все-таки надо идти руководить!

Из своего кабинета в приемную вышел Самохвалов.

— Добрый день, Людмила Прокофьевна. Вы сегодня прекрасно выглядите!

— Так я теперь буду выглядеть всегда! — с вызовом заявила Калугина и удалилась к себе.

— Верочка, вы, как правило, в курсе... что происходит

с Людмилой Прокофьевной? — полубопытствовал Юрий Григорьевич.

— Разве вы не слышали? У нее роман с Новосельцевым. Об этом все знают.

— Служебный роман! — усмехнулся Самохвалов. Секунду он помедлил. А потом решительно зашел к Калугиной.

— Что у вас нового, Юрий Григорьевич? — кокетливо спросила Людмила Прокофьевна, глядя на себя в зеркальце. Она это делала точно так же, как рядовые сотрудницы ее учреждения.

— Сослуживцы обсуждают только одну новость... — вкрадчиво произнес Самохвалов.

— Какую? — беспечно повернулась к нему Калугина. Самохвалов притворился, что колеблется.

— Впрочем, лучше об этом не говорить... хотя... вы все равно об этом узнаете...

— Продолжайте, продолжайте...

— ...Одним словом... как бы это назвать... — Самохвалов осторожно подбирал слова. — Ходят слухи, что Новосельцев за вами ухаживает...

— Это правда! — гордо сказала Людмила Прокофьевна. — Ну и что?

— Нет, ничего. Но это вас компрометирует Калугина рассмеялась.

— У меня такая безупречная репутация, что меня давно пора скомпрометировать.

— Вам не все известно... я должен предостеречь... — Самохвалов изобразил, что заинтересован каким-то документом. — Помните, вы были у меня дома? Он тогда и решил за вами приударить, это его выражение... Чтобы получить место начальника отдела... не хочу его чернить... он справится, человек способный, а понять его легко, солидная прибавка к зарплате и честолюбие к тому же... — Тут он нанес последний главный удар. — Вам может показаться, что это я выдумал ему в отместку, но некоторые детали узнать я мог только от него... например, как он с вами про грибы разговаривал...

Калугина замерла.

— Простите, пожалуйста. — И Самохвалов тихо вышел из кабинета.

Некоторое время Калугина оставалась одна. Она с трудом сдерживалась, чтобы не зареветь. Потом она сняла с себя шарфик, серьги, кольцо с пальца. Потом нажала на кнопку селектора.

— Вера, зайдите ко мне! Захватите блокнот!

Верочка взяла блокнот и вошла к Калугиной.

— Я хочу продиктовать приказ, — угасшим голосом сказала Калугина.

Верочка уселась, приготовилась стенографировать.

— Записывайте! Назначить начальником отдела легкой промышленности... с окладом, согласно штатному расписанию. Подпись моя.

— Извините, но вы не сказали, кого назначить?

— Разве? — И Калугина медленно продиктовала: — Новосельцева Анатолия Ефремовича.

В зал вбежал Новосельцев, ринулся прямо в приемную. Верочка уже вышла из кабинета и печатала на машинке приказ. Новосельцев влетел в кабинет Калугиной.

— Вот и я! — запыхавшись, воскликнул радостный Анатолий Ефремович.

— Присаживайтесь, товарищ Новосельцев! — сухо сказала Калугина.

Новосельцев растерянно присел на стул.

— А я билеты достал, только не в театр, а в цирк. Вы любите цирк? Я, например, очень.

— Товарищ Новосельцев, хочу вас поздравить! Я долго подбирала кандидатуру... — официально заговорила Калугина. — Вы — решительный, знающий, энергичный... — она горько подчеркнула следующее слово, — предприимчивый, еще какой предприимчивый... короче говоря, я уже подписала приказ о назначении вас начальником отдела...

— За что? Чем я вам не угодил?

→ Вы отказываетесь? — брезгливо спросила Людмила Прокофьевна.

— Нет, но не хочу, чтобы вы назначали меня таким тоном!

— Другого тона вы не заслуживаете! — непреклонно ответила руководитель учреждения.

— Что случилось, пока я бегал за этими билетами? — жалобно простонал незадачливый Анатолий Ефремович.

— Это случилось много раньше, и я отдаю дань вашей изобретательности.

Новосельцев был совершенно подавлен.

— Я ничего не изобретал...

— Не скромничайте! — Калугина не могла больше сдерживаться. — Приударить за мной, чтобы получить должность...

— Я чувствовал, что все плохо кончится, — убитым голосом пожаловался Новосельцев. — Я не имел права начинать за вами ухаживать ради карьеры. Но я же не знал тогда, что полюблю вас! Я был так далек от этого, вы себе даже не представляете!

Признание Новосельцева dokonало Калугину.

— Вы страшный человек, Новосельцев.

— Это я-то? — печально покачал головой Анатолий Ефремович.

— Вы, вы! Ваше поведение ничто не может оправдать. А вы, по-моему, даже не понимаете, что поступили омерзительно.

— Но у меня есть смягчающее обстоятельство — я вас люблю... — очень тихо сказал Новосельцев.

— Я вам не верю!

— А Самохвалову поверили... — Новосельцев догадался, откуда был нанесен удар.

— Идите работайте! У вас новая, интересная работа. — Калугина отвернулась и говорила, глядя в окно: — Она потребует от вас много сил. Вы же добились, чего хотели.

— А как же цирк? — ни к селу ни к городу спросил Новосельцев.

— Цирка мне хватает в жизни!

Новосельцев медленно поднялся со стула и побрел к выходу.

— А может быть... — остановился в дверях Анатолий Ефремович.

— Нет! — отрезала Калугина.

— Тогда я отказываюсь от должности, она обходится мне слишком дорого!

— Опять врите! — устало проговорила Людмила Прокофьевна.

— Мне сейчас не до вранья.

— Меня эти нюансы больше не интересуют.

— Хорошо, ладно, — угрожающе произнес Новосельцев. — А где приказ?

— У секретаря.

Новосельцев вышел в приемную, где Верочка, как всегда, болтала по телефону.

— Верочка, Людмила Прокофьевна сказала, чтобы я взял приказ о моем назначении, — сказал Новосельцев.

— Пожалуйста!

Новосельцев взял приказ, прочитал, спокойно скомкал его и кинул в мусорную корзину. Он схватил со стола чистый лист и принялся что-то писать.

— Верочка, — позвал Новосельцев. — Если вас не затруднит, — Новосельцев положил перед секретаршей исписанный лист бумаги, — передайте Людмиле Прокофьевне мое заявление.

В коридоре Новосельцев буквально нос к носу столкнулся с Самохваловым.

Новосельцев, не здороваясь, прошел мимо.

— Что же это ты не здороваешься, Толя? — с усмешкой остановил его Юрий Григорьевич.

— Если вы так хотите, здравствуйте, Юрий Григорьевич! — отчужденно проговорил Анатолий Ефремович.

— Толя, надо, чтобы между нами не было никакой неопределенности.

— По-моему, между нами все предельно ясно.

— Скажу тебе прямо, хоть для меня это и нелегко, ты — молодец! Я тебя зауважал! Ты меня стукнул по заслугам.

— Далеко пойдешь, Юра! — иронически похвалил его Новосельцев.

— Не остри! Дай лапу! — Самохвалов протянул руку

— За что я себя презираю, так это за то, что я добрый! Ладно! Лучше мирное сосуществование! — И Новосельцев пожал руку Самохвалова.

— Ты тоже не такой простенький, как кажешься. Я восхищен тем, как ты стал начальником отдела!

— Я же твой человек.

— На том и разошлись!

— Минуточку! — остановила мужчин Шура. В руках у нее была ведомость.

— С вас по рублю! У Аллы Федосеевой прибавление семейства.

— Цены растут! — недружелюбно заявил Новосельцев. — Когда родила Маша Селезнева, собирали всего по пятьдесят копеек!

— Но у Федосеевой двойня! — разъяснила неугомонная Шура. — Внесите деньги и распишитесь!

— Какая прелесть! — сказал Самохвалов, и мужчины полезли в карманы за кошельками.

Верочка принесла Калугиной заявление Анатолия Ефремовича.

— Тут Новосельцев принес заявление об уходе. — Верочка подала бумагу Калугиной.

Тем временем Ольга Петровна расспрашивала Новосельцева:

— Ты на самом деле решил уйти?

— Понимаешь, нашел другую работу... — неумело лгал Новосельцев. — Совсем рядом с домом, и оклад больше. и, главное, работа помасштабней...

— Думаешь, я ничего не понимаю? Ты же из-за нее уходишь!

В это время у себя в кабинете Калугина прочитала ультиматум Анатолия Ефремовича.

— Пригласите Новосельцева ко мне! — попросила она Верочку.

Верочка тут же сняла телефонную трубку.

— Анатолий Ефремович, вас вызывает Людмила Прокофьевна!

Новосельцев пересек коридор, миновал приемную и открыл дверь в кабинет директора.

— Ознакомилась с вашим заявлением, товарищ Новосельцев! — И Калугина смачно разорвала его на клочки.

Новосельцев углубился в кабинет, взял со стола лист бумаги, достал из кармана ручку и присел, чтобы писать.

— Не так трудно написать его еще раз! — бесстрастно заявил он.

— Ваше новое заявление постигнет та же участь! — пообещала Людмила Прокофьевна.

— А я напишу в третий раз! — сообщил упрямец. — Я все равно ухожу. Не хочу работать под вашим началом и не буду! — Новосельцев старательно писал заявление.

— Будете, товарищ Новосельцев! Я вас не отпускаю: вы незаменимый работник! — злорадствовала Калугина.

— Незаменимых у нас нет. Найдете вместо меня другого, более порядочного, честного, который никогда не врет!

— Вы тоже отыщете себе начальницу покрасивее и помоложе!

— Конечно, найду! — запальчиво крикнул Новосельцев. — Это теперь не проблема!

— Вы каждый раз врываетесь сюда, чтобы меня оскорблять! — возмутилась Людмила Прокофьевна.

— Я сюда не врываюсь, — запыхтел Новосельцев. -- Это вы меня все время вызываете, работать не даете!

— Ну и уходите отсюда. Никто вас не задерживает! — Калугина пожала плечами.

— Нет. Задерживают. Вы, товарищ Калугина! Не подписываете мое заявление. Я расчет не могу взять.

— Пишите заявление, — стиснув зубы, процедила Калугина. — Я его завизирую!

Новосельцев расписался и поставил дату.

— Пишите, пишите! С удовольствием от вас избавлюсь!

— Я уже написал! — Анатолий Ефремович передал заявление взбешенной начальнице.

— Я надеюсь, что вы не пострадаете материально и билеты в цирк не пропадут? — издевательски посочувствовала Людмила Прокофьевна.

— Не волнуйтесь, я их загоню по спекулятивной цене, — успокоил ее Новосельцев.

Калугина ознакомилась с заявлением.

— Составлено неправильно. Здесь не указана причина ухода. Любая ревизия обнаружит, что я отпустила ценного работника безо всяких оснований! — И Людмила Прокофьевна порвала второе заявление.

Новосельцев был вне себя:

— Хорошо, пожалуйста, все равно я не уступлю!

Он взял новый лист бумаги и стал писать новое прошение об отставке.

— Медленно пишете! Мне надоело ждать! У меня тысяча дел! — Калугина шагала по кабинету взад и вперед.

— Я уже написал! — И Новосельцев протянул ей свеженькое заявление.

Калугина просмотрела его и изменилась в лице.

— Значит... вы уходите потому... — она прочитала вслух: — «... что директор нашего учреждения товарищ Калугина — самодур!»

— Именно поэтому!

— Какой ты чуткий, внимательный, тонкий и душевный человек! — тихо сказала Калугина.

— Перестань, наконец, надо мной издеваться, — тоже тихо предупредил ее Новосельцев.

— Подумаешь, цаца!

— Да, цаца! — возразил Анатолий Ефремович.

— Ты так красиво и оригинально ухаживаешь! Ты — настоящий современный мужчина!

— Как ты смеешь меня так обзывать! — в ярости заорал Новосельцев.

Он встал и отшвырнул стул. Калугина тоже встала и молча отшвырнула другой стул. Они гневно смотрели друг на друга.

— Какой ты милый и обаятельный! — продолжала издеваться Калугина.

— Думаешь, если ты директорша, — взбеленился Новосельцев, — то тебе все дозволено? Можешь топтать и хамить? Мыбра!

Калугина в бешенстве выскочила из-за стола и вцепилась в Новосельцева.

— Ах, ты еще и драться! — защищался Анатолий Ефремович.

Тогда Калугина схватила свой зонтик и наотмашь стала им лупить Новосельцева. Сначала Новосельцев прятался от разъяренной фурии в кабинете, но потом не выдержал и пустился бежать. Калугина помчалась за ним, продолжая довольно ловко наносить удары.

Сперва они напугали этой сценой Верочку, которая разговаривала по телефону в приемной.

В коридоре они пронеслись мимо оторопевшего Самохвалова.

Погоня выскочила в зал. Калугина неслась за своим подчиненным, нанося удар за ударом. Новосельцев прятал лицо за двигающимися люльками подвесной монорельсовой дороги.

Сослуживцы повскакали со своих рабочих мест. Такого сотрудники еще не видели. Действительно, в этом учреждении было не скучно работать.

— Я тебя ни за что не прощу! Я тебя ненавижу! — лупца любимого человека зонтиком, приговаривала Калугина. — Я тебя покалечу!

Новосельцев на бегу с трудом увертывался от ударов. Он бегал между столами, огибая их, и кричал:

— Я не позволю себя бить, я не позволю себя калечить!

Жертва и ее истязатель выбежали на лестничную клетку и стремительно устремились вниз.

Рука Калугиной не уставала махать зонтиком.

Новосельцев и Калугина выскочили на улицу. Шофер Калугиной, увидев свою начальницу, открыл дверцу машины. Первым туда юркнул Новосельцев, за ним влетела директорша. В машине зонтиком драться было неудобно, и руководительница попыталась пустить в ход кулаки. Но тут, в разгар побоев, Новосельцев изловчился и поцеловал Калугину в губы. Та по инерции еще несколько раз ударила Новосельцева и стихла.

— Куда ехать? — спросил водитель, делая вид, что ничего особенного не происходит.

Новосельцев на секунду оторвался от губ своего руководителя и произнес:

— Прямо!

И снова впился в Калугину. Шофер завел машину и рванул с места.

И вот уже машина с Калугиной и Новосельцевым влилась в московский транспортный поток.

Через девять месяцев у Новосельцевых было три мальчика...

Э. БРАГИНСКИЙ, Э. РЯЗАНОВ

Убийство в библиотеке

Телефонный звонок разбудил следователя Ячменева ровно в полночь. Если бы телефонный звонок не разбудил следователя, то разговор бы не состоялся и было бы очень трудно начать это печальное повествование.

— Ячменев, это ты?

— Кто говорит?

— Это говорит убийца! — спокойно сообщил незнакомый голос.

— Неостроумно! — обозлился Ячменев, положил трубку на рычаг и перевернулся на другой бок. Телефон стоял у него на столике возле постели, чтобы следователя было удобно будить.

Однако нахал не поленился поозвонить второй раз.

— Ты чего трубку швыряешь? — строго спросил он.

— Кто это? — тупо повторил Ячменев.

— Вообще-то я привидение, но ты же марксист и в это не поверишь!

— Кого же ты убило, привидение? — спросонья спросил Георгий Борисович Ячменев.

— Кого надо! Труп рядом валяется. И звоню я тебе из библиотеки, из Академии школьных наук, где я все это и совершил!

— Кто же этот несчастный? — окончательно проснулся следователь. Неизвестный охотно ответил:

— Академик Зубарев!

— Сергей Иванович? — переспросил Ячменев. — Тот самый?

— Тот самый!

— Почему же ты убил гордость нашей науки? — Ячменев пытался определить по голосу, кто из приятелей безобразничает.

Ответ был неожиданным:

— За беспринципность! Чтоб другим неповадно было!

Следователь засмеялся.

— Не вижу в этом ничего смешного! — рассердился таинственный собеседник. — И звоню я тебе, чтоб ты не совал свой любопытный нос в это кровавое дело! Иначе и тебе не поздоровится!

— Высказался? — Ячменев по-прежнему был убежден,

что его разыгрывают. — Может быть, ты для порядка назовешь, наконец, и свою фамилию?

В ответ раздался жуткий смех.

— Надоел ты мне! — Ячменев не испугался и хотел было положить трубку, но в этот момент услышал игривый женский голос:

— Георгий, распорядись, чтобы убрали покойника! Он нам опротивел!

— Дайте поспать! — взмолился Георгий Борисович. — Мне ведь с утра на работу! Будьте людьми!

— Мы не можем стать людьми, мы привидения!

Тут Ячменев не выдержал, разъединил телефон и накрыл голову подушкой. Но уснуть ему не удалось. Не потому, что его растревожил нелепый ночной разговор. О нем он больше не вспоминал. У Ячменева была единственная дочь в возрасте 19 лет. Этой причины вполне хватало, чтобы страдать хронической бессонницей. Как многие сверстницы, дочь Ячменева вздумала выйти замуж, и это не радовало отца. Мысль о том, что какой-то чужой человек станет для дочери важнее родителей, поселится в доме и станет бриться его, Ячменева, электрической бритвой, потом забывая, конечно, выдувать из нее остатки своих волос, приводила Ячменева в бешенство.

— Но почему он будет бриться твоей бритвой? — мысленно слышал он возражающий голос жены, которая на самом деле мирно спала на соседней кровати. — У него есть своя бритва!

— Дело не в бритве, а в принципе! — спорил Ячменев. — Я вообще не хочу, чтобы дочь выходила замуж! Пусть сначала кончит институт!

— Но они любят друг друга...

— А если они завтра перестанут любить друг друга?..

Мысленный диалог с женой прервал очередной телефонный звонок. Следователь взглянул на часы. Было четыре часа утра.

— Георгий Борисович! — услышал он взволнованный голос своего помощника Зиновия Фомина. — Произошло очередное преступление!

— Убийство! — поморщился Ячменев.

— В библиотеке обнаружен труп мужчины! — докладывал Фомин.

— Академика Зубарева, — продолжал следователь, думая о том, что современные браки, к сожалению, легко рушатся.

— Откуда вы все знаете? — Фомин никогда не уста-

вал поражаться гениальности начальника, то есть был гениальным подчиненным. — Я дежурю по городу, и мне только что позвонила комендантша академии.

— А мне звонили убийцы еще четыре часа назад! — Ячменев спустил ноги с кровати и на ощупь нашел шлепанцы. — Сейчас я приеду! — пообещал он, ухитряясь надеть рубаху, не выпуская из рук телефонной трубки.

— Они, конечно, не назвались? — огорченно спросил Фомин.

— Отчего же, — с усмешкой возразил следователь. — Они назвались привидениями.

— Понятно! — смысленый помощник с ходу попытался выдвинуть первую версию: — Наверно, убивали, завернувшись в белые простыни. Надеялись, что суеверные люди примут их за призраков!

— Зиновий, не надо, — попросил Ячменев. — Пожалуйста, пришлите за мной машину!

— Нету машины! — огорченно сообщил Фомин. — Она в Болшево ушла. Там ларек ограбили!

— Можно ли сравнить грабег с убийством? — Ячменев уже влезал в брюки.

— К сожалению, ограбили раньше, чем убили! — Зиновию было жаль начальника, но он ничем не мог ему помочь.

— Вызовите по талону такси!

— Конец месяца. Талоны кончились! — отнял последнюю надежду Фомин. — Придется вам самому ловить машину!

— Бухгалтерия расход не примет! — вздохнул Ячменев. — Ладно, сейчас я приеду!

Он направился на кухню и сварил кофе. Кофе — национальный напиток следователей, он придает им бодрость и настраивает их на детективный лад. Георгий Борисович Ячменев был достойным коллегой таких сыщиков, как Шерлок Холмс, если вы читали Конан-Дойла, как Мегре, если вы читали Сименона, и Пуаро, если вы читали Агату Кристи. Ячменев производил впечатление медлительного и даже ленивого человека. У него были огромные руки рабочего, начинающие седеть и редеть волосы ученого и доверчивые глаза колхозника. Уже девятнадцать лет Георгий Борисович успешно очищал ряды общества от нежелательных элементов, но работы все еще хватало.

Ячменев пил кофе и думал при этом, кому же понадобилось убивать замечательного ученого Сергея Ивановича

ча Зубарева. Буквально несколько дней назад Ячменев видел Зубарева по телевидению, где академик, совсем еще не старый, председательствовал в жюри клуба веселых и находчивых. Когда следователь в минувшее воскресенье делал на рынке покупки, ему завернули телятину в страницу из «Огонька» с фотографией Зубарева. На фотографии академик в черном костюме и белой рубашке с галстуком, мило улыбаясь, жал руку голому аборигену с одного из архипелагов Тихого океана. Позавчера в «последних известиях» передали, что академик Зубарев открыл международную выставку детского рисунка. А во вчерашней «Вечерней Москве», Ячменев читал ее перед сном, в интервью с Зубаревым сообщалось про его новую монографию об Иване Грозном.

— Если бы этот ученый, — рассуждал Ячменев, — был специалистом в области техники, его убийство можно было бы поставить в связь с действиями иностранных шпионов. Но академик Зубарев был авторитетом в области гуманитарных наук, а это ни для кого интереса не представляет.

— Кого убили? — спросила Ячменева жена, которая в ночной рубашке вошла на кухню и, увидев, что муж пьет кофе, все поняла.

— Большую шишку! — раздраженно ответил Ячменев. — Не жди меня к обеду! Меня теперь затаскают по начальству!

— Как это ты не придешь к обеду! — вспыхнула жена. — В три часа мы едем во дворец бракосочетания, а потом возвращаемся к нам обедать вместе с его родителями!

— Но я же не виноват, что убили именно сегодня!

— Других следователей нет, что ли? Ты один на всю Москву?

Ячменев шагнул к выходу:

— Я постараюсь приехать. Но если буду опаздывать — начинайте без меня!

— Попробуй только опоздать, — закричала жена вдогонку...

Все началось, как в добропорядочном уголовном романе.

Ячменев вышел на темную улицу, где, разумеется, лил проливной дождь. Не было видно ни зги, ни такси.

Но Ячменеву повезло. Он быстро поймал машину и через тридцать минут, расплатившись собственными деньгами, которые ему никто не вернет, стоял в Кривобедрен-

ном переулке и смотрел на двухэтажный особняк, который местами еще сохранял на фасаде следы бывшего ампира. Две церквушки, одноэтажные домики, булыжная мостовая придавали милое очарование старинному уголку Москвы. Только девятиэтажный дом-башня напоминал Ячменеву, что действие происходит отнюдь не в 1913 году, от которого так любит вести летосчисление наша статистика.

В переулке было пустынно. Лишь в будке телефона-автомата, которая торчала напротив особняка, прятался маленький толстенный человек. Он выкатился наружу и солнечно улыбнулся следователю:

— Разрешите доложить, Георгий Борисович! Я тайно веду наблюдение за этим загадочным переулком. Но ничего подозрительного не обнаружил! Все попрятались по домам или просто спят.

Это был Иван Шалыто, второй незаменимый помощник Ячменева.

Ячменев любил своих молодых ассистентов. Быть может, они и не могли похвастать глубиной ума, меткой наблюдательностью и мгновенной сообразительностью, но зато с лихвой покрывали эти недостатки служебным рвением и преданностью делу. За неимением других, более умных кадров, Ячменев изо всех сил растил из Ивана и Зиновия достойную смену.

— А где Фомин?

— Сторожит покойника! Там же вся компания — эксперт, фотограф и доктор.

Ячменев поехал от холода и грустно усмехнулся:

— Если бы я был заграничный следователь — я зашел бы в бистро напротив и согрелся рюмкой перно. Но, во-первых, Ваня, я не заграничный следователь, а во-вторых, ближайшая забегаловка находится отсюда за три километра и там не торгуют водкой до десяти утра. Значит, у меня нет иного выхода, как войти в дом и начать расследование!

С этими словами Ячменев шагнул к парадной двери, рядом с которой висела застекленная табличка: «Академия школьных наук. Сектор истории культуры», а Иван Шалыто вернулся в телефонную будку.

В вестибюле Ячменев огляделся. Вокруг не было ничего примечательного. Вход украшали колонны, оштукатуренные под мрамор. Широкая лестница, выложенная красной ковровой дорожкой, вела на второй этаж. На стенах висели репродукции с картин, которые воскрешали

славные страницы истории: «Последний день Помпеи», «Утро стрелецкой казни» и «Княжна Тараканова».

Слева, на вешалке, Георгий Борисович увидел две милицейские шинели и пальто доктора. Следователь разделся, повесил свой ратин рядом с докторским габардином и с наслаждением закурил. Когда следователи курят, кажется, что они думают. Может быть, так оно и есть.

В вестибюле было тепло, Ячменева разморило, и он заснул. Он спал и курил. Он курил и спал.

По лестнице сбежал Зиновий Фомин, длинный и тощий.

— Разрешите вас разбудить, Георгий Борисович! — почтительно обратился он к начальнику.

— Я не сплю! — сказал Ячменев, не открывая глаз.

— Разрешите доложить, вы спите стоя, как боевая лошадь!

От этого комплимента Ячменев пробудился и перешел к делу:

— Ну, что там происходит?

— Разве вы не подниметесь познакомиться с трупом? — удивился Фомин.

— Потом, потом... — отмахнулся Ячменев.

Дело в том, что Георгий Борисович ничего на свете не боялся, кроме темноты, крови и покойников. Но это были его единственные слабости.

— Доктор говорит, — продолжал рассказывать Фомин, — что смерть наступила в одиннадцать часов вечера...

— Ближе к двенадцати... — машинально поправил его Ячменев.

— Перелом свода черепа. Зубарева ударили по голове тупым предметом. — Фомин увлеченно вводил Ячменеву в курс событий.

— Предмет, конечно, не обнаружен?

— Как вы догадались?

— Если бы орудие убийства нашли, вы бы, Зиновий, сказали, чем именно убили! Продолжайте!

— Когда я научусь соображать, как вы! — восхитился Фомин.

— У вас, Зиновий, все впереди! — утешил его Ячменев. — В ваши годы я тоже ничего не соображал!

— Часы и деньги целы. Ограбление исключается, мотивы преступления неясны.

— Преступник пытался меня уверить, — перебил Ячменев, — что Зубарева убили за беспринципность. Ни

если бы в наше время за это убивали, началась бы такая резня...

— В библиотеке бандиты оставили массу вещественных доказательств, по которым их можно будет легко найти, — Фомин начал перечислять: — очки в золотой оправе, дамская брошка типа камня, мужской носовой платок, испачканный в женской губной помаде, билет на сегодняшний скорый поезд Москва — Куйбышев, вагон номер шесть, место тринадцатое, нижнее, и авоська с продуктами. В ней бутылка кефира и триста девяносто граммов ветчинно-рубленой колбасы. Очевидно, покупали четыреста, но десять граммов недовесили.

— Что-то, Зиновий, слишком много сувениров, — покрутил головой следователь, — мне это не нравится. И погода на улице скверная. Боюсь, мы здесь долго провозимся.

— И еще одна деталь, я чуть не забыл, — спохватился Фомин, — рукопись, разорванная в клочья!

— Склейте ее! — распорядился Ячменев. — Ну а как там в библиотеке, ничего не разбито, не сломано?

— Кроме головы академика, не разбито ничего! — заявил Фомин.

— Поднимитесь наверх, — сказал Ячменев, — и попросите эксперта снять отпечатки пальцев с телефонной трубки. Убийца уверял меня, что звонит прямо из библиотеки! И кроме того, пусть эксперт оставит мне все эти вещественные доказательства!

— Слушаюсь! — И Фомин рванулся выполнять приказание.

Метод Ячменева, из-за которого он долгие годы не мог сделать карьеры, заключался в том, что Ячменев, как бы ни выглядело парадоксально, не искал виновных. Он всегда старался увериться в невинности лиц, подозреваемых в преступлении. Когда он находил всех невинных, виновные обнаруживались сами собой.

И сегодня Георгий Борисович не отступил от своих принципов и пошел искать невинных. Он начал с комендантши, которая обнаружила труп.

Комендантша пила чай в маленькой каморке под лестницей и читала исторический роман, как будто бы ничего не случилось.

— Можно? — спросил следователь, приоткрывая дверь.

— Зачем спрашиваете, — нелюбезно ответила старуха, — когда вы все равно войдете!

— Это верно, — добродушно согласился Ячменев, вошел и, поняв, что приглашения сесть не дождется, опустил на плюшевый пуф.

Ячменев отметил про себя, что старуха была крепкого телосложения и отлично могла нанести сокрушительный удар. Второе, что засек следователь, был выдвинутый вперед подбородок, говоривший о решительном характере. Особенно не понравились Ячменеву старухины усы.

Но следователь был верен своим принципам и подавил антипатию к зловещей хозяйке.

— Книжку отложите, пожалуйста! Как вас зовут?

— Насколько я помню, — съязвила старуха, — мужчина должен представиться первым!

— Извините! Меня зовут Георгием Борисовичем. Я следователь!

— А я вот детективные романы никогда дочитать не могу, второй сорт, знаете ли! Зовут меня Надеждой Дмитриевной.

— Что вы сейчас читаете, Надежда Дмитриевна? — Ячменев попытался втереться в доверие.

— «Узница Шато-Гайяра»! Это из серии «Проклятые короли» Мориса Дрюона. Вы читали?

— Не успел! — сокрушенно повинился Георгий Борисович.

— Неинтеллигентная сейчас эпоха, — констатировала комендантша и свысока посоветовала: — Вы все-таки почитайте, автор материал знает хорошо, хотя пишет суховато...

— Обязательно прочту! — пообещал Ячменев и с облегчением подумал, что голос старухи не похож ни на игривое женское контральто, которое он слышал по телефону. — Скажите, Надежда Дмитриевна, у вас в академии любили Зубарева?

— Человек он был не хуже других, но хам! Правда, теперь все хамы!

— Разве уж все? — слабо возразил Ячменев.

— Все, все... — сказала старуха.

— А труп вы обнаружили в четыре часа?

— Я не смотрела на часы.

— А работаете вы здесь давно?

— С семнадцатого года, когда ваша власть пришла...

У вас все, товарищ следователь?

— Пока все... — Ячменев поднялся.

— Ну и слава богу! И Надежда Дмитриевна снова уткнулась в роман.

— Извините, Надежда Дмитриевна, — еще раз отоварил ее от чтения Георгий Борисович, — у меня к вам один интимный вопрос. С этим домом... до семнадцатого года... не связана легенда с призраками, с привидениями, которые бродят по ночам?

Впервые Надежда Дмитриевна поглядела на следователя с интересом.

— Я вас серьезно спрашиваю! — настаивал Георгий Борисович.

— До катастрофы... — мягко сказала Надежда Дмитриевна, — этот особняк принадлежал моему отцу. И смею вас заверить, у нас не водилось никаких фамильных привидений. Вот у наших приятелей, у князей Белосельских-Белозеровых жило привидение, но такое милое, добродушное... Оно развлекалось тем, что регулярно солило компот...

Ячменев понял, что получил по заслугам. Он любил людей с чувством юмора. Он усмехнулся, поблагодарил Надежду Дмитриевну и покинул каморку.

Часы в вестибюле показывали 8 часов 17 минут. С вешалки исчезли обе милицейские шинели и габардиновое пальто доктора. Очевидно, их владельцы закончили осмотр места преступления и укатили вместе с трупом.

Ячменев выглянул в переулок и сразу увидел, что на телефонной будке красуется неожиданное объявление «Закрыто на учет».

— Ваня! — позвал помощника Георгий Борисович.

Шалыто выскочил из будки, снял объявление и поспешил на зов.

— Зачем вы повесили этот дурацкий плакат? — строго спросил Ячменев.

— Потому что все время приходят звонить! — стал оправдываться помощник. — Я вынужден освобождать помещение и мокнуть под дождем...

Мимо детективов спешили в академию осиротевшие специалисты по истории культуры. По их лицам Ячменев не мог разобрать — знают они о своем сиротстве или еще нет.

Георгий Борисович вздохнул:

— Эксперт мне ничего не передавал?

— Он сказал, что на телефонной трубке нет никаких отпечатков пальцев. И убийца либо звонил вам из другого телефона, либо, когда звонил, надел перчатки. Либо, извините, Георгий Борисович, но эксперт просил передать, что вам все это приснилось!

— Поезжайте в лабораторию, Ваня, и скажите, что мне срочно нужна разорванная рукопись в склеенном виде.

Услав помощника, Ячменев зашел в телефонную будку и позвонил домой.

— Это я...— сказал он жене. — Аня встала?.. Слушай, может, ты с ней поговоришь, по-матерински? Пусть они отложат... Ну, хотя бы на месяц... Мало ли что произойдет за этот месяц ... А, он уже здесь. Что это он притащился в такую рань?.. У меня ничего... Ну, я же сказал, что постараюсь прийти..

Ячменев вернулся в особняк.

В вестибюле, разбившись на кучки, шушукались сотрудники. Их явно взбудоражила сенсационная новость. На вешалке висели мокрые плащи. По ним, как слезы, скатывались крупные капли. Казалось, плащи оплакивали покойника. Кроме плащей, никто не плакал. Ячменев неторопливо поднялся на второй этаж и наконец-то вошел в библиотеку.

Сейчас здесь не было ни души. Ячменев осмотрелся. Казалось, трудно найти более идеальное место для совершения преступления. Настольные лампы создавали располагающий к убийству полумрак. Из лабиринта, который образовывали книжные стеллажи, хищник мог подкрасться к намеченной жертве. Толстый мягкий ковер заглушал стук падающего тела.

Портрет Екатерины Второй работы неизвестного мастера XVIII столетия, старинные гравюры с видами Санкт-Петербурга, акварель Кузьмина из иллюстраций к «Евгению Онегину» и копия с картины Репина «Иван Грозный и сын его Иван», развешанные по стенам библиотеки, увы, не могли поведать подробностей кровавой ночи, хотя они-то все отлично видели. Ячменев сразу заметил, что картина про Ивана Грозного, одетая в тяжелую бронзовую раму, висела криво.

На столе следователя ждали вещественные доказательства, подобранные возле мертвеца. Ячменев уселся на стул и приступил к исследованию. Начал он с камен.

— Подделка, — сразу установил Георгий Борисович, — вырезана не из раковины, а на пластмассе. Работа грубая. Красная цена рублей шесть, ну семь. Принадлежит современной привлекательной женщине, у которой, как это часто бывает, нет денег на настоящие драгоценности.

— С другой стороны, усмехнулся Георгий Борисович,

вич, — хозяйка этой камеи может быть женщиной некрасивой и носит украшения для того, чтобы улучшить свою внешность. Однако камей могла принадлежать также и мужчине, который намеревался подарить эту безделушку женщине.

Ячменев отложил камею и стал изучать очки. Он их примерил.

— Приблизительно плюс три, — определил следовательно, — возрастная дальнозоркость.

Он снял очки и внимательно разглядел оправу:

— Мужская... Однако теперь женщины с удовольствием носят мужские вещи — часы, брюки, свитеры. С тем же успехом они могут носить и мужские очки.

Следующим на очереди был крупный носовой платок в зеленую клетку со следами губной помады.

«Принадлежит современному мужчине, — думал Ячменев, — скорее всего женатому. Прежде чем целоваться, он аккуратно стер помаду с женских губ. С другой стороны, этот платок мог быть и женской собственностью...»

И наконец, билет на скорый поезд Москва — Куйбышев. Билет равно мог принадлежать мужчине и женщине, молодому человеку и пожилому, убийце и невиновному. Железнодорожный билет недвусмысленно рассказал Ячменеву, что кто-то собирался сегодня уехать в Куйбышев и неизвестно зачем.

Последнее вещественное доказательство — авоська с кефиром и ветчинно-рубленой колбасой... исчезла!

— Эти предметы, — посмеивался Ячменев, — могли быть здесь забыты до убийства, во время убийства и после убийства. Их могли здесь оставить как убийцы, так и убитый, а также посторонние лица. Да, не быть мне великим следователем, который уже бы давно обо всем догадался!

Зазвонил телефон. Узнав голос начальника, Ячменев подумал — начинается!

Начальник напомнил Ячменеву, кого убили, какая ответственность легла на ячменевские плечи и что будет с Ячменевым и с ним, с начальником, если Ячменев быстро не разберется в этом деле.

Георгий Борисович испытывал раздражение и против начальника, и против убийц, и почему-то против убитого тоже.

— Я ценю ваше доверие, — сказал в трубку Ячменев, разыгрывая из себя дурака, — я счастлив, что именно мне поручили вести это сложное дело.

Он едва успел закончить разговор, как дверь приотворилась и в библиотеку заглянул молодой человек с внешностью киногероя из новомодного интеллектуального фильма. Некрасивый, но обаятельный, большегубый, но тонконогий, сутулый, но спортивный, положительный, но отрицательный. У него было маленькое умное лицо породистой обезьяны.

— Входите, входите! — пригласил Ячменев юношу. — Вы здесь что-нибудь потеряли?

— Вы, очевидно, следовательно?

Ячменев кивнул:

— Меня зовут Георгием Борисовичем.

— А я Антон Варламов, младший научный сотрудник. Мне нужно взять кое-какие материалы для некролога.

Ячменев скользнул по Антону ленивым взглядом, взял носовой платок в зеленую клеточку и, затаив дыхание, протянул ему:

— Возьмите. Это ваш...

Антон усмехнулся, коротко поблагодарил и сунул платок в карман.

Ячменев облегченно вздохнул: «Как это я угадал, что платок принадлежит ему. Все-таки я не полный болван...»

— Платок надо выстирать! — посоветовал следователь. — На нем губная помада!

— Вы очень наблюдательны! — оценил Антон, роясь в письменном столе. — Я непременно воспользуюсь вашим советом.

Отыскав нужные бумаги, младший научный сотрудник направился к выходу.

— Извините меня, пожалуйста, — задержал юношу Ячменев, — мне хотелось бы знать, каким образом ваш носовой платок оказался возле убитого Зубарева?

Антон не выразил ни удивления, ни испуга.

— С удовольствием вам объясню, — дружелюбно начал он, — когда я вошел в библиотеку, была половина первого ночи, и я никак не рассчитывал встретить здесь Зубарева, тем более мертвого. От неожиданности я выронил носовой платок, который держал в руках...

— Звучит весьма убедительно, — насмешливо сказал Ячменев, — мне остается узнать, что вам понадобилось в научной библиотеке в первом часу ночи?

— Я человек холостой! — весело объяснил младший научный сотрудник.

«А я молодец! — подумал Ячменев. — Решил, что владелец платка — женатый».

— Вы хотите сказать, что были здесь с женщиной? заметил Ячменев, вспоминая при этом, что ему звонили как раз двое — мужчина и женщина.

В библиотеке появилась старуха комендантша.

— Антон! — бесцеремонно прервала она допрос. Внесите десять рублей!

— На что? — удивился Антон.

— На венки!

— Почему так много? Обычно собирают по два рубля.

— Это смотря кто умирает, — философски сказала бывшая дворянка. — Каждому своя цена!

Возразить было нечего, и Антон нехотя отдал десятку

— Распишитесь! — Надежда Дмитриевна протянула ему ведомость.

— Когда я получаю деньги, я допускаю, что должен расписаться, — Антон покорно поставил подпись, — но почему я должен расписываться, когда отдаю деньги?

— А вдруг я их украду? — И старуха ушла.

— Вернемся к нашему разговору! — предложил Георгий Борисович.

— С кем я здесь был — это мое дело! — заговорил Антон. — Но я облегчу вашу задачу. У меня с Зубаревым сложились отвратительные отношения. Наш шеф придерживался в науке противоположных со мною взглядов. Вернее, он их не имел. Он был беспринципен!

Антон повторил тезис убийцы. Иптонация тоже совпала. Ячменев внутренне насторожился.

— Кроме того, — продолжал Антон, — Зубарев забраковал мою книгу и собирался выжить меня из академии! Когда вы, товарищ следователь, пожелаете меня арестовать — я к вашим услугам! Я работаю в кабинете номер семь!

— А зачем вы на себя наговариваете? — спросил Ячменев, которому понравился подозрительный молодой человек.

— Лучше это сделать самому, чем ждать, пока это сделают твои друзья! — сказал Антон. — Извините, мне некогда, я должен писать некролог об этом карьеристе!

— О мертвых дурно не говорят!

— О ком же тогда говорить дурно? — улыбнулся Антон. — О живых опасно, о мертвых неприлично...

После ухода Антона Ячменев некоторое время поси- дел в задумчивости, а потом, хотя он находился в би- блиотеке как будто один, спросил:

— Что вы на это скажете, Фомин?

— Этот тип его и убил! — донесся приглушенный голос Зиновия.

— Вы в каком шкафу? — спросил следователь, пытаюсь по направлению голоса сориентироваться.

— Я в четырнадцатом, там, где Тургенев и турецкая литература!

— Зачем вы туда залезли? — устало спросил Ячменев.

— У вас свой метод, Георгий Борисович, а у меня свой! Этот Антон приходил сюда, — помощник продолжал разговаривать из своего тайника, — потому что злодея всегда влечет на место преступления! Выпустите меня отсюда, Георгий Борисович! Пожалуйста! — добавил он жалобно.

— А почему вы не можете сами вылезти?

— Кто-то меня запер!

— Кто? — поразился Георгий Борисович.

— Кроме вас и Антона, здесь никого не было! — с упреком сказал Фомин.

Ячменев поднялся, отыскал четырнадцатый шкаф и подергал дверцу. Она не поддавалась, а в замочной скважине не было ключа.

— Скажите, Зиновий, — спросил Георгий Борисович, — а вы не заперлись изнутри, ну, для полной конспирации?

— Я знаю, что вы считаете меня дураком! — грустно отозвался помощник.

— Вы преувеличиваете, — любезно сказал Ячменев, глядя в мутное стекло, за которым проглядывали тома Тургенева, а за ними в темноте слабо светились глаза замурованного сыщика. — Я вас вроде бы не запираю. Антон к шкафу не подходил... И авоська с продуктами пропала...

— Она не пропала, — утешил его Фомин. — Я ее за окно выставил, чтобы колбаса не испортилась.

Ячменев отошел от шкафа, достал из-за окна кефир и почти четыреста граммов ветчинно-рубленой колбасы.

— Зиновий, вы не хотите поесть? — спросил заботливый начальник. — Эта колбаса пахнет так соблазнительно...

— Я никогда не ем на работе! — гордо ответил Фомин.

— А я, кажется, съем это вещественное доказательство! — признался следователь, который при виде еды ощутил мучительный приступ голода. — Все равно колбаса не додержится до суда!

— Приятного аппетита!— в голосе Зиновия прозвучало неодобрение служебному проступку начальника.

«Эта авоська принадлежит женщине, муж которой бывает за границей, — подумал Ячменев, принимаясь за бесплатный завтрак. — Авоська иностранного происхождения... С другой стороны, мужчины у нас тоже ходят с авоськами...»

Дверь приоткрылась, и в библиотеку скорбно вползла поблекшая женщина, одетая во все зарубежное. Она уставилась на Ячменева кроткими коричневыми глазами.

— Почему вы пьете мой кефир и едите колбасу, которую я купила для собаки?

Застигнутый на месте преступления, Ячменев покраснел, а в книжном шкафу Фомин подавил в себе мстительный смех.

— Извините, — пробормотал следователь, давясь колбасой, — мне очень хотелось есть. Я вам верну... сегодня же...

Женщина робко присела на краешек стула возле двери и пригорюнилась:

— Беда никогда не приходит одна... Мало того, что убили мужа, мой Атос остался без колбасы...

— Значит, вы жена Зубарева?

— Вдова! — уточнила посетительница.

— Сочувствую вашему горю!

— Да, большое горе.. — не стала спорить вдова. — Я рассказала Атосу, он так плакал... Сверху приходили соседи, спрашивали, что случилось с собакой.

— Собаки часто переживают глубже, чем люди! — заметил Ячменев, внимательно изучая вдову. — Скажите, пожалуйста, как ваша сумка с едой оказалась здесь, в библиотеке?

— Очень просто, — с грустью объяснила вдова, — я приходила сюда за Сергеем Ивановичем где-то в начале первого ночи...

У Ячменева перехватило дыхание, а в духоте книжного шкафа Фомин и без того едва дышал.

Снова помешала допросу Надежда Дмитриевна.

— Мария Никитична! — обратилась она к вдове. — Внесите десять рублей!

— На что?

— На венюк! — бесстрастно сообщила комендантша, словно не зная, с кем разговаривает.

— Почему так много? — возмутилась вдова. — Всег-

да собирают по два рубля! И потом, — спохватилась она, — я ведь пострадавшая! Все-таки мой муж умер, а не чей-нибудь!

— Это верно! — Надежда Дмитриевна не стала оспаривать факты. — Но вы же здесь работаете. Я думаю, будет справедливо, — пришла она к неожиданному выводу, — сделать вам скидку пятьдесят процентов!

Ячменев только развел руками.

Мария Никитична безропотно внесла пятерку и расписалась в ведомости.

Когда за комендантшей закрылась дверь, Георгий Борисович вернулся к допросу.

— Я подозревала, — начала рассказывать хозяйка Атоса, — что Сергей Иванович находился здесь не один...

— Вы его ревновали? — стараясь быть деликатным, спросил Георгий Борисович.

— Всю жизнь, — призналась вдова. — Но я ни разу не имела доказательств его измены. Когда я вчера сюда зашла и вон в том кресле увидела Сергея Ивановича погибшим, я так огорчилась, что позабыла сумку и вся в слезах побежала к Атосу делиться несчастьем...

— Вы кем работаете?

— Я средний научный сотрудник. Мой профиль — Гоголь, Щедрин и другие. Одним словом, сатира, но ни в коем случае не позже девятнадцатого века.

— Понятно! — сказал Ячменев.

— Можна, я возьму свою авоську? — спросила женщина, убитая горем. — Сергей Иванович привез ее из Новой Зеландии...

— Конечно, — спохватился следователь и с торжеством подумал: «Опять я не промахнулся».

Вдова поднялась, чтобы уйти, но Георгий Борисович задержал ее:

— Какие отношения были у Сергея Ивановича с Антоном Варламовым?

— Он любил его, как младшего брата. Он всех любил. У него было щедрое сердце.

Когда вдова ушла, Фомин сказал из шкафа:

— Она убивала вместе с Антоном! Наверно, у них роман!

— Что вы! — воскликнул Ячменев, теперь уже без помех доедая колбасу. — Вдова старше Антона лет на двадцать.

— Вы отстали от жизни, Георгий Борисович! — поделился знаниями Зиновий. — Это теперь очень модно, когда кто-то из двоих, женщина или мужчина, старше ни

двадцать или на тридцать лет. Кстати, вы заметили, что эта особа не переживает смерть мужа, а говорит исключительно о собаке!

Теперь уже Ячменев поделился с помощником тонким пониманием человеческой психологии:

— Люди в трауре часто ведут себя не по правилам. Вы, Зиновий, забываете, что такое подтекст. У этой несчастной женщины текст — это собака, а подтекст — потеря мужа. На подобном приеме строится вся современная литература. Люди думают одно, говорят совершенно другое, а читатель должен догадываться.

— Я тут сейчас листаю Тургенева, — сказал Фомин, — так у него говорят то, что думают. Выпустите меня отсюда, Георгий Борисович, я задыхаюсь от недостатка кислорода.

Ячменев вынул ключ из первого попавшегося шкафа и вставил в замочную скважину дверки, за которой томился Фомин. Через мгновение пленник вылез на волю.

Первыми словами свободного гражданина были:

— Разрешите выйти в туалет?

В тот момент, когда Фомин закрыл за собой дверь, фарфоровая ваза сорвалась со шкафа номер шесть, пролетела в трех миллиметрах от головы следователя, ударилась об пол и перестала существовать как произведение искусства первой половины девятнадцатого столетия.

Ячменев не отскочил, не побледнел, не покрылся испариной. Он спокойно взглянул наверх, потом перевел глаза вниз на осколки цветного фарфора и задумался.

Когда вернулся повеселевший Фомин, Ячменев укоризненно сказал:

— Зачем же так хлопать дверью? Видите, от сотрясения упала ваза. Чуть в меня не угодила!

Фомин мгновенно оценил обстановку:

— Я никогда не хлопаю дверьми. Это невоспитанно. Я их закрываю аккуратно. По-моему, на вас, Георгий Борисович, было совершено покушение!

— Но в библиотеке никого не было, — возразил Ячменев.

— Откуда вы это знаете? — высказал предположение Фомин. — Может быть, здесь имеется потайной ход? Убийца проник через него, свалил на вас фарфоровую вазу и удрал.

— Может быть, вы и правы... — вдруг согласился Ячменев. — Они ведь меня предупреждали, чтобы я не совался в это дело!

Между прочим, — Фомин наклонился к самому уху следователя, — в туалете прячется странный субъект. Он весь дрожит, хотя там очень тепло.

— Не уходите отсюда! — распорядился следователь. — Я скоро вернусь. Но будьте осторожны...

Фомин прислонился спиной к двери и достал огнестрельное оружие.

А Георгий Борисович по дороге в туалет встретил комендантшу, которая все еще бродила с ведомостью.

— Извините, что я вас отрываю от общественной работы, но у меня к вам опять интимный вопрос. В библиотеке никогда не существовало потайного хода?

Надежда Дмитриевна отодвинулась от следователя на то максимальное расстояние, которое допускала ширина коридора. Прежде чем ответить, Надежда Дмитриевна выдержала паузу, а затем заговорила со всей серьезностью:

— К сожалению, в наш особняк потайного хода не было. А вот у наших друзей, у графов Беловежских-Пуциных был секретный коридор, который из-под земли вел напрямик в спальню графини. Дело в том, что графиня находилась в связи со своим кузеном. Когда граф уезжал в присутствие, кузен, охваченный страстью, по подземному ходу мчался к графине. Между прочим, тоннель Беловежских-Пуциных был использован при строительстве горьковского радиуса метрополитена от станции «Белорусская» до станции «Динамо».

— Премного благодарен! — весело сказал Георгий Борисович, который понимал, что второй раз получил по заслугам.

— Пожалуйста! — любезно ответила Надежда Дмитриевна. — Когда у вас возникнут трудные вопросы, вы обращайтесь ко мне запросто, без стеснений.

И они разошлись, испытывая взаимную симпатию.

Войдя в туалет, следователь увидел у окна высокого седого человека, одетого в безупречный темный костюм, в белую рубашку и при галстуке бантиком. Элегантность одежды контрастировала с небритым лицом.

— Здравствуйте! — сказал Ячменев, направляясь в кабину.

Небритый франт пробормотал в ответ что-то невнятное.

В дверь постучали.

— Войдите! — разрешил Ячменев.

На пороге туалета возник сияющий Шалыто.

— Георгий Борисович! — начал он докладывать, глядя в спину начальству. — Разрешите вам передать...

— Ну, я вас слушаю! — сказал Ячменев, поворачиваясь к помощнику лицом.

— В лаборатории склеили рукопись! Вот она...

Человек у окна, поняв, что перед ним работники уголовного розыска, рухнул на колени:

— Я не убивал!

Его поведение привело сыщиков в замешательство.

— Встаньте! — попросил Ячменев. — Здесь холодный пол. Вы схватите ревматизм!

— Лучше ревматизм, чем тюрьма! — упирался незнакомец, не поднимаясь с каменных плит. — Товарищ следователь, я не убивал! — повторил он жалобно, и при этом лицо его стало того же фаянсового цвета, что и предметы вокруг.

— Кто вы такой? — спросил Георгий Борисович. В его обширной практике случалось всякое, но еще никто не стоял перед ним на коленях в туалете.

— Ростовский Кирилл Петрович. Я главный хранитель библиотеки, где произошло убийство.

— Встаньте, пожалуйста! — Ячменев испытывал чувство неловкости при виде человека старше себя годами, стоящего в такой ненормальной позе.

— Ни за что! — проявил твердость характера главный хранитель.

— Может быть, ему так нравится? — заступился за Ростовского сердобольный Шалыто. — Может, у него коленки мягкие...

В мужской туалет, несколько не смущаясь, заглянула Надежда Дмитриевна и, оценив обстановку, сказала:

— Вот времена настали! В уборных людей допрашивают! А я вас везде ищу, Кирилл Петрович, вносите десять рублей!

— На что?

— На венки! — сказал следователь.

— У меня сейчас нет! — заволновался Ростовский. — Внесите за меня, Надежда Дмитриевна, я вам верну!

— Ладно! — смилостивилась старуха. — Распишитесь!

Не поднимаясь с пола, Ростовский расписался в ведомости.

Когда мужчины остались одни, Шалыто передал рукопись следователю:

— Это про Ивана Грозного. Про то, что он очень плохой. А мы в школе проходили, что он хороший!

— Ваш недостаток, Ваня, — пожурил Ячменев, — что вы еще не забыли то, чему вас учили в школе!

Но Шалыто не понял намека следователя:

Одним словом, не рукопись, а научная мура!

При этих словах Ростовский неожиданно вскочил на ноги

— Почему же мура? Я все превосходно обосновал!

— Разве это писали вы, а не Зубарев? — удивился Ячменев.

— Сразу видно, что вы человек, далекий от науки! — с укором сказал Ростовский. — Сергей Иванович был слишком занят, чтобы писать научные труды. Но он, как никто, чувствовал веяния времени и всегда поворачивал науку, куда требовалось.

— И он много раз ее поворачивал? — спросил Ячменев.

— Приходилось, — уклончиво ответил Ростовский. — Вы думаете, легко управлять историей культуры?

— А разве можно управлять историей? — удивился простак Ваня.

— Не только можно, но и нужно. Так считал Сергей Иванович.

— Пройдемте в библиотеку, — предложил следователь, — поговорим. Здесь неподходящее место.

— Я боюсь мертвецов! — поежился Ростовский.

— Его увезли! — успокоил библиотекаря Шалыто, и все трое направились в бельэтаж.

— Какие у вас были отношения с убитым? — спрашивал по дороге Георгий Борисович.

— Хозяина и раба! — с достоинством раба отвечал Кирилл Петрович. — Я писал за него все, даже докторскую диссертацию.

— Не может быть! — вырвалось у Ячменева.

— Может... — грустно, но убедительно ответил Кирилл Петрович.

— Где вы были вчера вечером, ну, часов в одиннадцать или в двенадцать? — вздохнул следователь.

— Дома! — без запинки отвечал допрашиваемый. — Я рано лег спать.

Ячменев всегда чувствовал, когда люди врут, и с неприязнью взглянул на Ростовского:

— Еще один вопрос. Скажите, пожалуйста, у покойного здесь, в академии, была, ну, как это лучше выразиться.. пассива, что ли?

Ростовский оживился и сразу приобрел элегантность.

Это было неприятно Ячменеву, на котором любой костюм висел мешком.

— Видите ли, дорогой мой, Сергей Иванович был, как мы говорим, большой ходок...

Ячменев поморщился. Он не терпел пошлости.

— Не так давно у нас появилось прелестное создание, — с видимой охотой распространялся главный хранитель, — некто Алла Григорьевна. Учительница литературы. Готовит у нас диссертацию. Это называется связь науки с производством. Сергей Иванович, как вы понимаете, с удовольствием согласился быть ее научным руководителем. Весьма любопытна тема диссертации: «Свободное время школьника и борьба с ним». Идея заключается в том, чтобы уберечь ребенка от тлетворного влияния улицы и родителей.

Ячменев внутренне содрогнулся, и они вошли в библиотеку, где Фомин все еще стоял на страже.

— В библиотеке ничего существенного не произошло! — с сожалением доложил Зиновий.

Ростовский нервно озирался по сторонам, ему явно было не по себе.

— Возьмите, пожалуйста, ваш билет в город Куйбышев, — равнодушным голосом предложил Ячменев.

Ростовский уставился на следователя, пытаясь что-нибудь прочесть в его непроницаемых глазах.

— Это не мой билет! — пролепетал, наконец, Кирилл Петрович.

— Тогда извините! — просто сказал Ячменев. — Вы можете идти.

И опять подумал про себя: «Я снова угадал. Это его билет. Что со мной сегодня?»

Ростовский выкатился прочь.

— Этот Ростовский, — веско заговорил Георгий Борисович, — не ночевал дома! Во-первых, он небрит, а такие бреются каждое утро! Во-вторых, билет в Куйбышев может принадлежать только ему, я это чувствую! А в-третьих, он ночевал на Казанском вокзале!

— Как вы это узнали? — хором вскричали помощники.

— От Ростовского пахнет Казанским вокзалом! — сказал следователь. Эту сногшибательную деталь он сообщил без всякой рисовки. — Каждый вокзал пахнет по-своему. Я посвятил этому массу времени. Это мой конек. Казанский пахнет чарджуйской дыней, самаркандскими персиками, алма-атинскими яблоками и меш-

ками. Курский вокзал тоже пахнет фруктами. Но следует различать аромат среднеазиатских и кавказских фруктов. На Курском пахнет виноградом «Изабелла», мандаринами, мимозой и курскими соловьями. Киевский вокзал заставляет вспомнить о вишне, о нежинских малосольных огурчиках, о деревенском сале и болгарских помидорах. Тогда как Рижский вокзал напоен ароматом копченой салаки и латвийской селедки!

— Ну а Павелецкий? — робко спросил Шалыто, перед которым открылся доселе неведомый мир.

— Здесь астраханские арбузы и подмосковные грибы. Ведь самые грибные места по Павелецкой дороге. Но легче всего определить запах Ярославского вокзала. Он насквозь пропитан молоком. Белорусский же вокзал пахнет сложно: морожеными датскими курами, люстрами из ГДР и польскими яйцами. Ленинградский вокзал — вокзал интеллигентный. Он тонко, едва уловимо пахнет искусством и историей.

— Ну а Савеловский? — спросил Фомин, который знал, что в Москве девять вокзалов.

— С Савеловским плохо! — сокрушенно признал Ячменев. — Он не имеет специфического запаха. Именно поэтому возник проект о сносе Савеловского вокзала как бесполезного!

Ревностные помощники молчали, потрясенные замечательным носом своего наставника.

— Если от этого человека, — пришел в себя Фомин, имея в виду Ростовского, — несет Казанским вокзалом, значит, он тоже замешан в убийстве!

— Не торопитесь с выводами! — одернул прыткого Фомина Георгий Борисович. Он на секунду задумался, затем пошел к выходу и поманил помощников за собой. В коридоре он шепотом отдал Ивану важное приказание:

— Возьмите рукопись, положите в библиотеке на стол, выйдите, запирайте дверь на ключ, а ключ спрячьте в карман. Пока меня не будет, пожалуйста, дежурьте в коридоре и никуда не отлучайтесь!

— А что делать мне? — ревниво спросил Фомин.

— Что вам делать, Зиновий? — растерялся Ячменев. — Я не знаю. Может быть, вы сами найдете себе занятие? У вас ведь есть уже собственный метод.

— Значит, вы даете мне полную свободу? — обрадовался Фомин.

— Полная свобода никогда не приводит к добру! — ухмыльнулся следователь. — Я вижу, вы хотите следить за Ростовским. Пожалуйста, тратьте время зря!

Фомин исчез, а Георгий Борисович направился в кабинет Зубарева.

В кабинете все говорило о незаурядной личности покойного. На шкафу стоял небольшой бюст Зубарева работы известного скульптора. На одной из стен рядом с изображением выдающихся педагогов висел портрет Зубарева работы известного живописца. А на письменном столе, под стеклом, лежал дружеский шарж на Зубарева работы известного карикатуриста. Книжный шкаф был уставлен сочинениями С. И. Зубарева, изданными на разных языках.

На старинной тумбочке возле письменного стола Ячменеву бросился в глаза альбом в сафьяновом переплете. Георгий Борисович взял альбом в руки и перелистал. На вклеенных фотографиях был запечатлен академик Зубарев в торжественные минуты: академик Зубарев и Чарльз Спенсер Чаплин, академик Зубарев и наследная принцесса Голландии, академик Зубарев и Пабло Пикассо, академик Зубарев и лауреат Нобелевской премии физик Нильс Бор, академик Зубарев и Майя Плисецкая, академик Зубарев и Софи Лорен, академик Зубарев и бык-рекордсмен Кузька.

От фотографий внимание Ячменева отвлекли голоса, которые раздались за стеной.

— Давайте поглядим некролог, Антон Сергеевич! — сказал бархатный баритон.

В детективных романах следователи часто и, разумеется, совершенно случайно подслушивают чужие разговоры. Это просто какой-то рок! На самом деле они не хотят подслушивать, это им глубоко противно. Но у них нет иного выхода.

— «Злодейское убийство вырвало из наших рядов...» — читал Антон.

— Минуточку... — перебил бархатный баритон. — Какое убийство? В наши дни академиков не убивают. Они умирают естественной смертью.

Ячменев уловил в интонации баритона легкую иронию.

— Давайте напишем, — предложил голос, по которому Ячменев узнал Ростовского, — трагически погиб на научном посту...

Баритон опять не согласился.

— Не надо будоражить общественное мнение. Пишите, Кирилл Петрович: наша наука понесла невозвратимую утрату. Скоропостижно скончался... нет-нет... есть

лучше... Смерть безжалостно вырвала... из наших рядов... выдающегося ученого, академика Зубарева Сергея Ивановича...

— «Он родился, — снова читал Антон, — в 1911 году, в семье лесничего».

Хотя Ячменев не видел лица обладателя баритона, он через стенку почувствовал, что тот покривился:

— Какой еще лесничий? Где вообще находится лес?

— Как где? — не понял Антон. Но Ростовский был подогадливей.

— В деревне!

— Правильно, Кирилл Петрович, — насмешливо продолжал баритон. — Пишите... Родился в таком-то году в бедной крестьянской семье...

— Откуда вы знаете, что в бедной, Юрий Константинович? — возмутился Антон, который был слишком прямолинеен для такого тонкого дела.

Как видно, хозяин баритона Юрий Константинович обладал педагогическим тактом:

— Будет более типично — человек из бедной крестьянской семьи вырос до академика. И надо написать, что в детстве он батрачил... что там еще... пас скот...

— Вozил навоз! — вставил Антон.

— Как вам не стыдно, Антон Сергеевич, в такие минуты думать о навозе! — издевательски сказал баритон.

— Я не желаю участвовать в составлении этой липы! — И Ячменев услышал, как хлопнула дверь.

— Не утруждайте себя, Юрий Константинович, я все напишу, как надо! — сказал Ростовский.

Теперь некролог был в надежных руках.

Вспомнив, что давно не звонил домой, Ячменев набрал номер.

Опять подошла жена.

— Ну, что там у вас происходит?.. Как, одевается?.. Сколько нужно времени, чтобы одеться?.. А где мой зять?.. Как, у нее? Они, между прочим, еще не расписаны! И я не допущу!.. Я не говорю никаких глупостей!

Ячменев покинул кабинет в расстроенных чувствах.

Вскоре он ехал в троллейбусе и злился на весь мир:

— Почему преступники совершают свои злодеяния по ночам? Наверно, они делают это нам назло, чтобы мы не высыпались. Трудно им, что ли, убивать днем, когда солнышко светит, когда настроение хорошее, когда у меня законный рабочий день.

Затем Ячменев стал думать о вещах, которые не имеют касательства к делу. Так поступают все детективы в современных криминальных романах. В разгар следствия их мысли заняты черт знает чем. Ячменев не составлял исключения. Он думал о будущем человечества:

— Скоро начнут строить подводные города, потому что земли не хватает. В Японии, говорят, уже приступили к разработке проектов. В этих городах появятся свои преступники. Искать их будет трудно. Кругом вода, следов не видно. Бедные Шалыто и Фомин, придется их заменить на двух одаренных дельфинов. А как же я сам? И меня заменят на дельфина!.. Интересно, что чувствует дельфин, когда его дочь выходит замуж?..

Троллейбус остановился около школы № 1214. Георгий Борисович вынырнул из подводных мыслей.

Спустя несколько минут директор, перепуганный приходом следователя, уже вводил его в 8-й класс «Б», где под видом урока литературы истязали поэта.

Ученики недружно встали.

— Алла Григорьевна, вы позволите, товарищ Ячменев побудет у вас на уроке! — сказал директор и исчез.

Ячменев нашел свободное место в последнем ряду и с усилием впихнул грузное тело за парту.

Возле доски разворачивалась серьезная схватка учительницы с учеником. На его лице застыло скучающее и презрительное выражение.

— Я не согласен... — тянул ученик.

— С чем ты не согласен, Борознин? — переспросила учительница. Она была так хороша, что Ячменев понял убитого Зубарева.

— Я со всем не согласен...

— Как тебя понять?

— Извините, но вы все равно не поймете...

— Борознин, садись! — сказала Алла, желая прекратить конфликт при постороннем.

— Просто вы меня при комиссии боитесь спрашивать! — лепиво отбредивался Борознин.

— Ну, говори! — разрешила учительница тоном, не предвещавшим ничего доброго.

— Татьяна вышла замуж за старика Гремина, — забубнил Борознин. — Но продолжала любить Онегина. Разве это красиво — любить одного, а выходить за другого?

— Продолжай, продолжай! — Алла покосилась на Ячменева, который слушал с нескрываемым интересом.

— Когда Евгений наконец-то ее полюбил, — тянул Борознин, — Татьяна по глупости осталась со стариком. А вот любая девчонка из нашего класса в такой ситуации сбежала бы к Онегину, и правильно!

В классе раздался неуместный смех. Это не сдержался Георгий Борисович. Все поглядели на него, он застеснялся и буркнул:

— Простите...

— Вот видишь, — с укором сказала учительница Борознину, — над тобой смеются. Садись!

— А что вы мне поставите?

— Тройку!

Ячменев понял, что Алла не хочет ставить при нем плохую отметку.

— Это меня устраивает! — Борознин аппетитно зевнул и поплелся на место. Он плюхнулся на скамейку рядом со следователем и сказал запросто:

— Обрыдло все!

Педагог постаралась загладить инцидент и вызвала первого ученика. Им оказалась здоровая румяная девушка с внешностью физкультурницы. Статуи таких физкультурниц с веслом украшают наши парки и стадионы.

Она резко затараторила, и сосед Ячменева прокомментировал:

— По учебнику шпарит... Слово в слово...

Первая ученица рапортовала так быстро, что Ячменев, не успевая улавливать смысла, задремал. Изредка до его сознания доносились отдельные фразы:

— Онегин был оторван от национальной и народной почвы. Растлевающее влияние света еще более удаляло Онегина от народа...

— Онегин вел типичную для золотой молодежи того времени жизнь — балы, рестораны, прогулки по Невскому, посещения театров. На это ушло у него восемь лет...

— Онегин опять не понял глубины запросов Татьяны...

Девушка перестала передиктовывать учебник, и Ячменев проснулся. Он испуганно огляделся по сторонам: не заметил ли кто-нибудь, что он спал?

— Запишите темы домашних сочинений. Первая. Почему Онегин недостоин Татьяны? Вторая. Что было бы с романом «Евгений Онегин», если бы в нем не было образа Татьяны?

Народ безмолвствовал. Всем было, как говорится, до лампочки.

Прозвенел звонок. Класс мгновенно опустел.

Ячменев остался наедине с учительницей. Он понял, что на уроке не обнаружил ничего преступного, кроме качества преподавания. Он выдернул себя из парты:

— Мне нужно с вами поговорить!

Учительница расценила его слова по-своему и начала оправдываться.

— Вы, пожалуйста, не обращайтесь внимания на Борознина, Анатолий трудный мальчик. Он неисправим. У него по каждому поводу есть собственное мнение.

Ячменев молча предъявил служебное удостоверение.

Алла расхохоталась:

— А я-то Сурдинкину вызывала, думала — вы из Школоно!

— Благородная у вас профессия, — приступил изда- лека Ячменев, — воспитываете новое поколение...

Но Аллу нельзя было взять голыми руками.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего страшного! — Ячменев поглядел на Аллу рентгеновским взглядом, то есть просматривая ее на- сквозь. Алла усмехнулась:

— Я догадываюсь, что под этим взглядом теряли самообладание многие преступники, но на меня ваш взгляд не действует. Мужчины смотрят на меня и похлеще!

— Я их понимаю! — любезно сказал Ячменев, кото- рый разбирался в женской красоте.

— Все-таки признавайтесь, товарищ следователь, за- чем вы пришли?

— Скажите, Алла Григорьевна, — спросил Ячме- нев, — что было бы с романом «Евгений Онегин», если бы в нем не было Татьяны?

— Не задавайте дурацких вопросов! — нервно вскрикнула Алла.

— Если бы не было образа Татьяны, получился бы, наверно, другой роман... — медленно рассуждал Ячме- нев, становясь похожим на плохого ученика Анатолия Борознина.

— Не я же придумываю глупые темы для сочине- ний, — стала оправдываться Алла. — Мне их присылают из Школоно, а им их присылают из академии. Эту тему, кстати, придумал сам академик Зубарев.

Любой следователь подверг бы Аллу допросу с при- страстием, пытаясь выяснить, не влюблен ли Антон Вар- ламов в Аллу, которая столь непозволительно хороша, и не убил ли Антон Зубарева просто из ревности?

Но вместо всего этого Ячменев достал из кармана камень и протянул учительнице.

— Где вы ее нашли? — изумилась Алла.

Ячменев мысленно поздравил себя с очередной победой.

— Возле убитого Сергея Ивановича Зубарева. Зачем же вы спрашивали меня, что случилось, когда вы все отлично знали?..

— Антон его не убивал! — воскликнула Алла. — Они поссорились раньше. Еще вечером. А когда мы с Антоном зашли в библиотеку в полночь, Антон вдруг заметил мертвого Зубарева. Мы закричали и убежали.

Ячменев не прислушивался к тому, что говорит Алла. Он слушал, как она говорит. Ее голос по тембру напоминал тот женский голос, который ночью просил убрать труп.

Но Ячменев не дал воли подозрениям. Он никогда не спешил. Он выдумал пословицу: «Семь раз проверь, один раз арестуй!»

Ячменев поднял на Аллу глаза, увидел, что она, разволновавшись, стала еще прекрасней, и понял, что ему нужно немедленно исчезать. Иначе он влюбится при исполнении служебных обязанностей, а это категорически запрещено уставом.

Если Фомин никогда не ел на работе, Ячменев на работе никогда не влюблялся.

В отличие от Ячменева Фомин подозревал всех. Он знал пословицу, выдуманную следователем, и перефразировал ее на свой лад:

«Лучше семерых арестуй, чем одного упусти!»

Предоставленный сам себе, Фомин проявлял самостоятельность и неусыпно следил за Ростовским. В интуиции Фомин не уступал Ячменеву. Когда Ростовский, закончив некролог, побежал вниз по лестнице, Зиновий сразу догадался, что тот будет звонить жене из телефона-автомата, чтобы избежать ненужных свидетелей. Фомин опередил Ростовского и взобрался на крышу телефонной будки. Он правильно рассчитал, что в состоянии крайнего возбуждения Ростовский не обратит внимания на такую мелочь, как сыщик на крыше. Правда, Фомин не слышал ни одного слова из того, что говорил Ростовский, но это еще более укрепило подозрения Зиновия.

Когда Кирилл Петрович вышел на улицу и зашагал прочь от академии, Фомин спрыгнул с крыши и пристроился ему в хвост. Фомин следовал за библиотекарем шаг в шаг, дышал ему в затылок и мечтал. Он мечтал о том,

чтобы именно Ростовский оказался убийцей Зубарева. Тогда бы лавры раскрытия преступления достались ему — Фомину, а не Георгию Борисовичу, который и так уже весь был в лаврах.

Вскоре Зиновий сообразил, что Ростовский спешит домой. Зиновий заранее запасся адресом хранителя библиотеки. Он обогнал его, поднялся на четвертый этаж и позвонил к нему в квартиру.

Дверь отворила жена Ростовского. Разглядывать ее внешность Зиновию было некогда. Где-то на лестнице уже приближалось сопение Кирилла Петровича.

— Мосгаз! — сказал Фомин, и его впустили на кухню.

— Хорошо, что у вас четырехконфорочная плита! — обрадовался Зиновий.

— Почему? — не поняла жена Ростовского.

— В двухконфорочную я бы не влез! — объяснил Фомин и нырнул в духовку. Целиком он, правда, в ней не поместился, но головы его видно не было.

Жена Ростовского с изумлением посмотрела на то, что торчало из духовки, и сказала восторженно:

— Никогда еще не видела такого добросовестного мастера!

— В нашей конторе иначе нельзя! — донесся из духовки голос Фомина.

Послышался звук открываемого замка, и Ростовский вошел в квартиру...

В это же самое время Ячменев, возвращаясь в академию, обратил внимание на то, что неподалеку расположился магазин «Спортивные товары». Ячменев подумал, что нехорошо прийти во Дворец бракосочетания и не сделать подарок зятю.

Покупая теннисную ракетку, Ячменев, как бы невзначай, спросил у продавщицы, не приобретал ли кто-нибудь вчера железные предметы вроде ядра, молота, диска или гантелей? Продавщица вспомнила, что действительно вчера перед самым закрытием взволнованный молодой человек купил гантели и произнес при этом загадочную фразу:

— Если такой штукой дать по голове — головы не будет!

По описанию внешности покупателя Георгий Борисович распознал Антона.

Следователь взял ракетку и направился к выходу. А может быть, эта ракетка была только предлогом для захода в магазин. Ведь следователи никого не посвящают в свои планы, порою даже самих себя.

За время отсутствия Ячменева вестибюль академии преобразился. Теперь в центре его висел огромный портрет в траурной рамке, а под ним высилась гора цветов. Георгий Борисович поднялся на второй этаж, взял у Шалыто ключ, отпер дверь и вошел в библиотеку.

РУКОПИСЬ СНОВА БЫЛА РАЗОРВАНА!

Теперь паркет был усыпан не только осколками фарфора, но и обрывками бумаги.

— Сюда никто не заходил! — стал оправдываться Шалыто. Он был ошеломлен случившимся. — Я никуда не отлучался из коридора. Я только сбегал вниз и купил в буфете булочку с кремом. Я отсутствовал ровно две с половиной минуты. Но ключ был у меня с собой.

— Надо узнать, — посоветовал Георгий Борисович, — не подходят ли к библиотечной двери другие ключи?

Детективы отправились на поиск и вскоре выяснили, что годится только один ключ — от чердака.

— Давайте проведем следственный эксперимент! — предложил Ваня. — Я возьму ключ от чердака, промчусь к библиотеке, отпру дверь, порву какую-нибудь бумагу и снова запру дверь. Проверим, можно ли уложиться в две с половиной минуты?

— Незачем бежать от чердака. Можно спрятаться где-то неподалеку и ждать, пока вы пойдете за булочкой с кремом. Булочка-то хоть была свежей?

— Булочка была вкусная... — ответил Шалыто, сдерживая слезы.

— Значит, им нужно уничтожить рукопись про Ивана Грозного! — вслух размышлял Ячменев. — Они делают это второй раз... Почему они ее рвут, а не уносят с собой?

— Убийцы хотят отвлечь наше внимание и повести по ложному пути, — сказал Ваня. — Чтобы мы думали, будто все дело в рукописи.

Следователь достал из кармана пятнадцать копеек и отослал Шалыто, чтоб он не мешал ему своими рассуждениями.

— Будьте добры, сходите в буфет и принесите мне тоже булочку с кремом!

Пока помощник выполнял задание, Ячменев думал. С ним это случилось. Он не решался войти в библиотеку. Ему не нравилось, когда рядом с головой падают вазы. О чем думал следователь — секрет. А выдавать секреты некрасиво.

Когда Шалыто вернулся с булочкой, Ячменев недовольно пробурчал:

— Теперь придется искать проклятые гантели, которые Антону вздумалось купить именно вчера.

— Вы думаете, что Антон убил Зубарева гантелями? — ахнул Иван.

— В этом я не уверен. Но найти их надо! Как вы будете вести поиск?

— Скоро будет обеденный перерыв, и Антон уйдет в буфет. Это, конечно, не очень порядочно, но я пороюсь в его рабочем кабинете. Если там гантелей не окажется, обшарю помойку. Если там их тоже нету, надо будет вызвать водолазов и прочесать дно Москвы-реки. Преступники обожают выбрасывать в реку то, чем они убивают.

— У вас большое будущее! — с сарказмом сказал следователь. — Одолжите мне, пожалуйста, ваш пистолет!

Дело в том, что Ячменев обычно не носил при себе оружие.

Положив пистолет в задний карман брюк, Георгий Борисович приоткрыл дверь и нерешительно протиснулся в библиотеку.

Там все оставалось по-прежнему. Ячменев осторожно присел на корточки и, поглядывая по сторонам, начал собирать обрывки рукописи.

И в это время в библиотеке, где вроде бы, кроме Ячменева, никого не было, раздалось внятное, негромкое, но злое:

— Хи-хи-хи!

Ужас мгновенно поднял следователя на ноги.

Размахивая пистолетом, он стал описывать вдоль стен эксцентрические круги, надеясь убить пересмешника.

— Выходи! Стрелять буду! — кричал Ячменев.

Однако никто не появился. Наверное, не хотел, чтобы в него стреляли.

С неожиданной для его грузного тела скоростью, Ячменев метнулся к двери и рванул ее на себя.

За дверью стоял представительный мужчина выше среднего роста и выше средней упитанности. У него был огромный лоб, потому что волосы отступили назад на заранее приготовленные позиции. Мужчина близоруко шурился, но, разглядев следователя, который вращал смертоносным оружием, совершил естественную попытку пуститься наутек. Ячменев успел схватить его за руку и втащил в библиотеку.

— Ваша фамилия?

— Спрячьте оружие, здесь не полигон! — возмутился неизвестный. — Выпустите мою руку! Как вы себя ведете? Кто вы такой?

— Я следователь! — по бархатному баритону Ячменев узнал Юрия Константиновича.

— Предъявите документы! — потребовал человек, которому следователь угрожал оружием.

Ячменев не уважал тех, кто доверяет документам. Он предпочитал доверять людям. В своих кругах он слыл крупным физиономистом и знатоком души. Коллеги Ячменева знали, что он не просит преступников предъявлять характеристики с места работы. Ячменев любил повторять, что исправные документы и безупречные анкетные данные не являются гарантией порядочности.

Георгий Борисович достал из внутреннего кармана служебное удостоверение и показал мужчине, которого подозревал в хихиканье.

Юрий Константинович брезгливо взял удостоверение и попытался прочесть, что в нем написано. Но видно было, что он не привык читать без очков.

— Я вам помогу! — вкрадчиво сказал Георгий Борисович. — Вот ваши очки, которые вы забыли возле труп... Если не ошибаюсь, вы Юрий Константинович Кузнецов, доктор школьных наук и первый заместитель Зубарева?

— Да, — ответил Кузнецов, — я — большой ученый. Ячменев насмешливо поклонился:

— А я великий следователь — Георгий Борисович Ячменев.

Это подействовало. Кузнецов посмотрел на него, как на равного:

— Видите ли, Георгий Борисович, мыслителям свойственно быть рассеянными. Этот литературный штамп прочно перекочевал в жизнь. Не будешь рассеянным, не будут держать за ученого, — улыбнулся он. — Вот я и теряю очки в неподходящих местах.

— Извините, пожалуйста, — продолжал ехидничать Ячменев, — что вы делали в библиотеке прошедшей ночью, перед тем как потерять очки?

Кузнецов вальяжно расселся в кресле, в котором накануне закончил жизненный путь академик:

— Вчера мне пришла в голову талантливая концепция. Со мной это бывает. Я поделился идеей с друзьями, которые специально приходят ко мне домой слушать мои сочинения. Поверьте, они были потрясены. Они плакали.

Я понял, что потомки не простят мне, если я не запишу эту гениальную гипотезу. Это, конечно, шутка, — обязательно разъяснил Кузнецов. — Но в каждой шутке есть доля истины. Итак, мне понадобились кое-какие материалы, которые хранятся в нашей библиотеке. Читатели моего дарования проводили меня до дверей академии. Я распрощался с ними, поднялся по лестнице, вошел в библиотеку и увидел убитого Сергея Ивановича!

— Что это была за концепция? — Возможно, Ячменеву хотелось приобщиться к научному творчеству.

— Смерть Сергея Ивановича, — стал сокрушаться Кузнецов, — настолько все во мне перевернуло, что я начисто забыл свою уникальную концепцию. Этого я никогда убийце не прощу!

— Но вы можете узнать ее содержание у ваших читателей! — подсказал Ячменев.

Кузнецов просиял:

— Это грандиозно! Мне бы подобный примитивный ход ни за что не пришел на ум. Меня всегда посещает что-то экстраординарное! Спасибо вам за услугу, Георгий Борисович!

— Услуга за услугу, Юрий Константинович. Похихикайте, пожалуйста!

— Что?

— Ну, сделайте так — хи-хи...

— Пожалуйста! — Юрий Константинович пожал плечами. — Хи-хи...

Его хихиканье явно расстроило Ячменева:

— Вы, Юрий Константинович, сделали это совсем не так, как мне бы хотелось!

— Что вы, собственно говоря, имеете в виду? — озадаченно спросил ученый.

— Мне надо переступить грань реального, — туманно заговорил Ячменев. Когда следователи говорят туманно, они подразумевают самое главное. — Надо поверить в то, во что ни один человек не поверит!

— Вы, наверно, устали! Хотите, я покажу вас приятелю, он хороший невропатолог.

— Я вас попрошу, покажите! — согласился Георгий Борисович, чувствуя, что зайти к невропатологу уже пора.

— Разрешите? — в дверь просунулась энергичная голова Фомина.

— Одну минуточку, я занят!

— Но я нашел убийцу! — воскликнул Зиновий в пол-

ной уверенности, что следователь прижмет его к груди и расцелует. Но шеф оказался не на высоте.

— Прекрасно! — сказал Ячменев. — Тогда тем более обождите!

Фомин присел возле двери с видом собаки, которую незаслуженно обидел хозяин. На Зиновия нельзя было глядеть без боли в сердце.

— Может быть, вы его выслушаете? — вмешался Кузнецов. — Все-таки он говорит, что нашел убийцу!

— Мало ли кто что говорит! — Ячменев был безжалостен.

Но продолжить разговор с Кузнецовым Георгию Борисовичу все равно не удалось. В библиотеку влетел Антон в растрепанных чувствах:

— Юрий Константинович, я хочу вам сказать, что протестую решительным образом! И не только я!

— Что случилось, Антон Сергеевич? — Кузнецов не любил шума. — Вы успокойтесь, сядьте!

— Ну, некролог ладно... Хотя и это было уже слишком. Но вы же на этом не остановились! Вы заказали передачу по телевидению, связались с кинохроникой, вы создаете комиссию по творческому наследию этого...

— Антон Сергеевич, нехорошо! — остановил его Кузнецов.

— Вы ходатайствуете о присвоении школе № 1214 имени Зубарева и даже наш милый переулок хотите называть Зубаревским!

— Извините, — вмешался Ячменев. — Антон Сергеевич, где гантели, которые вы вчера купили?

— Я их вчера же забыл в метро! — отмахнулся Антон и снова перешел в атаку. — Да, кандидатская диссертация была у Зубарева талантливая, я ее читал. Он мог, без сомнения, вырасти в крупного ученого, но предпочел стать конъюнктурщиком, пускать пыль в глаза, начал везде представлять...

— В ваших рассуждениях, Антон Сергеевич, — мягко прервал Кузнецов, — есть некоторая доля истины. Конечно, Сергей Иванович не совсем соответствовал той высоте, на которую его вознесла волна. Но для будущего нашей академии важно поднять значение Зубарева.

— Для будущего нашей академии самое важное — правда! И так думает большинство сотрудников! — пылко произнес Антон и, махнув рукой, вышел из библиотеки.

— Простите, пожалуйста, Георгий Борисович! — повинился Кузнецов. — Антон человек молодой, горячий,

необузданный, но в нем много хорошего. Лично мне глубоко симпатична его принципиальность! Ее нам зачастую не хватает...

Когда большой ученый степенно удалился, Ячменев сказал Фомину с некоторой досадой:

— Ваша энергия, Зиновий, меня доконает!

— Вот вы относитесь ко мне иронически, — приступил к докладу Фомин, расценивая поведение следователя как зависть, — а мой Ростовский был в библиотеке прошлой ночью! Я сам слышал, как он говорил об этом жене.

— Ну и что? — спросил Ячменев.

— Значит, он убил!

— Это он тоже говорил жене?

— Нет, этого он, к сожалению, не говорил. Он сказал, что зашел в библиотеку, увидел покойного, испугался и убежал действительно на Казанский вокзал.

— А вы выяснили, почему он не ночевал дома?

— Его жена выгнала! — сообщил дотошный Фомин. — За то, что он проиграл зарплату на бегах. Раз он на бегах играет, он человек азартный и убить другого ему пара пустяков!

— Я склоняюсь перед вашей железной логикой!

— Значит, я могу просить у прокурора постановление на арест Ростовского? — обрадовался Зиновий.

— Нет! — охладил его пыл Георгий Борисович. — Потому что вы находитесь сейчас в состоянии азарта, а как вы сами недавно заметили — это очень опасно!

В библиотеку, потупив глаза, вошел Шалыто:

— Не сердитесь на меня, Георгий Борисович, но этих гантелей нигде нет — ни в кабинете, ни на помойке! Можно, я схожу в баню, а то я весь испачкался?

— Чистоплотность в нашей работе — это самое главное! — назидательно сказал следователь, и помощник ушел мыться.

В дни розыска у Ячменева особенно остро были развиты чувства. В эти дни его внимание привлекало все, что привлекает внимание, и даже то, что внимания не привлекает. Георгий Борисович заметил, что копия с картины Репина «Иван Грозный и сын его Иван» до сих пор висит криво.

— Давайте поправим картину, Зиновий! — попросил Ячменев. — Самое главное в нашей работе — это порядок!

— Но какое значение для следствия имеет то, что картина висит криво? — воспротивился Фомин.

— Самое главное в нашей работе, — веселился следователь, продолжая сыпать афоризмами, — не проходить мимо того, что не имеет никакого отношения к следствию!

Фомин послушался, и вдвоем они водворили картину на место.

— Что мне теперь прикажете делать? — спросил Фомин вызывающе. Ему не терпелось арестовать Ростовского.

Но следователь попытался направить энергию подчиненного в другое русло:

— Соберите обрывки рукописи и слетайте к эксперту, чтобы их опять склеили!

Уходя, разочарованный Зиновий демонстративно хлопнул дверью, чего он в обычном состоянии не делал.

Тотчас за спиной следователя раздался легкий сухой треск. Ячменев порывисто обернулся и увидел, что портрет Екатерины Второй висит на стене вниз головой и покачивается.

Любой детектив на месте Ячменева, конечно, решил бы, что портрет сорвался с гвоздя, так как Фомин сильно хлопнул дверью. Но у Георгия Борисовича имелись теперь на этот счет кое-какие сомнения. Пока он держал их при себе. Ячменев приблизился к портрету и вернул его в исходное положение. На потемневшем холсте была изображена русская императрица в расцвете царственной красоты. Ее немигающие глаза, написанные виртуозной кистью неизвестного мастера, с вождением смотрели на Ячменева. Ему стало неловко, он застеснялся и поспешно ретировался из библиотеки, не забыв запереть ее на ключ.

Георгий Борисович спустился по лестнице в вестибюль и вошел в каморку комендантши с виноватым видом:

— Извините, Надежда Дмитриевна, у меня к вам опять деликатный вопрос!

— Я готова ко всему! — бодро ответила старуха.

— Скажите, пожалуйста, с этим домом не связана какая-нибудь старинная легенда?

— Связана! — не моргнув глазом, сказала дворянка. — Мой прапрапрадед был любовником Екатерины Второй!

Надежда Дмитриевна не заметила, что следователь несколько изменился в лице.

— Предание гласит, — увлеченно продолжала хулиганствующая старуха, — что Екатерина подарила этот

дом моему прапрадеду за то, что он был хорош в любви. Может быть, вы и не знаете, но императрица жила в Петербурге. Когда она бывала в Москве, то тайно, чтобы не узнали остальные фавориты, она прибывала на свидание в этот особняк. Утром прапрадед подсаживал ее в карету. Екатерина возвращалась во дворец вершить государственные дела. Кстати, ее портрет, который висит в библиотеке, писал крепостной художник моего предка...

— Достаточно! Спасибо! — остановил Ячменев и, подхватив озорную интонацию, улыбнулся: — Теперь мне остается вызвать на допрос Екатерину и проверить, правда ли то, что вы рассказываете?

— Не забудьте передать ее величеству, — попросила Надежда Дмитриевна, — мой верноподданный привет!

— Разумеется, не забуду! — пообещал Ячменев.

Они расстались почти друзьями.

Ячменев взглянул на часы и с ужасом обнаружил, что уже четверть четвертого. Он выбежал в переулок и замахал руками, надеясь остановить машину. Такси, конечно, не было. Наконец какой-то водитель подбросил Георгия Борисовича ко дворцу бракосочетания на казенной машине. Это обошлось блюстителю закона в один рубль.

Ячменев, как и предполагал, приехал последним. Но ему повезло — все еще толпились в фойе. Он увидел дочь в белом венчалном платье и пошел к ней навстречу. У Ячменева защемило сердце, а на глазах навернулись слезы. Он подумал о том, что ни к чему было заниматься сегодня расследованием, что теннисную ракетку он позабыл в библиотеке, что он не успел заехать домой переодеться и не купил цветов, и что парадный костюм и цветы — все это чепуха, главное, что Аня счастлива. Он подошел к ней и расцеловал, и расцеловал жениха тоже, и поверил, что жених — прекрасный парень, и полюбил его, как сына. Тут заиграла торжественная музыка. Все, как дети, разбилось на пары. Ячменев медленно шел под руку с женой, впереди них выступали молодые, и в Ячменеве тоже пела музыка, и он поцеловал жену, и пробормотал ей что-то о том, как хорошо...

А когда приятная немолодая женщина стала поздравлять новобрачных, Ячменев, не сказав никому ни слова, повернулся и молча зашагал к выходу.

Дело в том, что именно в этот неподходящий момент он понял, кто совершил убийство!

Это неувядающая традиция! Следователи прозревают

именно тогда, когда это грозит им разрушением личного счастья, служебными неприятностями или чем-нибудь в том же роде. В нормальное время озарение их не посещает.

В академии следователя дождался Фомин, который вручил ему вторично реставрированную рукопись.

— Теперь, Зиновий, — сказал Ячменев, — я даю вам особое поручение, которое потребует от вас полного напряжения сил. Пойдите в исторический архив, перелистайте его и проверьте, нет ли там дарственной императрицы Екатерины Второй на особняк, в котором мы с вами находимся...

Больше Зиновий Фомин на страницах повести не появится! Поиск исторического документа окажется настолько сложным, что Фомин безвылазно просидит в архиве два года. За этот короткий для истории отрезок времени Зиновий Петрович станет крупнейшим специалистом по екатерининской эпохе, бросит уголовный розыск, защитит кандидатскую диссертацию и поступит на службу в Академию школьных наук. Он разыщет дарственную Екатерины на особняк и напишет правдивую повесть об истории дома № 18 по Зубаревскому переулку. В этой повести он вспомнит грехи молодости и подробно опишет, как Ячменев не смог разыскать убийц Сергея Ивановича Зубарева.

Избавившись от Фомина, Ячменев решил, наконец, прочесть пресловутую рукопись. Он не нашел ничего лучшего, как уединиться для этого в библиотеке. Легкомыслие ему дорого обошлось. Он бесследно исчез. Его как ветром сдуло, как языком слизало, он как в воду канул, как сквозь землю провалился...

...Затем прошло двадцать страниц. Этих страниц в повести нет. Они вычеркнуты рукой редактора. Редактор веско разъяснил авторам, что эти двадцать страниц тормозят действие и никому, кроме самих авторов, неинтересны.

На этих двадцати страницах вкратце происходило вот что.

Первое: Ячменев так и не нашелся. Правда, его никто и не искал, — Фомин был в архиве, а Шалыто — в бане.

Второе: Антон и Алла встретились в библиотеке. Несмотря на угрозу, которая нависла над их свободой, они целовались.

Третье: о Ячменеве не было ни слуху ни духу.

Четвертое: вдова Зубарева сдавала в ремонт импортный электрический утюг.

Через двадцать вычеркнутых страниц в библиотеку

вернулся из бани розовый Шалыто. В руке он держал утюг, от которого недавно избавилась вдова.

В библиотеке никого не было.

Шалыто встревожился и начал искать следователя.

Иван искал долго: залез на крышу и спустился в подвал, заглядывал в кабинеты, всех расспрашивал, но никто не видел Ячменева. Затем помощник вернулся в библиотеку и безутешно заплакал, прислонившись плечом к картине «Иван Грозный и сын его Иван». Шалыто хотел было позвонить в угрозыск и попросить поискать гражданина Ячменева Георгия Борисовича, но вовремя вспомнил, что он сам там служит.

Вдруг за картиной, в узком и пыльном пространстве между стеной и обратной стороной холста, Иван обнаружил начальника: Ячменев лежал, связанный по рукам и ногам, а изо рта шефа торчал кляп!

Горе надломило преданного помощника. Он знал, что Ячменев не такой человек, чтобы сдаться в плен живым. Совершенно ясно, что Георгия Борисовича сначала убили, а потом уже связали. Иван хотел произнести надгробную речь, но не было слушателей.

От обморока его спасла наблюдательность, которой он заслуженно славился. Он заметил, что покойник слегка шевелит левой ногой.

— Ура! — заорал Ваня, отбросил утюг в сторону и стал вынимать Георгия Борисовича из-за картины. Ячменев оказался тяжел. Шалыто, чуть не уронив его на пол, с трудом дотащил следователя до кресла, усадил и снял путы. Кляп изо рта вынул сам следователь, когда у него освободились руки.

— Что случилось? — спросил Шалыто с любопытством и сочувствием.

— Никогда не спите на работе! — скорбно сказал Ячменев, едва ворочая языком. — Вот я вздремнул над рукописью, а они подкрались ко мне и, прежде чем я открыл глаза, связали мне руки и ноги, заткнули рот этой самой рукописью и засунули меня за картину. Разглядеть их я не сумел. Вечер. А они потушили свет.

— Но вы знаете, кто они? — затаил дыхание Иван.

— Знаю, — ответил Ячменев. Его взгляд остановился на акварели Кузьмина к роману Пушкина «Евгений Онегин». На этой акварели прежде был изображен Онегин на берегу Невы. Пейзаж остался, Онегин исчез!

Ячменев перевел затравленный взгляд на старинную гравюру Санкт-Петербурга. Там на фоне Михайловского

дворца... появился Онегин, которого раньше на гравюре не было вовсе.

— Ваня! — заговорил следователь, приходя в себя. — Я даю вам сейчас важное поручение. Оно потребует от вас мобилизации всех сил. Пойдите в литературный архив, перелистайте его и установите, любил ли Онегин гулять у Михайловского дворца...

Шалыто уже собрался уходить, следователь задержал его:

— Что за утюг?

Помощник обрадовался, что следователь обратил внимание на добытую им улику:

— По дороге в баню я увидел, что вдова Зубарева сдает в ремонт электрический утюг. Обратите внимание, она делает это в день смерти мужа. Я конфисковал утюг и отнес эксперту. Пока я мылся, эксперт обнаружил на нем следы крови убитого. Вдова, наверно, из ревности, ударила мужа утюгом и убила его.

— Идите в архив! — послал его следователь.

И Шалыто ушел...

Так же, как и Фомин, он не появится больше на страницах повести. Два года проведет Иван Ефремович в стенах архива, установит, что Евгений любил гулять у Михайловского дворца, станет крупнейшим специалистом по Онегину, защитит диссертацию и поступит на работу в Академию школьных наук.

Дело об убийстве в библиотеке обойдется Ячменеву потерей двух помощников. Ячменева утешит лишь мысль о том, что эти светлые умы, работая рука об руку, двигают вперед школьную науку.

После безвозвратного ухода Шалыто следователь в последний раз проверил логические выводы. Со стороны может показаться, что в действиях Георгия Борисовича отсутствовала какая бы то ни было логика, но это лишь на поверхностный взгляд. На самом деле им руководили безошибочное чутье, знание человеческой психологии, умение поставить себя на место как жертвы, так и убийцы. И вообще умение поставить себя на место.

Любой следователь раньше всего обратил бы внимание на то, что несколько сотрудников академии побывали в библиотеке страшной ночью. Но Ячменева это не смутило. Опыт убеждал его, что на месте преступления всегда оказываются застигнутыми врасплох невиновные, а преступники на место преступления не заходят. Им там делать нечего.

Любой следователь мог бы сделать умозаключение, что убили Зубарева дружным коллективом. Но Ячменев знал, что коллектив никогда не убивает физически.

Отказавшись от версии коллективного убийства, любой следователь мог бы заподозрить каждого сотрудника в отдельности.

Например, Антон. Он просто просится за решетку. Ведь у него были все основания уничтожить Зубарева. Они ненавидели друг друга. Антон был поватор, Зубарев — консерватор. Как и положено, они любили одну и ту же женщину. В день убийства Антон купил гантели, а потом, по его словам, потерял их в метро. Но Ячменев понимал, что Антон купил гантели, чтоб развивать мускулатуру, что улики против Антона чересчур очевидны и именно поэтому не годятся.

Любой следователь мог бы привлечь Аллу, поскольку неизвестно, при каких обстоятельствах Алла забыла возле труп брошку. Может, она убила Зубарева в порядке самообороны? Но Ячменев испытывал к Алле если не влечение, то во всяком случае симпатию, а к преступникам он никогда симпатии не испытывал.

Любой следователь мог бы обвинить в убийстве Юрия Константиновича Кузнецова. К этому были все основания. Он был заместителем Зубарева и метил на его место. Но Ячменев знал, что в наши дни заместители не проламывают головы своим начальникам, а действуют иными, более тонкими методами.

После истории с утюгом свобода вдовы повисла бы на волоске, но только при другом следователе. Ячменев легко догадался, что Зубарев брился безопасной бритвой, порезался, капли крови попали на рубашку, ее плохо выстирали, и, когда рубашку гладили, кровь перешла на утюг, где ее обнаружил эксперт.

Любой следователь мог потребовать изоляции от общества Ростовского. Во-первых, он главный хранитель библиотеки и отвечает за то, что в ней происходит. Во-вторых, Ростовский, в отличие от сослуживцев, все время врал и не мог толком объяснить, зачем приходил в библиотеку в ночь убийства. Но Ячменев знал, что у Ростовского в 49-м томе Большой советской энциклопедии лежит записка. Так называются деньги, которые мужья утаивают от бдительных жен. Кроме того, Ростовский не должен отвечать за то, что происходит во вверенной ему библиотеке. Если все руководители станут отвечать за то, что делается в их учреждениях, это добром не кончится.

Оставалась старуха комендантша со своим сомнительным происхождением и сомнительными шутками. Одного этого было достаточно, чтобы возбудить против нее дело. Кроме того, Зубарев был убит между одиннадцатью и двенадцатью ночи, а старуха позвонила в милицию только в четыре часа утра. Правда, остальные сотрудники академии вообще не звонили в милицию, но они ведь не были комендантами!

Любому следователю показалось бы смехотворным заявление Надежды Дмитриевны о том, что она не позвонила сразу, потому что не могла оторваться от интересной книги. Но Ячменев старуху понимал. На ее месте он тоже бы не смог бросить книгу, тем более что человека все равно убили, а негодяи все равно убежали.

Но самое главное — у Ячменева было развито чутье на все наше, хорошее. Георгий Борисович сердцем чувствовал, что никто из сотрудников академии, несмотря на отдельные личные недостатки, не был способен на уголовное преступление.

Теперь Ячменев думал о Зубареве, и его раздирали противоречия. Сердцем Георгий Борисович чувствовал правоту Антона. Но примириться с мыслью, что Зубарев — элементарный карьерист, Ячменев не мог. Этому противостояло все, что он слышал о Зубареве прежде: его звания, должности, его популярность и даже приятная внешность.

Ох, как трудно свергать кумира в сердце своем!

Тем не менее Зубарев был мертв! С этим фактом нельзя было не считаться! Кто-то ведь его убил. Кто-то звонил Ячменеву домой и рассказал про убийство, назвавшись привидением. Кто-то мог безобразничать в библиотеке — записать Фомина в книжном шкафу, швырять вазой, дважды рвать рукопись, хихикать, и наконец, позволить себе неслыханную дерзость: скрутить самого следователя и, как хлам, засунуть за раму. А Онегин, который скачет из одной картины в другую? А портрет Екатерины, который вдруг повисает вниз головой?

Ячменев понимал, что в этом деле нельзя руководствоваться привычными методами реализма. Придется разочек, в порядке исключения, вступить на порочный идеалистический путь. Нелегко ему было сейчас, воспитанному на лучших образцах. Моральный кодекс Ячменева возстал против того, что собирался совершить его хозяин. Но Ячменев приказал своему кодексу помолчать.

— Другого выхода нет! — объяснил Георгий Борисович кодексу. — Надо переступить грань!

И Ячменев переступил!

Он поднялся с кресла, тяжелой поступью приблизился к двери и запер ее. Затем он подошел к выключателю и, собрав волю в кулак, погасил свет.

Старинная хрустальная люстра померкла. Слабый качающийся отсвет уличного фонаря создавал страшное настроение. Под полом скреблись мыши. За окном гудел зловещий ветер, и в доме напротив жалобно скрипели ставни. Где-то гулко пробили часы... Одним словом, все было, как положено!

Переступая грань, Ячменев не представлял себе, как обратиться к тем, кого хотел вызвать из потустороннего мира. Он не знал ни магических слов, ни каббалистических знаков. Он даже фокусов не умел показывать. Он сказал просто, как дети при игре в прятки:

— Выходите, я вас нашел!

И дальше все стало происходить так, как будто в этом не было ничего особенного.

Бронзовая рама картины Репина накренилась, и от холста отделился облезлый старик в домашнем одеянии. Шаркая туфлями, старикан поплелся к креслу, вытирая о полу халата кровавую левую руку. Он расселся поудобнее, потянулся, хрустнул пальцами и сказал, зевая:

— Охо-хо!.. Кости ломит! Должно быть, к дождю...

И Ячменев опознал голос, который он слышал по телефону в ночь убийства.

Портрет Екатерины Второй сорвался с гвоздя и закачался. Из портрета выпорхнула пышная дама бальзаковского возраста, зябко повела напудренными плечами и сказала грустно:

— Припоминаю, служил у меня в лейб-гвардии полку отчаянный поручик Ячменев. Я ему за верную службу деревеньку отписала в Пензенской губернии. Не из тех ли ты Ячменевых, голубчик?

Со старинной гравюры Санкт-Петербурга спрыгнул молодой человек, одетый, как лондонский денди, и обаятельно улыбнулся.

Все, чему учили Ячменева, полетело к чертовой матери! Он не ушибнул себя ни за какое место, не стал тереть глаза, не предпринял попытки сбежать, не покрылся холодным потом. Вместо всего этого он сказал тихо, но внятно:

— Караул!

— Ничего, привыкнешь! дружелюбно утешил Иван Грозный.

— Отпустите меня домой! — неожиданно попросил Ячменев. — У меня сегодня дочь замуж выходит!

Екатерина привычным жестом сняла с пальца перстень и протянула Ячменеву.

— Передай ей наш свадебный подарок!

Перстень сверкал в темноте. Он был усыпан драгоценными камнями. Очевидно, это был очень дорогой перстень. Если бы Ячменев отнес его в скупку, он смог бы на полученные деньги купить дочери кооперативную квартиру.

— Я не могу принять... — засмутился Георгий Борисович. — Понимаете, брат с подследственных не полагается. Это будет выглядеть как взятка!

— В первый раз вижу такого дурака! — добродушно воскликнула Екатерина и вновь надела драгоценность.

— Пожалуйста, сделайте... ну такое, чтобы я во все это поверил! — взмолился Ячменев.

Грозный наклонился к Екатерине и что-то шепнул на ухо. Императрица подошла к телефону, сняла трубку и набрала номер.

— Алло, — сказала она, — позовите следователя Ячменева... Когда вернется, передайте, что звонила Екатерина Великая!

— Все равно, этого не может быть, — упирался Ячменев.

— Давай перейдем к делу! — распорядился Грозный. — Ты что же, хочешь обвинить нас в убийстве презренного холуя Сережки Зубарева?

Напоминание о Зубареве вернуло Ячменева к реальной действительности.

— Да! — сказал он нетвердо. — Я должен заполнить протокол.

— Валяй! — разрешил Грозный. — Любят у вас бумаги. Грамотные все стали, умники, интеллигенты, критики. Гибнете в бумагах, лес переводите!

Сесть в царском обществе Ячменев не рискнул и приспособился писать стоя.

— Только зряшное это дело... — отечески усмехнулся Иван Васильевич, — кто тебе поверит, что ты с нами разговаривал, это в ваш-то век науки и техники...

— Поверят! — сказал Ячменев. — Вы подпишете протокол, и экспертиза установит подлинность подписей. Извините, ваша фамилия? — он обратился сначала к даме.

— Романова Екатерина Алексеевна, Вторая, Великая! — отрекомендовалась царица. — В девичестве София-Августа-Фредерика Ангальт-Цербстская!

— Год рождения? — бестактно спросил следователь и тут же поправился: — Простите! Я хотел сказать, год смерти...

Екатерина вздохнула:

— 1796... Господи, сколько времени прошло... — и посчитала в уме довольно быстро, — сто семьдесят три года..

— Ваша профессия?

— Русская императрица! — удивилась вопросу Екатерина.

Ячменев постепенно смелел.

— Спасибо, ваше величество! — И обернулся к Грозному: — Можно вас побеспокоить?

— Пиши, пиши! — изрек царь-батюшка. — Иван Четвертый, по прозванию Грозный, профессия великий государь.

Онегин заговорил не без иронии в голосе:

— Со мной посложнее, сударь. Я, в некотором роде, плод фантазии поэта... И профессия у меня... — он задумался и процитировал: — «Дожив без цели, без трудов до двадцати шести годов»... По-сегодняшнему, должно быть, тунеядец..

Екатерина захихикала, и Ячменев узнал смех, который испугал его в библиотеке.

— Теперь прошу рассказать мне: как и за что убили вы Сергея Ивановича Зубарева, академика, доктора школьных наук?

— Школьных наук! — Грозный презрительно фыркнул. — Мы, к примеру, в школах не учились, но прекрасно руководили!

— Зубарева мы судили! — спокойно разъяснил Онегин.

— Как — судили? — не понял Георгий Борисович.

— Успокойтесь, судили по вашим правилам! — продолжал Евгений. — Я был судьей, а монархи — народными заседателями!

— Что же вы инкриминировали Зубареву?

— Мы судили его, — сообщил Онегин, — за присобленчество, беспринципность, карьеризм, за надругательство над литературой.

— И историей! — добавил Грозный.

— Откуда вы знаете эти современные слова? — Ячменев поразился эрудиции призраков.

Онегин пожал плечами.

— В библиотеке живем. Читаем газеты, журналы. Следим за текущими событиями.

— Иногда прогуливаемся по Москве-матушке, — вставил Грозный. — На цивилизацию вашу поглядываем. Шум! Бензин!

— И невоспитанность, — добавила Екатерина.

— Минуточку! — следователь подпрыгнул на месте. — Значит, здесь есть потайной ход?

— Ну, конечно... — Екатерина оживилась, подогретая приятными воспоминаниями... — Этот особнячок я потому подарила своему фавориту, что сюда вел потайной ход, — она понизила голос, — по этому ходу... было очень удобно... ты понимаешь, Ячменев?

Ячменев кивнул, что понимает, и императрица продолжала:

— Между прочим, часть потайного хода была использована при строительстве вашего метро... Иногда мы всем обществом спускаемся смотреть на проходящие поезда...

— Боже мой! Ну а привидение, которое солит компот, тоже есть, да? — спросил вконец обессиленный следователь, одинаково близкий к тому, чтобы заплакать или бессмысленно запеть.

— Это моя фрейлина Белосельская-Белозерова! — опять развеселилась императрица. — У нее был скандальный роман с этим же фаворитом. Пришлось его заточить в Шлиссельбургскую крепость, а ее высечь и отправить в имение. Теперь на месте этого имения построили кооперативный дом близ метро «Аэропорт». Она там и сейчас живет, в призраках...

— Чуть не забыл, ваше величество, прапраправнучка вашего фаворита Надежда Дмитриевна просила передать вам поклон.

Екатерина милостиво кивнула:

— Шлем ей наше царское расположение.

— А теперь вернемся к главной теме. Вот вы говорили — карьеризм... Приспособленчество... Все это общие слова... Где конкретные доказательства?

Первым вспылил Онегин.

— Вы читали когда-нибудь, господин Ячменев, учебник литературы для восьмого класса, тот, где меня проходят? — И принялся запальчиво шпарить наизусть: — Я был оторван от национальной и народной почвы... Я вел типичную для золотой молодежи жизнь — балы, рестораны, прогулки по Невскому, посещение театров...

Посещение театров — это, оказывается, порок! — В голосе Онегина зазвучали те специфические ноты, с какими в XIX веке вызывали на дуэль. — А темы домашних сочинений. «Почему Онегин недостоин Татьяны?» Это почему же, спрашивается, милостивый государь, я недостоин?

— Вы вполне достойны! — поспешно согласился Ячменев.

— А меня вообще забыли! — вмешалась Екатерина. — Из учебников, можно сказать, повыкидывали! А я, между прочим, завоевала для вас всесоюзную здравницу Крым.

Ячменев молчал. Ему нечего было возразить.

С кресла величественно поднялся Иван Грозный, направился к книжному шкафу и достал из него книгу:

— Послушай, Ячменев, что Зубарев писал про меня всего двадцать лет назад.

Он отыскал нужное место и начал читать с выражением:

— «Иван Грозный был талантливый и умный человек. Он был хорошо образован, любил и умел писать, обладал тонким и острым умом».

Царь перелистал несколько страниц:

— «Опричина представляла собой крупный политический сдвиг, учреждение прогрессивное, хотя и в сопрождении известных крайностей». Ну, без крайностей в нашей профессии не бывает! — добавил Грозный с ласковой улыбкой, которая четырьмястами лет назад заставляла всех трепетать. — А что недавно насочинял про меня этот мерзавец? Ты читал рукопись?

Ячменев кивнул.

— И тиран я, и маньяк, и убийца! — Царь был явно обижен. — И хунвейбины мои, то есть опричники, отрицательное явление...

Ячменев посмотрел Грозному в лицо и несгибаемо заявил:

— Так ведь это правда!

Екатерина оценила мужество Ячменева:

— Жорж, ты мне нравишься. Никогда не думала, что мне может понравиться простой советский человек!

Грозный вздохнул и снисходительно растолковал:

— Сразу чувствуется, что ты не руководил государством! Разве народу нужно говорить правду? Народ может ее неверно понять!

— У вас вредная точка зрения! — бросился в схватку Ячменев. — Чисто царская!

— Ты должен понять государя, Ячменев! — поддержала коллегу Екатерина. — Твой Зубарев писал то одно, то прямо противоположное. Где его принципиальность историка?

— В этом я не могу с вами не согласиться, ваше величество! — вздохнул Ячменев. — Но нельзя же за это убивать!

— Надо! — кротко возразил Иван Четвертый. — Поверь моему богатому опыту. Ничто так не сплачивает вокруг тебя, как убийства! Уцелевшие очень тебя любят!

Ячменев захлебнулся от ярости:

— Вы... Вы... Вы бандит, ваше царское величество!

Екатерина и Онегин обмерли. Они знали, что Грозный не прощал оскорблений.

Но царь тепло улыбнулся смельчаку и сказал сочувственно:

— Испортили тебя, Ячменев. Посмел бы ты так разговаривать со мной раньше. Пораспускались вы... Авторитетов не признаете... Мнения собственные заимели...

— Положим, Зубарев собственных мнений не имел. — Ячменев не заметил, что говорит словами Антона.

— Имел! — хитро прищурился самодержец. — В глубине души он меня любил. Ему нравились мои методы. Он был сторонником крепкой руки. Он был искренен, когда меня восхвалял. А сейчас он меня предал... А предателем я не терплю! Как я вчера вспомнил про все это — горько мне стало. И я погорячился, — он взглянул на Ячменева, как на обреченного, — и сейчас я тоже погорячусь!

Самодержец неторопливо шагнул к картине и вынул из нее посох, которым он 388 лет назад убил сына Ивана, а вчера прикончил академика.

— Государь, не надо кровопролития! — вскричал Онегин. Накануне он тоже был против убийства, но не сумел обуздать гнев властителя.

— Молись, Ячменев! — приказала Екатерина, в которой выиграло классовое чувство.

— Георгий Борисович, спасайтесь! — закричал Онегин.

Царь уже надвигался на Ячменева с посохом наперевес. Стрелять в призрак было безнадежным занятием.

— Я буду не первой жертвой царизма! — гордо произнес Ячменев.

— Ну, если тебе от этого легче. — Грозный замахнулся и ударил следователя посохом по голове...

Ячменев очнулся на полу. На лбу надулась шишка. Он потрогал ее рукой.

По законам жанра в библиотеке не должно было никого быть, и Ячменеву следовало решить, что ему все это померещилось.

Но вопреки правилам над ним склонился призрак и заботливо поливал ему голову водой из графина.

— Значит, это правда! — прошептал Ячменев.

— Я так рад, что вы живы! — Онегин помог ему встать. — Как вы себя чувствуете?

— Где цари? — спросилследователь.

— Они сделали свое дело и ушли!

Георгий Борисович бросил взгляд на картины и увидел, что цари как ни в чем не бывало вернулись в произведения искусства.

— Они же не подписали протокол, — расстроился Ячменев. — Теперь мне никто не поверит. Может быть, вы подпишете?

— Для вас с удовольствием! — Онегин взял у Георгия Борисовича шариковую ручку и вывел на протоколе затейливый росчерк. — Но, боюсь, моя подпись вам не поможет. Она ведь никому не введена.

— Пожалуй, это так... — грустно улыбнулся Ячменев. — Но я сохраню ее для себя как уникальный автограф. Возможно, это банальность, но из всех поэтов я больше всех люблю Пушкина.

— Я тоже, — сказал Евгений.

Ячменев проводил Онегина до акварели, и они сердечно распрощались.

Георгий Борисович почувствовал себя одиноко, как на вокзальной платформе после ухода поезда с близким человеком. Следователь зажег свет и печально огляделся.

Мирно висели на стенах прижизненный портрет Екатерины, гравюры Санкт-Петербурга, акварель Кузьмина из иллюстраций к «Евгению Онегину» и копия с картины Репина «Иван Грозный и сын его Иван».

Где-то гулко пробили часы.

Ячменев взял со стола протокол с бесценным автографом и бережно спрятал в карман. Затем он достал ключ, отпер им дверь, вышел в коридор и спустился по лестнице в вестибюль.

В вестибюле висело зеркало. Ячменев поглядел в него и увидел, что стал совершенно седым и лысым...

Через полчаса Георгий Борисович собрал сотрудников академии в библиотеке. Пришли Кузнецов, Ростов-

кий, Алла, Антон, вдова, комендантша Надежда Дмитриевна и множество других штатных единиц.

Когда улегся шум, вызванный переменной во внешности следователя, Ячменев поглядел на живопись, украшающую стены библиотеки, и бесстрастно сказал:

— Сергея Ивановича Зубарева убил Иван Грозный! Он действовал в заговоре с Екатериной Второй. Онегин был против убийства, но не смог ему помешать!

Сотрудники молчали. Они не понимали — шутит следователь или сошел с ума.

— Советую вам,— строго продолжал Ячменев, — в своей научной деятельности будьте аккуратны с историей и литературой! Иначе вас может постигнуть участь Зубарева! Пожалуйста, помните, — ваша академия отвечает за культурное воспитание детей.

— Георгий Борисович, — сочувственно сказал Антон, — за это отвечает не только академия, но и Министерство школьной промышленности, и бесчисленный Школоно, и «Школьная газета», и сами школы. Когда отвечают все, не отвечает никто!

Ячменев вздохнул и повернулся к вдове:

— Возьмите ваш утюг. А кефир и колбасу я вам верну завтра.

Затем Георгий Борисович обратился к Ростовскому:

— Кирилл Петрович, вот ваш билет в город Куйбышев. Вы еще успеете на поезд. А вам, Надежда Дмитриевна, — теперь Ячменев смотрел на комендантшу, — Екатерина Вторая просила передать царское распоряжение...

— Большое спасибо, что вы обо мне не забыли, — поклонилась Надежда Дмитриевна.

— Наш коллектив искренне вам признателен! — осторожно сказал следователю Юрий Константинович. — Вы проделали замечательную работу. То, что мы услышали, превзошло все наши ожидания!

— Вы так ничего и не поняли... Я еще раз вам повторяю: когда историческим или литературным героям становится невмоготу, они выходят за рамки и... — тут Ячменев махнул рукой и покинул библиотеку.

Он ушел, не понятый людьми, которым не было дано переступить грань. Вскоре он уже брел по темному переулку, удаляясь все дальше от дома № 18, о котором он не забудет до конца своих дней. Про то, что случилось с ним в этом доме, он не станет рассказывать, потому что никто ему не поверит.

Ячменев возвращался в знакомый и добрый мир. Он думал о том, что жена и дочь, конечно, на него обиделись. О том, что у него в семье станет теперь жить чужой человек...

Закрапал холодный, тоскливый дождь.

— Не зря у Ивана Грозного ломило кости, — вспомнил Ячменев, поднимая воротник пальто, — эти старики здорово умеют предсказывать погоду...

Р. С. Спустя полтора месяца телефонный звонок разбудил следователя Ячменева в четыре часа ночи.

— Это говорит привидение! — сказал незнакомый мужской голос. — Я только что убил кинорежиссера, который ставил картину на историческую тему.

Г. АЛЬТМАН, Э. РЯЗАНОВ

Небеса обетованные

КИНОПОВЕСТЬ

На пустыре, позади сортировочной станции, горели костры. Из ночного мрака вынырнули две тени. На фоне рыжего огня по полю шли двое мужчин. Впереди высокий хромой старик. За ним следом, едва поспевая, бежал мужчина со скрипкой. Они остановились возле паровоза, и старик забарабанил костылем по металлической обшивке:

— Машинист! Машинист, проснись!

Машинист спал, свернувшись калачиком возле топки. Проснувшись от грохота, он поспешно надел фуражку и зажег свечу:

— Что?

— Машинист! Давай гудок! — приказал ему старик.

— Что случилось? — Машинист безумным взглядом уставился на пришельцев.

— Ты что, не слышишь, что ли? — спросил его старик.

— А, это вы, Президент! — сказал Машинист, успокоившись.

— Давай гудок! Буди поселок! Скорее! — поторопил его Президент.

— Сейчас...

Машинист включил прожектор и с удовольствием потянул за рычаг. Рев гудка разорвал ночную тишину.

В старых вагонах, автобусах, будках, имитирующих человеческое жильё, загорелся свет. Люди выскакивали на улицу в ночном белье и бежали к паровозу.

Открылся люк, вынырнула из него взлохмаченная голова и, увидев десятки бегущих на нее ног, снова захлопнула крышку.

Прижимая к груди рукопись, вылез из своего жилья — бывшей голубятни — писатель Соболев в халате и устремился следом за жителями свалки.

— Облава, что ли? — спросила бегущих местная красавица Анька, спросонья выскочившая на улицу в одной сорочке.

Ее сожитель Петька с испугом предположил:

— Опять менты нагрянули! Вот заразы! — И побежал к паровозу.

— Собаки, ни днем, ни ночью покоя нет! Ой! — выйдя из вагона, тяжело вздохнула маленькая, пронырливая старушка Лидка-Тараканиха.

— Ну, не дают спать! — зевнув, согласился с ней сын. Мимо пробежала молодая Бомжиха, бормоча:

— Только все началось...

Наконец народ собрался. Хромой Президент молча смотрел на жителей поселка.

— Зачем разбудили, Президент? — не вынесла молчания Анька.

— Ну чего? — спросила толстая тетка Ньюра.

— Люди! Братья и сестры! Случилось удивительное!.. — Президент сделал паузу. Кто-то чихнул. — Несколько минут назад к нам прилетали инопланетяне! — торжественно сказал старик. — Я вступил с ними в контакт!

Толпа ахнула. Только здоровый мужик по имени Степан недоверчиво хмыкнул:

— Вы что-то загибаете, Президент!

Президент обиделся и повернулся к мужчине со скрипкой.

— Правда, правда! — подтвердил тот. — Я играл на скрипке, и они прилетели на музыку.

Президент многозначительно оглядел толпу. Кто-то опять чихнул.

— Мы сидели с Соломоном у костра, и вдруг там, на горизонте, все засветилось. А потом что-то большое, яркое, как блюдце, зависло над нами! — продолжил свой рассказ Президент.

— Свят, свят, свят! — перекрестилась Лидка-Таракануха.

— Оттуда спустились два человека в скафандрах, и один из них спросил: «Что это такое замечательное играет Соломон?»

— Президент, они говорили по-нашему? — спросила тетка Ньюра.

— Да. Только без матерных слов, — ответил Президент и продолжил. — И они сказали: «Полетели с нами на нашу планету! У нас вы будете жить по-человечески».

— Соломон, что, они правда так сказали? — поинтересовался недоверчивый Степан у музыканта.

— Я не слышал, — извиняющимся голосом произнес Соломон. — Я играл.

Толпа загудела.

— Ой, я так и знал! — язвительно хихикнул Степа. — Президент, это что, предвыборный трюк?.. Да?

Он попытался было уйти, но десятки рук вцепились в него, заставив его остаться.

— Да вы что! — возмутился Президент. — Наоборот,

мы сказали, что не можем лететь без вас, — он обвел глазами собравшихся и добавил, — без своего народа! — Люди поближе придвинулись к Президенту. — Они сказали, — продолжал тот, — «Не валяйте дурака! У вас тут воздух отравлен, земля заражена, вода сгнила...»

— Да уж! — согласился с ним баянист Гриша. — Дерьмо сплошное!

— Президент, в овощах пестициды и нитраты! — пожаловалась Анька. — Пряма не знаешь, от чего помереть!

— Да заглохни ты, не перебивай! — прикрикнул Петька на сожительницу. — Не перебивайте... — приказал он остальным.

— И пришельцы, — сказал Президент, — после того, как мы отказались лететь без вас, спросили: «А сколько вас?» Я говорю: «Сорок три человека». Они подумали и решили: «Тогда, — говорят, — хорошо. Мы придем за вами большой корабль».

Все ахнули.

— Но, — Президент поднял палец, — они поставили одно условие!

— Какое? Какое? Какое условие? — заволновались жители поселка.

— Брать с собой багаж не больше двадцати килограммов.

— Жмоты твои инопланетяне! — выкрикнула Анька.

Писатель Соболев пробрался поближе к Президенту.

— А когда же прилетят эти замечательные товарищи? — с надеждой в голосе спросил он.

— Они сказали, что прилетят, когда выпадет голубой снег! Соломон заиграет и...

— Голубого снега не бывает! — перебила Президента тетка Нюра.

— А, — с сомнением сказала Лидка-Тараканиха, — это как после дождичка в четверг!

— А Желтая река? А Красное море? — пробормотал Петька, обращаясь к согражданам и ища у них поддержки, но увидел только недоверчивые лица. И тогда он сказал Президенту: — Президент, я вам верю!

Лысый из толпы выкрикнул:

— Президент, вас обманули!

— Голубой снег не выпадет! — согласился с ним баянист Гриша.

— Выпадет! — убежденно произнес Президент. — Они так сказали!

— Да сейчас все болтают! — усомнился кто-то из жителей поселка.

— Они не могут обмануть! — стоял на своем Президент.

— Да сейчас и правительство врет! — привела свой последний аргумент Анька.

— Все хотят лететь? — спросил Президент.

И стена недоверия была сломана.

— А как же! Все! Все! — закричали жители поселка.

— Я тоже лечу! — крикнул сумасшедший Машинист.

— И наш псих туда же! — язвительно сказала бомжиха.

Маленькая художница Фима подошла к Соломону и осторожно тронула его за рукав:

— Я хочу тебя спросить... Слушай, на какую музыку они слетелись?

Вместо ответа Соломон приложил скрипку к щеке и тронул смычком струны...

Народ замер от блаженства... Что-то грустное и нежное, словно плакала и радовалась душа неприкаянного человека, полилось со струн...

— На этот мотивчик и я бы прилетела! — вздохнув, сказала Фима...

* * *

Каждую ночь, перед тем как лечь спать, Машинист любовно обходил свой паровоз. Это было единственное, что у него было в жизни, и единственное, что осталось.

— Отъездили мы свое, отъездили... — вздыхал Машинист, осматривая и ощупывая свое детище. — Так. Тут смазка требуется, а смазки не достанешь. Водка по талонам, а талоны нам с тобой не положены... Помню, нарком путей сообщения говорил, — вдруг вспоминал Машинист, безумными глазами сверля ночной туман, словно именно там видел что-то радостное и светлое, — «СССР — великая железнодорожная держава!» Правильно говорил!

Он обстукивал свой паровоз, как доктор больного человека, протираял обшивку ветошью, натирая ее до блеска.

— Тьфу! — Машинист остановился, кипя от возмущения. — Какая сволочь кучу наложила? Застигну — убью! — Он, кряхтя, взобрался на паровоз. — Ты — красавец мой! — пожалел Машинист своего железного

друга, а заодно и себя. — Отъездили мы свое! Списали нас обоих! Были когда-то и мы рысаками!..

Машинист последний раз горестно вздохнул и свернулся калачиком у топки...

* * *

На вокзале провинциального города было, как всегда, грязно и многолюдно. Бестолково суетились люди, кричали, толкались.

— Вниманию отъезжающих... — то ли объявила, то ли пролаяла дежурная по станции, — до отправления пассажирского поезда... Четыреста пятый... Осталось пять минут...

Кирилл, расталкивая пассажиров стареньким мамашиним чемоданом, торопливо протискивался к вагону. Мамаша бежала за ним следом, прижимая к груди огромную авоську.

— Ты, мамаша, — сказал ей Кирилл, — главное, особенно назад не торопись! Погости у Васьки. Пишет мне... Обижается... Скучает без тебя...

Проводница грудью преградила им путь в общий вагон:

— Билет!.. Билет!..

— Ну, куда ты прешь-то! — Кирилл протаранил чемоданом встречного пассажира.

— Билет ваш! — потребовала проводница.

— Жалко мне брата! — сказал Кирилл, роясь по карманам в поисках билета. — Жалко! Ты все у нас живешь да у нас!..

В вагоне Кирилл помог мамаше взобраться на верхнюю полку.

— Кайф! — восхитился он, забросив туда же чемодан и авоську. — Ты у меня, маманя, как королева аглицкая поедешь! На отдельной ложе!

— О, господи! — грустно вздохнула старушка. — Кирюш, как же вы без меня?

— Ну, трудно, конечно, будет, — признался сын, но тут же добавил с оптимизмом, — но ты за нас не волнуйся! Э-э, — Кирилл вытащил конфетку и протянул ребенку, сидящему на коленях у красивой женщины, — какая холененькая бебешечка! Держи! Как маму зовут?

— Уберите ноги, пожалуйста! — Пассажир, сидящий рядом с красивой женщиной, попытался убрать болтающиеся перед его лицом мамашины ноги в суконных ботах.

— Не выступай! — возмутился Кирилл наглостью пассажира. — Это мать моя!

— Тс-с! Тс-с! — попыталась успокоить сына старушка.

— Спокойно гости у Василия! Подольше гости. Подольше, — напутствовал Кирилл мамашу. — Москву увидишь. Столичным воздухом подышишь! Ну, кайф!

— До свидания, сынок! — сказала старуха, с любовью глядя на сына.

— Подвинься! — приказал Кирилл пассажиру с нижней полки, поставил свои ноги рядом, приподнялся и расцеловал бабку. — Прощай, мать!

Проводница, вздохнув, сказала надоевшим до смерти пассажирам:

— Провожаящих прошу выйти из вагона! Поезд отправляется!

— Боречка, осторожно! — Женщина в тамбуре махала рукой невидимому Боречке. — Пиши!

Поезд тронулся. Кирилл, очутившись на пустом перроне, вместе с поездом набрал ход, изображая из себя паровоз, жизнерадостно крикнул пару раз и, приложив руку к козырьку серой кепки, строевым шагом промаршировал по перрону.

— Хороший ты мой! — прошептала лежащая на верхней полке мамаша, с нежностью глядя на сына сквозь грязное вагонное стекло...

* * *

В поселке «Закат коммунизма» был обычный солнечный осенний день. До того как стать обитаемым, поселок был паровозным и вагонным кладбищем. Но когда в нем поселились люди, он превратился в обычный поселок, не уступающий грязью и убогостью многим другим. К вагонам всех времен и народов прилепились деревянные будки, кузова троллейбусов, металлические контейнеры, кабины грузовиков, загадочные сооружения, приспособленные под жилье. Из труб «буржук» шел дым. Сушилось белье. Копошились люди, бегали с лаем собаки. У костра сидела веселая компания. В центре поселка вместо памятника стоял старый паровоз...

Трое мужчин на мосту, перекинутом через множество железнодорожных путей, с интересом рассматривали поселок. Американец мистер Уайлер, разговаривая с соотечественником по-английски, снимал поселок видеокамерой.

— Мистер Уайлер, мой компаньон, говорит, что пло-

щадка удобная для строительства, — перевел его слова архитектору Джон Сидорчук, бывший наш, советский человек. — И хорошо, что она недалеко от центра Москвы.

— Пятнадцать минут езды на машине, — согласился с американцем архитектор. По мосту тек густой поток людей, многие бесцеремонно толкали стоящую тройцу.

Уайлер, снимая, пробормотал что-то по-английски.

— Мистер Уайлер все снимает на видео, ну, чтобы показать совету фирмы, — пояснил Джон и с гордостью добавил: — мы, американцы, зря на ветер денег не бросаем!

— А ну, пусти! — проходя мимо, тетка в берете растолкала мужчин.

Уайлер, оторвавшись от съемки, задал вопрос архитектору.

— Он спрашивает, — перевел Сидорчук, — разрешение властей и железной дороги есть?

— Есть, — с торопливой вежливостью сказал архитектор. — Свалку мы ликвидируем!

— Извините! — отодвинула его в сторону девушка.

— Разрешение советской власти получено, — сообщил архитектор.

— Угу, — одобрительно кивнул Уайлер, слушая перевод Джона.

— Эти нищие, как бельмо на глазу у исполкома, — добавил архитектор. — Их всех переселят.

Уайлер с восхищением сказал несколько фраз по-английски. Сидорчук ответил ему и перевел:

— У этого режима потрясающий опыт по переселению не только людей, но и народов, — и он рассмеялся.

— Нашли место, где ржать! — возмутилась дама в шляпе.

— Позвольте пройти! — мимо них прошел Федя, элегантный, но сильно поношенный мужчина в сильно поношенном пальто, с маленьким приемником в руках. Американцы и архитектор посторонились.

— Куда прешь, козел! — толкнула Федю встречная тетка в куртке.

Уайлер, не обращая внимания на толкающихся пешеходов, говорил по-английски, обращаясь к архитектору.

— Поправился ваш проект, мистер архитектор, — перевел Джон.

— Не пройти, — сказала девушка, проходя мимо мужчин.

— Подпишем контракт и не забудем о вашей помощи, — добавил Сидорчук.

Архитектор в радостном волнении теребил чертежи, заискивающе поглядывая на говорившего мистера Уайлера.

— Глядишь, — довольно засмеялся Джон Сидорчук, — и поможем перестройке...

* * *

А в поселке «Закат коммунизма» шла облава на бродячих собак. Живодер протащил на петле визжащую дворняжку.

— Что ты упираешься, сволочь шелудивая? Ну, шшел! — И он затолкнул несчастную собаку в грузовик.

Федя, остановившись как вкопанный, с ужасом смотрел на эту жуткую сцену. Когда живодер ушел, Федя крадучись подошел к машине и заглянул вовнутрь. Сквозь решетку на него смотрели десятки печальных собачьих глаз. Федя оглянулся и, не увидев никого поблизости, поспешно схватил металлический прут и открыл клетку. Собаки с радостным лаем вырвались на волю. Федя, спрятавшись за угол дома, с удовлетворением наблюдал за творением рук своих...

Щенок овчарки нерешительно топтался на краю машины и визжал, боясь прыгнуть... Федя взял его на руки и опустил на землю. Щенок визжа умчался...

* * *

Федя поднялся по насыпи к паровозу. Машинист мыл красную звезду и разговаривал сам с собой...

— Здравствуйте, Машинист! — поклонился ему Федя. — Как поживаете?

— А, Федор Степанович! Здравствуйте! — Машинист скользнул по старику безумным взглядом и поинтересовался: — Вы завтрашние газеты читали? Гидра империализма опять поднимает голову! Отрубить щупальца пентагоновским ястребам — вот задача мирового пролетариата!

— Совершенно верно, — сказал Федя, слушая приемник. — Я с вами согласен.

— «Ликвидировать первичные партийные организации КПСС, — радостно вещал диктор из приемника, — на сегодняшний день постановили практически все забастовочные комитеты города»...

К паровозу с чайником поднялся толстый бомж Степан и начал набирать кипятка.

— Здравствуйте, Степан! — сказал Федя, проходя мимо.

— Здорово! — с пренебрежением глядя на старика, поздоровался Степан...

Президент, с рваной женской шалью на плечах, сидел возле кровати и чистил картошку. Рядом с ним стоял протез ноги. Апартаменты Президента представляли собой довольно жалкое зрелище. Он жил в кузове троллейбуса. Свет падал сквозь лобовое стекло, освещая руль, приборную доску, «буржуйку», металлическую кровать, ломаный письменный стол, видимо выброшенный какой-то канцелярией, и старинное кресло, в котором уютно расположился Федя.

— Послушай, Федя, у меня был контакт с инопланетянами, — сказал Президент заговорщическим тоном. — Они собираются всех нас взять с собой. И я забронировал для тебя место.

Но, к удивлению Президента, Федя отнесся к его сообщению безразлично.

— А чего я там не видел? — спросил он.

— Балда! Ты ничего там не видел! — возмутился Президент. — Они говорят, у них там человеческая жизнь!

— Спасибо, Митя! Я очень тронут! — сказал Федя с чувством признательности. — Но я не полечу!

— Почему? — удивился Президент.

Федя, смутившись, что-то пробормотал.

— Что? — переспросил Президент.

— Женюсь, — со счастливой улыбкой сказал Федя.

— В который раз? — поинтересовался Президент.

— Официально в седьмой, — сказал Федя и добавил, — но... на этот раз в последний.

— Ты что, — переспросил Президент, — значит, лететь отказываешься?

— А я и так летаю, — простодушно улыбнулся Федя. — На крыльях любви.

— На чем летаешь? — не понял Президент.

— На крыльях любви, — повторил Федя.

В это время в вагончик влетела Анька.

— Ой, зуб болит! — с порога застонала она, держась за щеку.

— Я все вижу, Анька! — голосом пророка сказал Президент. — Проходи, садись!

— Ой... — всхлипнула Анька. — Во, видишь, во! — Она показала Президенту свою опухшую щеку.

— Вижу, — сказал Президент. — Ну.

— О-о-о! — застонала Анька.

— Митя! — Федя встал и поправил галстук «бабочку».

— Подожди ты! — Президент поднес руки к Анькиному лицу и сосредоточился.

— Ты мой самый бли... — торжественно начал Федя, но Президент его прервал:

— Дай сосредоточиться!

— О-о-о-о! — еще громче застонала Анька, с ужасом косясь на руки Президента.

Федя, чтобы не мешать, тихонечко отошел от них, присел к печке и подбросил в огонь поленья.

— Тараканеха! — крикнула за окном Бомжиха. — Пошли на овощную базу! Капусту коммуниздить!

— Сейчас! — не заставила себя уговаривать Лидка. — Мешок только возьму...

— Чувствуешь мое биополе? — спросил Президент, делая пассы руками возле Анькиного лица.

— Какое поле? — удивилась Анька.

— Ну не колхозное же! — рассердился Президент. — Тепло мое чувствуешь?

— Чувствую! — еще более удивляясь, пробормотала Анька и вдруг, ощутив щеку, сказала с восторгом: — Ой! Не болит! — Она кокетливо расправила на плече выдающую виды чернобурку. — Не болит... Маг! — И уже от дверей состроила Президенту глазки. — Волшебник! Бу-тылка за мной!

— Еще чего! — заскромничал Президент.

Федя снова расправил «бабочку», встал перед Президентом и торжественно сказал:

— Митя, ты мой самый близкий друг!

— Еще бы! — согласился Президент. — Вместе одну баланду хлебали.

— Я прошу тебя быть свидетелем на моей свадьбе! — не обращая внимания на комментарии, продолжил Федя. — Официальная часть в ЗАГСе, неофициальная — на моей новой даче. Вот приглашение...

— Хорошо, приду, — сказал Президент, взяв приглашение.

— Да, и конверт.

Президент неодобрительно хмыкнул. Федя в перешителности переминался с ноги на ногу.

— Спасибо, — поблагодарил он Президента и, пока-

зав глазами вниз, на ширинку брюк, робко попросил: — А... Э... С этим помочь не можешь?

— Зачем же тогда женишься? — удивился Президент.

— Люблю, — скромно сказал Федя.

— Ну, если любишь, все получится! — обнадежил его Президент и поднес руки к ширинке Фединых брюк.

— Да? — поверил ему Федя и, почувствовав биополе Президента, сказал радостно: — А-а-а! О!

— Нет, все хорошо! — удивился Президент. — Я думал — хуже.

В это время в дверь влетел запыхавшийся Соломон:

— Президент, скорее! Милиционера бьют!

* * *

Прежде чем обрадоваться приезду матери, Вася очень удивился.

— Мама! — сказал он, не веря своим глазам.

— Васенька ты мой! — прослезилась мамаша. — Маленький ты мой!

— Мама! Ей-богу, мама! — вылезая из-за стола, обрадовался Вася и сказал другу: — Витек, ты видишь, мама моя приехала!

Витек уже ничего видеть не мог, так как спал, привалившись к стене.

— Сыночек ты мой! — Катя с нежностью посмотрела на своего небритого, не очень трезвого сына в рваной майке и тренировочных штанах.

— Мама! — Вася обнял Катю вместе с вещами.

— Гостинцы-то возьми! — Катя освободила от объятий сына сетку с яблоками и вареньем.

— Гостинцы? — удивился Вася.

— Ой, подожди! Дай, я поставлю сюда! — Катя пристроила сетку на стол с остатками многодневного выпивона. — Ой! Господи!

— Ну, мама! — Вася вытер слезы восторга. — Вот праздник, так праздник! Держи, Витек! — Вася придавил друга мамашиним чемоданом, но бедный Витек так и не проснулся.

— Ой, дай я тебя поцелую! — потянулась к сыну Катя. — Вырос ты... Вырос-то как! Милый мой!

— Это дело надо вспрыснуть! Мамуль... — но сын уже отвлекся от матери и вернулся к столу. — Мамуля!

— Хороший ты мой! — Катя погладила сына по голове.

— Это дело надо отметить! — Вася разлил остатки бормотухи по стаканам. — Мамадя, ну? Мамадя...

— Ах! — наконец сообразила Катя и села за стол.

— Мамань, давай! — Вася протянул Кате стакан и чокнулся с ней. — С приездом!

— А мне? — вдруг потребовал женский хриплый голос из-за ситцевой занавески.

— Ой! — спохватился Вася и потащил мать к занавеске. — Я-то, балбес балбесом сажу! Я же тебя с Люськой не познакомил!

— А кто это? — спросила Катя. — Кто это?

— Это сожительница моя, — сказал Вася.

— Да ты что? — удивилась Катя. — Новая?

— Да, новая, новая! Посудомойкой работает! — похвастался Вася. — Ничего себе женщина!

Вася отдернул занавеску. На старом диване лежала встрепанная упитанная женщина и сердито смотрела на них.

— Здравствуйте! — оробев, сказала Катя.

— Люсико! — жизнерадостно крикнул Вася.

— Привет! — равнодушно поздоровалась Люська.

— Люсико, посмотри, кто к нам приехал! — Вася забрал у матери стакан с вином и, забравшись с ногами на диван, отдал его Люське. — Это ж мамадя моя! Помнишь, я тебе рассказывал?

— Ты садись, мамадя, — милостиво разрешила Люська.

— Спасибо, — поблагодарила Катя, присаживаясь на краешек дивана.

— Все ведь стоит и стоит! — удивился Вася скромности мамыши. — Ну, мамадя!

— Хорошая, — сказала Катя, глядя, как Люська пьет вино.

— Знаешь, какая хорошая? — согласился с ней Вася и дружески толкнул сожительницу локтем в бок.

— Дай ты выпить-то спокойно! — поперхнувшись, рассердилась Люська.

— Люсико, надо же, радость какая! — радостно тормозил сожительницу Вася. — Мамадя как снег на голову свалилась! Вот, ей-богу, праздник! Мамадя моя, единоутробная, Люсек! Знаешь, у меня мамадя какая! — похвастался Вася. — Вот она мне скажет: «Васек, прыгни в окно!» И я прыгну. Ей-богу, прыгну! Скажи, мамань! Хочешь, прыгну?

— Да ты что, не надо! — испугалась Катя. — Вася, не надо!

— А я все равно прыгну! — заупрямился Вася.

— Он тебе прыгнет, — хмыкнула Люська, почесав ногу сквозь дыру в чулке, — с первого этажа.

— Поверила! — заржал Вася. — Эх, маманя!

Вместе с ним засмеялась Люська и, глядя на них, робко хихикнула Катя.

— Зябко что-то, Вася! — поежилась Люська.

— Маманя, раздевайся! Снимай пальто. А чего ты все в пальто сидишь? — галантно ухаживая, Вася стащил с Кати пальто и выпроводил ее за занавеску. — Ты пойди вон, с Витьком потолкуй! Друганок мой, микробиолог.

Микробиолог причмокивал во сне, обнимая чемодан.

— Во, согревайся! — Вася заботливо укутал сожигательницу мамашиним пальто.

— Принесла ее нелегкая! — с раздражением сказала Люська.

— Да ну, ладно... — миролюбиво пробормотал Вася и попытался вскарабкаться на сожигательницу.

— Да иди ты! — Люська стряхнула его на пол.

— Ну, хрен с ней! — сказал Вася, поднимаясь с пола. — Маманя все-таки! Святое дело!

— Ой, тоска! — вздохнула Люська и почесала тигру с коврика на стене усы. — ...Смотрю-у-у, любимый... у-у-ух... — лениво запела она.

Вася сел за стол рядом с матерью.

— Ой, маманя, это домашние? — спросил Вася, откусив пирог.

— Сама пекла, — похвасталась Катя.

— Ну, маманя! — похвалил Вася.

В это время в дверь по-хозяйски вошли двое мужиков: молодой парень и мужчина средних лет. На шее одного из них висел новенький смеситель для ванной.

— А вот и мы! — сказал Женя, хозяин смесителя.

— О-о-о! Какие люди, — обрадовался Вася, — и без охраны!

— Трубы-то горят! — Женя щелкнул краном смесителя.

— Садись! — радушно пригласил Вася.

Но Женю и не надо было особенно долго упрашивать. Он уселся и потянулся к бутылке.

— Мы спешим, а выпить нечего! — расстроился Женя, обнаружив, что бутылка пуста.

— Ну, это мы поправим в один секунд! — обнадежил мужиков Вася. — Люсико!

— Чего? — лениво поинтересовалась Люська из-за занавески.

— Люсико! Сгоняй-ка за бутылочкой! — сказал Вася и похвастался: — Ну, дружки, маманя моя приехала.

— Здравсьте! — Дима только сейчас заметил незнако-
мую старуху за столом.

— С приездом! — поклонился Женя.

— Здравсьте! — поздоровалась Катя.

Вася для порядка полез в карман, денег не обнаружил и очень удивился.

— Ну, мужики, кто одолжит до аванса чирик? — поинтересовался он у друзей.

Мужики поскучнели.

— Ты чего, на работу устроился? — спросил Дима.

Вася брезгливо оттопырил губу.

— Да ты что, я — «совок», что ли? Дураков нет! — возмутился Вася, кивнув головой на ободранную стену, и заметил сидящую возле нее мать. — А? Мамань? — Вася с надеждой посмотрел на Катю. — Ну, ну, мамань?

— У-у? — не поняла старуха.

— Одолжи чирик до аванса. Ну, перед людьми неудобно! — попросил Вася. — Надо же отметить твой приезд в хорошей компании!

— Ну, ну! Да, да, да! — согласилась бабка и начала рыться по карманам в поисках кошелька. — Сейчас, сейчас, сейчас.

— Не тяни, мамань! — поторопил ее Вася.

— Сейчас. — Катя нашла кошелек и открыла его, собираясь достать червонец.

— Мужики, маманя у меня — золотая женщина! — Вася, избавляя мать от хлопот, забрал у нее весь кошелек. — Такая старуха! Я люблю ее до смерти!

— Ого-го-го! — согласился с ним Женя.

Из-за занавески вышла Люська в пальто из кожзамени-
теля, вязаном берете и тряпичных кроссовках.

— Ну, скорее! — Вася отдал Люське кошелек. —
Давай, Люсико! Одна нога здесь, другая — там!

— Да, — хихикнула Люська, — на метле — в Ин-
терконтиненталь!

— Кошелек вернешь! — приказал Вася.

— Это же пенсия вся! — попыталась было возразить
Катя.

— Авоську-то дайте! — Люська бесцеремонно вы-
тряхнула из сетки мамашины гостинцы.

— Не беспокойся, мамуль! — успокоил Вася бабку. —
Она — хорошая! Она, знаешь, как тебя любит?

Люська с грохотом открыла дверь и неторопливо пошла по длинному коммунальному коридору.

— «Эх! Я на тебя смотрю, любимый, со невозвратной стороны...» — с чувством запела она.

* * *

Анфимья Степановна Елистратова, она же Фима, в дряхлом «рабочем» пальто, платке, альпинистских ботинках и с перевязанным глазом, сидела на мосту около кинотеатра и просила милостыню.

Вернее, «просила» — это сказано неточно. Скорее, бабка Фима вымогала ее у прохожих. Периодически старуха тайком прикладывалась к фляжке с коньяком, вытаскивая ее из-за пазухи. После этого она начинала кричать еще яростнее:

— Товарищ! Я вижу, что вы в душе — член КПСС!

— Чего? — высокомерно спросил ее на бегу гражданин в шляпе.

— Окажите материальную поддержку первой пионерке!.. — потребовала Фима, но мужчина прошел мимо. — Старая жопа! — презрительно сказала она ему вслед, но тут же переключила внимание на новый объект для вымогательства. — Девушка! — Женщина участливо остановилась возле старухи. — Девушка, перед вами — жертва коммунистического террора!.. Окажите материальную поддержку!

Девушка положила деньги в коробку из-под обуви, и Фима рассыпалась в благодарностях: — Боженька вас не оставит! Вашей мамочке тоже подадут... Вспомните меня!.. Дамочка, подайте... — обратилась она к худой старухе в берете и кожаном пальто довоенного производства и осеклась. — Ой... ёлки!

— Боже, какой кошмар! — изумилась Аглая. — Фима, это ты?

Фима совсем не обрадовалась встрече со старой подругой.

— Нет, это призрак вашего коммунизма! — сердито сказала она и отвернулась от Аглаи. — Деточка, подойди! — позвала она шедшего мимо школьника. — Подойди ко мне, мой пионер! — И поинтересовалась у мальчишки: — Скажи, тебе в школе про милосердие рассказывали?

— Не-а, — жизнерадостный пионер ел мороженое.

— Фима! — укоризненно сказала Аглая.

— Да отойди ты, я тебе говорю! — рассердилась на нее Фима и снова обратилась к пионеру: — Бл...ская... Паршивая школа у тебя, деточка! — поспешно поправилась она и спросила: — А... тебе папа с мамой денежку дали? Дали на завтрак?

— Ну, дали немножко, — признался пионер.

— Дали немножко... — обрадовалась Фима. — Ты ж все равно все прокуришь, проиграешь в автоматы! Дай тете Фиме денежку! Она за твоё здоровье супу выпьет!

Мальчик поддался на уговоры и отдал деньги Фиме.

— Ах ты, моя умница! — похвалила Фима пионера.

— Фима... — опять укоризненно сказала Аглая.

— Да что ж ты мешаешь работать?! — возмутилась Фима. — Нашлась тут...

— Как тебе не стыдно, Фима? — начала читать нотации Аглая. — Ты же интеллигентная женщина! Ты же художница, а сидишь на паперти с протянутой рукой!

— Что ты называешь папертью? — поинтересовалась Фима. — Этот засранный асфальт? Вся страна стоит с протянутой рукой!

— Да... Это любовь к красивой жизни довела тебя до такого состояния! — сделала свои выводы Аглая.

— Перестань кудахтать! — сказала Фима. — Угости лучше хорошей сигареткой!

— Я курю «Беломор». — Аглая достала пачку папирос.

— Ты бы лучше «Мемориал» курила! — Фима безрелигиозно поморщилась.

— Ой!.. — возмутилась Аглая. — Что ты несешь?

— Сейчас я угощу тебя шампанским! — предложила Фима и потащила Аглаю вниз по лестнице в кафе-поплавок.

— Тебя сюда не пустят! — испугалась Аглая.

— Это тебя не пустят! — гордо сказала Фима и крикнула девочкам, сидящим на перилах кафе-поплавка: — Привет, путанки!

— Ты что? — Аглая схватила Фиму за рукав.

— Как жизнь половая? — поинтересовалась Фима у девочек.

— Получше, чем у тебя будет! — фыркнула одна из них.

— Не груби бабушке! — одернула ее Фима.

— Фима, как ты себя ведешь? — упрекнула ее Аглая.

— Это со мной! — небрежно указав на Аглаю, сказала Фима швейцару...

В кафе они сели за столик у окна.

— Значит, так, Сережа, — сказала Фима, подозвав официанта, — бутылочку шампанского и два пирожных!

Она разложила на тарелке салфетку и высыпала на нее целую горку мелочи.

— Ого! — удивился официант.

— Сдачи не надо! — величественно произнесла Фима.

— Не много ли? — ехидно улыбнулся официант.

— А! — небрежно махнула рукой Фима. — Гуляем!

Может женщина себе позволить маленькую слабость? — И, дождавшись, когда официант ушел, спросила, закуривая: — Ну, ты на демократической платформе или упираешься по-прежнему в ленинизм?

Аглая закурила и поморщилась оттого, что Фима затрагивает ее идеалы.

— Ну, Фима, — укоризненно сказала она...

* * *

Васька, придерживая рукой голову, с трудом сел в кровати.

— Ой, что ж так голова-то болит, господи? — удивился он. — Ой, водочки бы сейчас. Или пивка бы.

— Давай талоны, сбегая! — сказала ватное рваное одеяло хриплым голосом.

Вася испуганно прижался к стене:

— Ой! Кто это?

Из-под одеяла выглянуло помятое женское лицо:

— Кто, кто? Люська! Люська это. Дурак тебя понохал!

— Ой, Люсико! — с облегчением вздохнул Вася.

— Ты что, не узнал, что ли? — спросила она.

— Люсико! — обрадовался Вася и полез на сожительницу.

— Да куда ты лезешь-то? — стряхнула его с себя Люська.

Вася с трудом добрался до чайника и, жадно булькая, начал пить прямо из носика.

— Люсь, какой день-то сегодня? — силясь хоть что-нибудь вспомнить, поинтересовался Вася.

— А-а... Понедельник, — не просыпаясь, буркнула Люська.

— Что же это я? — удивился Вася. — Три дня, что ль, как фантик?.. Ни хрена не помню!

Он оглядел грязную комнату, подошел к столу, зава-

ленному обедками и окурками, и повертел в руках пустую водочную бутылку.

— Ай, сволота! — возмутился Вася. — Как цены вздули!

И тут его взгляд остановился на пальто матери, под которым кто-то спал на ободранном диване. Вася подошел и стащил пальто.

— О, господи! — в ужасе пробормотал он.

Под мамашиним пальто спал Женька.

— Смеситель финский! — не просыпаясь, сказал он и шелкнул краном висящего на шее смесителя.

Ища мать, Вася в недоумении огляделся. Но комната была пуста.

— Люсь! — дрожащим голосом позвал он. — Люся!

— У? — буркнула Люська из-под одеяла.

— А где маманя-то моя? — спросил Вася.

— Ты ее выгнал...

— Куда?

— Куда, куда? — рассердилась Люська. — На улицу...

— Чего ты говоришь, на улицу? — не поверил Вася. — На улице-то холодно. Пальто вон ейное на Женьке.

— Пальто ты мне подарил! — отстаивая свою собственность, проснулась Люська.

— Подожди, подожди, Люсь! — вздохнул тяжело Вася. — Ты мне расскажи, чего было-то?

— Ну, чего? Ну, побил ты ее и выгнал.

— Ой! — удивился Вася. — А чего это я?

— Осерчал...

— Почему?

— Ну, я почему знаю? — сказала Люська и вздохнула, засыпая: — Ой, тоска!...

* * *

По магазину «Кулинария» бродила бабка Катя в рваной одежде, подаренной ей добрыми людьми. Ей ужасно хотелось есть, и она заискивающе улыбалась жующим людям. Но те не обращали на нее внимания.

Катя добрела до окна и остановилась напротив толстяка, который ел сосиски. Она так внимательно на него смотрела, сглатывая слюну, что толстяк не выдержал и подарил ей свой пирожок. Бабка хотела его съесть не торопясь, но у нее ничего не получилось. Пирожок проглотился сам собой. И от этого есть захотелось еще больше. Катя снова уставилась на толстяка. Но теперь

она уже положила глаз на сосиски. Толстяк почувствовал себя неуютно под ее внимательным взглядом. Он отодвинул тарелку, хлебнул было чаю. Но, посмотрев на несчастное лицо старухи, стоящей напротив него, поспешно схватил папку и вышел из «Кулинарии».

Катя робко потянулась к недоеденным сосискам, но в это время уборщица подкатила к столу тележку с грязной посудой и смахнула в нее тарелки со стола. Катя, которая уже чувствовала во рту вкус сосисок, стояла, словно громом пораженная. А тетка, выжав над божественными сосисками грязную мокрую тряпку, небрежно протерла стол и укатила тележку...

* * *

По улице мимо Кати кокетливой походкой красивой женщины шла дама. Она несла сумку, которую просто распирало от продуктов. Аппетитная румяная булочка свешивалась через край сумочки, словно собираясь вот-вот выпрыгнуть.

Катя потянула носом, стараясь уловить запах булочки, и машинально пошла следом...

Дама с сумочкой остановилась у светофора. В это время у Кати появился неожиданный конкурент. Здоровый голодный пес пристроился к булочке и попытался ее стащить.

— Фу!.. Брысь!.. Уйди! Нельзя! — Катя отогнала пса и положила булочку на место. — Не твоя булочка! Шарик... Бобик... Как тебя? Уйди! Брысь!

Загорелся зеленый свет, и дама со своим голодным эскортом пересекла улицу. Катя с трудом отбивалась от своего наглого соперника пса:

— Уйди, дурак! Чего ты привязался к булочке?

В это время дама прошла мимо Фимы, просившей милостыню. И булочка, которая так долго собиралась упасть, наконец решила на этот поступок и упала в Фимины коробку. Дама была так сосредоточена на собственной красоте, что даже не заметила пропажи булочки.

Бабка Фима, услышав шлепок, заглянула в коробку и послала уходящей даме воздушный поцелуй. Булочка ей понравилась, она достала ее из коробки и куснула. И в этот момент с другой стороны в булочку вцепилась Катя и тоже куснула.

Фима очень удивилась и, держа булку и руками, и зу-

бами, уперлась ногами в Катин живот, пытаясь отбить булку. Но Катя держалась за булку мертвой хваткой. Немая схватка длилась несколько минут. Собака, оставшаяся не у дел, заливалась лаем. И в это время старухи в пылу борьбы потеряли булку. Пес схватил ее и злобно зарычал на старух.

— Ой! Это же моя булка! Я ее выследила! — закричала Катя.

— Накося, выкуси! — Фима сунула фигу в нос нахальной старухе.

— Моя булка! — настаивала Катя и попросила собаку: — Отдай булочку!

Держась друг за друга, бабки пошли в наступление на пса.

— Бобик, дай корочку! — ласково сказала Фима, пытаясь подлизаться к собаке.

Собака зарычала и бросилась на них. Катя в испуге отдернула руку, попятилась и опрокинула Фимину коробку.

— А-а! — Катя смутилась от собственной неловкости. — Ой! Что я наделала!

Мелочь из коробки рассыпалась по ступенькам.

— Чтоб ты сдохла! — расстроилась Фима и начала собирать деньги со ступенек. — День работы пропал. Ну-ка, давай подбирай! — приказала она Кате.

— Ну, чего вы? — недовольно сказал прохожий, едва не наступивший на ползающих по ступенькам старух. — Ну, чего здесь расселись? Дайте пройти!

— Деньги топчешь! — Фима спихнула Катю с бумажных денег.

— Я? Сейчас... — Катя попятилась. — Ой!

— Да какие это деньги! — пренебрежительно сказал проходивший мимо мужчина. — Фанера!

— Ой! Ой, ой, ой! — вдруг застонала Катя и села на ступеньку. — Ой, помираю, кажется!

— Ты что, мать? — удивилась Фима.

— Голодаю, я, — сказала Катя.

— А так и не скажешь, — Фима критически оглядела новую знакомую, — на вид упитанная.

— Я с голоду пухну, — вздохнула Катя.

Фима достала из-за пазухи фляжку с коньяком и предложила Кате отхлебнуть:

— Грамулечку.

— У-у-у, — попыталась было сопротивляться Катя, но Фима настояла.

— Давай, давай!! — Она допила остатки и сказала: —

В Сокольниках открыли столовую милосердия. Говорят, бесплатно кормят. Тебя как, тетка, зовут?

— Не припоминаю. — Катя икнула.

— А живешь где?

— Не знаю. — Катя пожала плечами.

— Такси! Шеф, стоять! Стоять! — Фима пыталась поймать на дороге такси. — У, засранец! Все такие! — сказала она уехавшему шоферу и поинтересовалась у Кати: — Безродная, что ли?

— Ничего не помню. — Катя опьянела, и язык у нее начал заплетаться.

— Значит, так, меня зовут Анфимья. Но тебе я разрешаю звать меня Фима. — Она вернулась к сбору денег со ступенек. Фима подняла Катину ногу и вытащила из-под нее купюру. — Конвертируемый рубль! — Она сообщила бабке: — А ты будешь Катя, согласна?

— Угу, — согласилась Катя.

— Фамилии у тебя тоже нету? — спросила Фима.

— Откуда же ей взяться? — снова икнула Катя.

— Дура! — назидательно сказала Фима. — Иванова — твоя фамилия. Иванова! Ежу ясно! Посмотри на себя.

— Хорошая фамилия! — согласилась Катя и поблагодарила: — Спасибо. Спасибо тебе, Фима, что ты меня отогрела.

— Такси! Шеф! Стоять! — Фима снова занялась ловлей такси. — Шеф!

— Может быть, пешком пойдем? — предложила Катя.

— Мусоров на вас нету! — грозила Фима проезжавшим машинам.

— Пойдем пешком, — робко повторила свое предложение Катя.

— Пешком! — презрительно фыркнула Фима. — Пешком тебе только на кладбище.

— Ой, что-то с ногами! — Катя встала и попыталась шагнуть, но ноги ее не слушались. — С ногами...

— Старая калоша! — Фима помогла Кате встать и крикнула остановившейся возле них черной «Волге»: — Шеф! Стоять! — И добавила: — Один раз живем.

* * *

Черная «Волга» остановилась возле столовой милосердия. Фима вылезла и поблагодарила шофера по-французски.

— А деньги? — потребовал шофер.

Фима высыпала ему в открытое окно содержимое коробки.

— Маловато, бабуся! — сказал шофер, пересчитав деньги.

— Развратили мы вас, номенклатуру! — рассердилась Фима и швырнула пустой коробкой в лобовое стекло. — Буржуи, разъездились!

Фима подхватила Катю и потащила ее к столовой.

— Фим, как славно пахнет! — сказала Катя, принимаясь.

— Милосердием пахнет! — согласилась с ней Фима.

Но на пути к милосердию их ждала непроходимая стена из голодных стариков. Фима тащила Катю, протискиваясь через толпу.

— Не пускайте их! — закричала одна злобная старуха.

— За мной, пожалуйста, — сказала бабка из хвоста очереди.

— Я...Я с инвалидом! Да пусти ты! — кричала Фима, протискиваясь к заветным запахам. — Сбежались тут на халяву! Только что ногу сломала женщина. — Она тащила Катю на спине, как будто выносила ее с поля боя. — Только что... Ногу сломала... — Фима орала, расталкивая стариков. — Есть хочет...

— Убрать их! — приказал директор столовой, выглянув за дверь.

— Тс-с! — зашипел швейцар.

В столовой милосердия снимало телевидение.

— Уважаемые телезрители! — говорил тележурналист. — Столовая милосердия — характерная примета нашего времени. Перед вами, — он представил упитанного мужчину, — один из учредителей районного фонда милосердия — председатель райисполкома Милов Валерий Павлович!

Председатель исполкома откашлялся и сказал:

— Сегодня свершился новый акт милосердия. Наш районный фонд открыл благотворительную столовую для малоимущего и пожилого контингента. — Дама из собеса, стоящая рядом с Миловым с гвоздиками в руках, кивала головой, явно соглашаясь с председателем. — Это очередное детище перестройки, — продолжал Милов. — И я глубоко уверен, товарищи, что в нашем городе с каждым годом будет появляться все больше и больше новых столовых для нищих и стариков.

— Спасибо, — поблагодарил его корреспондент.

Дама из собеса, директор столовой, жирные поварахи и не менее упитанные официанты заплодировали ему.

Только обедающие старики не обратили на телевизионную съемку никакого внимания. Они торопливо и безучастно ели свой бесплатный обед...

Швейцар оборонял дверь в зал от Фимы и Кати, когда в вестибюль вышли Миров, дама из собеса и директор столовой.

— Талончики есть? Отойдем! — сказал швейцар, отпихивая Фиму и Катю. — С талонами трое проходят.

— Какие талончики? — удивилась Фима. — Покажите талончики.

— Дорогие мои женщины! — сказал лоснящийся от доброты директор столовой. — Предъявите талончики!

— Без талонов... — Швейцар отбивался от Фимы, пытаясь запустить очередных стариков. — Трое...

— У нас женщина сломала ногу, — не уступала Фима, — и хочет есть!

— Да, да, да! — Директор столовой ласково отпихивал бабок.

— Милые женщины, — сказал Миров, надевая пальто, — мы бы с удовольствием накормили вас без талонов! Но без талонов нельзя!

— Да, — поддакнул директор.

— Вы обратитесь в райсобес, — посоветовал Миров, — там обследуют ваше материальное положение, жилищные условия, наличие родственников...

— Анализ крови, — подсказала дама из собеса, которая дожевывала что-то милосердное.

— Нет, анализ крови не обязателен! — сказал Миров и продолжил свои полезные советы: — Когда соберете все эти справочки о вашем бедственном положении, вам выдадут талоны на милосердие. Ну, и тогда милости просим!

— Идите! — послал старух директор столовой. — Идите в райсобес!

— Одну накормите! Вот эту! — Фима пропихивала вперед Катю. — Она мало ест!

— Георгий Прохорович, помогите, проводите... — попросил у швейцара директор столовой, вытирая лоб, — только вежливо!

Швейцар, отставной военный, не мог постигнуть умом сущности бесплатных обедов и поэтому презирал всех этих нищих стариков, считая их лодырями и попрошайками.

— Без меня никто не проходит! — приказал он ожидающим обеда старикам и под вопли голодной очереди взял старушек под локотки и повел к дверям.

— Бандиты!.. Поганцы советские! — сопротивлялась Фима. — Фашист! Вертухай!

Швейцара коробило от подобных слов.

— Вот рвань-то! — брезгливо сказал Георгий Прохорыч. — А туда же, права качать!

— Подавись ты, — не сдавалась Фима, — милосердием вашим!

— Ведь больно же! — пожаловалась Катя.

Швейцар поставил старух перед дверью, приказал им: — Замри! — и выбил клин из-под двери. Дверная пружина распрямилась, и дверь вышибла старух вон.

Полет Фимы и Кати можно было сравнить только с полетом валькирий. Они перемахнули в воздухе через едущий автомобиль и шлепнулись на асфальт. Прямо возле них резко затормозила машина. В нее врезалась другая, которая не успела так быстро затормозить. А уже через нее перелетел мотоциклист...

— Что это было? — удивилась Катя.

— Ой, ой, ой! — рядом с ней стонала Фима.

— Фимка! — радостно сказала Катя. — Слава богу, живы и есть не хочется!

Фима нашла на земле обломок кирпича и с трудом поднялась.

— Получи, фашист, гранату! — Она запустила камнем в окно.

Раздался звон разбиваемого стекла, и показалось испуганное лицо швейцара.

— Господи! — ужаснулась Катя.

* * *

Пожилой милиционер Тимофеич привел Фиму и Катю в маленькую тюрьму, находящуюся во дворе милиции.

— Дима! Получи бабушек! — сказал он младшему лейтенанту. — Пятнадцать суток за хулиганство.

— Да куда же я твоих старух дену? — возмутился розовощекий Дима. — Посмотри, вон у меня все камеры битком!

Тимофеич посмотрел:

— А отставник-то у тебя один сидит. Посели к нему женщин.

— Да ты что, Тимофеич! — усомнился младший лейтенант. — Он все-таки как бы мужчина! Не положено.

— Да брось ты! — махнул рукой Тимофеич. — Не все ли равно. Ну, чего тут церемониться? У нас с местами плохо, Дима!

Дима только вздохнул, достал связку ключей и открыл камеру:

— Входите!

В камере на нарах сидел веселый толстячок. Одет он был в галифе, кеды и старый мятый китель.

— Семен Ефремович, я к вам старушек привел на поселение, — сказал Дима. — Не к ханыгам же их сажать!

— Товарищ лейтенант, — рассердился вдруг толстячок, — как нужно обращаться к старшему по званию?

— Ах, да, виноват. — Дима спрятал улыбку и, вытянувшись в струнку, гаркнул: — Разрешите обратиться, товарищ полковник в отставке?

— Обращайтесь! — разрешил Семен Ефремович.

— Приказано женщин разместить в вашей камере для отбытия наказания!

— Размещай! — скомандовал полковник. — Кругом, шагом марш! Вот то-то же.

Катя остановила Диму в дверях:

— Простите, а белье где?

— Белье положено, — подумав, сказал Дима, — но не бывает.

И он закрыл камеру.

— И тут дефицит! — вздохнул полковник и, встав с нар, предложил: — Ну, давайте знакомиться!

— Анфимья Степановна! — представилась Елистратова, кокетливо протягивая полковнику руку. — А это моя подруга!

— Очень приятно! — сказал Банзай, пожимая ей руку, и повернулся к Кате.

— Катя Иванова, — блудливо хихикнула Катя.

Фима внимательно на нее посмотрела и со всей силы наступила ей на ногу.

— Очень приятно! — Полковник пожал старухам руки, встал по стойке «смирно», выкатил грудь колесом и, приложив руку к воображаемому козырьку, сказал: — Добро пожаловать! Прошу садиться! Я хоть и красный офицер, — добавил он с достоинством, — но с женщинами, как говорят, обращаться умею!

— Очень приятно, — женственно улыбнулась Фима, присаживаясь на нары. Катя примостилась с нею рядом

— Разрешите представиться! — Полковник одернул китель и щелкнул каблучками.

— Пожалуйста, — обворожительно разрешила Фима.

— Бахурин Семен Ефремович! Полковник в отставке. Участник русско-японской войны! — гордо сказал Банзай.

— Девятьсот пятого года, что ли? — удивилась Фима.

— Сорок пятого, — с обидой в голосе поправил полковник.

— Цусиму просрал? — обнаружила свои глубокие знания истории Фима.

— Чего? — обиделся Банзай и добавил с достоинством: — Я Муданьцзян взял!

— Что он взял? — спросила Фима у Кати.

— А, так ты еще и глухая! — презрительно сказал полковник.

— Ну, извините, — пожала плечами Фима. — Мне-то один хрен!

— А тебя-то сюда за что? — Банзай резко перешел на «ты». — Насколько я понимаю, за хулиганство, да?

— Почему? — обиделась Фима и сказала гордо: — Я политическая. Я борюсь с их милосердием!

— Политические так не выражаются, — назидательно заметил полковник. — Просрал...

— Ну... Ну, извините, — смутилась Фима. — Вырвалось.

— А ты за что? — спросил Банзай у Кати.

— Я голодаю, — вздохнула Катя.

— Против кого? — спросил полковник.

— Просто очень кушать хочется.

— Ну, сейчас многим хочется, — сказал полковник, вспомнив свой скудный паек в тюрьме, и решительно добавил: — А вообще-то с этой административно-командной системой кончать надо!

— Да, верно, — согласилась с ним Фима.

— Ой, какой интересный мужчина! — восхитилась Катя. — Вы холостой?

На что полковник вполне резонно ответил:

— Каждый мужчина в командировке — холостой.

— Остроумно! — подумав, сказала Фима...

Через окошко в двери камеры Катя получила миски с едой.

— Спасибо. Ой, вкусно! — Она отнесла миску Фиме и села со своей миской на нары.

Но Фима даже не обратила внимания на еду. Она сидела на нарах и вспоминала молодость:

— У меня папа генералом был. У нас всегда полно было военных. Вообще, приятно вспомнить!

— Да! — вздохнул Банзай, доедая свою кашу и голодными глазами поглядывая на тарелки соседок. — Раньше женщины очень уважали военных! Но, — он поскреб миску, — было за что.

— Ну, так теперь вас, — сказала Фима, возвращаясь из воспоминаний в сегодняшний день, — называют «сапоги»!

— Про него это не скажешь! — хихикнула Катя, кивнув на кеды Банзая.

Банзай горестно поглядел на свои ноги.

— Да упаси меня бог! — поспешно вышла из неловкого положения Фима. — Да что ж ты скребешь все? На вот, ешь! — И она протянула свою тарелку с кашей полковнику.

Катя проводила тарелку завистливыми глазами.

— А ты? — спросил Банзай.

— А! — махнула рукой Фима. — Я не ем, я — пью!

— А, гротеск! Понимаю, — сказал заметно повеселевший полковник.

— Это она так шутит! — объяснила Катя и засмеялась, по-собачьи наморщив нос.

— Анфимья Степановна, — по-военному сказал Банзай, — я тебе выражаю за это устную благодарность!

— Кушай на здоровье! — великодушно разрешила Фима.

— Спасибо, — поблагодарил Банзай с набитым ртом.

— За что сидишь-то? — спросила Фима.

— За убийство, — запросто сказал Банзай.

Катя ахнула, а Фима сначала даже не поверила:

— Брось!

— Да, — подтвердил Банзай, улетая кашу за обе щеки.

Обе старухи с интересом подошли к полковнику поближе.

— Господи! — с ужасом спросила Катя. — Кого же ты зашиб-то, милый?

Банзай облизал ложку.

— Я по утрам зарядку делаю. На балконе. В шесть утра. Ну, привычка у меня такая! Почему на балконе? Потому что там воздуха больше...

Отставной полковник так подробно рассказывал, что старухи просто увидели эту картину...

Семен Ефремыч вышел на балкон в галифе, кедах и в синей майке.

— Ну, как всегда, вышел. Квартирка у меня однокомнатная, но нормальная! Гирька двухпудовая на балконе ржавеет. Дай-ка, думаю, сегодня рекорд поставлю — семь раз выжму. Птички поют, настроение хорошее! Ну, стал заниматься, работаю, выжимаю, и вдруг...

Банзай сам себе командовал «раз, два, три»... Но не успел дойти до «шести», как увидел, что к дому подъехала машина. Из нее вышли двое молодых парней с домкратом и, подойдя к «Москвичу», начали бодро свинчивать колеса.

Банзай удивился.

— Эй! — крикнул он, перегнувшись через перила. — Вы чего делаете? Зачем колеса снимаете? Это же моя машина!

— Папаша, тебе полезно ходить пешком! — посоветовал один из парней, продолжая отвинчивать колесо.

Банзай заметался по балкону — от дверей к перилам, от перил к дверям.

— Ну, думаю, — продолжал он рассказывать старухам, — сейчас спущусь вниз — накостыляю им по шеем! Но, чувствую, не успею! Уйдут! Уж больно шустро работали...

— Эй! — крикнул Банзай, свесившись с балкона. — Отставить!

Второй парень поднял голову и приветливо сказал:

— Папаша, шел бы ты к своей мамаше! — но работать не прекратил.

И тогда Семен Ефремович, прицелившись гирей, предъявил похитителям ультиматум:

— Последний раз предупреждаю!

Ребята ловко сняли колеса. И тогда Банзай бросил гирю в машину похитителей. Гиря пробила капот. Лобовое стекло взметнулось фонтаном осколков. Оба парня, все побросав, в ужасе разбежались... В разбитой машине упал головой на руль водитель...

— И кто же знал, — продолжил Банзай свой рассказ, — что, оказывается, в этой ихней поганой машине за рулем еще третий сидел...

— Насмерть? — с ужасом спросила Катя.

— Да нет, гиря только капот пробила. Она его даже не задела. Правда, ему стеклом нос поцарапало, — до-

бавил Банзай, — но он почему-то уже пятые сутки без сознания...

Катя только ахнула, а Фима возмутилась:

— Да симулирует! Симулянт!

— Точно, — согласился с ней полковник. — Вот жду. Если он помрет, меня будут судить за убийство.

— Ты ешь! — успокоила его Фима.

— Спасибо! — поблагодарил ее Банзай. — А если нет, так его, как жулика. Но вообще-то мне все равно! — совсем расстроился полковник. — Я один. От меня жена ушла к гражданскому двадцать...

— Не может быть! — Катя толкнула локтем Банзая, и он от неожиданности просыпал кашу на галифе.

Фима заботливо принялась отряхивать полковника.

—...Двадцать три года назад, — закончил Банзай фразу.

— От такого интересного и ушла? О, господи! — удивилась Катя.

— Угу. Спасибо, — поблагодарил полковник Фиму за заботу.

— Шлюха! Потому и ушла! — решительно сказала Фима.

— Шлюха? Нет, не замечал, — в раздумье пробормотал Банзай. — Вообще-то может быть.

— Да, шлюха! — с убежденностью повторила Фима. В камеру заглянул Тимофеич.

— Ну, бабки, — бодренько сказал милиционер, — собирайтесь на работу!

— Чего делать-то? — спросила Фима.

— Милицию мыть, — приказал Тимофеич.

— Вот те раз! — удивилась Катя.

— Вас отмоешь! — презрительно фыркнула Фима...

* * *

Намотав тряпку на швабру, Фима добросовестно намывала «Ленинскую комнату».

— Жить будешь у меня, — планировала она Катину жизнь. — Место для работы мы тебе как-нибудь найдем. Хотя есть сложности: сейчас нищих столько развелось по всей стране — все стали умные! Но, главное, запомни, тебя должно быть жалко! Понимаешь, до слез жалко.

— Фима! — позвала Катя.

— А-у? — оглянулась Фима.

— Посмотри, вот так — жалко? — Катя сидела на полу и держала на коленях свое пальто, завернутое в платок, что должно было изображать ребенка.

— Не-а, не жалко! — твердо сказала Фима. — Совсем не жалко!

— А что, если... — Катя полезла за пазуху, собираясь представить из себя кормящую мать.

— И не доставай даже! — пресекла ее действия Фима.

— А почему? — спросила Катя.

— Ты вника, что ли, кормишь? Еще... там... лет сорок назад сошло бы, и то, прости, с трудом! — раскритиковала подругу Фима и снова принялась мыть полы на пятачке между сдвинутыми к стенам и столам и составленными друг на друга стульями. — Думай, Катя, думай! С рабочими местами плохо. Нищие Москву вдоль и поперек поделили. Участки закреплены. Придется в лапу давать.

— Фим! — снова позвала Катя.

— Да? — Фима отвлеклась от мытья полов.

— Фима, а так жалко? — Катя стояла на одной ноге, изображая из себя калеку. Глаз у нее был закрыт. «Пустой» рукав пальто заправлен в карман, зато здоровую руку Катя протягивала к воображаемым прохожим за милостыней.

Фима с состраданием посмотрела на подругу, но тут же пересилила себя:

— И так не жалко! Народ очерствел. Мы и не такое видели!

Расстроенная Катя опустила ногу:

— Ой, господи! Что же придумать-то?

— Понимаешь, место надо искать такое хлебное, — поучала Фима, продолжая мыть полы, — у кооперативного туалета. У кладбища, на худой конец.

— Фим! — позвала ее Катя. — Фима!

Фима оглянулась и завопила от ужаса.

— А-а-а! — от испуга она даже села. — Чтоб ты пропала!

Катя, внезапно превратившаяся в карлика, просила милостыню.

— Ну, как? — спросила она и запела: — «Разлука ты, разлука, чужая сторона. Никто нас не разлучит, лишь мать сыра земля!» Ну как?

Фима подошла поближе и рассмеялась.

— Они сейчас на патриотическое клюют больше, — посоветовала она.

— Да? — задумалась Катя, но быстро нашла выход из положения. — Тогда это!..

«Карлик» Катя замаршировала и подняла руку в пионерском салюте.

— «Взвейтесь кострами синие ночи! Мы — пионеры, дети рабочих!» Так, да?

Фима каталась от хохота:

— Я б тебя удочерила!

* * *

Фима закончила рисовать на стене портрет Банзая. Портрет получился огромный, от пола до потолка. Семен Ефремович сидел на нарах возле стены с портретом и очень серьезно позировал. Катя за спиной художницы расточала похвалы:

— Ой, какая красота! Ой, ну надо же, Фим! Ну, кто бы мог подумать?

Фима отошла на три шага от стены и оценивающе хмыкнула.

— Ты талант, Фим! Ты та... Ты... — Катя от восторга не смогла даже подобрать слов.

— Отдохни! — богемным голосом сказала ей Фима. — Не до тебя! — И разрешила полковнику: — Ну вот, можешь теперь посмотреть...

— Ну, ну... Я же говорю, интересный мужчина! — похвалила портрет Катя. — Господи, красота какая!

— С тобой горох хорошо есть! — рассердилась на подругу Фима.

Но Катя не обратила внимания на такие мелочи:

— Фим, Первого мая видела только такую красоту на Красной площади!

Банзай подошел к стене, осмотрел картину с разных ракурсов, а потом замер возле нее, как у карты военных действий.

— Дай сосредоточиться! — прервал он поток Катиного красноречия. — Я же изучаю... — И после минутной паузы он сказал одобрительно: — Ну, в принципе неплохо! Но у меня есть некоторые мелкие замечания. Вот ты мне тут геройские звезды сделала. У меня их нету. Потом, ты же меня маршалом тут нарисовала, а это неправда.

Фима была настолько обескуражена армейской прямоотой полковника, что даже обиделась:

— Ну, это естественно! Сейчас же все знают, как рисовать... Как музыку писать... Я не фотограф, дорогие мои! Я художник! — И она прочитала друзьям маленькую

лекцию о живописи. — Э, искусство — оно не одномерный, слепой отпечаток нашей мерзости, в которой мы существуем...

— Фимочка, ты не нервничай! — постаралась успокоить подругу Катя.

— Это прорыв в иную реал... — голос Фимы сорвался.

— Ты умная! — сказала Катя.

— Да идите вы оба! Не трогай меня! — окончательно рассердилась Фима. — ...В иную реальность — иллюзорную, и оно не имеет отношения к дерьму, где мы плаваем. Все, поголовно.

— Ну, я примерно так и понял! — после долгих размышлений сказал Банзай.

И в это время в камеру вошел Дима:

— Товарищ полковник в отставке, с вещами на выход!

— В суд? — растерялся Банзай.

— Домой! — улыбнулся Дима. — Ваш убиенный пришел в себя. Теперь его судить будем. Представляете, — пояснил он бабкам, — семь дней лежал в шоке. В сознание не приходил. Не могли понять, то ли живой, то ли мертвый. Вот Семена Ефремовича и держали.

Старухи расчувствовались.

— Иди сюда, дай я тебя обниму! — Фима обняла Банзая.

— Боже мой! Ой, какая радость! — разохалась Катя. — Вот справедливо же, справедливо!

— Одевайся! — приказала Фима обалдевшему от счастья полковнику.

— Давай скорее! — поторопила Катя, боясь, что Дима передумает.

— Вот эту, левую сначала. — Фима притащила шинель и начала ее натягивать на полковника.

— Вот эту, да, — Банзай одевался, как во сне, — раненую сначала.

— А я вот эту вот помогу, — подхватила Катя другой рукав. — Вот так, Банзай, не забывай нас на воле-то.

— ...Шапка где? — спохватилась Фима и напялила на полковника спортивную вязаную шапочку.

— Ладно, давайте посидим перед дорогой! — сказал Банзай старухам и сел. Бабки пристроились рядом и дружно склонили головы на его плечи. Полковник наконец встал и подошел к милиционеру. — Товарищ лейтенант, у меня к вам просьба! Ну, чтобы тут, в мое отсутствие, никто этих женщин, как говорят, не обижал!

— Есть, товарищ полковник! — пытаюсь скрыть улыбку, отсалютовал ему Дима.

— И еще прошу вас, как только они свой срок отбудут, позвоните мне домой персонально! — сказал Банзай. — Я лично за ними приеду в автомобиле!

— Есть, товарищ полковник! — улыбнулся Дима.

Банзай дошел было до двери камеры, но вернулся и остановился возле портрета.

— Эх, — с сожалением сказал он, — жаль, нельзя картину с собой забрать!

Когда дверь камеры закрылась за полковником и милиционером, Катя грустно вздохнула:

— Ушел... Ну, какой интересный мужчина, Фим!

Фима внимательно посмотрела на подругу и очень серьезно сказала ей:

— Катя, а знаешь что? Ты только на этого мужика глаз свой блядский больше не клади, ладно?

— Угу, — изумленно прошептала Катя.

* * *

Президент в своем «дворце» закончил зашивать дыры на свитере и надел его.

За окном президентского дворца Лидка-Тараканиха с кем-то ссорилась из-за бельевой веревки.

— Еще чего! Твоя веревка! — вопила она. — Это моя веревка!

— Угу, ничего, по-моему! Сойдет? — спросил Президент у Соломона, пившего чай.

— Куда вы собираетесь, Президент? — поинтересовался Соломон.

— Меня пригласили свидетелем на свадьбу, — сказал Митя, разглядывая себя в осколок зеркала.

— Свадьба здесь, у нас? — спросил Соломон.

— Нет, женится мой друг. Официально.

Соломон с сомнением оглядел наряд Президента:

— В этом вы скомпрометируете себя, жениха и всех нас!

— Но я не могу не пойти, — растерялся Митя.

— Так, — подумав, сказал Соломон, — у меня есть вполне приличный костюм. Я в нем защищал диссертацию. Сейчас я его принесу.

— Да ты что, Соломон, — запротестовал Президент, — я же в него не влезу!

— Но я был тогда полнее! — сказал Соломон.

— И выше? — спросил Митя.

Соломон грустно посмотрел на Президента.

— И выше, — согласился он.

В дверях Соломон столкнулся с целой делегацией. Группа мужчин под предводительством Аньки тащила упиравшихся главного архитектора и Джона Сидорчука.

— Держите их крепче! — руководила группой захвата Анька.

— Уберите руки! — сопротивлялся Сидорчук.

— Президент! — позвал Митю Степан, держа архитектора и Джона за шарфы. — Ну-ка, выгляни сюда! Тут додиков поймали.

— Что случилось? — спросил Соломон, с трудом протискиваясь сквозь толпу. — Что за шум?

— На ноги не наступайте! — блажил Джон Сидорчук. — Отойдите от меня! Вы не имеете права меня пинать! Я — американский подданный!

— Отпусти шарф! — перекрикивал архитектор Джона. — Меня тоже нельзя бить! Я при исполнении!

— Кто такие? — спросил Президент, выходя из «дворца».

— Президент, взглядишь в этих людей внимательно! — сказал местный литератор Соболев. — Это случайно не товарищи оттуда? — и он показал на небо.

— Нет! — Митя покачал головой.

— Диверсанты! — убежденно сказала Анька. — У этого мордатого нет паспорта, назвался председателем кооператива! А этот, точно, американец! — Анька, как к себе, залезла во внутренний карман к Сидорчуку и потрясла перед Президентом американским паспортом.

— Цереушников — вон! — завопил вечно грязный сумасшедший Машинист.

Петька с трудом протиснулся сквозь толпу к пленным.

— Бандюги! — возмутился он против своих. — Может, они с дружеским визитом от американских бомжей! Мы же теперь руссией-американ-бхай-бхай!

— Да замолкни! — приказал Петьке Степан.

— Правильно, правильно, — подхватил Петькину мысль Джон Сидорчук, — мы с дружеским визитом!

— Дружба! — подтвердил архитектор, скрестив руки в пожатии.

— Мир, дружба, перестройка, Горбачев! — обрадовался Джон.

— О, ёб... — Президент сморщился, как от зубной боли. — Говорите, с чем вы к нам пожаловали?

— Они что-то рисовали и фотографировали. А этот американец лучше меня говорит по-русски! Президент, это форменный шпионаж! — доложила обстановку Анька.

— Они хотят улететь вместо нас! — предложил свою версию писатель Соболев.

— Ну, так что, Президент? — Степан взял «за грудки» Джона. — В расход их?

— Вот этого не надо! Не надо! — возразил Джон Сидорчук.

— Не орать! — приказал Степан.

— Здесь будет совместное предприятие по изготовлению противозачаточных средств, — лихорадочно заговорил Джон. — Это же важная проблема для страны!

Президент насторожился.

— У вас есть договоренность с исполкомом? — спросил он.

— А как же без этого? — сказал Сидорчук. — Вот...

— Да, конечно, — подтвердил архитектор, он же председатель кооператива, — разрешение исполкома получено. Мы вашу свалку ликвидируем.

Жители поселка переглянулись.

— А нас... — озадаченно спросил Президент, — куда вы денете?

— Как? Кого куда, — сказал архитектор, а Сидорчук подхватил:

— Ну, кое-кого в больницу, кого-то — в дом престарелых, кого-то — в психушку. Ну, — тут он выразительно посмотрел на Степана, — а кое по кому и тюрьма плачет!

— Ну, ну, полегче ты! — встряхнул его Степан.

Президент размышлял. Важная новость застала его врасплох.

— У меня идея, Президент! — вдруг сообразил Петька. — Может, взять их в заложники?

— Нет, тогда придется их кормить! А чем? — пробормотал Митя, думая о беде, которая свалилась на поселок.

— Президент, не будьте дураком! — встрял в разговор Степа. — Кому нужны их презервативы?

— Цереушников к ответу! — потряс грязным кулаком Машинист

— Заткнись, псих! — приказала Анька.

— Да подождите! — сказал Президент.

— В общем, так, — решил Степан, — ставим им условие: или они освобождают нашу землю, или... — И

Степа жестом показал, как поступают с пленными. — Мы им...

— Нет, нет! — вздохнул тяжело Президент. — Терроризм нам не подходит! Придется их отпустить.

— Президент, вы — мямля! — презрительно сказал Степа.

— Президент, мы вас переизберем! — высказал свое недовольство Лысый.

— Приказываю — отпустить! — прервал всех Митя.

Степа с сожалением отпустил пленников.

— Поосторожнее! — заорал архитектор.

— Убери свои грязные руки! — крикнул на кого-то из пихнувших его в спину Сидорчук.

— Помните о русском гостеприимстве! — взвизгнула Бомжиха.

Толпа о гостеприимстве не забыла, а даже, напротив, выразила охотно свое «гостеприимство» воплями и пинками.

— Инострань поганая! — Лысый поторопил гостей с отходом к машине.

— Проваливай, гад! Ух! — Анька догнала американца и дала ему пенделя.

Президент уже этого не видел. Он вернулся во «дворец».

— Что тут шумели, Митя? — спросил Соломон, который принес костюм.

— Плохо дело! — Президент устало сел на стул. — Придется идти в исполком. Они собираются нас выселить.

— Ну, наши власти пока раскачаются... — успокоил его Соломон.

— Нет, они подключили американцев! Это шустрые парни! — безнадежно махнул рукой Митя. — Они могут все снести до голубого снега. Откуда у тебя такой шикарный костюм?

— А, это с застойных времен! — Соломон любовно погладил ткань пиджака. — Мои уехали в Израиль, а меня не выпустили. Я работал в секретном учреждении. Выгнали с работы. И жилье я потерял, и семью, и документы. Вот все, что у меня осталось. Я его очень берегу. Примерьте, Президент!

— Но я в него не влезу. — Президент с сожалением посмотрел на костюм.

— Он мне очень дорог! Примерьте, Президент! — настаивал Соломон.

— Ну, хорошо, я попробую, — согласился Митя.

— Может быть, удастся выехать в Израиль, повидаться с родственниками. Не хламидником же показаться! — объяснил Соломон свое бережное отношение к костюму.

Президент с трудом напялил пиджак.

— Придется идти в этот вонючий исполком! — проворчал он и спросил: — Ну а родные тебе хоть пишут?

Соломон, сидя на диване, поднял на Президента свои грустные глаза:

— Они даже не знают, жив я или нет. Столько времени прошло! Наверно, думают, что умер.

— Ой! Коротка кольчужка-то... — Митя с сожалением посмотрел на свои длинные руки, вылезавшие из рукавов.

— Вы бесподобны, Президент! — с восхищением сказал Соломон.

— Ну, ладно, — смутился Митя.

Соломон подошел к нему, поправил костюм, оттянул рукава.

— Галстук еще повяжите.

От галстука Президент отказался наотрез:

— Нет, нет! Не надо, не надо!

— Надо, надо! — настаивал Соломон.

— Я галстук никогда не носил.

— Надо, надо, надо! — Соломон надел на Митю галстук и начал завязывать его. — Вот так! В этом вы нас никогда не скомпрометируете. Венгерский галстук.

Президент сдался под напором Соломона.

— Президент, — вдруг спросил Соломон, — это правда были люди с летающей тарелки?

— Ты же видел свет в небе, — укоризненно сказал Митя.

— Может, это зажгли прожектора на сортировочной? — предположил Соломон.

— Но люди же были в скафандрах!

— А вдруг это какие-то сварщики в касках?

— Соломон! Какие ночью сварщики?

— Президент, простите меня, я не полечу с вами, — со слезами на глазах сказал Соломон. — Останусь здесь...

— Ты с ума сошел, Соломон! — удивился Митя. — Здесь жить нельзя...

— Но если я с вами улечу, я никогда не увижу своих родных, — вполне резонно возразил Президенту Соломон.

— Чудак! — улыбнулся Митя. — Мы по дороге сделаем остановку и высадим тебя в Иерусалиме...

* * *

В поселке «Закат коммунизма» был обычный осенний день.

Диспетчер на сортировочной ругалась на всю округу:

— Составитель поездов, переложите «башмаки» с пятого пути на второй! С пятого пути переложите «башмак» на второй!

Возле своей конуры, греясь на солнышке, Степан и Соломон играли в шашки. Возле них остановился «Москвич», и из него вылезли Банзай, Фима и Катя.

— С кем вы, мастера культуры? — озабоченно поинтересовался у Фимы Машинист, который проходил мимо с охапкой дров для паровоза.

— Да с тобой! С народом! Ступай... — обнадежила его Фима.

— А, привет! — сказал Степан, отрываясь от шашек. — Ты где пропадала?

— В санатории! — небрежно бросила Фима и пошла в свой дом.

— Здравия желаю! — поздоровался с играющими Банзай и пошел следом за Фимой. — Фимочка, а мне удобно ехать с вами на свадьбу? — застеснялся он. — Меня вроде не приглашали.

— Да ты же, — торжественно сказала Фима, — ты приглашен сестрой жениха! — И, открыв дверь, она пригласила гостей по-английски: — Пли-из! Тут у меня немножко не убрало! Не обращайтесь внимания!

Дом Фимы представлял из себя вагон, поделенный на комнаты. И пока гости испуганно озирались, Фима небрежно, словно королевский дворец, показала своим друзьям апартаменты и великодушно предложила Кате свою кровать:

— Кать, ты будешь жить в спальне. Тебе нравится?

— Ай! — ударился головой полковник, не вписавшись в дверной проем.

— Осторожно голову! — предупредила Фима. — Проходи в мастерскую! Голову!

— Ой! — Банзай снова врезался в притолоку.

— Выбери себе что-нибудь в шкафу! — величественно разрешила Фима Кате. — А то с тобой ходить стыдно, — И она пригласила полковника присесть в мастерской. — Что-

то надо Феде подарить... на свадьбу. Что-нибудь из творчества... — Она задумчиво начала перебирать свои картины. — Так, это абстракция! Это он не поймет! Это у нас натюрморт! Натюрморт он не любит. Ой, пейзаж! Но вообще-то я слабовата в пейзажах, — честно созналась Фима.

— Это аэропорт? — поинтересовался Банзай, рассматривая картину.

— Нет, — задумчиво сказала Фима, — это вид из окна.

Кто-то за окном запел частушку:

— «Над землей мудня летала

Неизвестного металла

Очень много в наши дни

Неопознанной мудни».

— А... Вот... — Фима, наконец, нашла, что искала.

— Разреши, помогу! — галантно предложил свои услуги Банзай.

— Вот! — с облегчением вздохнула Фима, когда полковник достал картину, на которой была изображена лохматая женщина. — Это я люблю! Остороженько! Автопортрет.

— Автопортрет брата? — поинтересовался Банзай.

— Здесь же бюст! Мой... — укоризненно сказала Фима, показывая на картине то, чем она существенно отличалась от брата.

— А, гротеск! — понимающе кивнул головой полковник. — Хорошо!

— Ой! Катька! — ахнула в изумлении Фима.

В дверях стояла Катя в новом, добротном пальто, в спортивной шапочке и с лисой на шее.

— Ну как? — спросила Катя.

— Королева красоты! — восхитилась Фима. — Тебе макияж еще надо сделать.

— Это вагон для курящих? — поинтересовался Банзай, доставая папиросы.

— И для пьющих! — Фима щелкнула пальцами по шее и усадила Катю на диван. — Садись! Сейчас я из тебя соцреализм сделаю.

За окном диспетчерша предупредила:

— С первого пути выезжает тепловоз! Машинист паровоза восемьсот шестьдесят восемь, будьте внимательны!

Фима развела краски на палитре и уверенно кисточкой замазала синяк под Катиньим глазом.

— Ну-ка! А на чернобурку, между прочим, не рас-

считывай! — как бы между делом заметила Фима. — Она тебе, как корове седло.

* * *

А на даче Федя шли последние приготовления к свадьбе. Алла Пугачева пела на всю округу: «Пригласите, пригласите. Пригласите. И ладонь мою в руках своих сожмите!..»

Сквозь окна веранды тетя Зина первая заметила машину, подъезжающую к даче:

— Молодой! К нам кто-то пожаловал!

Из машины вылезли Катя, Банзай и Фима в восхитительной белой шляпке стиля «модерн».

— Фимочка! — радостно закричал Федя и побежал гостям навстречу.

— С котом за стол... — проворчала тетя Зина, возмущаясь поведением соседки.

— Фимочка приехала! Моя сестра! Фимочка! Как я счастлив, что ты приехала! — Федя спустился по ступеням веранды. — Я уже думал, ты не появишься. Фимочка, здравствуй!

— Старый проказник! — укоризненно сказала Фима и, улыбаясь, взяла из рук полковника самовар. — Поздравляю! Позволь преподнести тебе родительский самовар! Помнишь, как мы чаевничали за ним... детьми?

— Пожалуйста! — Банзай подарил самовар и торжественно вручил молодожену картину, правда, по ошибке вверх тормашками. Оригинал.

— Постой, это вот так! — перевернула картину Фима.

— Абстракция! — понимающе сказал Федя.

— Это моя юношеская работа! — удивилась Фима непониманию брата и переключилась на свадьбу. — Ну, знакомь!

Они поднялись на веранду, где их встречала юная невеста.

— А вот и моя жена! — представил ее Федя. — Жанночка! Учащаяся ПТУ. Станочница. Правда, прелесть? — Федор Степанович обнял жену за плечи.

— О-ой! — с изумлением выдохнула Фима.

— Передовая многостаночница! — хихикнул Андрюха, гость со стороны невесты, и взвыл от боли.

Жанна локтем двинула ему в живот.

— Елки! Ой! — Фима не могла прийти в себя от молодости невесты. — Хотелось бы, чтобы у вас были дети! — пожелала она молодоженам.

— Я так мечтаю о детях! — с тоской в голосе сказала невеста. — Спасибо.

— Вижу! — Фима внимательно посмотрела на девушку. — Нет слов!

— А-а, это мой однокурсник и свидетель — Андрюша! — пытаюсь нарушить неловкую паузу, представила друга Жанна. — Он секретарь комсомольской организации!

— Да, — подтвердил с удивлением Андрюха свою принадлежность к Ленинскому комсомолу.

— Вижу! — сказала Фима, разглядывая парнишку. — Я обожаю комсомольцев!

— Я тоже очень люблю! — согласилась с ней Жанна.

— А меня зовут Володя! — вышел вперед паренек постарше. — Я парторг. Избран на альтернативной основе.

Жанна и Андрюха от изумления открыли рты.

— Большевик! — похвалил друга невесты Федя.

— Какая у нас замечательная молодежь! — удивился Банзай.

— Да, — подтвердила Жанна и приказала тетке: — Иди, помоги...

— Помогите, пожалуйста! — попросил Федя.

— Что? — спросила тетя Зина.

— Помогай раздеться! — нервно сказала Жанна. — Не знаю.

— Как... Ну, куда-нибудь... — в волнении заметался Федя и сунул тетке в руки самовар. — К столу! — пригласил он гостей.

— А-а, боже мой! — сказала тетка, с удивлением глядя на самовар. — Зачем мне эта рухлядь, а?

— Это не рухлядь! Это антиквар! — зашипела на нее Жанна. — Чего ты понимаешь? Это антиквар!

— Антиквар? — еще больше удивилась тетка и приказала племяннице. — Закрой дверь! Какая прелесть! — И, восхищаясь самоваром, тетя Зина поставила его на буфет.

В комнате гостей встретил Митя.

— Здравствуй, Фимочка! — обрадовался он родному лицу. — Где ты пропадала?

— Занималась чисткой милиции, — с достоинством сказала Фима.

— Ну и как, удалось? — ехидно поинтересовался Президент.

Фима безнадежно махнула рукой.

— Потерпела поражение! А-а, позвольте представить, Президент...

— Пожалуйста, — разрешил Вовец, «парторг».

— Очень приятно! — Тетя Зина вышла с тарелкой пирожков. И Президент, в связи с тем, что у нее руки заняты, галантно поцеловал ее в локоть. Тетя Зина захихикала. — Ой, это же кофта!

— Понимаю, — улыбнулся Президент.

— Семен Ефремович Банзай, генерал. — представила полковника Фима.

— Не Банзай, а Бахурин, — поправил ее полковник.

— Очень приятно, — улыбнулась тетя Зина. В это время ее толкнули, и она рассыпала пирожки.

— Полковник, — еще раз поправил Банзай Фиму, подбирая пирожки.

— Пардон, генерал-полковник, — не краснея, сказала Фима. — Герой русско-японской войны.

— Простите, простите. — Катя проползла у всех под ногами, собирая пирожки.

— В отставке, — внес свою коррективу Банзай.

— Герой в отставке, — согласилась Фима и с гордостью добавила: — Герой Цусимы! Пардон, Муданьцзяна!

— Господи, какие люди! — сказала тетя Зина.

— Можно, я сама, сама, сама... — тархтела Катя, складывая пирожки. — Ой, как вкусно пахнет!

— Что ж ты делаешь-то? — возмутилась Фима ползающей под ногами подружкой.

— Ах, какая прелесть! — восхитилась тетя Зина. — Какие люди!

Фима вошла во вкус, оглядела Катю и, только сейчас заметив, как нелепа и убога ее одежда, быстро нашла выход из положения:

— А это вот артистка!

— Артистка? — удивилась тетя Зина.

— Как вкусно! — Катя положила на тарелку последний пирожок.

— Катя Иванова, — представила ее Фима. — Большая знаменитость. Народная артистка республики.

— Народная? — спросил «комсорг» Андрюха.

— Какой республики? — поинтересовался Вовец.

— Да практически всех... — небрежно сказала Фима, — автономных.

— Проходи, Фима, проходи, — пригласил Президент.

Гости рассаживались за столом.

— Вы в кино не снимались? — спросила Зина, усаживая Катю за стол. — Вы случайно в кино не снимались? У вас лицо очень знакомое.

Но Катя, захваченная зрелищем и запахом закусок на столе, уже не слышала тетку.

— Извините ее, она... — сказала Фима.

— Что она, глухая? — перебила ее, догадавшись, тетя Зина.

— Устала просто, — объяснила Фима. — Она, извините...

— Так, значит, глухая, — утвердилась в догадке тетя Зина.

— Так одета, — закончила свою мысль Фима. — Прямо из театра. Со спектакля. «На дне» называется.

— Я очень люблю, — тетя Зина суетилась возле стола, ухаживая за гостями, — очень люблю театр! Особенно «На дне». Открой, пожалуйста! — Она протянула через стол бутылку шампанского фотографу, упитанному молодому человеку.

— Сейчас, — фотограф взял шампанское и разболтал бутылку.

— Но так, чтобы с шумом, с шумом! — предупредила его тетка. — Да! Угощайтесь!

Фотограф выстрелил пробкой в потолок и налил шампанское молодоженам.

— Спасибо, дорогой мой! — поблагодарил его Федя.

— А вы? — спросила тетка у Фимы. — А вы, женщина, чем... чем занимаетесь?

— Ну, как вам сказать? — замялась Фима и грустно сказала. — Я вдова!

— А чья вы вдова? — поинтересовался Андрюха.

— Я вдова пионера Павлика Морозова, — всхлипнув, сказала Фима.

— Ах, какая жалость! — между прочим пожалела ее тетка и распорядилась: — Накладывайте, накладывайте! Это все без пестицидов. Все свое! Со своего сада-огорода. Молодой, сядь! — приказала она жениху. — Сядь, а то упадешь!

— Сажусь, сажусь, — согласился с ней Федя.

— Накладывайте, накладывайте, дорогие! — И, проходя мимо Кати, тетя Зина обняла ее: — Ах, ты моя артисточка дорогая! Какая шупленькая со своего «дна». А это наш фотограф, — представила тетка упитанного молодого человека, занятого едой. — Мы его пригласили, чтобы он запечатлел наш праздник. Накладывайте, кушайте!

— А это... А это тетя... — представил ее Федя гостям. — Тетя моей жены. Она из Калинина. Она хорошая!

— Я... Я не из Калинина! — поправила его тетка,

рассмеявшись. — Глупый, он забыл все. Молодой, я из Твери.

— Все переименовали, — сказала тетка с кошками, сидевшая рядом с Катей.

— Она заведующая ателье, — похвасталась Жанна.

— Ну, я не заведующая, я... — простодушно созналась тетя Зина, — я просто портниха. Но шьем мы очень хорошим людям! — многозначительно добавила она. — Кстати, очень хорошим! А это наша молодежь! У-у-у! — Тетя Зина поставила перед Андрюхой и Вовцом бутылку водки и ласково прижала их головы к груди. — А это... — Она в замешательстве остановилась возле тетки с кошками.

— Клава! — подсказал ей жених. — Клава! Соседка моя.

— А это — Иннокентий! — представила Клава большого рыжего кота, сидящего у нее на плече. — Можно звать Кеша...

— Друзья! Я хочу сказать первый тост! — встал Федя с бокалом шампанского.

— Слушайте! — попыталась угомонить тетя Зина расшумевшихся гостей. — Слушайте, слушайте!

— Я хочу поднять этот бокал за мою очаровательную жену! — сказал Федя.

— Ой... — тяжело вздохнула Жанна.

— Ну, встань! — приказала ей тетя Зина, для убедительности пихнув ее в спину.

— Это самая лучшая девушка в мире! — взволнованно сказал жених. — С ее появлением моя жизнь преобразилась...

И перед гостями предстала картина знакомства Федя и Жанны...

...Федя сидел за столом возле дачи и чистил грибы. Как вдруг его кто-то позвал.

— Молодой человек! Вы комнату не сдаете?

Федя, не сразу сообразив, что обращение «молодой человек» относится к нему, оглянулся. У калитки стояла девушка в короткой кожаной юбке, куртке, с густо накрашенным лицом и с копной включенных волос.

— Молодой человек, — повторила свой вопрос Жанна, — у вас комната лишняя в доме есть?

Федя стоял, словно громом пораженный.

Жанна нетерпеливо открыла калитку и, улыбаясь, подошла поближе к странному старику.

— Конечно. Для вас есть. Пожалуйста! — Наконец, придя в себя от появления этого юного существа, Федя

поспешно стряхнул листья со стула и пододвинул его к Жанне. — Садитесь!

— Благодарю вас! — Жанна не торопясь села, с удовлетворением отметив, что старик глаз не сводит с ее ног, сделала грустное лицо и спросила: — Вы денег много будете брать? Я учусь в ПТУ. У меня родителей нет. Только тетка в Калининне. С деньгами очень сложно!

— Что вы! Что вы! С вас я вообще ничего не возьму! — поспешно сказал Федя.

— Как? — спросила Жанна и цепким взглядом оглядела странного старика в берете.

— Так, — улыбнулся Федя девушке.

— Да? — поинтересовалась Жанна, закончив осмотр.

— Да, — прошептал Федя. — Мне так одиноко в этом огромном доме! — Он с трудом оторвал взгляд от длинных ног девушки, выбрал яблоко из лежавших на столе и протянул его Жанне. — Вот яблочко из собственного сада...

— И яблочко! — словно закрепляя этот двусмысленный договор, Жанна взяла яблоко и с жадностью его надкусила...

Утром Федя постучался в спальню на втором этаже. Но юная квартирантка не проснулась.

— Спит... — Федя в растерянности остановился возле кровати и дрожащим голосом запел: — На заре ты ее не буди... На заре... Жанночка! — позвал он. — Жанночка!

Жанна, ничего не понимая спросонья, терла глаза:

— Чего? Чего случилось-то?

— Уже утро! Пора в училище! — Федя поставил поднос на тумбочку возле кровати. — Ваш завтрак.

— Ой! Сгущенка! — сказала Жанна с интересом, вылезая из-под одеяла, и поставила себе поднос на колени. — Я страсть как люблю сгущенку! — Она взяла баночку и начала есть молоко ложкой.

— Сладко? — спросил Федя, с изумлением и восторгом глядя на ее обнаженную грудь.

— Грандиозно! — похвалила Жанна, не обращая на него внимания.

Такой непосредственности Федя уже вынести не смог. Он встал на колени перед кроватью и торжественно сказал:

— Я прошу вас быть моей женой!

Жанна на минуту отвлеклась от сгущенки, вытерла руку об одеяло и похлопала старика по щеке:

— Я согласна!...

— «Вот так и встретились два одиночества!» — закончил цитатой свой рассказ Федя. — Выпьем за счастье моей жены! Мне больше в жизни ничего не надо! — сказал он со слезами умиления на глазах. — Только бы Жанночка была счастлива!

— Что-то за столом все такое горькое? — поинтересовался фотограф, не переставая жевать.

— Горько! — закричала тетя Зина. — Горько! Горько!

— Горько! Горько! — подхватили гости.

Андрюха, уже опьяневший, полез целоваться к невесте.

— Сиди ты! — одернул его Вовец.

— Жанночка... Солнышко мое... — растроганно прошептал Федя. — Дитя мое... Я люблю тебя.

И он поцеловал невесту.

— Боря, Боря! — заторопила тетя Зина фотографа.

Боря, не отвлекаясь от закусок, «щелкнул» молодоженов.

— Горько! — кричал Банзай. — Горько!

— Напиться, что ли? — расстроено сказал Президент, которому эта свадьба была поперек горла.

— Фим, тебе чего положить? — спросила Катя.

Фима выпила и рассеянно ответила:

— Не закусываю...

— Колбаски нам с Иннокентием передайте! — попросила тетя Клава.

— Фима, я бы так сейчас хотел быть на месте твоего брата! — растроганно сказал полковник.

— И ты туда же! — Фима презрительно посмотрела на Банзая. — Ты что! Неужели тебе нравится эта фря?

— Да не нравится она мне! — успокоил ее полковник. — Но все-таки семья, как говорят, крепкий тыл!

— Боря! — крикнула тетка фотографу. — Фотограф, сними меня с генералом! Снимитесь со мной! — попросила она Банзая, обнимая его и Катю. — И с артисткой! Снимитесь со мной, пожалуйста! Вот так!

Боря вытащил из вазы букет астр и сунул его в руки Кати:

— Цветочки в кадр!

— Спасибо, — поблагодарила «великая артистка».

— Вот так, — улыбаясь фотоаппарату, сказала тетя Зина. — Давайте поближе.

— Смотрите в центр! — приказал Боря и, не отвлекаясь от своего бокала, сфотографировал группу не глядя.

— А теперь — без вдовы! — Тетя Зина бесперемонно, как вещь, вытеснила Фиму из кадра. — Второй раз!

— Сейчас! — Боря щелкнул затвором. — Снято.

— Спасибо, спасибо. А теперь... А теперь с Президентом! — приказала тетя Зина. — Спасибо большое. Спасибо.

Фима сидела мрачная, обиженная хамством тети Зины.

— А с котиком? А с котиком не хотите? — спросила Клава.

— В следующий раз... — отказалась тетя Зина и пробурчала себе под нос: — Сама с ним снимайся, с котиком! Молодые, молодые...

Президент посмотрел на расстроенную Фиму и поднял бокал:

— Фимочка, твое здоровье!

— Пальчики мои! Маленькие, сладенькие! — Федя целовал Жаннины пальцы, каждый в отдельности. — Ну, счастье мое, радость!

— Потом, потом... — Жанна с едва скрываемым раздражением высвободилась из его объятий.

— Давай, фотограф, дернем с тобой! — предложил Президент.

— Угу, — охотно согласился Боря и выпил. — Ой! — Он взял салатницу, в которой плавали помидоры в собственном соку, и запил этим самым «собственным соком». — Дед, ты запиваешь?

— Да, конечно, — сказал Президент, и Боря передал ему блюдо с помидорами.

— Так, так... Вижу пустые рюмки! — Тетя Зина ухаживала за гостями.

— Ешь, Пунчик, ешь! — угощала тетя Клава черного котенка. — Ешь студень, дурачок, ешь!

— Где студень? — живо заинтересовалась Катя.

— А вот он...

— Я тоже люблю студень! — Катя потащила блюдо к себе.

— Давай, Фим, еще глоточек! — пытаюсь утешить художницу, предложил Банзай.

— Хорошо пахнет! Чесночку не пожалели, — похвалила Катя, накладывая себе в тарелку студень, и предложила его подруге. — Фим?

— Отвяжись! — отмахнулась от нее Фима. — Э-э...

— Фим, ты чего? — удивилась Катя. — Ой, ты чего, Фим?

— Поехали! — сказала сама себе Фима и выпила.

Катя, пытаясь развеселить подругу, запела:

— «Миленочек, соловей,
Ох, скажи матушке своей,
Ох, не бывать... Не буду...»

Банзай подхватил «соловьиную тему»:

— «Соловей, соловей, пташечка!

Канареечка жалобно поет.

Раз поет, два поет, три поет...»

Вдохновенно запела Клава, у которой про соловья имелась своя песня:

— «Соловей мой, соловей, голосистый соловей...»

А дальше началась ужасная какофония.

— «Ой, да не вели пугаться ей... Ой, не бывать...» — пела Катя.

— «Соловушка жалобно поет... — горланил Банзай. — ...Два поет...»

— «Соловей, соловей, соловей», — выводила фиоритурой Клава. — «Голосистый»...

— Пусть Федя споет! — сказала Фима и прикрикнула на увлекшуюся собственным пением Клаву: — Да заткнись ты! Хватит.

Федя сел за рояль и объявил:

— Специально в честь Жанночки! Романс собственного сочинения. — И он запел:

Господи, ни охнуть, ни вздохнуть,
Дни летят в метельной круговерти,
Жизнь-тропинка от рожденья к смерти,
Смутный, скрытный, одинокий путь.
Господи, ни охнуть, ни вздохнуть.

Жанна внимательно оглядела гостей.

Снег. И мы беседуем вдвоем,
Как нам одолеть большую зиму.
Одолеть ее необходимо,
Чтобы вновь весной услышать гром.
Господи, спасибо, что живем.

Гости, замерев, слушали романс. На фоне собственного автопортрета сидела Фима в своей экстравагантной шляпе, и по ее щекам текли слезы.

Мы выходим вместе в снегопад
И четыре оттиска за нами,
Отпечатанные башмаками,
Неотвязно следуя, следят.
Господи, как я метели рад.

Жанна разбудила фотографа, спящего на диване. Боря, пытаясь что-либо понять, осоловелыми глазами посмотрел на девушку.

Жанна молча кивнула. Боря покорно поднялся за девушкой на второй этаж.

— А-а-а? Что где... Что здесь снимать?

Жанна швырнула фотографа на диван:

— Я сама сниму.

Ничего не подозревающий жених заканчивал пение романса:

Где же мои первые следы?
Занесло начальную дорогу,
Заметет остаток понемногу
Милостью отзывчивой судьбы.
Господи, спасибо за подмогу.

Федя закончил петь. Гости вытерли слезы и зааплодировали.

— Молодой, ну, хорошо! Ну, хорошо! — расчувствованно сказала тетя Зина. — Но такую тоску навел! Все-таки свадьба. Ну... Ну, давайте что-нибудь!.. Давайте... потанцуем! — Тетка подхватила Президента. — Давайте станцуем, а? — И тут же разочарованно его бросила. — А, извините, вы хромой! Молодой, ну, сыграй что-нибудь веселенькое! Ну, веселенькое! «Молодой человек, пригласите танцевать!» — запела тетка и кокетливо притрусила к пьяным комсомольцам.

— Федя, потрясно. Федь! — растроганная Фима прижала руки к сердцу. — Вот. Федь.

— Спасибо, — поблагодарил жених. — Мнение художника для меня все!

— Федор Степанович, — поинтересовался Банзай, — вы это сами сочинили? — Он подошел поближе к роялю. — Сам.

Черный котенок Пунчик, стоя на столе, лакал шампанское из бокала.

— А ты — хватит! Пора домой! — сказала ему Клава, достала из кармана полиэтиленовые пакеты и начала туда складывать содержимое тарелок. — Там нас друзья голодные ждут не дождутся. Мы принесем им гостинчик со свадьбы. Эх, Пунчик, — грустно вздохнула она, — если бы ты знал, сколько голодающих кошек на свете!

Президент открыл окно позади жениха и заглянул с улицы в комнату.

— Федя! — позвал он.

— А? — Федя что-то легкое наигрывал на рояле.

— Давай нашу лагерную! — предложил Президент. — Помнишь?

— «По тундре», что ли? — переспросил жених и поморщился. — Закрой окно! Дует.

Президент, прихрамывая, вернулся с террасы в дом.

— Все потом, но только тихо! — Тетка в прихожей тискала комсомольцев.

— Президент вместе с Федей сидел в лагере, — пояснила Фима полковнику.

— Сегодня многие, которые сидели, вышли в президенты, — заметил Банзай.

— А те, кто сейчас президенты еще сядут! — проходя мимо Банзая и Фимы, пророчески сказал Митя...

Федя забарабанил по клавишам, и старики заорали дуэтом:

Это было весною,
Зеленеющим маем,
Когда тундра надела
Свой весенний наряд...

Банзай и Фима с рюмками сидели на лестнице и пили водку.

— Когда мы штурмовали Муданьдзян, — рассказывал Фиме полковник. — Ночью ба-бах! Ба-ба-ба-бах! Бах! Артподготовка началась!

— Это в Маньчжурии, — пояснила Фима.

— Я знаю, — удивился полковник осведомленности художницы. — Потом пошли танки. А за ними мы — пехота...

— За нашу пехоту родную! — Фима чокнулась и выпила водку.

— Она того стоит! — с чувством сказал Банзай.

— Угу, — согласилась Фима.

По тундре, по железной дороге,
Где мчится поезд «Воркута — Ленинград»,
Мы бежали с тобою от проклятой погони,
Чтобы нас не настигнул пистолета разряд,

— горланили старики.

— Фима, ты поверишь, — со слезами на глазах сказал Банзай, — это было лучшее в моей жизни!

— За тебя, Сеня! — Фима подняла свою рюмку. — И вообще за всю эту Маньчжурию!

В разгар гульбы к даче подъехала машина и из нее вышли мужчина, женщина и большой черный дог.

Дождик капал на рыло
И на дуло нагана.
ВОХРа нас окружила
«Руки вверх!» — говорят...»

— обнявшись, Митя и Федя допели свою песню.

— Классная песня! — похвалил их Вовец. — Нашенская.

Мужчина с собакой вошел в дом и в изумлении остановился на пороге.

— А сладкий стол будет? — поинтересовалась Клава.

— Жанночка, доставай из холодильника торты! — приказала тетка спустившейся со второго этажа Жанне.

— Поросеночка они привезла из Калинина... из Твери... — рассказывал Федя Президенту. — ...И вообще прилавки...

— Ой, собачка! — обрадовалась Катя псу. — Хорошая!

— Я не понимаю, что здесь происходит? — спросил мужчина.

— А это моя свадьба! — пояснил Федя и добродушно пригласил стоящих в дверях мужчину, женщину и собаку: — Милости прошу! Заходите, будьте как дома!

— Нин, ты представляешь, меня приглашают на свадьбу в собственный дом? — возмутился мужчина.

— Ах, так это вы хозяин этой дачи? — догадался Федя. — Приятно познакомиться! Федор Сте... — И он попытался пожать мужчине руку.

Собака привстала и угрожающе зарычала.

— Со... Собачка... — Федя торопливо отдернул руку.

— Юр, — сказала женщина, — взгляни, на нем твой костюм!

— Да, действительно, — согласился Федя, оглядывая себя. — Он пришелся мне впору. Надо сказать, у вас отменный вкус, и ткань добротная.

— Да, клевый костюмчик-то! — похвалил костюм Андрюха.

— Пошито отлично, и фасон самый современный! — Федя любовно разгладил лацкан пиджака.

— Нин, иди, вызывай милицию! — не реагируя на похвалы, сказал хозяин дачи жене.

— Да ты что? — возмутился Андрюха.

— Нина, — попросила Фима женщину, — не надо милиции.

— Какая милиция? — удивился Федя.

— Только запри дверь с той стороны! — приказал Юра. — Я их здесь покараулю.

— Какая милиция? — не понял Федя. — Уважаемый товарищ, вы нас не поняли...

— ...Вам объясним... — пробормотала Фима.

— Зачем милицию? — удивился Банзай. — Ну, надо сначала разобраться!

— Ой, Юрочка, здравствуйте! — поприветствовала хозяйина дачи Клава. — Здравствуйте!

— Здравствуйте! — сказал Юра. — Ну, вы-то как все это допустили? Что, не могли позвонить?

— Как? Я дум... А я думала, это ваш папа, — чисто-сердечно призналась Клава, — или какой-то родственник. Дачу охраняет.

— Какой это папа? — возмутился композитор.

— Я и охранял, — поспешно сказал Федя. — Я... Я сторожил... Я тут все делал. Ничего не пропало.

— Ну, это мы еще проверим! — Юра выразительно посмотрел на костюм.

— Костюм на нем, — поспешно сказала Фима. — Замечательный.

— Ну, комсорг, вляпались! Рвем! — прошептал Вовец, и, воспользовавшись паузой, они тихонько улизули из столовой. — Заперто, наверх! — крикнул Вовец, толкнувшись в одну из дверей.

Они взбежали по лестнице, столкнувшись со спускавшимся вниз растерзанным фотографом.

— Уйди, фотограф! — крикнул Вовец, сбив Борю с ног.

— Не виноват! — пробормотал Боря, растянувшись на лестнице и уронив вазу с яблоками. — Она сама хотела. Не... мог... отказать.

Для тети Зины появление хозяев дачи было как гром среди ясного неба.

— Молодой, ты чего? — с изумлением спросила она. — Ты чего, не композитор?

— Нет, я пианист, — по-детски улыбнулся Федя.

— Не композитор? — поинтересовалась тетя Клава. — Не композитор?

— Нет, я пианист, — пояснил Федя.

— А дача чья? — спросила тетка.

— Жанночка, я тебе сейчас все объясню, — сказал жених остолбеневшей невесте.

— Заполируем шампанским! — Боря растряс бутылку шампанского, хлопнул пробкой и окатил гостей пеной. — После сладкого стола фотографируемся с собакой!

— О, господи! — пробормотала Клава.

— А дача чья? — допытывалась тетя Зина. — Твоя, что ли, или нет?

— Нет, нет нет, дача... Временно... Я... Я... Я дачу... Да... Да... Да... Дачу... Я... Я... Я... Охра... — заикаясь, сказал Федя. — Охраняю... Я...

— Нет, вы подождите! — Тетя Зина, схватив жениха за лацканы пиджака, с силой его тряханула. — Дача твоя или нет, молодой?

— Не твоя?.. — как эхо, повторила за теткой Жанна.

— Я... Я... Я... Охраняю дачу... — в отчаянии сказал Федя. — Жанночка, ты только не волнуйся!

— Подождите! — Тетка трясла жениха, как грушу. — Чья дача, я спрашиваю? Чья дача?

— Э-э... Чужая... — дипломатично ответила Фима. — Чужая... Как бы чужая...

— Подождите, я ничего не понимаю! — Тетка перешла на крик. — Вы за мой счет ели, пили! Я за каждую бутылку платила по... по... втридорога...

— Не волнуйтесь, ради бога! — попросил Федя. — Тихо!

— Да вы же меня по миру пустили! — взорвалась тетка. — Да что ж ты думаешь?.. Старый ты пердун, что ты думаешь, ты мне нужен, да? Да ты нам не нужен, блин!

— Не надо! — отбивался Федя от разъяренной тетки. — Не души ты меня...

Фима пришла брату на помощь, пытаясь оттащить от него тетю Зину.

— Нам твой дом нужен! — крикнула тетка и толкнула Фиму. — Вдова, уйди!

Фима упала на пол.

— Не трожь сестру! — вступился за Фиму Федя.

— Я удуш, паразита такого! — И тетка постаралась привести свою угрозу в исполнение. — Паразит!

За спиной тетки рыдала Жанна.

— Ты только не волнуйся, Жанночка! — попытался успокоить ее Федя. — Я тебе сейчас все объясню!

— Отстань, импотент! — в истерике крикнула Жанна.

— Как импотент? — пробормотал Федя. — Ведь не всегда же! Ведь не всегда же, Жанночка!

— Господи, да что же вы делаете? — всплеснула руками Клава.

— Пожалейте меня! — жалобно попросил Федя...

Было раннее утро, и по земле стелился легкий туман, когда милицейский «воронок» въехал в ворота дома престарелых. Сонные старики вышли из машины и с изумлением огляделись. На стене красовалась вывеска «Дом-пансионат № 6 строгого режима».

В парке, восседая с зонтиком на скамейке, выгуливала стариков санитарка Тоня.

— Больше жизни! Больше жизни, рухлядь старая! Раз, два! Раз, два! Держать дистанцию! Встать... — Подчиняясь Тониным командам, обитатели дома престарелых старательно делали зарядку. — Побежали на месте! На месте побежали! Побежали! Стоп! Сесть! Встать! Сесть! Встать! На соседа не заваливаться, коряга старая! Встать! Так! В обратную сторону, шагом марш!

Катя, Фима, Федя и Президент вместе с остальными стариками шли гуськом по замкнутому кругу.

— Дышим ровно, свободно, всей грудью! Дышим, дышим смелее, активнее! — прикрикивала Тоня на стариков.

— Фима, как ты думаешь, Жанночка на меня очень обиделась? — спросил Федя, маршируя следом за сестрой.

— Кто о чем, а вшивый о бане! — возмутилась Фима.

— Я подлец! — расстроился Федя. — Женился на ней обманным путем. А она мне поверила. Такая доверчивая, такая непосредственная...

— Да лярва она, твоя Жанка! — сказала Фима.

— Пошевеливайся, говны собачьи! Шире шаг! Держать дистанцию! — командовала санитарка, восседая верхом на скамейке.

— Ну, знаешь, Фима! — Федя даже задохнулся от возмущения. — У моей жены, как у любой женщины, есть свои недостатки. Но я не позволю так называть свою жену!

— Стоп! — приказала Тоня. Федя не успел остановиться и налетел на сестру. — На меня! Руки вперед! Сесть! Встать! Сесть! Се... На соседа не заваливаться! Встать! Сесть!

— Ты... Ты... Ты мне просто завидуешь! — сказал Федя. — Да, да... Ты завидуешь моему чувству! Ты неудачница!

— Я неудачница? — приседая, спросила Фима.

— Да. И у тебя никогда не было настоящей любви! — Федя задел сестру за живое. — Ты не способная к этому!

— Бегом на месте, марш! — приказала санитарка. — Бегом, бегом... Стоп!

— Да ты знаешь, как и сколько раз... я... любила? — возмутилась Фима. — Я просто не желаю сидеть в чужом доме, как в будке! Я не собака на привязи! Я по крайней мере не ошиваюсь по чужим дачам!

— В обратную сторону шагом с песней — пошли! — сказала Тоня. — Веселее, веселее!

— «Утро красит нежным цветом

Стены древнего Кремля...» — нестройно запели старики.

— А кто в этом виноват? — спросил Федя. — Кто оставил меня без жилья? Тебе мало было денег и вещей! Пока я сидел, ты профукала даже нашу квартиру. Ты, ты испортила мне жизнь своими причудами!

— Да? — сказала Фима.

— Конечно, ты богема! — разошелся Федя. — Тебе надо было красиво жить! Шампанского! Тьфу! Тьфу! — Федя плюнул.

— Молодцы! — похвалила санитарка стариков. — Хорошо, бегом!

— Я художник! — сказала в свое оправдание Фима.

— Ты обобрала меня до нитки! — возмутился Федя.

— Я художник! — повторила Фима свой аргумент.

— Художник! — язвительно сказал Федя.

— Ты должен уважать мои маленькие слабости! — сообщила брату Фима.

— Мазила! — фыркнул Федя.

— У талантливых людей есть... — настаивала на своем Фима.

— Талантливых... — перебил ее Федя.

— Есть свои слабости! И ты должен уважать их! — наконец высказала свою мысль Фима.

— Ты — мазила! — злорадно сказал Федя. — Мазила! Мазила!

— Я тебе покажу мазилу! — обиделась Фима и стукнула брата. — Я тебе покажу неудачницу!

— У тебя никогда не было таланта! — крикнул Федя. — Ты самая обыкновенная мазила!

— Дурак старый! — такого оскорбления стерпеть Фима не смогла и налетела на брата с кулаками. — У, лютитель юных шлюх! Я тебе покажу!

Федя, прикрываясь руками от разъяренной сестры, попятился. Оступившись, он потерял равновесие и сел на землю.

Сел и заплакал. То ли от неожиданности, то ли от боли...

— Ты что, ушибся? — растерялась Фима, перестала драться и присела рядом. — Федя? Что с тобой?

— Перешли на шаг! — скомандовала Тоня. — На шаг перешли!

— Если бы ты знала, как мне плохо! — вытирая слезы, Федя размазывал грязь по щекам. — Я ее люблю! У меня даже сердце болит!

Фима погладила его по голове.

— Бедный ты мой! Ну, давай встанем! — Она помогала брату подняться. — Давай, давай, детка, встанем! Давай, давай... А то земля холодная.

— Да, да, да. Встанем... — всхлипывая и опираясь на сестру, Федя поднялся с земли...

Гипсовый мальчик пустыми глазами смотрел из фонтана на несчастных стариков.

— Ну-ка, задорнее, задорнее! Что вы, как на собственных похоронах! Во... Идут все! — Тоня сидела на скамейке и внимательно наблюдала за стариками. И тут она заметила Фиму и Президента, помогавших подняться Феде, и возмутилась. — А вы чего, особенные, что ли? Ну-ка, давай, Костыль, в строй! А ты, Жопа в шляпе, тоже в строй! На соседа не заваливаться! Пошел, пошел! Шире шаг!

Маршируя в строю, Фима шепнула Президенту:

— Слушай, ты не можешь послать на эту эсэсовку радикулит какой-нибудь?

— Попробую! Сейчас попробую! — отозвался Митя. — Сейчас попробую.

— Шире шаг, старые коряги! — Санитарка заметила вдруг погрешности в строю и привстала угрожающе, вглядываясь в нарушителя. — Ну, ты, старая песочница, не симулировать! Я тя, падла, знаю! Я тя десерту лишу сегодня!

Воспользовавшись паузой, Президент вышел из строя, приблизился к Тоне и протянул свои руки так, как он делал обычно, когда излечивал от болезней.

— Глаза б мои на вас не глядели! — сказала санитарка старикам. — Пошли! Пошли подскоком, говны собачьи! Подскоком пошли! — И тут Тоня заметила колдующего позади нее Президента. — Ты чего, хрыч колченогий, офонарел, что ли? Клешнями размахиваешь? Ну-ка, давай в строй!

Митя захромал в строй.

— Ну, что, Мить? — спросила Фима.

— Мое биополе на зло не способно, — сконфуженно произнес Президент?

— Жалко, — вздохнула Фима. — Что же делать?

— Шире шаг! — крикнула санитарка. — С подскоком, сказала, с подскоком!

И вдруг раздался какой-то шум.

— Ой, ангел! — ахнула Катя.

Президент и Фима подняли головы.

— Федя! Это мой брат Федя! — испугалась Фима. — Федя, как это ты?

Федя, который до этого уныло тащился в строю, теперь порхал в небе.

— Я сам не знаю, — радостно сказал он. — Наверно, на крыльях любви!

Старики, задрав головы, смотрели в небо, а Федя поднимался все выше и выше.

— Федя! Ты обиделся? Прости меня! — покаялась Фима. — Феденька! Федя, вернись сюда, ты разобьешься! Куда ты полетел?

— К жене! — сказал Федя. — Я так тоскую!

— Вернись! — попросила Фима.

— Прощайте! Мне так хорошо! — крикнул Федя, набирая высоту. Вот он уже взмыл над деревьями, над парком, над крышами. Фима и старики внизу стали совсем крошечными. А потом и незаметными. И Федя, прощаясь с землей и с ними, радостно воскликнул:

— Летать — это счастье! Мне хорошо!

* * *

Фима, заплаканная и осунувшаяся, в черном платке, убирала Федину могилу на деревенском кладбище, около железной дороги. Мимо с грохотом мчались пригородные электрички.

По узкой тропинке между могил, мяукая, пришел рыжий кот.

— Ой, Кеша пришел! — удивилась Федина соседка по даче — Клава. — Ну, как же ты, мальчик, нашел меня? Кеша... — Тетя Клава подставила коту руки, и Кеша, взобравшись, улегся у нее на шею вместо воротника. — Хороший человек был! — пожалела Клава покойника. — Мы с ним дружили. В гости друг к другу ходили. За что он сидел-то?

— Ох... — горестно вздохнула Фима. — За шпионаж.

— Как? — удивилась тетя Клава. — Он же музыкант! Фима только пожала плечами:

— Сыграл что-то иностранное.

— Господи! — ахнула Клава. — А этот, Президент, друг его, с которым они пели, он кто?

— Митя? — переспросила Фима и, закончив убирать могилу, с удовлетворением посмотрела на свою работу. — Сидели вместе. Митя сначала в райкоме партии работал. Потом против большевиков попер. Они его в лагерь засадили. Потом в психушке держали.

* * *

Черные «Волги» клином въехали в поселок-герой «За-кат коммунизма». Из машин вышли исполкомовские работники. К черному эскорту советских работников подъехал белый микроавтобус американцев.

Архитектор услужливо встретил американцев:

— Пожалуйста, мистер Уайлер, проходите. Здесь у нас не совсем благоустроено, но это временные трудности.

— Опять эти козлы! — удивился приходу посетителей Петька.

Джон перевел речь Уайлера:

— Мистер Уайлер спрашивает, а где отель-то будет стоять?

— Вот вместо этой свалки будет стоять роскошный пятизвездный отель, — показал архитектор Уайлеру. — Вот здесь.

— В каком смысле «пятизвездный»? — заподозрил неладное председатель исполкома Миров.

— Ну, отели, они, как коньяк, бывают три звездочки, а бывают пять звездочек, — пояснил Джон.

— Да? А, о'кей! — с облегчением вздохнул Миров. — О'кей!

Уайлер что-то сказал Мирову. Джон перевел:

— Мистер Уайлер очень доволен. Наше совместное предприятие по изготовлению противозачаточных средств будет называться «Встреча на Эльбе».

Со всех щелей вылезали обитатели поселка.

— Подгребайте сюда! — сказал Бомж.

— Да это ж наши шпионы! — удивился Бомжиха.

— Здорово, мужик! — Степан пошел навстречу архитектору. Архитектор проворно спрятался за спину начальника милиции.

В это время дорогу комиссии преградил Президент.

— Логинов, посторонитесь! — приказал начальник милиции Шляхтов.

— А это кто? — спросил председатель исполкома Миров.

Анька крикнула:

— Наш президент!

— Президент этих нищих, — пояснил Шляхтов.

— Президент? — переспросил Миров и обратился к даме из собеса. — Э-э, Нина Андреевна!

— Да? — с готовностью сказала дама.

— Будьте любезны, — приказал Миров, — изыщите возможность поместить товарища президента в дом престарелых для ветеранов партии. Товарищ, вы слышали? — обратился он к Мите. — О вас позаботятся.

— Логинов, ты слышал, уйди! — уже не так вежливо сказал Шляхтов.

И тогда Президент сказал несколько фраз по-английски. Бомжи пришли в восхищение.

— Во дает! — выразила свой восторг Анька.

— Знай наших! — с гордостью сказал Бомж.

— Это наша земля! — перевел свои познания в английскийском Президент. — Мы отсюда никуда не уйдем!

— Товарищ, — назидательно пояснил Миров, — у нас вся земля советская!

— У советских собственная гордость! — выкрикнул сумасшедший Машинист.

— А хрена ли? — согласился с ним Бомж.

— Вот видите, среди них тоже бывают нормальные люди! — с одобрением сказал Миров о Машинисте, чем вызвал смех обитателей поселка. — Товарищ, я вас не понимаю. Вас поместят в привилегированное учреждение, — обратился он к Президенту. — Ну, чего вы кочевряжитесь? Ну, зачем же вступать в конфликт?

— Мы все равно не уйдем! — крикнула Анька.

— А нам и идти некуда, — согласилась с ней Бомжиха.

— Алексей Иванович, — приказал Миров начальнику милиции, — очистите дорогу!

— Посторонитесь! — Шляхтов шагнул к Президенту.

— Не тронь! — угрожающе сказал Президент. — Я начальника первого отдела позову.

— Спокойно, спокойно, Логинов. — Шляхтов в нерешительности остановился.

— Да, кстати, где начальник первого отдела? — спросил Миров.

— Остался в исполкоме, — ответила ему дама из собеса.

— Безобразие! — возмутился Миров.

— Зачем звать органы? — удивился Шляхтов. — Мы сами справимся. Саватеев, Гринько, сюда!

Милиционеры ринулись к Президенту.

— Катя, позови-ка Лаврентия Палыча! — крикнул Президент.

— Сейчас, сейчас. — Катя побежала к большой клетке и вывела огромного грязного пса, отдаленно напоминающего кавказскую овчарку и водолаза одновременно.

— Кого, кого? — не понял Миров.

— Ты что, Берию не помнишь? — спросил Митя у Мирова. — Самого Лаврентия Палыча забыл?

— Иди, милый! — Катя повела собаку к толпе в центре поселка.

— Товарищи! Прекратите беспорядок! — приказал Шляхтов. — Всем разойтись!

— Катя, Лаврентий Палыч готов? — спросил Президент.

— Готов, — сказала Катя.

— Пускай! — приказал Президент.

— Лаврушка, фас! — Катя отвязала веревку.

Собака с рычанием бросилась на комиссию. Полетели комья грязи, листы ватмана. Американцы и комиссия спасались бегством. Жители поселка провожали их улюлюканьем.

— Быстрее! Быстрее! — Шляхтов и милиционеры прикрывали отступление американцев и товарищей из исполкома.

— Я этого так не оставлю! — Миров погрозил кулаком мятежному поселку.

— Убирайтесь! — крикнула Катя.

Жители поселка воплями, свистом и комьями грязи ускорили отъезд непрошенных гостей.

Комиссия под прикрытием милиции добежала до черных «Волг», взрвели моторы машин, и площадка опустела. Последним отъехал микроавтобус американцев. Они едва успели закрыть дверь, как ком грязи растекся по стеклу. Анька пнула машину, но автобус успел вовремя отъехать...

* * *

Дверь в квартиру Аглаи им открыла соседка.

— Ну, так что? — в коридоре коммуналки молодой сосед торговался с более старшим. — Говори, сколько...

— Здравсьте! — сказала Фима. — Мы к Свидерской!

— Здравсьте! — поздоровался Президент.

— Проходите! — сосед в возрасте ткнул пальцем в длинный тусклый коридор.

— Кажется, здесь, — сказал Президент и постучался в первую же дверь.

— Да ты что? — чему-то возмущился молодой сосед. — Даю шестьдесят и беру всю партию!

Дверь, в которую постучал Президент, оказалась дверью в ванную.

Из ванной вышла полная женщина в шелковом халате.

— Вы что? Я только что зашла! Только что зашла! — с порога начала она оправдываться, но, заметив, что перед ней незнакомые люди, спросила: — Вы к кому, собственно?

Из туалета напротив вынырнул юркий старичок и, воспользовавшись паузой, нырнул в ванную комнату.

— Разрешите пройти, мне только руки помыть! — сказал он и захлопнул дверь.

— Мы к... Сидерской, — объяснила свое присутствие Фима.

— Там, там! — Женщина махнула рукой в длинный тусклый коридор.

— Шестьдесят... — продолжал торговаться молодой сосед.

— Давно не был, — извиняющимся голосом сказал Митя.

Наконец они остановились возле облупленной двери. Фима постучалась.

Дверь открыла Аглая.

— О-о-о! — удивилась она. — Надо же! Я вам рада! — И она посторонилась, пропуская гостей в комнату.

— Здорово, подруга! — сказала Фима, проходя в комнату.

Митя обнял Аглаю, но она вывернулась.

— Куда же вы, товарищ Свидерская! — заорал Президент. — Позвольте вас чмокнуть в марксистско-ленинскую щечку!

— Ты зачем привела мне этого контрреволюционера? — смущенно улыбаясь, спросила она у Фимы.

— Надо! — Фима выложила из сетки свертки на стол.

— Давай, давай, накрывай на стол! — приказал Аглае Митя.

— Ну, как это? — окончательно смутилась Аглая. — Ну, вот...

— Накрывай! И не красней, как девица! — захохотал Президент. — Мы еду принесли с собой.

— Женщину раздевай! — Фима позволила Президенту снять с нее пальто.

— А... извини. — И Президент язвительно спросил у Аглаи: — Ну, как там у вас, коммунистов, вода в кране еще не кончилась?

— Не кончилась, не кончилась! — Аглае не понравилась шутка Президента, но она не показала виду.

— Фужеры давай! — приказала ей Фима, доставая шампанское.

— Фужеров нет, — сказала Аглая. — Чашки устроят?

— Устроят. — Фима вытряхивала из пакетов содержимое на тарелки.

— Где ты все это достала, а? — удивилась Аглая, ставя чашки на стол.

— На панели! — гордо сказала Фима.

— Боже! — улыбнулась Аглая. — Ты что, еще этим занимаешься?

— А ты не знала, что ли? Это звезда публичного дома! — И Президент сказал Фиме, повиснувшей у него на шее в подтверждение его слов Фиме: — Не соблазняй!

— Ну, ладно, — отмахнулась от них Аглая. — Хватит шутить!

— Так вот, серьезно, товарищ Свищерская! — переходя от шуток к делу, Президент разлил шампанское по чашкам. — Мы были у вас в исполкоме.

— Ну? — лицо Аглаи стало жестким.

— И председатель нас не принял, — сказал Президент.

— Это что, насчет вашей свалки, что ли? — поинтересовалась Аглая.

— Ах, свалка! Ишь ты какая! — обиделась Фима. — Это не свалка! Это город-герой «Закат коммунизма».

— Вот уж не смешно! — поморщилась Аглая. — А даже надоело! Совет ветеранов поддержал решение райисполкома о сносе вашей помойки. А это место отдают в аренду американцам. Они там построят совместное предприятие и отель.

— Ну, понятно, — ехидно улыбаясь, сказал Президент, — как разрушать — значит коммунисты, а строить — американцы. А ты подумала о тех людях, для которых это место, может быть, последнее пристанище в их страшной жизни?

— Каких людях? — Аглая перестала улыбаться. — Ну, каких людях? Сборище нищих и пьяниц! Им вообще не место в нашем обществе.

— Я думал, что люди к старости добреют! А ты, ядрёна мать! — в сердцах сказал Митя и потянулся к чашке. — Надо выпить!

— О-о-о! Пошло! — вздохнула Фима. — Поехало! — И она пришла на помощь к Президенту. — Слушай, Аглаша, ты женщина со связями. Тебя начальство послушает. Устрой ты нам прием у вашего председателя исполкома.

— Я этого не сделаю! — перебила ее Аглая.

— Почему? — искренне удивилась Фима.

— По идейным соображениям.

— Я все думаю... — взорвался Митя, — ну, как я мог жениться на этом чудовище!

— Замолчи! — приказала ему Фима.

— Отстань... — обиделась Аглая. — Мы с тобой в разводе уже много лет! И нечего вообще об этом вспоминать и говорить!

Но Президенту уже тяжело было остановиться.

— Когда меня посадили, ты со мной развелась тоже по идейным соображениям! — кричал он. — Я понимаю, если бы ты это сделала для того, чтобы хоть жизнь себе сохранить!

— Что несешь? — возмутилась Аглая. — Жизнь сохранить! Я, можно сказать, когда ты отсиживался в лагерях, родину грудью защищала!

— Чем ты защищала? — неожиданно поинтересовалась Фима.

— У-у, пошлячка! — презрительно бросила ей Аглая.

— Отсиживался?! — с горечью повторил слова Аглаи Митя.

— За Родину! — подняла чашку с шампанским Фима.

— За Сталина! — подхватил ее тост Президент.

Поняв, что над ней смеются, Аглая закурила и отсела от гостей.

— Не буду я с вами пить! — сделал несколько глубоких затяжек, она надолго закашлялась.

Фима и Митя переглянулись, и Президент подсел к Аглае.

— Ты хоть лечишься? — спросил он ее.

Аглая только махнула рукой.

— Лечусь, лечусь! Раз в году лежу в больнице.

— Ну да, вам ведь, революционерам, привилегии положены! — грустно сказал Президент.

Аглая покраснела и вытерла потные ладони. Она обвела гневным взглядом присутствующих и вдруг заплакала.

— Небось ешь не каждый день? — Митя обнял Аглаю и погладил ее по голове. — Пенсия маленькая?

— Маленькая... — по-детски всхлипнула Аглая. — Не хватает...

— Ну, кто ж выступает натошак за идею всеобщего равенства! — вздохнул Митя, нежно глядя на нее...

Фима спала на диванчике, Аглая — на узкой солдатской кровати, а Митя — в кресле.

Ночью Аглая зашлась кашлем. Митя поспешно вскочил с кресла, принес ей воды.

Аглая запила таблетки:

— Спасибо.

— Глашенька! — зашептал Президент. — Только ты никому не говори! У меня был контакт с инопланетянами. Мы все улетаем на другую планету. Я сохранил для тебя одно место.

Аглая недоверчиво посмотрела на Президента и вздохнула.

— Никак не могу понять, — пробормотала она, засыпая, — то ли ты шут, то ли бог...

Митя старательно подоткнул дряхлое одеяло. Подошел к окну, приоткрыл форточку, закурил, глядя на спящую Аглаю.

Уличный фонарь заполнял комнату мягким неярким светом, и с освещенной стены, с портрета смотрела на Митю молодая и счастливая Аглая Свидерская...

* * *

Однажды утром в поселке «Закат коммунизма» появилась веселая троица: Кирилл, Вася и Люська.

— Кирюха, братан! — Васька нежно треснул брата по плечу.

— Харю отъел! — Кирилл с любовью посмотрел на Васю.

— Я впрок всю жизнь жрал! — поделился опытом Вася.

— Отлично! В натуре!

И тут братья наткнулись на Степана.

— Президент, — позвал Степан Митю, — тут люди какую-то старушку спрашивают. Похоже, что Катю.

Но Катя почему-то детей не признала. Или не захотела признать. И спряталась в нежилой автобус, где обычно сушилось белье...

— Братан! — крикнул Кирилл Васе.

— Ой, смотри-ка, точно, это же маманя моя, — обрадовался Вася. — Люсь, Кирилл! Идите сюда! Маманя наша блудная обнаружилась!

— Неужто живая? — удивился Кирилл. — Вот блин!

— Мамадя, ну где вас черти-то носили? — вихрем подлетела к Кате Люська. — Господи, мы уже все поистератились на поиски! Вон, все ноги обтрепали, по милициям-то ходимши!

— Ага... — нерешительно подтвердил Вася.

— Привет! — сказал Кирилл, подходя поближе к матери.

Катя как-то сжалась и отодвинулась от детей подалее.

— Мамадя, я вам вашу пальтушку принесла! — Люська была одета сразу в два пальто, верхнее из которых принадлежало Кате. — Вы только не подумайте, что я хотела ее зашкерить! — И она с сожалением начала стаскивать Катино пальто.

— Не, не, не... В целости-сохранности! — сказал Вася и, удержав сожительницу от легкомысленного поступка, натынул пальто на Люську.

— Ну, у вас тоже теперь своя хорошая! — заметила Люська с облегчением.

Катя молчала.

— Ты что, мать, обиделась, что ли? — жизнерадостно спросил Кирилл. — Да ты прости, в натуре! Я за тобой приехал.

Катя села в глубине автобуса и отвернулась от детей.

— Чудная, ёбтить! — удивилась Люська. — Поплохла старушка-то!

Но Вася обиделся всерьез:

— Мамадя, мамадя, ядрена вошь! Ты что ж, меня не узнаешь, что ли? Я же Вася, сынок твой! Вот Люська, — он пододвинул ее поближе к матери, — сожительница моя. Ты же ее знаешь. А вот Кирюха, старшой твой.

— Наследный принц! — улыбнулся Кирилл, сняв кепку. — Мамадя!

Катя горестно молчала, и у нее в глазах появились слезы.

— Ну, чего, кудрявая? Волосики распустим, похихикаем? — сказала Люська, довольная своей шуткой, но, встретив в ответ молчание, посмотрела на Катю с подозрением. — Слушай, чего-то не в себе бабка. Ну ты чего, к кладбищу, что ль, готовишься, а? Ай!

— Мамадя, ты чего, прикидываешься? — заботливо спросил Вася. — Или в самом деле придуревши?

Катя встала и вышла из автобуса.

Сыновья остолбенели от неожиданности.

— Во! Ну вот! — сказала Люська. — Неуважение...

— Ты куда, — рванулся было за Катей Кирилл, — мать? Ты что, не признала нас, что ли? Да ты прости, если что не так!

— Обижаешь, маманька! Ты что, собственных деток не узнаешь? — Вася угрожающе двинулся к матери. — Очумела совсем! Стой, кому говорят!

— Да отстань ты от нее! — сказала благоразумная Люська.

— Да как отстань? — возмутился Вася.

— Хрен с ней! — удержала сожителя Люська.

— Где у нее голос крови? — обиделся Вася.

— Мы с ней по-людски, а она рожу воротит! — согласилась с ним Люська. — Посмотри, какое пальто не взяла!

Последняя фраза предназначалась для Степы и Президента, наблюдающих за происходящим с улицы через окна автобуса.

— А ну, мотай отсюда скачками! — приказал Президент.

— А чего ты выступаешь-то? — удивилась Люська.

— Ты кто такой, тут командовать-то? — поинтересовался Кирилл.

— Вали! Свидание окончено! — категорично сказал Президент.

До Люськи вдруг дошло:

— Тихо! Все! Это главарь их банды! Давай отсюда ноги делать!.. Хрен с ней, с мамашей! — Она показала Ваське на Степана. — Ты посмотри, какая рожа! Ты посмотри, какая рожа в окне висит! Этот же убьет, и ему ничего не будет, козлу! Канаем...

— Общий привет! — раскланялся Кирилл.

— Все, все, все! — заверил Президента Вася. — Папаша, все нормально! Все! Уходим! Все, все! О' кейзи!

— Ну, счастливо оставаться! — попрощалась Люська. — Будьте здоровенькие и счастливенькие! Куда лезешь? — отпихнула она Васю. — Ты, черт!

— Чего же ты раньше мне не сказала? — разозлился Вася: — Иди отсюда! Я те сейчас рожу-то начищу! Посудомойка!

И он в сердцах отпихнул Люську.

— Вася, блин, сироты мы теперь! — заплакал Кирилл.

— Ни хрена, Кирюха! — успокоил брата Вася. — Мы ее через суд уматерим!

Катя сидела на ступеньках автобуса, и слезы текли по ее лицу...

Издали донесся голос Люськи:

— Тоже мне — мать! Целку из себя строит...

— Не смей так говорить о нашей матери! — заорал Вася.

* * *

Машина Банзая остановилась возле вагончика Фимы.

— Петька! Петька! — где-то кричала Лидка, разыскивая своего любимого. — Ну, где ты, черт бы тебя побрал?!

Банзай вышел из машины в парадной форме полковника.

Катя и Фима, целый день поджидавшие Банзая, с криками выскочили на крыльцо.

— Три-четыре! — скомандовала Фима.

— Поздравляем с днем рождения! — хором крикнули они.

Катя и Фима стояли на крыльце, втиснув головы в раму, картину из которой они вытащили, и изображали из себя групповой портрет подруг Советской Армии.

— Какой красавец! — восхитилась Катя полковником. — Ах!

— Аполлон... Бельведерский! — согласилась с подругой Фима.

Банзай смутился.

— Фимочка, я обожаю твой гротеск! — Он скромно открыл багажник. В багажнике было столько шампанского, водки и всевозможных продуктов, что женщины просто растерялись.

— Ой, господи! — ахнула Катя, окончательно поняв неотразимость полковника. — Можно я тебя поцелую?

— Не трожь мужика! — Фима подзатыльником вовремя пресекла попытку подруги обольстить любимого человека. Отогнав Катю от Банзая, она заглянула в багажник машины. — Шампанское!

— Девочки, вы не поверите! — сказал Банзай, разгружая багажник. — Муданьцзян было легче взять, чем достать все это!

— Ах, какие продукты! — ахнула от восторга Катя. — С ума сойти!

— Держи! — Фима протянула Кате бутылки.

— Давай! — взял их Банзай.

— Ой, обожаю! — сказала Фима, разглядывая шампанское.

— Ну, надо же, какая красота! — Катя потащила продукты в вагончик.

— Сейчас мы такой гротеск устроим! — пообещала Фима, поднимаясь по ступенькам, и щелкнула пальцами по шее.

— Я сейчас начинаю стряпать, — повеселела Катя. — А я это умею и люблю! А вы сходите за водичкой! Вон там ведро!

— За мной! — приказала Фима, подхватив помятое ведерко.

— Так! «Эх, полным-полна моя коробочка! Есть и ситец, и парча! Пожалей, душа моя, за...» — запела Катя, разложив продукты на столе...

Банзай у колонки набрал воду в ведро.

— Иди сюда! — позвала его Фима. — Я хочу тебе показать кое-что. Это тебе подарок!

Она подвела Банзая к облезлому кузову грузовика и с загадочным видом открыла ключом дверь. Полковник некоторое время ошарашенно смотрел на кузов без колес, прежде чем вежливо поблагодарил:

— Спасибо, Фимочка! Но у меня уже есть машина.

— Нет, это не ездит! — успокоила его Фима. — Это дом!

— А... — понимающе протянул Банзай, но от подарка скромно отказался. — Спасибо тебе большое, но у меня и квартира есть.

— Но это не в смысле жилья! — удивилась непонятливости Банзая Фима. — В смысле права на полет. Ты хочешь улететь с нами?

— Хочу, — не заставил себя упрашивать Банзай.

— Это тебе. — Фима протянула Банзаю ключ. — Поздравляю с днем рождения!

— Спасибо, спасибо... — поблагодарил Банзай.

— Будь счастлив!

— Спасибо. Слушай, Фимочка, а... — нерешительно спросил полковник, — это, наверное, дорого стоит?

— Да ну, ерунда! — с нарочитой небрежностью сказала Фима. — Тут у нас одна старушка померла. Я ее дом у наследников купила.

— А где ж ты деньги взяла? — удивился Банзай.

— Да! — махнула рукой Фима. — Мамино обручальное колечко продала.

— Я не достоин такой жертвы! — растроганно сказал полковник.

— Не приbedняйся!

Они подошли к своему автобусу. В это время дверь вагончика, у которого стояла машина, отворилась, и оттуда выбросили Соломона. Следом за ним полетели драный матрас, подушка, старый чемодан и целая куча другой рухляди. Соломон с трудом поймал летящую скрипку и прижал ее к груди. На пороге появился Степа. Он был пьян, разгневан и орал на всю округу:

— Убирайся отсюда, кому сказали! Ну, пошел отсюда, Соломон Моисеевич! Чтобы ноги твоей здесь больше не было! Чтобы я, коренной русский, жил с каким-то там евреем! В одной квартире! Не бывать этому! — Степан с трудом держался за косяк. — Паразиты! О, мне открыли глаза на вашу гадостную нацию! Вы испортили нашу культуру! Короче, Соломон, убирайся к себе на свою историческую родину! Долой жидов! Долой сионистов! Чистоту русской нации!

Этот лозунг был последний из всех сказанных. Наблюдавший за этой сценой Банзай выплеснул на Степу ведро воды.

Степан, придя в себя от изумления, неожиданно догадался:

— А, Соломон! Ты вызвал подкрепление из Израиля! — И, увидев, что полковник к нему двинулся, поспешно скрылся в вагоне. — Все, все! Тихо!

— Да что ж это такое? — прибежавшая на помощь Катя собирала на земле вещи Соломона. — Господи, за что он тебя так?

— Впечатлительный очень! — пояснил Соломон. — Побирается в том парке, где на митинг собираются черносотенцы. Наслушается их речей, напьется и бузит.

— Пошли к нам! — предложила Фима, подбирая вещи Соломона.

— Пойдем к нам, Соломончик! Пойдем! — поддержала подругу Катя.

— Вот так всю жизнь! — тяжело вздохнул Соломон, прижимая к груди скрипку. — Всю жизнь кричат: «Бей жидов, спасай Россию!» Всех перебили, а Россию так и не спасли!...

* * *

Катя суежилась на кухне Фиминого автобуса:

— Я вам сейчас сделаю салат «Пикадилли». Потом

бульончик вкусенький. Потом котлетки «де воляй», картошечку «дофин» и лучок «фри».

Президент сидел с папироской возле буржуйки, с удивлением наблюдая за ловкими движениями Кати:

— Где это ты все готовить научилась?

— Да поварихой была. У первого секретаря обкома. На даче... — с гордостью сказала Катя. — Специальные курсы кончала. Вот так, Банзайка... Банзайка, очисти, пожалуйста, лучок.

— Да нет, — отказался Банзай, — я лук чистить не люблю! Я лучше помидоры порежу.

Соломон молча забрал лук.

— Да? Соломончик, почистишь? — И Катя похвалила Соломона: — Ну и молодец!

— Дай ножик! — попросил Банзай.

— На! Я, Митя, счастливую жизнь прожила! На свежем воздухе, на даче, сытая. — Катя раскраснелась от приятных воспоминаний. Она села чистить картошку «в мундире» и приказала Президенту, вызвавшемуся ей помогать: — Вот сюда, сюда чисти. Сюда шкурки. Сам Кирилл Григорьевич хороший человек был. Он не любил с женой на дачу приезжать — чаще один. Ну а мне жалко его. Позовет, я и приду. И старшенький мой, Кирюшка, от него. Хороший был человек! Помогал мне. Квартирку сделал, и материально. Ой, что же ты давишь-то? — возмутилась Катя, увидев, как Банзай режет помидоры. — Ты не дави! Аккуратнее режь!

— Да я режу нормально.

— Ой, господи! А как я плакала-то, когда он уехал! — продолжала свой рассказ Катя. — На повышение пошел.

— В Москву? — спросил Банзай.

— В Москву.

Рассказывая, Катя припомнила сцену, которая случилась около тридцати лет назад.

...Яркая зелень заглядывала в окно дачи из сада.

Молодая заревавшая Катя укладывала вещи секретаря обкома в большие чемоданы. Кирилл Григорьевич, как две капли воды похожий на старшего сына Кати — Кирюшу, сидел в кресле и с удовольствием наблюдал за Катей.

Катя сняла с серванта большую вазу с портретом Хрущева.

— Нет, нет, нет, нет! — замахал руками Кирилл Григорьевич. — Не надо! Это казенное.

— А посуду? — спросила Катя.

— Ни в коем случае! Беру только личные вещи. —

Кирилл Григорьевич был в превосходном настроении. — Горничная упакует чемоданы.

— Я сама, — упрямо сказала Катя.

— Не надо! Оставь! — Кирилл Григорьевич подошел к Кате и нежно обнял ее. — Мне очень жалко расставаться! Я всегда был доволен тобой, ты все так хорошо делала...

Катя уткнулась в плечо хозяина и разрыдалась:

— Кирилл Григорьевич, миленький, возьмите меня с... с вами на ваше повышенное место.

— Успокойся! Ну, успокойся! — Секретарь обкома ласково похлопал повариху по спине. — Я не могу тебя взять с собой. Ты должна меня понять... Там обслуга уже готовая. Квалификацией повыше и проверенная получше. А ты?.. Я порекомендую тебя своему преемнику. Вот такой мужик! — И он показал большой палец. — Вот такой мужик! Ну, не реви, не реви, не реви! — Но Катя заплакала еще сильнее. Тогда Кирилл Григорьевич достал из кармана даньги и вложил их в Катину ладонь. — Это тебе, тебе. Держи лапкой: твоему сынку, на сберкнижку. Давай выпьем за его здоровье! — И он взял с подноса рюмку с коньяком.

— Все равно я... — горько всхлинула Катя, — вас никогда не забуду, Кирилл Григорьевич!

— Не реви! Не реви! Такова наша жизнь номенклатурная! — Кирилл Григорьевич подошел к терассе и распахнул дверь...

...Катя чистила картошку и рассказывала:

— Ну а потом уж Василий Ильич приехал! Он с поваром приехал со своим, но меня он не прогнал. Даже, можно сказать, повысил. Горничной сделал. Я чистенькая ходила, симпатичная такая. Я вообще симпатичная была.

— А ты и сейчас замечательная! — улыбнулся Президент.

— Да ты что! — засмеялась Катя.

— Красивая, — подтвердил Соломон.

В это время Фима принесла посуду.

— Да ты что, нет! — засмушалась Катя и продолжила рассказ. — Ну, вот! А он тоже не любил с женой приезжать на дачу. Чаще один. Ну, позовет меня — мне жалко его, я к нему и приду. И Васька, мой младший, от него. Но... у меня к нему обиды никакой. Помогал мне очень так. И детей устроил: в интернат — Кирюшку, Ваську — в ясли.

И Катя вспомнила прощение с Василием Ильичом, которое происходило лет двадцать назад...

...В комнате той же самой обкомовской дачи сидел расстроенный Василий Ильич, двойник Катиного сына Васи. Катя собирала чемоданы.

— С ума сошла! Это же казенный сервиз, — возмутился Василий Ильич, увидев, что Катя пытается упаковать в его вещи вазу с портретом Брежнева. — Было ж сказано — только личные вещи!

— Все, все, все, все! — заплаканная Катя поставила вазу на место.

— На пенсию выпроводили-таки! А? — возмущался Василий Ильич. — Я же молодой еще!

— Молодой, молодой!.. — согласилась с ним Катя. — Господи, Василий Ильич, за что тебя гонят-то? Ты такой хороший! Что ты сделал-то?

— Да я вообще ничего не делал! — в сердцах воскликнул Василий Ильич. — Сгорел-то по-глупому: задремал на пленуме ЦК.

— Ай, да ты что?

— А-а! — махнул рукой Василий Ильич. — И захрепел во время речи хозяина.

— Да ты что! Да как же ты мог, Василий Ильич, миленький? — укоризненно спросила Катя.

— Эх! — с досадой сказал Василий Ильич. — По твоей милости! Из-за тебя ночь не спал...

— Ну, вот, господи! Кстати, не попрощались ведь по-человечески. — Катя начала отстегивать чулок.

— Ой, ты нашла момент, мать! — поморщился Василий Ильич.

— Все, все, все, все! — Катя опустила подол юбки.

— Сосед, маршал, сука такая, не разбудил! — расстроенно рассказывал Василий Ильич. — Хозяин прервал доклад, показывает на меня. Говорит: «Вот товарищу Прохорову не интересны планы партии!» А мне — интересно!

— Господи, я знаю! — поддакнула ему Катя. — Василий Ильич, миленький, что со мной-то будет? — всхлинула она.

— Да я порекомендовал бы тебя сменщику своему! Только он меня и слушать не станет. Кто ж я теперь для него? — Он полез в карман за деньгами. — Ты вот что! Ты Васе, сынку, купи что-нибудь! Ты извини, что мало даю. Какой с пенсионера спрос!..

...Катя тяжело вздохнула от воспоминаний:

— Ну, вот! А уж Василий Алексеевич, то есть, все забываю, Иван Алексеевич, точно, приехал. А он-то с поваром со своим и с горничной. Горничная молодая, красивая. А я-то уж постарше была. Ну и меня в сад перевели. Давай помогу! — Катя взяла помидоры у Банзая.

— Ну а замужем ты не была? — спросил Президент.

— А зачем? — сказала Катя. — Люди-то все хорошие мне попадались! У Ивана Алексеевича-то, что после Василия Ильича-то, у него шофер был. Антоном звали. Хороший человек! И охранник Сережа... Ну а потом уже дворник Тимофей. У него жена часто болела. Я жалела его...

Президент встал.

— Так! Значит, ты их обслуживала, обстирывала, детей от них рожала! Хорошие были люди! — с горечью произнес он.

— Хорошие! — согласилась с ним Катя.

— Поэтому и жизнь у нас такая хорошая! — пришел к выводу Президент.

Наступила пауза. Все молча осмысливали вывод Мити.

Фима налила себе в стакан водки и вдруг заметила слезы на глазах Соломона.

— Ты, ты чего плачешь? — спросила она.

— Это от лука. — Соломон поспешно вытер глаза.

— Прими граммулечку! — Фима протянула ему стакан с водкой.

— Можно, я товарища позову? — попросил Соломон.

— Ну, позови товарища! — разрешила Фима.

Соломон покинул вагончик.

— Я... — заикаясь сказала Катя. — Так я же не знала, Митя, как... Как тут вы живете-то все... Тогда... Я ведь тогда не знала, я ведь... Я же не знала, как, ну, плохо все живут! Я же не знала... Я же... Дура была! — И она разрыдалась.

— Кать! — обнял ее за плечи Банзай. — Ну, не плачь ты! Кать, ну...

— Дура просто! — задыхалась от рыданий Катя. — Ну, я ведь ничего не знала! А эти сволочи! Как они жрали!

— Хорошие люди всегда хорошо жрут! — успокоил ее Банзай.

— На, выпей! — Фима плеснула ей водки в стакан. — За мир!

— Пароходами... Самолетами... — плакала Катя. — Икру ведрами жрали, сволочи!

— Ну, мать, ну, не надо... — погладил ее Митя по голове. — Катя, Кать...

— Мы нормально живем! — с оптимизмом сказал Банзай. — Кать, ну-ка, давай выпей!

— Выпей за мир! — Фима дала ей стакан с водкой.

— Ну, я же не знала... — продолжала твердить Катя.

— Выпей, Кать! — поддержал Фиму Президент. — Мы хорошо живем!

— Хорошо живем! — как эхо, повторила за ним Фима.

— Ты посмотри на мою морду! — сказал Кате Банзай. — То есть на мое лицо.

— Ты посмотри на него... — улыбнулся Президент.

— У меня пенсия хорошая! — с достоинством произнес Банзай. — Маленькая, но хорошая!

Когда появился Соломон, все уже сидели за столом. Соломон тащил упирившегося Степу.

— Пошли... Идем, идем! Надо... Пойдем! — увидев стол, Соломон искренне удивился аппетиту друзей. — Ой, все съели!

— Садись, воин-интернационалист! — Фима сунула в руки Степана тарелку.

Степа, опухший от пьянства, скромно присел к столу.

— А ты другу своему ничего сказать не хочешь? — Банзай показал глазами на Соломона.

— Степа, сколько раз я тебе говорил, что у нищих национальность общая! — сказал Президент.

— У богатых национальность общая, — возразила ему Фима.

— Не расстраивайтесь! — Катя ласково улыбнулась Степану. — Вы такой интересный мужчина! Выпейте.

— Ты ему закусить дай! Он уже выпил, — съехидничала Фима.

— Кушайте, — сказала Катя.

— Спасибо, — поблагодарил Степан и жадно начал есть.

Со стаканом в руке встал Президент:

— Банзай, дорогой, я... То есть, мы думали, что ты... А ты, — во! — Он поднял кулак с отогнутым вверх большим пальцем.

— Вот сюда... Митя, налей сюда! — Фима тянула к Президенту кружку.

— В общем, я хочу пожелать тебе, — продолжил свою речь Президент, — чтобы ты всегда отмечал свой день рождения среди хороших людей!

Все чокнулись с Банзаем.

— Спасибо большое! — поблагодарил всех Банзай. — Спасибо.

— Ну, ты водочки? — спросила у него Фима.

— Я водочку, — согласился с Фимой Банзай. — Я лучше водочку.

— Генерал должен водочку! — Фима налила Банзаю водки.

— Спасибо, — сказал ей Банзай.

— Будем здоровы! — чокнулся со всеми Соломон.

— Извини, командир! — пробормотал Степан.

— Да ничего! — великодушно простил его полковник.

— Будь здоров! — сказал Банзаю Президент.

— Здравья тебе! — пожелала Фима.

— Ты — хороший человек! — Митя выпил за здоровье Банзая. — Хороший человек... Ура!

— Ура! — закричала Фима. — Ура!

Все выпили.

— Спасибо! — поблагодарил Банзай друзей. — Будьте все здоровы!

— Снег! — вдруг прошептал Соломон. — Смотрите, снег! Он голубого цвета!

Все прилипли к окнам.

Медленно, словно неохотно, на землю летели голубые снежинки...

* * *

Президент в своей резиденции собрался в путь. Он присел «на дорожку». Встал и взял свое единственное имущество — стопку книг да глобус...

— Бедный Йорик... — процитировал он «Гамлета», глядя на модель земного шара, и вышел из вагончика.

Люди нерешительно выглядывали из своих жилищ, с удивлением смотрели на голубой снег и торопились собирать вещи.

Выскочили на улицу полураздетые Анька и Петька, прервав свои любовные утехы.

Неся свои рукописи, прошел мимо писатель Соболев.

Открылась крышка люка, вылез Лысый и вытянул на крючке рюкзак с вещами.

Жители поселка, заспанные, полуодетые, высказывали из своих халуп и вытаскивали вещи. Все спешили к площади. Фима, Катя и Банзай несли Фимины картины... Безумный Машинист захватил с собой самую ценную реликвию — портрет Ленина.

— Ну, что, все собрались? — наконец спросил Президент у жителей поселка.

— Все! — дружно ответили они.

— Ну, Соломон, играй! — приказал Президент.

Соломон начал играть. Нежная музыка полилась над поселком. Люди с надеждой уставились в темное небо. На площади среди костров бегали бездомные собаки.

Снег стал реже, пока не исчез совсем. На горизонте сначала едва заметно, а потом все более явственно загорелись сполохи света и зависли над поселком.

Народ ахнул.

— Свят, свят, свят! — перекрестилась Лидка-Тараканиха.

— Всем приготовиться к посадке! — торжественно приказал Президент.

Сияние сформировалось в большую светящуюся массу, похожую на тарелку.

И вдруг в этот момент раздался голос, усиленный мегафоном:

— Граждане бездомные! Просьба покинуть территорию свалки!

Светящаяся тарелка резко погасла, и ночная тьма опустилась на поселок. Оборвалась музыка. В наступившей тишине послышался удалявшийся звук летательного аппарата.

— Улетает... Улетел... — с ужасом прошептали жители.

Вспыхнули прожектора. Люди оторопело смотрели на спецназовцев, которые сомкнутой шеренгой выстроились у границ поселка.

Шляхтов — офицер милиции — снова крикнул в мегафон:

— Организованно, без паники грузитесь в милицейские машины! Вы поступаете в распоряжение милиции и горсобеса! Товарищи нищие! Немедленно покиньте территорию свалки! Свалка будет подвергнута планировке. Через пятнадцать минут бульдозеры приступят к работе!

От леса, рыча, двинулась колонна танков. Они подошли к границам городка и остановились. За ними шла вторая цепь спецназовцев с прозрачными пластиковыми щитами.

— Какие же это бульдозеры? — крикнул Степа. — Это танки!

Миров вырвал мегафон у начальника милиции:

— Это раньше они были танками! А теперь это бульдозеры! Как вам известно, армия разоружается, и танки переданы для нужд города!

— Это Т-55, — со знанием дела сказал Банзай.

К руководителям операции сквозь шеренгу омоновцев пробилась Аглая:

— Товарищи, что здесь происходит? Я из совета ветеранов. Вы же обещали, что все будет по-хорошему! Почему же здесь войска? Почему танки?

— Женщина, — очень вежливо сказал Шляхтов. — Товарищ ветеран, покиньте территорию свалки!

— Нет, но вы же обещали, что все будет по-хорошему! — настаивала на своем Аглая.

— Гринько, проводи! — приказал Шляхтов. — Мы начинаем операцию...

Один из милиционеров подхватил упирающуюся Аглаю и вытолкнул ее за цепь ограждения.

— А чей это «Москвич»? — заметил Миров машину Банзая.

— А чей это «Москвич»? — как эхо повторил за начальством Шляхтов.

— Мой! — вышел вперед Банзай.

— Товарищ полковник, уезжайте отсюда немедленно! — приказал начальник милиции Банзаю. — Уезжайте!

— Сеня, уезжай! — посоветовала ему Фима.

— Я хочу сказать речь! — сообщил милиционерам Банзай, подходя к машине. — Помогите мне кто-нибудь на машину залезть! А то у меня рука левая...

Милиционеры переглянулись и посмотрели на Шляхтова. Тот величественно разрешил:

— Помогите полковнику!

Тогда они помогли вскарабкаться Банзаю на багажник, укрепленный на крыше.

— Товарищи солдаты, — взволнованно сказал Банзай, показывая на обитателей паровозной свалки, — посмотрите на них! Это же ваши братья и сестры! Они беззащитны! А поднимать оружие на беззащитных — это грех! Это нельзя! Нехорошо. Солдаты, опомнитесь! Не роняйте воинской чести!

— Народ и армия — едины! — крикнул безумный Машинист, стоявший с портретом Ленина в руках, как с иконой.

— Да заткнись же ты! — разозлился Президент. — Ядрена мать!

— Убью, псих! — пригрозил Машинисту Петька.

— Уберите этого крикуна! — распорядился Шляхтов, имея в виду полковника. На «Москвича» двинулся танк. Люди закричали от ужаса.

— Стой, куда прешь? — растерялся Банзай. — Отставить! Ты что делаешь? Это же моя машина! Ты... — В последнюю секунду Банзай успел спрыгнуть с машины. Танк, скрежеща, раздавил автомобиль. И, не останавливаясь, продолжал наступать на пятящегося полковника.

— Ну, давай! Давай, давай! Смелее! Дави! Дави своих, сволочь! — Банзай отступал с достоинством.

Фима, видя, что танк вот-вот сомнет полковника, подскочила к Банзаю и буквально выдернула его из-под гусениц.

В этот момент кончилось время для добровольной сдачи. Взрехали моторы танков. Войска ОМОН, прикрываясь щитами, двинулись шеренгой на толпу, стуча дубинками о щиты. Начало твориться что-то невообразимое.

Люди метались среди вагонов, пытаясь спастись, зарывались в мусор...

Омоновец протащил тетку Нюру.

Из-за вагончика вылез Президент и стукнул милиционера костылем:

— Как вы смеете? Это же все-таки женщина!

Освобожденная женщина добавила омоновцу:

— Вот тебе! Вот!

Один из милиционеров перевернул бочку и вытащил из нее упирающегося жителя поселка:

— Вот ты где, демократ!

Милиционеры мимо проволокли сына Лидки-Тараканихи. Лидка-Тараканиха колотила свалившимся с ноги ботинком сына по спинам милиционеров.

— Отпустите мальчика! — кричала она.

— Мамаша! Я вас прошу! — Милиционер пытался увернуться от ботинка. — Мамаша!

Милиционеры протащили упирающуюся Аньку.

— Прочь руки! Руки прочь! — отбивалась недоτροга Анька. — Прошу ко мне не прикасаться!

Следом за ней несли Петьку.

— Не трогайте даму! — вступился за Аньку Петька.

— Вашу мать! — крикнула Анька, и ее затолкали в спецавтобус. — Петя! Родной!

— Друзья! Братья! — взмолился Петька. — Не бейте меня! У меня же цирроз печени!

Омоновцы швырнули Петьку в машину.

— Будьте вы прокляты! — заблуждала где-то Бомжиха.

К площадке подъезжали милицейские машины, в них грузили нищих, и машины отъезжали...

На крыше одного из вагончиков завязалась драка...

Митя каким-то чудом залез на паровоз и отталкивал пытавшихся его стащить милиционеров и дружинников здоровой ногой и костылями:

— Сволочи! Перестройщики! Выполняете план по милосердию! Любовь по разнарядке! А скольких людей вы сгноили в тюрьмах?! Скольких людей лишили ума в психушках?! А теперь делаете вид, что стали хорошими?! Перестроились? Ни хрена!!

Двое милиционеров подхватили Соломона. Он прижимал к груди скрипку и молил:

— Что вы делаете, товарищи? Что вы делаете? Умоляю... Пожалейте скрипку! Умоляю... Что вы делаете? — Соломона втолкнули в машину и закрыли дверь. — Негодяи! Степа! Я здесь!

Как из-под земли вырос Степа, сорвал металлическую дверь с петель.

— Беги, Соломон! — И рывкнул на омоновца: — Убью!

Соломон выскочил из машины, и они оба, большой и маленький, исчезли в темноте...

— Митя! Митя! — среди рева и пыли металась Аглая. — Где ты? Не вижу!

— Я здесь, Аглая! — позвал ее Президент с паровоза.

— Митя! Митя! — Аглая полезла по ступеням, но на ее ногах повис милиционер.

— Дай руку! — Президент подхватил Аглаю и крикнул омоновцу: — Не трогай ее, подлец!

Аглая ловко пнула милиционера ногой.

— Держись, Президент! — к паровозу спешил Степан, расталкивая омоновцев.

— Митя, родной! — Аглая обняла Президента.

— Я знал... — прошептал Митя, целуя Аглаю. — Я знал, что ты придешь!

Спецназовцы с огромными трудностями заталкивали Лидку в автобус.

— Отпустите, паразиты! — орала Лидка, упираясь. — Ах ты! Гад ты эдакий! Вот тебе! Вот!

Милиционеру наконец удалось захватить дерущуюся Лидку-Тараканиху в машину. Он захлопнул дверь с решетчатым окном.

— Вам же добра желают! — с укоризной сказал милиционер.

Сквозь решетку на него смотрели старушечьи лица...

Из паровозной трубы вырвалась струя пара, и раздался режущий уши гудок. В паровозной топке пылал огонь...

Черная громада паровоза, вздрогнув всей своей массой, словно нерешительно тронулась. Сначала медленно, а потом все быстрее, набирая скорость...

Катя выбежала на рельсы:

— Стойте! Подождите!

Не успев добежать до ступенек, ведущих на паровоз, Катя пристроилась на бампере.

На рельсы выскочил писатель Соболев:

— Катя, руку! Останови паровоз!

— Скорее! Скорее беги! Руку давай! — крикнула Катя.

Но писатель не успел добежать до паровоза. Омоновцы поймали и скрутили его.

— Что вы делаете? Больно! — завопил писатель. Листы рукописи из папки, которую он бережно прижимал к груди, разлетелись по насыпи...

В это время танк раздавил хижину писателя...

— Вы унижаете человеческое достоинство! — кричал преследователям Президент. — Вы создали тоталитарное государство! Уничтожаете землю!...

— Ура, мы едем! — плакал от счастья Машинист. — Едем!

Поселок «Закат коммунизма» умирал под гусеницами танков и бульдозеров...

Паровоз все дальше удалялся от поселка...

Стоя у патрульной машины, Шляхтов приказал Саватееву:

— Возьми машину, обгони их и переведи стрелку! А то уйдут!

На паровозе Степан обнял Соломона:

— Едем, Соломон! Едем!

— Поехали! — согласился с ним счастливый Соломон.

На ходу на подножку поезда вскочил Баянист.

На рельсы выскочил огромный пес с обрывком веревки на шее. Следом за ним бежала стая дворняжек.

— Сюда! Ко мне, мои хорошие! — позвала их Катя.

— Быстрее, быстрее! Лаврушка, скорей! Скорее, скорее! Ко мне! Лаврушка, ко мне!

Паровоз набирал скорость. Обгоняя его, вдоль насыпи мчалась милицейская патрульная машина.

До главной магистрали оставалась сотня метров, и в это время Саватеев перевел стрелку.

Паровоз пошел по пути, на котором стояли цистерны с горючим. До них было всего несколько десятков метров...

— Что делаешь, сволочь?! — закричал милиционеру Машинист.

Цистерны с горючим стремительно приближались...

Люди на паровозе закричали от ужаса... Банзай и Фима закрыли глаза... Степан зажмурился, надвинул кепку на глаза и обнял Соломона...

До цистерн оставались считанные метры... И вот, когда казалось, что паровоз вот-вот столкнется с цистернами и будет взрыв, колеса вдруг оторвались от рельсов, и паровоз взмыл в небо...

— Ой-ой-ой-ой! — пробормотала Катя.

Паровоз пролетел над цистерной. Следом за ним взмыла в воздух стая собак, выстроившись журавлиным клином...

— Ну, что, суки, поймали?! — крикнул преследователям Степан и показал им кукиш. — Накося, выкуси!...

Миров и Шляхтов, стоя возле патрульной машины, с изумлением смотрели на летящий паровоз...

— Как же это вы их упустили, ядрена вошь? — спросил Миров.

— Черт-те что! — удивился Шляхтов. — Ерунда какая-то! Так же не бывает!

— Догнать немедленно! — приказал Миров.

— Да как же я их догоню, товарищ председатель исполкома? — взмолился Шляхтов. — У меня же нет авиации. А без ави...

— А меня это не касается! — перебил его Миров.

— Свяжись с противоздушной обороной и передай, — приказал Шляхтов сидящему в машине милиционеру, — в воздухе летит... э... — Шляхтов замялся, подыскивая нужное слово.

— Паровоз! — сказал Миров.

— Паровоз, — повторил за ним Шляхтов.

А над городом, над домами, в которых горели огни, а по улицам ехали машины, летел паровоз. За ним, выстроившись журавлиным клином, летела стая собак.

Во главе стаи летел и хрипло лаял Лаврентий Павлович. Дворняжки поддерживали вожака дружным гавканьем.

— «Наш паровоз вперед лети! В коммуне остановка, — запел счастливый Машинист, высунувшись из окна. — Иного нет у нас пути! В руках у нас винтовка!»

На земле, под паровозом, извиваясь змеей, ехала электричка.

— «Широка страна моя родная! — запела Катя. — Много в ней лесов, полей и рек! Я другой такой страны не знаю...» — И, подумав, добавила, — Не знаю другой страны. Нигде не была. Никогда.

Старики крепко держались за перила и пели. Соломон играл на скрипке, а Гриша — на баяне...

— Летим! — жмурясь от холодного ветра, сказала Фима. — В небеса обетованные...

Может, это только на миг показалось, что на паровозе впереди стояли, обнявшись, Федя и Президент. Прожектор нимбом горел над их головами...

— «...мчится скорый поезд «Воркута — Ленинград», — пели они. — Мы бежали с тобою от проклятой погони, чтобы нас не настигнул пистолета разряд!...»

В воинской части противоздушной обороны завывала сирена. Грозные орудия развернули свои дула к небу...

В небе с песнями летел паровоз, а за ним с лаем — стая собак. Они прошли над зенитками на бредущем полете...

С опозданием грохнула всеми орудиями зенитная батарея...

Паровоз, целый и невредимый, летел в небе...

Засмеялся Президент...

Паровоз покидал землю... А вместе с ним Президент и Аглая, Фима и Банзай, Соломон и Степан, Машинист, Гриша, Катя...

Улетал паровоз... Журавлиным клином улетала в ночное небо следом за ним стая собак...

СОДЕРЖАНИЕ

Вокзал для двоих

5

Забытая мелодия для флейты

73

Учитель пения

149

Служебный роман

195

Убийство в библиотеке

275

Небеса обетованные

329

Э. Брагинский, Э. Рязанов

ВОКЗАЛ ДЛЯ ДВОИХ

Ответственный редактор *А. В. Иванова*
Оформление художника *И. Г. Сальниковой*
Технический редактор *Т. А. Скляревская*
Корректор *Т. Ю. Барышникова*

Подписано в печать 7.12.93 г. Формат 84х108 1/32. Бумага типографская N 2. Гарнитура "Таймс". Печать высокая с Ф.П.Ф. Усл. печ. л. 21,84. Уч.-изд.л. 23,06. Тираж 100 000. Заказ N 2210. Цена договорная.

Издательский дом "Дрофа"
ТОО "Лирус".
105318, Москва, ул. Щербаковская, д. 3.

Отпечатано с диапозитивов, предоставленных издательским домом "Дрофа", в ГИПП "Вятка". 610044, Киров, ул. Московская, 122.